

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В МАРТЕ
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ
6 РАЗ
В ГОД

НАУКА
МОСКВА

В НОМЕРЕ:

«Мировая революция» или мирное сосуществование? 1917—1921 гг.

«Византизм» Константина Леонтьева

Д и с к у с с и и:

Советский федерализм

Кавказ и Россия

Опричнина и характер Русского государства

Н а ш и п у б л и к а ц и и:

Из секретных архивных фондов. Москва военная...

Новое о Казимире Малевиче и Сергее Бернштейне

Следственное дело провокатора Малиновского (окончание)

Документы ЦК «Союза 17 октября» (продолжение)

6

1991

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К. Ф. ШАЦИЛЛО (*и. о. главного редактора*),
Б. В. АНАНЬИЧ, В. И. БОВЫКИН, Г. А. ГЕРАСИМЕНКО, В. Я. ГРОСУЛ,
В. П. ДМИТРЕНКО, А. П. КОРЕЛИН, Н. Е. КОРОЛЕВ, Ю. С. КУКУШКИН,
В. С. ЛЕЛЬЧУК, Б. Г. ЛИТВАК, Л. В. МИЛОВ, Л. Н. НЕЖИНСКИЙ,
А. П. НЕНАРОКОВ, Е. И. ПИВОВАР (*зам. главного редактора*),
Ю. А. ПОЛЯКОВ, М. А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),
А. Н. САХАРОВ, С. В. ТЮТЮКИН, В. А. ФЕДОРОВ, Я. Н. ШАПОВ

Адрес редакции:

117036, Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19, тел. 123-90-61

Ответственный секретарь Ю. В. Мочалова, тел. 126-94-02

EDITORIAL BOARD

K. F. SHATSILLO (*Editor-in-chief ad interim*),
B. V. ANAN'ICH, V. I. BOVYKIN, G. A. GERASIMENKO, V. Ia. GROSUL,
V. P. DMITRENKO, A. P. KORELIN, N. E. KOROLEV, Iu. S. KUKUSHKIN,
V. S. LEL'CHOUK, B. G. LITVAK, L. V. MILOV, L. N. NEZHINSKII,
A. P. NENAROKOV, E. I. PIVOVAR (*Assistant editor-in-chief*),
Iu. A. POLYAKOV, M. A. RAKHMATULLIN (*Assistant editor-in-chief*),
A. N. SAHAROV, S. V. TIUTIUKIN, V. A. FEDOROV, Ia. N. SCHAPOV

Address

19, Dm. Ulianova, Moscow, U. S. S. R. Tel. 123-90-61

Managing Editor Iu. V. Mochalova, tel. 126-94-02

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР, ДРУГОЙ ОСТАЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ

© Издательство «Наука»

© Отделение истории АН СССР, 1991 г.

© Институт истории АН СССР, 1991 г.

© 1991 г.

Л. Н. НЕЖИНСКИЙ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1917—1921 ГОДАХ: КУРС НА «МИРОВУЮ РЕВОЛЮЦИЮ» ИЛИ НА МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ?

На что был направлен внешнеполитический курс возникшего в октябре 1917 г. Советского государства: на поддержку «мировой революции» или на «сожительство», сосуществование с капиталистическим окружением? Вопрос этот на протяжении многих лет — предмет различных, нередко полярных мнений в советской и зарубежной историографии. В последние годы в условиях активизации творческих дискуссий в нашем обществе и восстановления исторической правды спор об этом возобновился с новой силой¹. Попытаемся и мы найти решение данной проблемы, разумеется, не претендуя на истину в последней инстанции. С учетом ограниченных рамок статьи некоторые из аспектов рассматриваемой темы затрагиваются лишь в порядке постановки проблемы.

* * *

Вначале несколько слов о том, откуда пошла, как появилась сама идея «мировой революции», ставшая на многие годы одной из наиболее распространенных теоретических концепций социал-демократического, а затем большевистского и коммунистического движения? Как известно, родилась эта идея в результате предпринятого К. Марксом и Ф. Энгельсом анализа капиталистического общества, из сделанных ими теоретических заключений о всемирно-исторической миссии рабочего класса, об интернациональном характере пролетариата и о значении его солидарности как орудия собственного освобождения и избавления всех трудящихся от капиталистического гнета. В работе «Принципы коммунизма» (1847 г.), отвечая на вопрос, может ли произойти пролетарская революция в одной какой-нибудь стране, Ф. Энгельс утверждал: «Нет... Коммунистическая революция будет не только национальной, но и произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии... Она есть всемирная революция и будет поэтому иметь всемирную арену»². В последующие годы и десятилетия взгляды основателей марксизма по этим вопросам оставались неизменными. В июне 1890 г. Ф. Энгельс в письме к Г. Шлютеру писал: «Мы... достаточно быстро идем навстречу или мировой войне, или мировой революции, или и тому и другому вместе»³.

Наряду с этим К. Маркс и Ф. Энгельс представляли себе возможный ход мировой революции как сложный процесс, не исключая различных этапов и непредсказуемых поворотов, ситуаций, когда кто-то может начать раньше, а кто-то — позже. Полагая, что социалистическая реорганизация общества начнется в наиболее развитых странах Европы и Северной Америки, Ф. Энгельс

Нежинский Леонид Николаевич, доктор исторических наук, заведующий отделом Института истории СССР АН СССР.

предсказывал огромное воздействие этого фактора на остальные «получившие цивилизованные страны». Однако, как дальше пойдут дела в этих странах, «пока они дойдут тоже до социалистической организации», Ф. Энгельс не брался определять⁴.

Оформившееся в начале XX столетия в самостоятельное течение социал-демократии большевистское движение в России и его признанный лидер В. И. Ленин восприняли постулаты Маркса и Энгельса о мировой революции как аксиому, хотя и с поправкой на «перемещение центра мирового революционного движения» в Россию. Почему и каким образом возникла такая идейно-политическая преемственность — особая тема, ждущая своих внимательных и скрупулезных исследователей. Здесь же отметим, что уже в сентябре 1905 г. Ленин ставил вопрос о необходимости подготовки и организации вооруженного восстания в России, которое могло бы стать началом «полного демократического переворота, зажигающего пожар пролетарских революций во всем мире»⁵.

В дальнейшем Ленин сформулировал вывод о неравномерности экономического и политического развития капитализма на стадии империализма и высказал уверенность, что в результате действия этого фактора создавались благоприятные возможности для прорыва капиталистической системы в том или ином слабом ее звене. Исходя из этого, Ленин в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (август 1915 г.) выдвинул тезис о возможности победы социализма «первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»⁶. Развивая это положение в статье «Военная программа пролетарской революции» (сентябрь 1917 г.), он высказался еще определеннее: «... социализм не может победить одновременно во всех странах. Он победит первоначально в одной или в нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными»⁷. Вместе с тем Ленин продолжал верить в идею «мировой революции» и искать аргументацию для ее обоснования. «Нарастание всемирной революции неоспоримо», — писал он 8 октября 1917 г.⁸.

Готовя партию, рабочий класс к завоеванию власти, Ленин и другие руководители большевиков рассчитывали в 1917 г. на революцию в других странах как на важное условие победы революции в России. «Русский пролетариат, — писал Ленин в апреле 1917 г., — не может одними своими силами победоносно завершить социалистической революции. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для нее, который в известном смысле начнет ее. Он может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего *главного*, самого верного, самого надежного сотрудника, *европейского* и американского *социалистического* пролетариата»⁹.

Наряду с этим мы имеем свидетельства широкого подхода Ленина еще до победы Октября к временному измерению мировой революции и ее сущностной характеристике: он считал, что это будет ряд революций, сливающихся в единый революционный поток. «Социальная революция, — писал Ленин летом 1916 г., — не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»¹⁰.

Рассматривая грядущую революцию в России как первый этап «первой из пролетарских революций, неизбежно порождаемых войной»¹¹, горячо желая развертывания мировой революции, В. И. Ленин в то же время проявлял известную осторожность и сдержанность в отношении возможных конкретных форм, темпов и сроков ее свершения. Выступая 14 мая 1917 г. с лекцией «Война и революция», Ленин говорил: «Рабочая революция растет во всем мире. Конечно, в других странах она труднее. Там нет таких полоумных, как Николай с Распутиным. Там лучшие люди своего класса во главе управления. Там нет

условий для революции против самодержавия, там есть уже правительство капиталистического класса. Талантливейшие представители этого класса давно там правят»¹². Выражая надежду и уверенность, что примеру поднимающихся на пролетарскую революцию русских рабочих последуют «рабочие и трудящиеся по крайней мере двух великих стран: Германии и Франции», Ленин в то же время отмечал: «Последует неизбежно — может быть, не завтра (революции не делаются по заказу), но неизбежно»¹³. Еще рельефнее выражена эта мысль в статье «К пересмотру партийной программы» (октябрь 1917 г.). «Мы не знаем, как скоро после нашей победы придет революция на Западе,— писал Ленин,— Мы не знаем, не будет ли еще временных периодов реакции и победы контрреволюции после нашей победы,— невозможного в этом ничего нет... Мы всего этого не знаем и знать не можем. Никто этого знать не может»¹⁴.

* * *

Здесь возникают вопросы, которые долгие годы в советской историографии обходились стороной. Насколько оправданной и обоснованной была концепция ожидаемой большевистским руководством мировой революции, скажем, в 1917 г.? Почему идея мировой революции продолжала владеть умами — не только Ленина, но и многих его сторонников в большевистской партии и в международном рабочем движении в целом? Какова природа этого феномена, его причины и следствия? Исследователям еще предстоит ответить на эти вопросы. Мы же отметим следующее.

Первая мировая война действительно вызвала большие социальные брожения и потрясения не только в странах, принимавших непосредственное участие в боевых действиях, но и во многих странах, прямо войной не затронутых. И в этой связи можно говорить о первом глобальном кризисе мирового капитализма. И все же насколько оправданным было воспринимать эти социальные конфликты и брожения как признаки надвигающейся мировой революции? А ведь именно так они воспринимались и трактовались не только лидерами большевиков, но и другими лидерами национальных партий социал-демократии, во всяком случае теми, кто находился на ее левом фланге¹⁵.

Возможен и такой ход рассуждений. Уже перед первой мировой войной и в ходе ее В. И. Ленин сформулировал ряд признаков революционной ситуации, а также комплекс объективных и субъективных предпосылок революции, без наличия которых, по его мнению, не могла быть успешной ни одна революция¹⁶. Но ведь если проанализировать через призму этих признаков и предпосылок, скажем, конкретную общественно-политическую и экономическую ситуацию Англии, Франции, Италии, Испании, скандинавских стран, США и т. д. периода 1914—1917 гг. то напрашивается вывод, что при всей сложности этой ситуации, все же до революционного взрыва в мировом масштабе было далеко.

Все это дает основание полагать, на наш взгляд, что в отличие от выстрадавших, в буквальном смысле слова, подавляющим большинством населения России требований мира, земли и свободы, ставших главной причиной революций 1917 г., тезис о возможной и желаемой мировой пролетарской революции явился скорее продуктом доктринерских раздумий и желаний большевистской верхушки и ее зарубежных единомышленников, нежели следствием серьезного научно-политического анализа реальной действительности. В пользу такой гипотезы говорит и то обстоятельство, что автору данной статьи удалось обнаружить среди документов низовых партийных организаций РСДРП, датироваемых периодом от февраля до октября 1917 г., лишь считанные единицы, в которых поднимался вопрос о грядущей мировой революции, и то в весьма опосредованной форме.

С победой в России Октябрьской социалистической революции программные

лозунги партии большевиков стали претворяться в жизнь. 26 октября (8 ноября) 1917 г. II Всероссийский съезд Советов принял декреты и постановления: о полноте власти Советов, об учреждении нового правительства — Совета Народных Комиссаров, Декрет о мире, Декрет о земле и др. Написанный В. И. Лениным и принятый съездом Декрет о мире оповестил планету о рождении принципиально новой внешней политики только что родившегося Советского государства. Советское правительство осудило империалистическую войну как величайшее преступление против человечества и предложило всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом, демократическом мире — мире без аннексий и контрибуций^{17–18}. Было также объявлено об отказе советского правительства от тайной дипломатии и о намерении немедленно опубликовать тайные договоры, подтвержденные или заключенные Временным правительством России в период с февраля по 25 октября (7 ноября) 1917 г. Отвергая «все пункты о грабежах и насилиях», отметил В. И. Ленин в своем заключительном слове на II съезде Советов, советское правительство в то же время принимало «все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические...»¹⁹.

В Декрете о мире содержалось обращение к народам воюющих стран, «в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии», с призывом активно вмешаться в решение вопросов войны и мира, добиться освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий²⁰.

В документе было отражено стремление Советского государства привлечь к борьбе за дело мира поработанные империалистическими державами народы колониальных стран. В этой связи наряду с решительным осуждением аннексии указывалось, что аннексией является порабощение различных народностей, «независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет»²¹. В декрете декларировались такие важные положения, как полный отказ от всяких форм агрессии, принцип самоопределения наций, идея равенства больших и малых народов.

Обстоятельства появления и содержание Декрета о мире, историческая новизна его идей, методы и формы ведения внешнеполитических дел, предложенные в этом документе советским правительством, — все это весьма подробно описано и проанализировано в нашей литературе²². Но было бы неверно, на наш взгляд, полагать, что все аспекты этого документа уже осмыслены с исчерпывающей полнотой, особенно в свете внимательного анализа не только самого Декрета о мире, но и других документов, сопутствовавших его принятию, и в первую очередь выступлений В. И. Ленина с докладом о мире на II съезде Советов, на заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) 1917 г. и др. Не ясно, например, что кроется под заявлением советского правительства о том, что его понимание аннексии или захвата чужих земель строится «сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности»²³. Что это: одна из первых ласточек признания большевиками необходимости увязывать общечеловеческие и классовые интересы («правовое сознание демократии вообще») или же пропагандистская формула, призванная замаскировать сугубо классовый подход ко всем явлениям внутренней и международной жизни («трудящихся классов в особенности»)? Внимание исследователей не привлекла также пока проблема: о соотношении целей, провозглашенных в декрете, и методов, предложенных для их достижения. Иными словами, насколько действительно высоко гуманная и благородная цель — установление справедливого и прочного мира — могла быть достигнута методами, хотя и революционным, но все же

насилия и вмешательства во внутренние дела других стран? «Везде правительства и народы расходятся между собой,— говорил В. И. Ленин в докладе о мире,— а поэтому **мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира**»²⁴ (подчеркнуто мной — Л. Н.). Наконец, самый главный для нас вопрос: на что ориентировались пришедшие к власти большевики и их партнеры по коалиционному правительству, существовавшему в первое время после победы Октября,— на быстрейший выход из войны и установление мира или на поддержку и всемирную активизацию мировой революции? В самом Декрете о мире проблема мировой революции затронута лишь косвенно — в форме призыва к рабочим Англии, Франции и Германии «довести до конца дело... освобождения трудящихся... от всякого рабства и всякой эксплуатации»²⁵. Но, выступая в первый же день победы революции на заседании Петроградского Совета с докладом о задачах власти Советов, В. И. Ленин высказывался более определенно. «Одной из очередных задач наших,— говорил он,— является необходимость немедленно закончить войну. Но для того, чтобы кончить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем,— ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал. В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии... У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции»²⁶. Закончил выступление Ленин здравицей в честь «всемирной социалистической революции»²⁷. Как видим, одним из условий выхода из империалистической войны Ленин считал уничтожение капиталистического строя. И, видимо, не случайно в заключительном слове на II съезде Советов по докладу о мире, нарисовав обобщенный образ крестьянина, внимательно следящего за действиями советского правительства, Ленин помимо всего прочего вкладывает в его уста и такие слова: «Полное осуществление наших мыслей зависит только от свержения всего капиталистического строя»²⁸.

В этой связи возникает другой вопрос: на что реально надеялись, какие цели преследовали Ленин и его сторонники — агитационно-пропагандистские или конкретно-практические,— обращаясь с лозунгом всеобщего демократического мира не только ко всем народам, но и к правительствам воюющих стран? Ведь трудно поверить, что Ленин и его единомышленники не отдавали себе отчета в том, что ни одно из существовавших тогда в капиталистическом мире правительств не примет условий заключения мира, сформулированных большевиками. Да и бацилла «национал-патриотизма» была в то время далеко не изжита практически у всех народов стран, принимавших участие в войне. Исследующий эту проблему А. В. Панцов полагает, что «главное для большевиков в то время заключалось в том, чтобы на глазах у всего мира столкнуть две принципиально разные программы выхода из войны: коммунистическую и империалистическую. Это должно было усилить влияние Октябрьской революции на международное рабочее движение, еще больше революционизировать массы»²⁹.

Думается, что дело было не только в этом. Да, нельзя отрицать идейно-пропагандистских зарядов, заложенных в Декрете о мире и в материалах сопутствующих его выработке, рассчитанных на народные массы других стран и, разумеется, России, рожденных курсом большевиков на мировую революцию. И это подтверждается превентивным непризнанием Лениным возможности подписать империалистические условия мира. «...Мы рассмотрим всякие условия мира,— отмечал Ленин,— все предложения. Рассмотрим, это еще не значит, что примем»³⁰. Это подтверждается также тем, что Ленин, не веря в принятие Западом предложений Советской России, в то же время настойчиво проводил мысль о недопустимости ни в каком виде ультимативности и непримиримости в предложениях империалистическим правительствам, с тем, чтобы тем самым не дать возможности «нашим врагам скрыть всю правду от народов, спрятавшись за нашу непримиримость»³¹. По мысли Ленина, «...нам

главное надо раскрыть всю мерзость, все негодяйство буржуазии и ее коронованных и некоронованных палачей, поставленных во главе правительства»³².

Но нельзя не видеть и конкретных практических расчетов и надежду на улучшение положения Советской России, связываемых ее правительством с принятием и обнародованием Декрета о мире. Сегодня трудно сказать, к чему в действительности стремились Ленин и его единомышленники в первые дни и недели после революции — к длительному и устойчивому миру с капиталистическими странами или только к временному перемирию, с тем чтобы дать передышку уставшим от войны народам России, возможность сформировать новую революционную армию, и затем уже дальше разжигать пожар «мировой революции». Чтобы ответить на этот вопрос, нужны новые дополнительные исследования. Но то, что большевистское руководство с полной ясностью осознавало жизненно важную для России потребность в заключении перемирия, притом на возможно более длительный срок, и что одной из целей Декрета о мире было совершить прорыв в этом направлении,— это факт несомненный. Предложив всем правительствам и народам воюющих стран немедленно заключить перемирие, советское правительство со своей стороны подчеркнуло желание, чтобы это перемирие «было заключено не меньше как на 3 месяца, т. е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира»³³.

Все сказанное позволяет, на наш взгляд, заключить, что с первых же дней своего зарождения внешнеполитическая доктрина (как бы мы сегодня сказали) Советского государства базировалась на двойственной основе. С одной стороны — курс на мировую революцию и ее поддержку. С другой — стремление обеспечить мирные условия дальнейшего существования возникшего строя. Впоследствии эта двойственность трансформировалась в два принципа, объявленные советским руководством основополагающими в советской внешней политике,— пролетарский интернационализм и мирное сосуществование государств с различным социальным строем. Соответствовала ли такая внешнеполитическая доктрина национально-государственным и общественным интересам народов России? Насколько она была реальна с точки зрения магистральных путей эволюции человеческого общества в XX столетии? Какую цену пришлось заплатить советскому обществу за такой «дуализм» его внешней политики? Все эти вопросы еще ждут своих исследователей. Мы же здесь скажем, что функциональная несовместимость этих двух принципов, несоответствие теории мировой революции и практики ее подталкивания демократическим нормам международного права и межгосударственного общения давно уже подмечены зарубежными исследователями. В советской историографии эти проблемы стали предметом объективных исследований лишь в последние годы.

* * *

После Октябрьского переворота в России события продолжали бурно развиваться и реальная жизнь выдвигала свои императивы. 28 октября (10 ноября) 1917 г. в «Правде» и «Известиях» был опубликован в качестве официального документа Советского правительства «Декрет о мире». Однако все правительства воюющих держав (в отличие от либерально-буржуазной и социал-демократической печати) проигнорировали и сам документ, и содержащиеся в нем предложения. Тогда Совнарком 7 (20) ноября отдал приказ Верховному Главнокомандующему российской армией генералу Н. Н. Духонину обратиться ко всем воюющим странам с предложением о перемирии³⁴. На следующий день Наркоминдел Л. Д. Троцкий направил послам союзных держав

гекст Декрета о мире, сопроводив его просьбой смотреть на указанный документ «как на формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров»³⁵. 9 (22) ноября послы союзных с Россией держав в соответствии с позицией своих правительств приняли совместное решение на советское предложение не отвечать³⁶. В тот же день за отказ выполнить приказ Совнаркома был смещен с должности Верховного Главнокомандующего генерал Духонин и на этот пост назначен Н. В. Крыленко. Одновременно было оглашено по радио обращение В. И. Ленина и Н. В. Крыленко от имени Совнаркома к армии и флоту с объяснением причин снятия Духонина и назначения Крыленко и с призывом ко всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам к немедленному избранию уполномоченных для вступления в переговоры о перемирии с неприятелем³⁷.

Советское правительство не проявило особого стремления к сепаративным переговорам с Германией и ее союзниками, понимая, что в случае успеха такие переговоры усилили бы позиции стран Четверного союза и, напротив, ослабили бы позиции стран Антанты. Такое изменение международной конфигурации в силу ряда причин не соответствовало интересам Советской России. Поэтому Совнарком и НКВД продолжали буквально атаковать нотами не только правительства стран Четверного союза; но и Антанты, и США с предложениями приступить к немедленному обсуждению возможности заключения всеобщего перемирия³⁸. Однако правительства стран Антанты и США упорно не принимали предложений большевиков. Иную позицию пришлось занять правящим кругам кайзеровской Германии и других стран Четверного союза, столь же остро не приемлющих большевизм, как и Антанта. Вынужденные считаться с крайне тяжелым экономическим положением своих стран, с резким усилением антивоенных настроений среди трудовых слоев населения и солдат (не в последнюю очередь вследствие сильного воздействия советского Декрета о мире), правительства Германии и ее союзников заявили 14 (27) ноября 1917 г. о своей согласии вступить в переговоры с Советским правительством. И такие переговоры начались в Брест-Литовске 20 ноября (3 декабря) 1917 г. Уже само это событие было чрезвычайным, поскольку независимо от мотивов, по которым стороны начинали переговоры, оно означало фактическое признание легитимности нового российского правительства со стороны ряда крупных европейских государств, хотя находившихся с ней в состоянии войны.

В советской историографии давно уже уделяется пристальное внимание проблемам истории Брестского мира, драматической борьбы в рядах РСДРП(б) по вопросу заключать или не заключать тяжелейший для Советской Республики мир, итогам и последствиям этой борьбы для партии и государства³⁹. При этом не без влияния сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)» в течение длительного времени господствовала примерно следующая схема: оппозиционная группа «авантюристов» — «левых коммунистов» во главе с Н. И. Бухариным, Ломовым (Г. И. Оппоковым), Н. Осинским (В. В. Оболенским), Е. А. Преображенским и другими деятелями партии — выступала решительно против заключения мира с империалистической Германией и ратовала за «революционную войну» во что бы то ни стало. Внешне межумочную — «ни мира, ни войны», — а фактически в условиях реальной военной угрозы со стороны Германии ведущую к капитуляции позицию занимал «предатель» Л. Д. Троцкий и его сторонники, призывавшие: «войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем». И лишь великий «провидец» В. И. Ленин и его немногочисленные в данном случае сторонники, едва ли не с первых же дней Октября исходившие из установки на мирное сосуществование государств с различным социальным строем, сумели разобраться в обстановке и, пойдя на компромисс с германским империализмом, спасли революцию в России. В последние годы появляются работы, отходящие от этой схемы, доказательно демонстрирующие, что все обстояло не так просто и одно-

линейно, как это многие годы изображалось в нашей историографии. П. В. Волобуев обосновывает тезис, что именно Брестский мир, а не Октябрьская революция стал той точкой отсчета, которая побудила большевистскую партию всерьез задуматься о необходимости выработки концепции мирного сосуществования⁴⁰. Что же касается предоктябрьской программы большевиков, то, по мнению П. В. Волобуева, «партия пришла к Октябрьской революции с теорией мировой социалистической революции и вытекающей из нее концепцией революционной войны... Составной частью указанной теории был принцип пролетарского интернационализма»⁴¹. А. В. Панцов, подвергая сомнению правоту тех авторов, которые оценивают Брестский мир как выдающуюся победу ленинской стратегии и тактики, задается вопросами: «А, может быть, этот мир стал победой Ленина над самим собой, над своими прежними взглядами? И в связи с этим действительно ли такими авантюрными были планы „левых“, так ли уж резко контрастировали они со стратегией Ленина, и была ли линия Троцкого „предательской“?»⁴²? В обширной статье «Рубикон Бреста» В. В. Журавлев стремится проанализировать воздействие «брестской эпопеи» на эволюцию внешнеполитической доктрины Советского государства того времени, а также раскрыть Брест с точки зрения проверки на дееспособность внутрипартийного механизма к принятию важнейших политических решений⁴³. В целом же, думается, история Брестского мира по-прежнему еще ждет своих непредвзятых исследователей.

С учетом сказанного мы не собираемся представлять читателю свою версию истории Брестского мира, а сосредоточим внимание на том, что нас в первую очередь интересует: как повлиял Брест на формирование внешнеполитического курса Советской России, что нового он внес в ее внешнеполитическую стратегию и тактику, а также в практические методы и формы ведения международных дел.

Не отступая от провозглашенных II Всероссийским съездом Советов лозунгов, принципов и обязательств, советская сторона на первых этапах переговоров в Бресте действовала с позиций бескомпромиссного отстаивания принципов достижения демократического мира, объявленных в Декрете о мире, одновременно всемерно затягивая полученную мирную передышку с целью максимально использовать агитационные возможности вокруг переговоров в Бресте для дальнейшей активизации международного революционного движения и тем самым приблизить мировую революцию. При этом особые надежды возлагались на скорое перерастание революционного движения в Германии в революцию. Первоначально на такой платформе стояли практически все руководящие деятели большевистской партии, включая и Ленина.

Квартет делегаций стран Четверного союза, в котором главную скрипку играли представители Германии, с нарастающим нетерпением, жесткостью и ультимативностью добивался подписания сепаратного мира с Россией, который дал бы этим странам возможность развязать руки на Востоке, сохранив под своим господством все территории, захваченные в ходе войны. Как всегда бывает при таких коллизиях, решающую роль в конечном итоге сыграло реальное соотношение сил обеих сторон.

Своего рода рубиконом на брестских переговорах стало 15 (28) декабря 1917 г., когда председатель германской делегации фон Кюльман вручил советской стороне австро-германские условия мира, согласно которым считался решенным вопрос о выходе польских земель, Литвы, Курляндии, а также части Эстонии и Лифляндии из состава России и переходе их «под покровительство Германии»⁴⁴. В дальнейшем ультимативный тон и аннексионистский характер требований, предъявляемых к России, усиливались и ужесточались. 5 (18) января 1918 г. делегации Четверного союза потребовали отделения от России не только вышеназванных земель, но и значительной

части Белоруссии⁴⁵. Для реалистично настроенного крыла советского руководства чем дальше, тем больше становилось ясно, что добиться подписания мирного договора на принципах, провозглашенных в Декрете о мире, не удастся. Перед большевиками и шедшими с ними в коалиции левыми эсерами со всей остротой встал вопрос: как быть дальше, соглашаться или не соглашаться на навязываемый Советский Республике тяжелейший мир? В январе—феврале 1918 г. вокруг этой проблемы среди большевиков и левых эсеров развернулась исключительно острая, изобилующая драматическими моментами и поворотами внутрипартийная борьба. Ее перипетии весьма подробно описаны в работах последних лет, притом в значительной мере по-новому, в сравнении с предшествующей историографией⁴⁶. Поэтому, не останавливаясь на этих сюжетах, отсылаем читателя к указанным работам. Здесь же отметим, что в ходе этой борьбы выявился ряд обстоятельств, с разных сторон оказавших существенное воздействие на внешнеполитическую стратегию и тактику советского руководства.

В самой России давало о себе знать весьма глубокое проникновение веры в грядущую мировую революцию в среду рабочих и до некоторой степени солдатских масс, что явилось, на наш взгляд, результатом настойчивого внедрения этой идеи в массовое сознание руководством большевиков и левых эсеров, осуществляемого всеми доступными ему идейно-пропагандистскими средствами с первых же дней победы Октября. Сыграло свою роль и заостренно классовое восприятие народными низами социальных антагонизмов в России и за ее пределами, рожденное убеждением в невозможности улучшить свое положение посредством безболезненной и бескровной «гармонизации» интересов с властью имущими прежнего строя. Отсюда и та приверженность идее мировой революции, стремление осуществить ее любой ценой, что было характерно для всех течений большевистского движения рассматриваемого периода. Во многом схожей была ситуация и в левозэсеровских рядах. Не случайно, курс на «установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах»⁴⁷ был зафиксирован в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», утвержденной 12 (25) января 1918 г. III Всероссийским съездом Советов и впоследствии положенной в основу первой Советской Конституции.

Сказывались и некоторые особенности общественной психологии, поскольку на протяжении длительного времени, в том числе и в начале XX столетия, в России была сильно идеалистическая тенденция в развитии общественной мысли, а также известный утопизм массового, в особенности народного сознания. Об этом писал в свое время Н. Бердяев⁴⁸. И в этой связи нельзя, на наш взгляд, не согласиться с современным советским историком А. Кивой, который считает, что «общество, которое по тем или иным причинам в ходе своего исторического развития не прошло через фазы рационализации своего сознания (что на Западе достигалось посредством Реформации, длительного развития капиталистических отношений и т. д.), окончательно не освободилось от мифологического восприятия действительности, всегда отдает предпочтение малореалистичным, но грандиозным планам свершений перед скромными, будничными, но реально выполнимыми и реально содействующими прогрессу страны начинаниями»⁴⁹. Большевики и левые эсеры объявили, что не за горами мировая революция, в результате которой «мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем!» и многие в России в это поверили. Тем более, что поверить в это очень хотелось. Ибо, помимо всего прочего, самолюбию даже многих простых людей и рядовых граждан не могла не льстить внушаемая сверху мысль о том, что именно им в первую голову якобы известно, как устроить человеческое счастье на Земле, и тем самым именно они поставлены историей «вперед планеты всей». Отсюда и та фанатичная преданность идее мировой революции, которая проявилась в дни Бреста, и которая уже тогда удивляла современников. Иллюстрацией служат

острые внутрипартийные баталии, начавшиеся в партии большевиков в январе 1918 г. В центре дискуссий стояли вопросы: подписывать ли кабальный мир с немцами, или же не взирая ни на что, идти на «революционную войну»? Перипетии этих дискуссий весьма подробно описаны в литературе.

Разброс мнений был тогда характерен не только для руководства большевистской партии, но и для низовых организаций. Например, из 22 резолюций партийных комитетов, конференций и собраний, поступивших в центр до 18 февраля от 160 партийных организаций промышленных районов страны, только 4 склонялись к необходимости подписания мира. В остальных содержалось в различных вариантах требования мира не заключать⁵⁰. Иные настроения господствовали в измученной и обескровленной армии. Абсолютное большинство существовавших тогда в воинских частях партячек последовательно выступало за быстреее заключение мира⁵¹.

В этих чрезвычайных условиях наличествующий в партии и в ту пору еще не придавленный интеллектуальный потенциал, стремление ее лидера и его, пусть даже и немногочисленных, единомышленников к политическому реализму, к неприятию схематизма и доктринерства, канонизации любых, в том числе и собственных идей, не согласующихся с реальными процессами жизни, медленно, но верно делали свое дело. Зарождавшееся в недрах партии течение «реалистов» не могло не видеть ряд объективных обстоятельств, характеризовавших международную и внутригосударственную обстановку того времени. Выявилась эфемерность надежд на близкую победу революции в Европе, и в первую очередь в Германии. Социальные взрывы и конфликты, потрясавшие многие европейские государства, все же не приобрели такой силы и размаха, которые привели бы к коренным изменениям их государственного устройства. В этой связи, повторяя неоднократно высказанную им в первые послеоктябрьские недели мысль о том, что революция в Европе безусловно наступит, но приход ее не поддается учету, Ленин подчеркивал, что «было бы ошибкой построить тактику социалистического правительства России на попытках определить, наступит ли европейская и особенно германская социалистическая революция в ближайшие полгода (или подобный краткий срок) или не наступит. Так как определить этого нельзя никоим образом, то все подобные попытки объективно свелись бы к слепой азартной игре»⁵².

Не привела к желаемым результатам и тактика всяческого затягивания переговоров в Бресте в расчете на революционный взрыв в Европе в результате «динамитного» воздействия доведенных до сознания масс идей, заложенных в первых декретах советской власти и самого факта Октябрьской революции на европейские народы. Общеизвестно, что мирные предложения советского правительства нашли широкую морально-политическую поддержку у народов Европы. В январе 1918 г. по многим городам Австро-Венгрии и Германии прокатилась волна митингов, демонстраций и забастовок в поддержку позиции советской делегации на переговорах в Бресте. И все же правящие круги этих стран сумели совладать с ситуацией и повести переговоры на основе, определяемой прежде всего их социал-классовыми устремлениями.

В январе—феврале 1918 г. наблюдаются существенные изменения во взглядах В. И. Ленина и его сторонников на проблему соотношения революции в России и в остальном мире, что явилось, надо полагать, результатом осмысления опыта первых месяцев существования советской власти. В отличие от работ, написанных в марте—октябре 1917 г., в которых красной нитью проходит мысль о подчинении интересов пролетарской революции в России задачам мировой революции, теперь Ленин ставит вопрос по-другому: первостепенная, жизненной важности задача — во что бы то ни стало спасти, сохранить и дать возможность любым путем укрепиться первому и единственному пока в мире рабоче-крестьянскому Советскому государству как главному оплоту всех возможных вариантов дальнейшего развития революционного процесса в других странах⁵³. Как видим, это был серьезный поворот в ленинских

взглядах на международно-политическую картину того времени, и брестская эпопея несомненно сыграла свою роль в таком повороте. Возражая сторонникам «революционной войны во что бы то ни стало», Ленин особо подчеркивает необходимость считаться «с объективным соотношением классовых сил и материальных факторов в переживаемый момент начавшейся социалистической революции»⁵⁴.

В дни и недели Бреста Ленин выдвигает ряд положений, по-новому трактующих проблему понимания пролетарского интернационализма. Не отказываясь от марксизма обоснования пролетарского интернационализма как идеологии и политики национальных отрядов рабочего класса, международного рабочего и коммунистического движения в целом, Ленин предлагает и отстаивает существенные коррективы, связанные с практическим воплощением принципов пролетарского интернационализма в жизнь, особенно в связи с проблемой возможных и необходимых контактов Советской России с капиталистическими странами. Квалифицируя как «странную и чудовищную» позицию тех «крайних» революционеров, которые во имя субъективно трактуемых ими интересов международной революции считали целесообразным пойти даже на возможность утраты советской власти в России (резолюцию такого содержания 24 февраля 1918 г. вынесло Московское областное бюро РСДРП), Ленин ставил вопрос: «Может быть, авторы (резолюции.— Л. Н.) полагают, что интересы международной революции запрещают какой бы то ни было мир с империалистами?» и комментировал: «Неверность подобных взглядов... бьет в глаза. Социалистическая республика среди империалистических держав не могла бы, с точки зрения подобных взглядов, заключать никаких экономических договоров, не могла бы существовать, не улетая на Луну»⁵⁵. Может быть, авторы вышеуказанной резолюции полагают, продолжает Ленин, что интересы международной революции требуют подталкивания ее военным путем? «Подобная „теория“, — высказывает он свое мнение, — шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал „подталкивание“ революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции»⁵⁶. Вслед за этим Ленин формулирует положение, дальнейшее развитие которого и взятие на вооружение, на наш взгляд, могли сильно видоизменить практические подходы Советского государства и общества в целом к проблеме интернационализма. «На деле, — писал Ленин, — интересы международной революции требуют, чтобы советская власть, свергнувшая буржуазию страны, помогала этой революции, но форму помощи избирала соответственно своим силам»⁵⁷. Как видим, Ленин акцентирует внимание на форме возможной помощи со стороны победившего рабочего класса другим национальным отрядам рабочего движения и соответствии этой помощи его силам. Если понимать ленинский призыв к тщательному выбору формы интернациональной помощи как призыв трезво учитывать всю совокупность объективных и субъективных политических, экономических и иных факторов, связанных с этой помощью, включая учет и соблюдения общепринятых норм международного права, то можно предположить, что принятие и четкое осознание этого призыва хотя бы основными звеньями советского руководства избавило бы Советское государство от целого ряда осложнений и в те суровые времена, и в будущем. Но, к сожалению, подобного осознания не произошло ни в 1918-м, ни в последующие годы.

Во второй половине февраля 1918 г. со всей очевидностью проявилась нереальность расчетов и надежд на неспособность германской военщины развернуть боевые действия против Советской России в случае ее несогласия с большевистскими условиями мира на переговорах в Брест-Литовске. А такого рода расчеты, надежды и настроения были свойственны практически всему руководству РСДРП(б) на начальных этапах переговоров в Бресте. В случае же, если Германия все-таки решится продолжить войну с Россией,

руководство партии рассчитывало организовать такой всенародный отпор, врагу, который остановил бы германское нашествие⁵⁸.

Однако реальные события пошли по другому руслу. 18 февраля 1918 г. немцы возобновили военные действия. 19 февраля они заняли Двинск и Полоцк и двинулись в направлении Петрограда. 23 февраля в Петроград был доставлен новый германский ультиматум, содержащий еще более жесткие территориальные, экономические и военно-политические условия, на которых немцы соглашались подписать договор о мире, чем предыдущие. Слабо вооруженные, только начавшие создаваться в эти дни разрозненные части Красной Армии едва сдерживали рвавшиеся к столице немецкие соединения. Что же касается «всенародного вооруженного отпора в защиту социализма», то его в эти дни явно не получилось.

В конечном счете Советская Россия вынуждена была подписать 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске тяжелейший, грабительский мир с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией.

Значение Брестского мира в истории нашей страны по-разному оценивается в советской литературе. На наш взгляд, ближе к истине А. В. Панцов, считающий, что Брестский мир «был серьезным маневром Ленина и его сторонников в области тактики, кратковременным отступлением на извилистом пути борьбы за победу мировой революции»⁵⁹. Вместе с тем никто пока еще не смог поколебать то, что уже давно доказано и признано в советской историографии, а именно: Брестский мир дал рабоче-крестьянскому правительству пусть непрочную и кратковременную, но все же передышку, жизненно необходимую для спасения советской власти, что позволило большевикам высвободить силы для организации сопротивления внутренней и внешней контрреволюции.

К сказанному добавим следующее. В период Бреста большевики не сумели избавиться от глубоко укоренившейся к этому времени в их рядах концепции так называемого «революционного мессианства», предлагавшей и обосновывавшей особую роль Советской России в дальнейшем развороте мировой революции. В то же время нельзя не увидеть, что в дни и недели Бреста молодое Советское государство пережило свой первый «внешнеполитический стресс», под влиянием которого потребности практической политики взяли верх над нереальными идеологическими установками. В. В. Журавлев отмечает и такое немаловажное обстоятельство, как проявленную тогда партией способность, несмотря на все трудности, все же решить возникшие в ней принципиальные разногласия методами внутрипартийной демократии, не доводя дело до открытого раскола⁶⁰.

Соображения и выводы, высказанные В. И. Лениным в ходе дискуссии о Брестском мире закладывали определенную основу для выработки в дальнейшем концепции мирного сосуществования государств с различным строем. Исследовавший эти сюжеты А. О. Чубарьян, отмечает, что в период Бреста Ленин еще не ставил вопрос о формах и методах взаимоотношений Советской России с капиталистическими странами: в те месяцы была решена принципиальная проблема — допустимость таких отношений⁶¹. Именно в это время Ленин впервые выдвигает идею о возможности блокирования Советского государства с одними буржуазными государствами против других, более агрессивных и опасных для судеб социализма⁶².

Завоеванная дорогой ценой мирная передышка оказалась для Советской России недолгой. И первым государством, которое стало нарушать Брестский мир, была Германия, правящие круги которой, не возобновляя «большой войны», стали на путь «ползучей агрессии», под разными предлогами захватывая одну за другой части территории России и Украины. Весной 1918 г. высадкой английских войск на севере России, а также японских и английских отрядов на Дальнем Востоке началась открытая вооруженная интервенция стран Антанты против Советской России. В конце мая вспыхнул антисоветский мятеж находившегося на территории России, поддерживаемого Антантой

чехословацкого корпуса. В конце июня во Владивостоке высадился отряд американской пехоты. Все это, разумеется, сильно затрудняло политико-дипломатическую борьбу советского правительства против захватнических устремлений и действий германского империализма. Перед молодой советской дипломатией снова во весь рост встала задача — добиваться мира для своего государства.

Однако практическое решение этой насущнейшей задачи было крайне затруднено. Главным препятствием выступала откровенная враждебность правящих кругов ведущих капиталистических держав, после непродолжительных раздумий пришедших к твердому убеждению в необходимости любым путем, вплоть до применения вооруженной силы, погасить, уничтожить опасный для их существования «очаг большевизма». С другой стороны, не содействовал достижению отмеченной цели советской дипломатии курс на мировую революцию, который продолжали весьма воинственно провозглашать в Москве. Видимо «брестский душ» не оказался еще настолько холодным, чтобы остудить горячие головы российских ультрареволюционеров. 10 июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов принял Конституцию РСФСР, в которую в качестве первого раздела был включен полный текст упомянутой выше «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Наряду с отмеченным уже курсом на «установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах» в декларации ставился вопрос о непризнании советской властью финансовых обязательств до-революционной России⁶³, что весьма болезненно задевало интересы прежде всего таких стран, как Франция и Англия.

С осени 1918 г. тезис о «мировой революции» вновь и все более активно присутствует в документах РКП(б) и советского правительства. И для этого, казалось, были весомые основания. После открывших 1918 год неудач на севере европейского континента (подавление рабочей революции в Финляндии, оккупация германскими войсками в феврале 1918 г. Эстонской Советской Республики и всей территории Латвии, в том числе и той ее части, где была установлена советская власть), осенью 1918 г. последовал мощный революционный взрыв в Центральной и Юго-Восточной Европе.

В октябре—ноябре 1918 г. под ударами национально-освободительного движения народов, усилившегося в результате идейного воздействия российского Октября, рухнул и перестал существовать один из самых реакционных режимов в Европе — Австро-Венгерская империя Габсбургов. На ее развалинах возник ряд самостоятельных государств — Австрия, Венгрия, Чехословакия, а также Королевство сербов, хорватов и словенцев (впоследствии Югославия). В первой декаде ноября 1918 г. революция смела кайзеровскую монархию в Германии. 13 ноября ВЦИК постановлением, подписанным Я. М. Свердловым и В. И. Лениным, аннулировал грабительский Брест-Литовский договор и все связанные с ним соглашения. От имени РСФСР ВЦИК выразил надежду, что отныне отношения между народами России, Германии и бывшей Австро-Венгрии будут не только мирными отношениями. «Это будет союз трудящихся масс всех наций, — говорилось в постановлении ВЦИК, — в их борьбе за создание и укрепление социалистического строя на развалинах строя милитаризма, империализма и экономического рабства»⁶⁴, т. е., иными словами, союз в борьбе за победу социалистической революции в этих странах. Подтверждая свою принципиальную приверженность праву «трудящихся наций всех народов» на самоопределение, ВЦИК и советское правительство заявляли, что «в основу истинного мира народов могут лечь только те принципы, которые соответствуют братским отношениям между трудящимися всех стран и наций и которые были провозглашены Октябрьской революцией и отстаивались русской делегацией в Бресте»⁶⁵, т. е. полный возврат к «добрестовскому» видению мира с его заостренным «классово-пролетарским» подходом ко всем явлениям международной жизни и фетишизацией идеи «мировой революции».

2—6 марта 1919 г. в Москве состоялся I конгресс Коммунистического Интернационала, который оформил и укрепил уже существовавшие коммунистические партии и дал толчок к ускорению образования новых. Свою главную задачу Коминтерн сформулировал так: опрокинуть буржуазный миропорядок «и воздвигнуть на его месте здание социалистического строя»⁶⁶.

VIII съезд РКП(б) (18—23 марта 1919 г.) принял новую Программу партии, в которой подчеркивалось: «только пролетарская, коммунистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами»⁶⁷. В связи с созданием Коминтерна съезд принял специальную резолюцию, в которой всецело присоединился к его платформе и выразил готовность всеми силами и средствами «бороться за осуществление великих задач III Интернационала»⁶⁸. Однако реальная жизнь оказалась гораздо сложнее теоретических постулатов и радужных надежд.

По-разному развивался революционный процесс в европейских странах. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии стала прологом острейших классовых схваток, потрясавших страну вплоть до января 1919 г. В силу ряда причин революция не вышла за буржуазно-демократические рамки, хотя и была в известной степени проведена пролетарскими средствами и методами.

В бурные дни ноябрьского революционного подъема 1918 г., казалось, открывалась перспектива завоевания власти перед рабочим классом Австрии. Деморализованная крушением габсбургской империи и чрезвычайно напуганная мощным натиском пролетарских масс, австрийская буржуазия не сумела создать таких сильных контрреволюционных формирований, какие создала германская буржуазия. Но и здесь силы, противостоявшие революции, сумели с помощью различных маневров повернуть ход событий в нужном им направлении, приведшем в конечном счете к спасению буржуазного строя Австрии.

Своеобразно развивались революционные процессы в таких странах, как Королевство сербов, хорватов и словенцев, Чехословакия, Польша, Румыния и Болгария. Господствующие здесь классы сумели сдержать натиск революционных сил и сохранить действовавшие режимы. Более того, возникшие в результате широких революционных сдвигов Королевство сербов, хорватов и словенцев и Чехословакия в силу ряда причин оказались в контрреволюционном лагере. Такую же позицию заняли Польша и Румыния.

Мощный размах приобрело в конце 1918 — начале 1919 г. революционное движение в Венгрии. 21 марта 1919 г. здесь произошла пролетарская революция, была провозглашена Венгерская Советская Республика, установившая тесный идейно-политический союз с Советской Россией. Вслед за венгерской возникли существовавшие непродолжительное время Баварская Советская Республика (13.IV—1.V. 1919 г.) и Словацкая Советская Республика (16.IV—7.VII. 1919 г.).

В Советской России установление советской власти в Венгрии было воспринято с большим энтузиазмом. В радиотелеграмме правительству Венгерской Советской Республики, направленной В. И. Лениным в Будапешт по поручению VIII съезда РКП(б), говорилось: «VIII съезд Российской Коммунистической партии шлет пламенный привет Венгерской Советской Республике. Наш съезд убежден в том, что недалеко то время, когда во всем мире победит коммунизм»⁶⁹.

Что же касается стран Западной Европы, то здесь, хотя под революционизирующим воздействием Октября и европейских революций размах рабочего движения далеко превзошел все довоенные масштабы, классовые битвы не достигли в целом такой остроты, как в центре и на востоке Европы. Широко распространившиеся здесь антивоенные выступления рабочего класса не создали революционной ситуации и не привели к революциям. Буржуазия Франции, Великобритании, в определенной мере Италии использовала то обстоятельство, что эти страны вышли из войны победительницами, и путем некоторых уступок, умелого социального маневрирования сумела в конечном

счете приглушить социальные протесты трудовых слоев населения и не допустить революционных взрывов.

После окончания мировой войны заметно усилил борьбу за улучшение условий своей жизни рабочий класс США. Обострение социальных контрастов, рост эксплуатации, безработицы и дороговизны в соединении с воздействием революционных событий в России и Европе стали и в США источником классовых столкновений. Но и здесь до серьезных революционных потрясений дело не дошло. С помощью спешно проведенных через конгресс антирабочих и антидемократических законов, административно-репрессивных мер правительство сумело нейтрализовать и подавить многочисленные стачки и другие выступления рабочего класса.

Революционный взрыв 1917 г. в России откликнулся мощным эхом не только на Западе, но и на Востоке. Свое влияние на развитие национально-освободительной борьбы в Азии, Африке, Латинской Америке оказали внешняя политика Советского государства и, в частности, зафиксированное в Декрете о мире требование мира без аннексий и контрибуций, сопровождаемое уже упоминавшимся разъяснением, что аннексией является всякий захват чужой земли, независимо от того, когда он совершен и насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая нация. Опубликовав и аннулировав секретные договоры царской России с другими империалистическими державами, предусматривавшие, в частности, раздел и закабаление ряда стран Востока, правительство РСФСР отказалось и от всех неравноправных договоров, в свое время вырванных царизмом у Китая, Турции, Ирана и других зависимых стран, от сфер влияния и различных привилегий.

Но вернемся к европейским делам. 1 августа 1919 г. под объединенными ударами внутренней и международной контрреволюции пала Венгерская Советская Республика. Революционная волна, всколыхнувшая Центральную и Юго-Восточную Европу, явно шла на спад. Имевшие место в дальнейшем отдельные вспышки социального недовольства (например, в декабре 1919 г. в Болгарии) не меняли общей картины. Высказанный в январе 1918 г. В. И. Лениным прогноз относительно того, как далеко пойдет развитие революции — «русский начал — немец, француз, англичанин доделает, и социализм победит»⁷⁰ — не находил подтверждения. А. Е. Бовин в этой связи замечает: «Диалектика истории: у наших классовых братьев за рубежом хватило сил, чтобы помочь нам, но не хватило сил, сплоченности, революционной сознательности, чтобы доделать начатое нами»⁷¹. Думается, что дело было не только в нехватке сил или отсутствии революционной сознательности у рабочих Англии, Франции, Германии, США. Причины коренились гораздо глубже: в значительных потенциях капитализма как общественного строя, особенно в его наиболее развитых звеньях. И, видимо, не случайно, что именно начиная со второй половины 1919 г. в статьях и выступлениях В. И. Ленина, в партийных и правительственных документах наблюдается постепенный отход от высказываемой ранее идеи о невозможности закрепить успех революции в России без одновременного усиливается убеждение в возможности и желательности сосуществования Советской России с капиталистическим окружением. Фундаментальной посылкой для такого переосмысления стало крепнущее международное положение Страны Советов, продемонстрированная на весь мир способность революционных масс России не только осуществить революцию, но и защитить ее.

Советское руководство учитывало также появление в стане буржуазии некоторых признаков отхода от огульного непризнания Советской России и стремления, например, части английских деловых кругов к более реалистическому подходу в отношении возможных контактов с Москвой. Об этом говорил Г. В. Чичерин на VIII конференции РКП(б) (декабрь 1919 г.), отметивший,

что «крупная часть правящих кругов Антанты пришла к сознанию необходимости примириться с Советской Россией»⁷².

23 сентября 1919 г. В. И. Ленин пишет письмо «Американским рабочим», в котором подчеркнута стремление советского правительства установить нормальные отношения с Соединенными Штатами, с теми кругами буржуазии, которые желали установления мирных отношений между двумя странами, возобновления и развития торговли. Письмо — один из первых документов, где выдвинута идея предоставления концессий зарубежным предпринимателям, что предполагало уже не только сосуществование, но и сотрудничество с капиталистическими странами. «На разумных условиях, — писал Ленин, — предоставленные концессии желательны и для нас как одно из средств привлечения к России технической помощи более передовых в этом отношении стран в течении того периода, когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства»⁷³. Как видим, Ленин здесь уже ставит вопрос о целом периоде сосуществования стран с различным строем.

Однако такую позицию занимали далеко не все лидеры большевиков. 5 августа 1919 г., т. е. после получения известий о падении Венгерской Советской Республики, Председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий пишет и направляет в ЦК РКП(б) секретный меморандум, в котором поднимает вопрос о необходимости переориентировать внешнеполитическую активность Советской России на Восток, поскольку, по его мнению, «время теперь такое, что большие события на Западе могут нагреться не скоро», ибо «инкубационный, подготовительный период революции на Западе может длиться еще весьма значительное время»⁷⁴. Учитывая изменившуюся международную ситуацию и полагая, что «на азиатских полях мировой политики наша Красная Армия является несравненно более значительной силой, чем на полях европейской», Троцкий призывал партийно-государственное руководство «стать лицом к Востоку, ибо «дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию»⁷⁵. В этой связи Троцкий считал необходимым поддержать план «создания конного корпуса (30—40 тысяч всадников) с расчетом бросить его на Индию», который предложил один «серьезный военный работник... еще несколько месяцев тому назад»⁷⁶. Мы не располагаем сведениями дошел ли этот меморандум до членов ЦК и какова была их реакция.

На состоявшейся 2—4 декабря 1919 г. VIII Всероссийской конференции РКП(б) на основе доклада Г. В. Чичерина был выработан проект резолюции о международном положении, предложенный конференцией предстоящему VII съезду Советов. В одобренном проекте подчеркивалось, что РСФСР «желает жить в мире со всеми народами и направить все свои силы на внутреннее строительство, чтобы наладить производство, транспорт и общественное управление на почве советского строя, чему до сих пор мешало вмешательство Антанты и голодная блокада»⁷⁷. В этой связи Советская Россия вновь (уже в который раз) предлагала «всем державам Антанты, Англии, Франции, Соединенным Штатам Америки, Италии, Японии, всем вместе и порознь, начать немедленно переговоры о мире»⁷⁸. Поддержав мирные инициативы и предложения советского правительства и подтвердив свое неуклонное стремление к миру, VII съезд Советов поручил ВЦИК, СНК и НКВД «систематически продолжать политику мира, принимая все необходимые для ее успеха меры»⁷⁹.

Так что же, отказ от идеи «мировой революции»? Крутой поворот в сторону мирного сосуществования? Нет. Хотя и со значительно большим, чем прежде, допущением мысли о мирном сосуществовании, в основе внешней политической линии руководства Советской России по-прежнему лежало стремление соединить ожидание и содействие мировой революции с непрекращающимися активными действиями по созданию мирной обстановки вокруг Советского государства.

31 декабря 1919 г. после длительных и трудных переговоров был подписан договор о приостановке военных действий между Советской Россией и буржуазной Эстонией, а 30 января 1920 г. — между Советской Россией и Латвией. 2 февраля 1920 г. был подписан мирный договор между РСФСР и Эстонией — первый мирный договор, заключенный Советской Республикой с европейским буржуазным государством, приведший к установлению нормальных дипломатических отношений между ними. 12 июля 1920 г. был подписан аналогичный договор между РСФСР и Литвой, а 11 августа — между РСФСР и Латвией.

Особо хотелось бы остановиться на проблеме соотношения поддержки мировой революции и стремления советского правительства к установлению мирных отношений со всеми государствами и в первую очередь с соседними, в период польско-советской войны 1920 г. В это время советское руководство предприняло, пожалуй, наиболее серьезную за всю гражданскую войну практическую попытку «активизировать» революцию за пределами страны. Однако для исследователя важно установить — при каких конкретных обстоятельствах была сделана эта попытка?

Как известно, в августе 1918 г. правительство Советской России признало государственную независимость Польши. Но нормальные, добрососедские отношения между Польшей и советскими республиками России, Украины и Белоруссии явно не складывались. С самого начала на внешнюю политику возрожденного польского государства решающее влияние оказывали буржуазно-помещичьи группировки, которые, с одной стороны, как огня боялись революционизирующего влияния Советской России на население Польши, с другой — все более проникались мыслью и желанием восстановить Польшу «от Балтийского до Черного моря» и предпринимали активные действия в этом направлении. Аннексионистские планы польских национал-экстремистов в отношении украинских, белорусских и литовских земель находили поддержку со стороны руководителей Антанты, что недвусмысленно проявилось на Парижской мирной конференции 1919 г. В 1919 г. имели место вооруженные столкновения польской военщины с частями Красной Армии на территории Западной Белоруссии и Литвы. Так что, строго говоря, польско-советская война началась не в 1920 г., как это общепринято считать, а значительно раньше. Правительство Советской России неоднократно предлагало польскому правительству прекратить конфронтацию и сесть за стол переговоров, подчеркивая, что Польше не угрожает никакая опасность со стороны Советского государства⁸⁰, и что «во взаимоотношениях России и Польши не существует ни одного вопроса: территориального, экономического или иного, который не мог бы быть решен мирно, путем переговоров, взаимных уступок и соглашений»⁸¹. Но все эти призывы остались без ответа. Более того, используя помощь и поддержку держав Антанты, и свое преобладающее влияние в правительстве и в армии, военная группировка во главе с Пилсудским, с ноября 1918 г. занимавшим пост главы государства и главнокомандующего вооруженными силами, упорно готовилась к вооруженной агрессии на Востоке. Завершающими акциями в этом процессе стали соглашения, достигнутые Пилсудским в апреле 1920 г., о совместных действиях с Петлюрой и с генералом Врангелем, возглавившим русские белогвардейские армии после отставки Деникина⁸². 26 апреля начался пресловутый подход Пилсудского «на Советы», целью которого была аннексия большей части украинских и белорусских земель, а в целом вассализация Украины и Белоруссии. В начале фортуна была благосклонна к агрессору: в течение нескольких недель пилсудчикам удалось оккупировать значительную часть Украины, включая Киев, и ряд районов Белоруссии. Но вскоре ситуация круто изменилась. 5 июня 1920 г. Красная Армия начала контрнаступление, в ходе которого были освобождены Украина и занятые поляками белорусские земли. Преследуя агрессора, соединения Красной Армии углубились на территорию Польши.

Выступая на заседании ВЦИК 17 июня 1920 г., наркоминдел РСФСР Г. В. Чичерин говорил: «Наша поилитка есть по-прежнему политика мира и это знают все... Мы не несем ни своего строя, ни своей власти на штыках, и это знают все...»⁸³. Казалось, можно было лишь приветствовать такое заявление. Но не оно определяло настроения и помыслы, доминировавшие у тогдашних советских руководителей. Предпринятая параллельно и вслед за этим чичеринским высказыванием попытка советского руководства превратить справедливую оборонительную войну с панской Польшей в активную классово-наступательную войну, повела развитие событий по другому руслу. Тогда, на волне эйфории, вызванной первоначальными победами Красной Армии над польскими интервентами, многими руководящим деятелям Советской России и Коминтерна казалось, что появилась, наконец, реальная возможность для победы революции в Польше, вслед за ней в Германии, а далее и во всей Европе.

16 июня 1920 г. ВЦИК, правительства РСФСР и УССР обратились с воззванием к польским рабочим, крестьянам и легионерам с призывом прекратить бессмысленную, братоубийственную войну между трудящимися Польши и советских республлик России и Украины. Наряду с этим в воззвании содержался призыв к свержению буржуазно-помещичьего строя в Польше⁸⁴.

Заседавший в разгар наступления Красной Армии в Польшу II Конгресс Коминтерна обратился 19 июля к рабочим всех стран с призывом к солидарности с Советской Россией, а также с польскими пролетариями, которые «стремятся использовать поражение своих эксплуататоров, чтобы нанести последний удар ослабленному классовому врагу, чтобы соединиться с русскими рабочими для совместной борьбы за освобождение»⁸⁵. Заканчивался призыв здравицей в честь «Советской Польши»⁸⁶.

Настроения в духе широко распространенного лозунга «Мы на горе всем буржуям, мировой пожар раздуем!» были присущи всем членам советского руководства. Мы не располагаем свидетельствами какого-либо активного противодействия такой линии в июле—августе 1920 г. и со стороны В. И. Ленина.

Горячим сторонником «привнесения революции» в Польшу выступал в то время 27-летний командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский, от действий которого в немалой степени зависело, как будут развиваться события на польско-советском фронте. Об этом свидетельствовал впоследствии он сам. В лекции, прочитанной им в Военной академии РККА в феврале 1923 г., есть специальный параграф «Революция извне» (показательно уже само название), в котором говорится: «Нет никакого сомнения в том, что, если бы на Висле мы одержали победу, то революция охватила бы огненным пламенем весь европейский материк. ...Революция извне была возможна. Капиталистическая Европа была бы потрясена до основания, и если бы не наши стратегические ошибки, не наш военный проигрыш, то, быть может, польская кампания явилась бы связующим звеном между революцией Октябрьской и революцией Западной-европейской»⁸⁷.

30 июля в г. Белостоке был создан Польский Временный Революционный комитет (Польревком), призвавший польских трудящихся изгонять помещиков и капиталистов и строить Польскую Советскую Социалистическую Республику⁸⁸. В состав Комитета вошли: Ю. Мархлевский, Ф. Дзержинский, Ф. Кон, Э. Прухняк, Ю. Уншлихт. Историкам еще предстоит дать всестороннюю оценку деятельности этого органа, взявшего на себя функции Временного польского правительства. Но уже сейчас большинство исследователей сходятся на том, что наряду с принятием важных решений в интересах трудовых слоев населения, Польревком допустил серьезную ошибку: конфисковав на освобожденной части польской территории все помещичьи, казенные, монастырские и костельные земли, не разделил их между безземельными и малоземельными крестьянами, а приступил к организации на них государственных хозяйств. Этим немедленно воспользовались правящие круги Польши для

устрашения польского крестьянства всеобщей «коммунизацией» в случае прихода к власти «большевиков». Развернутая пилсудчиками активная пропагандистская кампания в этом направлении возымела свое действие. Многие польские крестьяне стали опасаться прихода «Советов». Настроения крестьянства, из которого рекрутировалась основная масса солдат польской армии, а также широкое распространение среди населения страны, только недавно обретшей независимость, идеи «национального единства» сыграли большую роль в том, что правящим кругам Польши удалось перегруппировать силы, укрепить армию и в целом овладеть ситуацией. На помощь полякам поспешила Антанта. 10 августа 1920 г. британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж выступил в палате общин с большой речью, в которой всячески угрожал советскому правительству, если оно не прекратит наступления Красной Армии в Польшу⁸⁹.

Между тем командование Красной Армии допустило в ходе польской кампании ряд ошибок стратегического и тактического характера, в результате которых далеко продвинувшиеся приблизившиеся к Варшаве соединения Красной Армии оказались в трудном положении. Сказалась также физическая и моральная усталость красноармейцев. Многие из них воевали уже пятый-шестой год. К тому же подавляющая часть поляков видела в штыках Красной Армии не символ классового освобождения, а символ национального порабощения. Все это привело к тому, что в середине августа 1920 г. польская армия сумела начать активное контрнаступление, в ходе которого Красная Армия стала откатываться назад, неся чувствительные потери. Однако продвинуться так далеко на восток, как в апреле—мае 1920 г., поляки уже не смогли. 12 октября 1920 г. были подписаны условия предварительного мира между РСФСР, УССР и Польшей, военные действия прекратились. 18 марта 1921 г. в Риге был подписан мирный договор между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей — с другой. По условиям договора советско-польская граница устанавливалась значительно восточнее «линии Керзона», к Польше отходили Западная Украина и Западная Белоруссия.

На состоявшейся 22—25 сентября 1920 г. IX конференции РКП(б) развернулась острая дискуссия по поводу причин неудачи наступательных операций Красной Армии в Польше, а также относительно дальнейших перспектив мировой революции. Здесь можно согласиться с В. Г. Сироткиным, что трезвой оценки событий придерживалось меньшинство делегатов конференции⁹⁰. Среди них: К. Б. Радек, И. И. Ходоровский, Д. В. Полюян, К. К. Юренев и др. Большинство же, в том числе Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Ф. Э. Дзержинский, Н. И. Бухарин, Л. Б. Каменев, полагали, что неудачи Красной Армии были вызваны причинами чисто субъективного свойства, поскольку, по их мнению, летом 1920 г. Европа была готова к социалистической революции.

Выступавший на конференции Зиновьев говорил о советско-польской войне как о «революционной войне со стороны Российской Советской Республики, имевшей целью помочь польским рабочим советизировать Польшу»⁹¹. Троцкий заявил: «Нам задача была дана прощупать под ребра белую Польшу, прощупать так крепко, чтобы из этого, может быть, получилась бы Советская Польша»⁹². Каменев завершил свое выступление словами: «Мы сделали вылазку, вылазка не удалась... Но надо быть в полной уверенности, что эта вылазка разбудила такие силы в Западной Европе, что, когда мы сделаем следующую вылазку, а мы сделаем ее несомненно, все равно, подпишем ли мир с Польшей, который предлагает Владимир Ильич, или нет, все равно вылазка будет сделана и она будет победоносной»⁹³. Последние слова свидетельствуют, в сколь непростой, чем-то напоминающей дни Бреста, внутривластной и внутриправительственной обстановке пришлось осенью 1920 г. добиваться В. И. Ленину и Г. В. Чичерину заключения очень необходимого для страны мира с поляками.

Закономерен вопрос: чем объяснить столь упорно отстаиваемое, не-

реалистичное видение многими советскими и коминтерновскими деятелями того времени международной ситуации и непосредственных перспектив «мировой революции»? Ведь прошло уже 5 лет с тех пор, как была опубликована, например, работа Ленина «Крах II Интернационала»⁹⁴, широко были известны и другие его труды, содержавшие доказательные выводы о том, что революция в той или иной стране может свершиться только при наличии революционной ситуации, отражающей высокую степень зрелости объективных и субъективных условий для завоевания власти рабочим классом. Через какую же пелену надо было смотреть на мир, чтобы не увидеть, что в 1920 г. ни в одной капиталистической стране не было отмеченных признаков революционной ситуации или реальных условий для их появления? Думается, что ответ на поставленный вопрос помогает дать опубликованная в июне 1920 г. работа Ленина «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», с тем лишь добавлением, что от рецидивов этой болезни, как нам представляется, не сумел еще к тому времени в известной степени избавиться до конца и сам автор этой работы. Рассматривая «левизну» как «детскую болезнь» молодых коммунистических партий, Ленин призывал коммунистов видеть новые формы, приобретаемые социалистическим движением, овладевать всеми средствами и приемами трудного искусства политического руководства. Он разъяснял, что политика и тактика партии должны быть основаны на объективном, научном учете всех классовых сил как внутри данной страны, так и в других государствах. Ленин резко критиковал догматизм «левых», не желавших считаться с изменяющейся обстановкой, творчески развивать и применять революционную теорию. Особое значение он придавал умению партии правильно относиться к допущенным ею ошибкам. «Открыто признать ошибку,— писал Ленин,— вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это — воспитание и обучение класса, а затем и массы»⁹⁵.

Конечно, революции никогда не могут свершаться людьми равнодушными, пассивными, лишенными гражданского темперамента. Однако свойственные многим (и не только российским) революционерам нетерпение и утопические взгляды стали серьезной помехой строительству новой жизни, когда на смену «революционному романтизму» периода борьбы за власть пришло время умело и компетентно распорядиться завоеванной властью, требующее принятия взвешенных решений, основанных на глубоко научном, профессиональном, реалистичном и, если угодно, хладнокровном анализе всех факторов, определяющих внутреннее и международное положение государства. Выработка дальнейшей внешнеполитической стратегии и тактики по-прежнему проходила в условиях острых дискуссий между сторонниками левого революционаризма и последователями Ленина, отстаивавшими реальный взгляд на внешние условия развития страны.

В 1921 г. партия в итоге большой внутренней борьбы совершила крутой поворот — от «военного коммунизма» к новой экономической политике. Поворот такой важности и такого масштаба во внутренней политике не мог не отразиться на подходах руководства партии и государства и к вопросам внешне-, политическим. Историкам предстоит еще реконструировать весь механизм такого поворота и дать полную картину связанных с ним обстоятельств. К этому времени кардинально изменилось международное положение Страны Советов. С окончанием гражданской войны, завершившейся поражением внутренней контрреволюции и разгромом интервентов, в жизни Советского государства началась, по определению Ленина, такая полоса, «когда наше основное международное существование в сети капиталистических государств отвоено»⁹⁶.

Становилось ясно, что надежды на мировую революцию не оправдались и молодой Советской Республике предстоит строить социализм в одиночку,

в условиях капиталистического окружения. Вопросы формирования дальнейшего курса партии в области внутренней и внешней политики детально обсуждались на X съезде РКП(б) (8—16 марта 1921 г.).

Выступая на съезде с докладом о политической деятельности ЦК, В. И. Ленин подчеркивал: «Мы научились за три года понимать, что ставка на международную революцию не значит — расчет на определенный срок и что темп развития, становящийся все более быстрым, может принести к весне революцию, а может и не принести. И поэтому мы должны уметь так сообразовать свою деятельность с классовыми соотношениями внутри нашей страны и других стран, чтобы мы длительное время были в состоянии диктатуру пролетариата удержать и, хотя бы постепенно, излечивать все те беды и кризисы, которые на нас обрушиваются»⁹⁷. Обосновав необходимость добиваться установления с капиталистическими странами мирных и торговых отношений, Ленин развернул широкую аргументацию в пользу быстрее заключения торговых договоров с западными странами (даже ценой некоторых уступок со стороны Советской России) и предоставления концессий зарубежным капиталистам, поскольку «иной возможности подтянуть свою технику до современного уровня у нас нет»⁹⁸. После бурных дискуссий делегаты X съезда приняли ряд резолюций по вопросам внутренней жизни, а также резолюцию «Советская Республика в капиталистическом окружении». В ней отмечалось, что отражение интервенции обеспечило Советскому государству возможность вступить в общение с капиталистическими странами «на основе взаимных обязательств политического и торгового характера»⁹⁹. Съезд поставил перед советской внешней политикой задачу превратить завоеванную новую мирную передышку в длительный мир, вывести страну из состояния внешнеполитической и экономической изоляции и установить «постоянные мирные отношения со всеми государствами»¹⁰⁰. При этом особое внимание обращалось на необходимость установления нормальных торговых отношений Советской Республики с другими странами путем предоставления концессий, заключения торговых договоров и соглашений¹⁰¹.

16 марта 1921 г., в день окончания X съезда, было подписано торговое соглашение между правительствами РСФСР и Великобритании, положившее начало фактическому признанию Советской России крупными капиталистическими державами. Вскоре после этого были заключены торговые соглашения РСФСР с Германией и Италией. Однако подавляющее большинство капиталистических стран продолжало занимать позицию непризнания по отношению к Советскому государству.

Характеризуя международную ситуацию середины 1921 г., Ленин отмечал, что сложилось, «хотя и крайне непрочное, крайне неустойчивое, но все же такое равновесие, что социалистическая республика может существовать — конечно, недолгое время — в капиталистическом окружении»¹⁰². А непрочным и неустойчивым это равновесие являлось вследствие позиции международной буржуазии, которая, не имея «возможности вести открытую войну против Советской России, выжидает, подкарауливает момент, когда обстоятельства позволят ей возобновить эту войну»¹⁰³. В то же время, исходя из объективных экономических закономерностей мировых взаимосвязей, Ленин напоминал, что «есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами»¹⁰⁴.

В 1921 г. сдержаннее, чем прежде, становятся прогнозы относительно перспектив победы мировой революции, исходящие из рядов международного коммунистического движения. Состоявшийся 22 июня — 12 июля 1921 г. в Москве III Конгресс Коминтерна имел своей целью выработать новый стратегический и тактический курс, рассчитанный на более затяжной характер революционного кризиса¹⁰⁵. Выступая 5 июля на конгрессе, Ленин отмечал: «Еще до революции, а также и после нее, мы думали: или сейчас же, или,

по крайней мере, очень быстро, наступит революция в остальных странах, капиталистически более развитых, или, в противном случае, мы должны погибнуть... Но в действительности движение шло не так прямолинейно, как мы этого ожидали»¹⁰⁶. Не отказываясь от своей главной цели — свержения капитализма во всех странах, установления диктатуры пролетариата и создания «единой международной Советской Республики»¹⁰⁷, III конгресс Коминтерна подчеркивал в принятых им документах, что «мировая революция, т. е. разложение капитализма, накопление революционной энергии пролетариата, организация его в боевую, победоносную силу, потребует длительного периода революционной борьбы»¹⁰⁸. В выступлениях Ленина на конгрессе проводилась мысль о неверности разделяемой многими участниками конгресса так называемой «теории наступления», суть которой в ориентации на немедленный, прямой штурм капитализма, не считаясь с тем, имеются для этого соответствующие условия или нет. В противовес этому Ленин ставил вопрос о переходе революционных сил от штурма к осаде, о необходимости трезвого учета обстановки и основательной подготовки коммунистов, всех революционеров к решающим действиям¹⁰⁹. Высказавшись против «теории наступления», Ленин подчеркивал: «Если конгресс не будет вести решительного наступления против таких ошибок, против таких „левых“ глупостей, то все движение осуждено на гибель»¹¹⁰.

К началу 20-х гг. стала приобретать четкие очертания советская концепция мирного сосуществования государств с различным социальным строем. «Наш лозунг,— подчеркивал Г. В. Чичерин, выступая на заседании ВЦИК 17 июня 1920 г.,— был и остается один и тот же: мирное сосуществование с другими правительствами, каковы бы они ни были. Сама действительность привела нас и другие государства к необходимости создания длительных отношений между рабоче-крестьянским правительством и капиталистическими правительствами»¹¹¹. По мнению В. И. Ленина, в основу таких отношений следовало поставить соревнование в мирных условиях и на равных «большевистских принципах» с «обычными идеями демократического управления» (т. е. с буржуазно-демократическими принципами) во всех сферах жизни¹¹². При этом Ленин настойчиво ставил вопрос не только о соревновании, но и о необходимости экономического сотрудничества между государствами, представляющими разные системы собственности¹¹³.

Мирное сосуществование Ленин увязывал, по крайней мере теоретически, с необходимостью гарантировать со стороны Советского правительства абсолютное невмешательство во внутренние дела других государств¹¹⁴. «Мы за союз со всеми странами,— подчеркивал он,— никого не исключая»¹¹⁵. Девятый Всероссийский съезд Советов (23—28 декабря 1921 г.) обратился к правительствам соседних и всех других государств с призывом положить в основу их внешней политики принцип «мирного и дружественного сожительства с советскими республиками»¹¹⁶.

Рассматривая политику мирного сосуществования как принципиально новый путь обеспечения благоприятных внешнеполитических условий социалистического строительства в Советской стране, Ленин формулировал и новые подходы в отношении мировой революции и интернациональных задач советских трудящихся. «Сейчас,— говорил он в речи при закрытии X Всероссийской конференции РКП(б),— главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой... На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно»¹¹⁷. Иными словами, Ленин ставил задачу долгосрочного порядка: обеспечить прежде всего демонстрационное воздействие социализма на ход мирового развития, добившись более высокой производительности труда по сравнению с капиталистическими странами, более высокого уровня жизни населения и таким путем выявить и доказать преимущества социализма перед капитализмом.

Подведем итоги. В первые послереволюционные годы внешнеполитическая доктрина Советского государства отражала попытку соединить в себе два компонента, две линии: а) ориентацию на мировую революцию и готовность, стремление и попытки поддержать народы, борющиеся за свое социальное и национальное освобождение; б) стремление к мирным отношениям со всеми странами и народами, включая и капиталистические, с целью обеспечить мирные условия дальнейшего существования и развития возникшего в России нового строя. Однако по мере развития событий, под воздействием реальной действительности в рамках этой доктрины произошел значительный поворот. «Выпадения» или «чистой замены» какой-либо из линий, на наш взгляд, не было, но соотношение, удельный вес каждой из них в общей сумме внешнеполитических ориентиров, равно как их понимание и подходы к ним, менялись весьма существенно.

На первый план выдвинулось и в реальных деяниях стало доминирующим стремление обеспечить мирные условия дальнейшего развития Советского государства, сформировалась и была провозглашена концепция мирного сосуществования государств с различным общественным строем в качестве одного из магистральных, ведущих направлений внешней политики Страны Советов. На смену радужным ожиданиям и надеждам на близкую «мировую революцию» приходило, правда с большой натугой, трезвое осознание многообразия форм и длительности революционных процессов, реалистичное видение сложности путей дальнейшего развития разных стран и континентов. Провозглашенный и проводимый советским руководством в жизнь принцип интернациональной солидарности, поддержки всех направлений революционного и национально-освободительного движения мог теперь опираться на солидный практический опыт, повелительно диктующий необходимость прежде чем предпринимать какую-либо акцию, дать четкий ответ на вопросы — в каких формах и объеме может быть оказана Страной Советов поддержка революционных и демократических сил в других странах, как соотносится эта поддержка с национально-государственными и общественными интересами народов Советской России, каково реальное соотношение национальных и интернациональных задач советского общества с учетом приоритетности политики мирного сосуществования в общей системе внешнеполитических ориентиров Советского государства? Международная деятельность Советского государства, его внешняя политика становились более ориентированными на практические потребности развития страны. Вместе с тем продолжало сохраняться то ослабевавшее, то усиливавшееся несоответствие между практическими внешнеполитическими задачами государства и классово-партийными идеологическими концепциями и установками, положенными в основу его международной деятельности.

Примечания

¹ См., напр.: Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. М., 1987; Сироткин В. Рижский мир // Международная жизнь. 1988, № 8; его же. От гражданской войны к гражданскому миру // Иного не дано. М., 1988; Бовин А. Мирное сосуществование. История, теория, политика. М., 1988; Волобуев П. В. Нужны новые концептуальные решения и подходы // Вестник Академии наук СССР. 1989, № 1; Поздняков Э. Национальное и интернациональное во внешней политике // Международная жизнь, 1989, № 5.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 4. С. 334.

³ Там же. Т. 37. С. 356.

⁴ Там же. Т. 35. С. 298.

⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 11. С. 245.

⁶ Там же. Т. 26. С. 354.

⁷ Там же. Т. 30. С. 133.

⁸ Там же. Т. 34. С. 385.

⁹ Там же. Т. 31. С. 93.

- ¹⁰ Там же. Т. 30. С. 112.
- ¹¹ Там же. Т. 31. С. 450.
- ¹² Там же. Т. 32. С. 97—98.
- ¹³ Там же. С. 305.
- ¹⁴ Там же. Т. 34. С. 374.
- ¹⁵ См.: Циммервальдская и Кинтальская конференции: Официальные документы. Л.; М., 1924; Манифест 3-й Циммервальдской международной социалистической конференции. Пб., 1917.
- ¹⁶ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 23. С. 300—301; Т. 26. С. 218—219.
- ^{17—18} Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 13—14.
- ¹⁹ Там же. С. 20.
- ²⁰ Там же. С. 16.
- ²¹ Там же. С. 14.
- ²² См.: Ленинская внешняя политика Советской страны, 1917—1924. М., 1969; Чубарьян А. О. В. И. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972; Блинов С. И. Внешняя политика Советской России: Первый год пролетарской диктатуры. М., 1973; Ленинские традиции внешней политики Советского Союза. М., 1977; Труш М. И. Советская внешняя политика и дипломатия в трудах В. И. Ленина. М., 1977; Петренко Ф. Ф., Попов В. В. Ленинские принципы руководства советской внешней политикой. М., 1981; Трухановский В. Г., Шакиров Р. С. Декрет о мире: история и современность. М., 1987.
- ²³ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 14.
- ²⁴ Там же. С. 16.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 2—3.
- ²⁷ Там же. С. 3.
- ²⁸ Там же. С. 20.
- ²⁹ Панцов А. В. Брестский мир // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 61.
- ³⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 17.
- ³¹ Там же. С. 21.
- ³² Там же. С. 20.
- ³³ Там же. С. 15.
- ³⁴ Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1957. С. 15—16.
- ³⁵ Там же. С. 16—17, 707.
- ³⁶ Там же. С. 707.
- ³⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 77—82.
- ³⁸ Документы внешней политики СССР. Т. I. С. 22—23, 28—30.
- ³⁹ См., напр.: Чубарьян А. О. Брестский мир. М., 1964; Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. М., 1966; Гусев К. В. Октябрь и борьба за мир. М., 1968; Никольников Г. Л. Выдающаяся победа ленинской стратегии и тактики. М., 1968; его же. Брестский мир и Украина. Киев, 1981; Минц И. И. Год 1918-й. М., 1982.
- ⁴⁰ Волобуев П. В. Указ. соч. С. 112.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Панцов А. В. Указ. соч. С. 61.
- ⁴³ Журавлев В. В. Рубикон Бреста // Вопросы истории КПСС, 1990. № 6, 7.
- ⁴⁴ Известия ЦИК, 1917. 20, 21 ноября.
- ⁴⁵ Известия ЦИК, 1918. 11, 12 января.
- ⁴⁶ См.: Панцов А. В. Указ. соч.; Журавлев В. В. Указ. соч.; Васецкий Н. Наркоминдел Троцкий // Международная жизнь. 1991. № 1.
- ⁴⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 221, 476.
- ⁴⁸ См.: Бердяев Н. Смысл истории. М., 1990.
- ⁴⁹ Кива А. Октябрь в зеркале утопий и антиутопий // Известия. 1990. 5 ноября.
- ⁵⁰ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 1. М., 1967. С. 555.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 245.
- ⁵³ См. там же. С. 244, 247, 250, 254, 256, 257 и др.
- ⁵⁴ Там же. С. 248.
- ⁵⁵ Там же. С. 402.
- ⁵⁶ Там же. С. 403.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ См. там же. С. 118.
- ⁵⁹ Панцов А. В. Указ. соч. С. 179.
- ⁶⁰ Журавлев В. В. Указ. соч. С. 44.
- ⁶¹ Чубарьян А. О. В. И. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972.
- С. 188.
- ⁶² См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 363.
- ⁶³ История Советской Конституции: Сб. док. 1917—1957. М., 1957. С. 76—77.
- ⁶⁴ Документы внешней политики СССР. Т. I. С. 566.
- ⁶⁵ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. М., 1983. С. 60.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года: Протоколы. М., 1959. С. 393.
- ⁶⁸ Там же. С. 411.

- ⁶⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 38. С. 186.
⁷⁰ Там же. Т. 35. С. 279.
⁷¹ Бовин А. Указ. соч. С. 14.
⁷² Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 г.: Протоколы. М., 1961. С. 52.
⁷³ Ленин В. И. ПСС. Т. 39. С. 197.
⁷⁴ Меморандум Льва Троцкого 5.VIII.1919 г. // Родина 1990, № 10. С. 12.
⁷⁵ Там же.
⁷⁶ Там же. С. 12—13.
⁷⁷ Восьмая конференция РКП(б). С. 54.
⁷⁸ Там же.
⁷⁹ Документы внешней политики СССР. Т. II. М., 1958. С. 299.
⁸⁰ Там же. Т. I. С. 625.
⁸¹ Там же. Т. II. С. 332.
⁸² Очерки истории советско-польских отношений. 1917—1977. М., 1979. С. 83.
⁸³ Документы внешней политики СССР. Т. II. С. 638.
⁸⁴ Там же. С. 576—578.
⁸⁵ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. С. 162.
⁸⁶ Там же.
⁸⁷ Тухачевский М. Поход за Вислу. М., 1923. С. 31.
⁸⁸ История Польши. Т. III. М., 1958. С. 138.
⁸⁹ Там же. С. 144.
⁹⁰ Сироткин В. Рижский мир. С. 132.
⁹¹ Девятая конференция РКП(б): Протоколы. М., 1927. С. 9.
⁹² Там же. С. 26.
⁹³ Там же. С. 75.
⁹⁴ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 26. С. 217—221.
⁹⁵ Там же. Т. 41. С. 41.
⁹⁶ Там же. Т. 42. С. 22.
⁹⁷ Там же. Т. 43. С. 19.
⁹⁸ Там же. С. 23.
⁹⁹ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: Стеногр. отчет. М., 1963. С. 611.
¹⁰⁰ Там же. С. 618.
¹⁰¹ Там же. С. 611—612.
¹⁰² Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 4.
¹⁰³ Там же.
¹⁰⁴ Там же. С. 304—305.
¹⁰⁵ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. С. 163.
¹⁰⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 36.
¹⁰⁷ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. С. 180.
¹⁰⁸ Там же. С. 181.
¹⁰⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 3—61.
¹¹⁰ Там же. С. 23.
¹¹¹ Документы внешней политики СССР. Т. II. С. 639.
¹¹² См.: Шарапов Ю., Щукин В. В. И. Ленин о мирном сосуществовании (новые материалы) // Новая и новейшая история. 1962. № 6. С. 6.
¹¹³ Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1961. С. 191—192.
¹¹⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 39. С. 209.
¹¹⁵ Там же. Т. 40. С. 146.
¹¹⁶ Документы внешней политики СССР. Т. IV. С. 609.
¹¹⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 341.

Н. А. РАБКИНА

«ВИЗАНТИЗМ» КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА

В 1873 г. в катковском журнале «Русский вестник» появилась статья К. Н. Леонтьева «Панславизм и греки». Статья была прислана из Константинополя, где автор, бывший военный врач и литератор, находился на дипломатической службе.

26 февраля 1873 г. Ф. М. Достоевский сообщал профессору Московского университета М. П. Погодину: «Читали ли Вы, многоуважаемый Михаил Петрович, в Русском вестнике, февраль этого года статью „Панславизм и греки“? — Константинова ¹? (Не Леонтьева ли, печатавшего уже кое-что и давно уже о Востоке?) ². Эта статья меня даже поразила. Если не читали, то прочтите и напишите мне хоть два слова о ней. Хочу писать статью по ее поводу. Меня поразило особенно последний вывод о том, что собственно для России должен означать Восточный вопрос отныне? (Борьба со всей идеей Запада, т. е. с социализмом)» ³.

* * *

Творческое наследие Константина Леонтьева (1831—1891) велико. В 1912—1913 гг. издано девять томов его сочинений; на рубеже XIX—XX вв. в повременной прессе публиковались его письма, фрагменты мемуаров; в 22—24-м томах «Литературного наследства» впервые напечатана интереснейшая рукопись «Моя литературная судьба» ⁴. Тем не менее значительная часть его эпистолярного наследия в научный оборот не введена и хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки им Ленина, Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, Государственном Литературном музее. О Леонтьеве оставили воспоминания В. С. Соловьев, В. В. Розанов, Л. А. Тихомиров, С. Л. Франк; писали о нем С. Н. Трубецкой, Д. С. Мережковский, С. Н. Булгаков, И. Фудель — издатель и комментатор леонтьевского собрания сочинений, историк М. Н. Покровский, пушкинист Н. О. Лернер, поэт А. А. Александров ⁵. При диаметрально противоположных оценках концепции мыслителя общим оказалось одно — признание замечательного парадоксального ума, литературного дара, редкой искренности.

После 1922 г. в отечественной прессе публикации о Леонтьеве и Леонтьева фактически прекратились, исключение — упомянутые тома «Литературного наследства» и статья В. Ермилова «Мечты и действительность» ⁶. Впрочем, последняя статья посвящена Ф. М. Достоевскому, о Леонтьеве в ней говорится лишь в связи с откликом последнего на пушкинскую речь великого писателя. Но как? Разразившись серией беззастенчивых ругательств по адресу оппонента Достоевского, критик сравнил его с «фашистским дуче» и «фюрером», инкриминировал ему «любование страданиями Сони Мармеладовой» и, ничтоже сумняшеся, разделался с «мракобесом» «идеологом православной церкви». Выводы не заставили себя ждать, на страшное имя наложили табу...

Рабкина Нина Абрамовна, кандидат исторических наук, лектор-методист Московского городского бюро путешествий и экскурсий.

Заговор молчания был впервые нарушен в 1960-х гг. А. Л. Яновым⁷. Тогда же появился лаконичный текст о Леонтьеве в III томе «Истории философии в СССР» (М., 1968) в разделе о почвенничестве. В 1975 г. была опубликована о Леонтьеве большая статья П. Гайденоко «Наперекор историческому процессу»⁸. В 1981 г. в одном из сборников по истории отечественной философии обнародованы фрагменты диссертации Л. Р. Авдеевой «Философско-методологические аспекты консервативной социологии К. Леонтьева»⁹, к сфере леонтьеведения относятся и статьи автора этих строк¹⁰. Общими недостатками всех вышеперечисленных работ оказались вынужденная скованность исследователей, умолчание о наиболее «неудобных» фрагментах политической концепции, адаптация, продиктованная временем.

Отечественные авторы последних публикаций и очерков о Леонтьеве обрели, наконец, право на большую откровенность и полноту освещения предмета исследования. И здесь следует упомянуть статью П. А. Котельникова, публикацию Т. Померанской, очерк известного литературоведа Ст. Лесневского «Писатель-иннок»¹¹. На Западе леонтьеведение не знало лакун. К теориям Леонтьева обращались крупные мыслители, его считали пророком большевизма¹².

* * *

В 1990 г. на страницах журнала «Нева» в переводе с английского была опубликована большая работа ныне американского исследователя, доктора политологии, профессора А. Л. Янова, в которой Леонтьев, хоть и кратко цитируемый, представлен как один из выдающихся теоретиков «русской идеи» второй половины прошлого столетия; с воззрениями его, согласно автору, своеобразно развивавшееся славянофильство и почвенничество конца XX в. сохраняют прямую органическую связь¹³. А. Л. Янов настаивает на апелляции к теориям Леонтьева и перекличке с ними взглядов таких столпов современной мысли, как, например, А. И. Солженицын. Эссе Янова интересно, но не бесспорно. Замечательнее же всего в этой работе то, что леонтьевская историко-философская концепция упомянута в широком контексте развития одного из главных направлений российской мысли, связана с эволюцией отечественных экономики, социума, с трансформациями государственно-политической жизни.

Задача автора данной статьи не столь всеобъемлюща. Заключается она в следующем: более подробно рассмотреть творческое наследие К. Н. Леонтьева, относящееся к сфере его политических взглядов, выявить их основные тенденции и корни, проследить откровенно заявленный Леонтьевым «византизм» по отношению к анализу современной ему российской действительности и эволюцию этого «византизма» на протяжении по меньшей мере 30 лет собственной жизненной летописи Леонтьева. Естественно, что автор не может не коснуться вопроса о соотношении концепций Леонтьева с широким спектром течений современной ему общественной мысли, о влиянии его политических теорий на потомков. Небезынтересно уяснить место и значение мыслителя в истории отечественной духовной жизни в период его творческой деятельности и после смерти. Вот этим «подробностям истории» и посвящена данная статья.

* * *

Очерк «Панславизм и греки» появился в разгар агитации за освобождение и объединение славян, популяризации «всеславянской идеи». За два года до этого отдельным изданием был опубликован труд ученого географа и зоолога, бывшего петрашевца Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». В конце 1860-х гг. панацею от мирового зла последний видел в панславизме, а вершину мировой культуры — в особой славянской цивилизации. Эта книга стала катехизисом новых российских славянофилов.

К. Н. Леонтьев считал себя в некотором роде идейным учеником Н. Я. Дани-

левского, однако он резко отверг основной политический тезис последнего — необходимость образования всеславянской федерации. Что не устраивало Леонтьева в постановке русской общественной мыслью и государственной дипломатической практикой славянского вопроса и почему он расходился с Данилевским?

Идеи «всеславянства», славянского «культуросообия», панславизм Леонтьев находил либеральными и опасными для российской государственности; западных и южных славян — обуреваемыми конституционными и эгалитарными стремлениями; поддержку славянской федерации — чреватой расшатыванием российской монархии. Россия должна руководствоваться не братским гуманизмом, а «эгоизмом государственного долга»¹⁴. В грядущем, по Леонтьеву, не славянская федерация окажется противопоставленной Западной Европе, ее культуре, а Восток в целом, с турецким, греческим и азиатским элементом, Восток под эгидой русского самодержавия: «Восток встанет весь заодно, встанет весь оплотом против безбожия, анархии и всеобщего огрубения... (под чем подразумевались бессословность, гражданские свободы, идеалы равенства, — *Н. Р.*). Соединенные тогда в одной высокой цели народы Востока вступят дружно в спасительную и долгую, б. м. духовную, б. м. и кровавую борьбу с огрубением и анархией, в борьбу для обновления человечества»¹⁵.

«Всегдашняя опасность для России на Западе: не естественно ли ей искать и готовить себе союзника на Востоке? Если этим союзником захочет быть и мусульманство — тем лучше»¹⁶.

Автор отринул декларируемое либералами модное славянолюбие, абсолютизировал сословно-государственный интерес русского царизма. Ему принадлежала мысль о качественно ином межнациональном образовании на территориях, подвластных империи. Развитие капитализма, буржуазных свобод, техники он отождествил с огрубением и анархией.

В другой статье 1873 г. — «Панславизм на Афоне» — Леонтьев, упорно относимый некоторыми биографами к религиозным философам, предложил компромисс православия с «неверными» в ущерб национальному родству: «чистейшие интересы православия... тесно связаны с владычеством мусульманского государя. Власть Магометова наследника есть залог охранения»¹⁷.

* * *

В 1875 г. вышла в свет основополагающая работа К. Н. Леонтьева «Византизм и славянство». Однажды провозглашенные истины нашли в ней подкрепление авторской теорией исторического процесса.

Эта рукопись Константина Леонтьева первым изданием опубликована в «Чтениях общества истории и древностей российских». Профессор М. П. Погодин оказал покровительство бывшему консулу. Письмо Достоевского сыграло здесь не последнюю роль. 1 марта 1873 г. на сентенцию писателя историк ответил: «... на „Панславизм и греки“ я уже взглянул и увидел, что надо прочесть. Предстоит борьба России с Западом из-за чего бы ни было, а вероятно, из-за Востока. Эта мысль уже давно заявлена»¹⁸. Имел ли Погодин в виду «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, записку Ф. И. Тютчева императору Николаю Павловичу «Россия и революция», опубликованную в 1849 г. в Париже, жесткие реалии Крымской войны или мысль уводила его в XVII век, в Петровскую эпоху? Сказать трудно. И, однако, оригинальный взгляд К. Н. Леонтьева на давнишний вопрос российской истории не имел прецедентов.

В архиве Погодина есть леонтьевское письмецо без даты:

«М. Г. Михаил Петрович! Прилагаю при этом письме очерк в один печатный лист. Если Вам угодно дать мне за него ту цену, которую мне дают в Отеч[ественных] зап[исках] за лист, т. е. 50 руб. сер[ебром], то я с удовольствием отдам его в ваш журнал. Меньше я не возьму. Вещь эта так мала, что

прочсть ее нужно всю, я думаю, полчаса — потому я и пришлю за ответом завтра. Мне будет очень приятно, М. Г., видеть этот очерк в Вашем журнале, но признаюсь Вам откровенно, что я больше недели (начиная с нынешнего дня) ждать денег не буду. Так что в случае невозможности заплатить мне на днях, Вы лучше уж, не раскрывая тетради, — возвратите ее назад. С истинным почтением остаюсь, М. Г., покорный Ваш слуга К. Леонтьев»¹⁹.

По-видимому, это — послание совсем молодого Леонтьева, вернувшегося из Крыма, с театра военных действий. Очерк был направлен в «Москвитянин», который издавался до 1856 г. Погодин сохранил в своем архиве заносчиво-смятенное письмо. Перед публикацией «Византизма и славянства» автор побывал в московском доме историка на Девичьем Поле и об этой встрече рассказывает: «Вот тут я увидел, что значит долгая привычка ко вниманию и умственному труду. Этот большой старец во все время не сводил с меня глаз, не перебивая, не шевелясь и все слушая, глаза его не выражали ни малейшего утомления; они все были светлы...»²⁰.

Думается, Погодин просто понял, что имеет дело с особой монологичного склада, и как человек не лишенный юмора слегка внутренне забавлялся, глядя на красавца-дипломата, преображенного в послушника²¹ и метящего в пророки.

7 декабря 1874 г. легко самовозносившийся Леонтьев обращается к своему комиссионеру в литературных делах И. П. Красновскому: «Посылаю Вам еще рекомендательное для Вас письмо к Погодину: старик богат, не выезжает, мне он хотел устроить ту большую рукопись „Византизм и славянство“, и **что-нибудь** еще, он Вам скажет и Вы потрудитесь **написать**»²².

«Византизм и славянство» — произведение, созданное в форме пространного эссе, состоит из 12 отдельных глав. Леонтьев работал над ним в 1872—1874 гг., находясь на греческом Афоне и в Николо-Угрешском монастыре. Писал он с видимой лихорадочной торопливостью. Казалось, автор боялся опоздать посвятить соотечественников во вдруг открывшуюся только ему тайну отечественной истории, в суть особой предназначенности российского государства. Круг сообщаемых им историко-политических сведений представляется весьма значительным и разнообразным, но в обращении с конгломератом фактов чувствуется легкость, волюнтаризм, небрежность одаренного дилетанта. Сам Леонтьев говаривал не единожды, что он не «ученый», сопрягая с понятием «учености» узость и запрограммированность мышления, бесстрастность и сухость изложения. Педантом он действительно не был, о хронологической точности, верности отсылок заботился мало, в манере письма был художнически свободен.

В начале работы автор пытается определить сущность и характерные черты древнего «византизма» как историко-культурного явления мировой значимости. Затем говорит о его влияниях на средневековую Европу, юго-западное славянство и Россию. В первом случае это влияние кончилось, по Леонтьеву, в IX столетии, но в свое время ввело в европейскую жизнь понятия о твердых государственных формах и социально-религиозной иерархии. На югославян сколько-нибудь сильного воздействия византизм не оказал вообще, в России нашел самую благодатную почву.

Рассуждая о византизме, оценивая его роль и смысл, Леонтьев словно умышленно противопоставляет собственную концепцию какому-то не называемому оппоненту. Конечно, он имел в виду П. Я. Чаадаева²³.

Итак, по его мнению, византизм — «общая идея», особая культура, которая включает религиозную, государственную, нравственную, философскую, художественную идеи. Основой древнего «византизма» названы самодержавие, православие, дисциплина — таково кредо К. Н. Леонтьева. Благодаря «общей идее» Восточная империя пережила языческий западный Рим на 1100 лет. Византизм предшествовал ранней романо-германской цивилизации и повлиял на нее; на Руси же он нашел и того более: простой свежий народ, на-

следственную великокняжескую власть, патриархальное управление и обрел вторую жизнь, едва ли не более могущественную и прекрасную, нежели первая. Монархическая власть России легитимна, наследственна, семейная идея в гражданской жизни (так сложилось исторически) всегда отступала перед ней на второй план. «Всю силу нашего родового чувства история перенесла на государственную власть, на монархию, царизм»²⁴, — считал автор.

Монархическое начало не зря оказывалось знаменем крестьянских бунтов, оно проявилось даже в призывах «молодых якобинцев 20-х годов» (то бишь декабристов). «Пока в душах бунтующих были глубокие консервативные начала, все бунты имели самозванческий или мнимолегитимный характер»²⁵. И посреди путешествия в прошлое, перенесся вдруг в современное ему бытие, Леонтьев уверял читателей, что в России его времени страшна не пугачевщина, не польское восстание, — без великих волнений не может жить великий народ, — страшнее всего очень мирная, очень законная демократическая конституция. Вспомнив о Нечаеве, он заметил, что не в нигилистах и анархистах видит главного врага, а в мягких, добропорядочных, хороших либералах. Это его угол зрения, его позиция, из которых вытекали общая направленность леонтьевских критик и мысленное примирение с предполагаемым жестким вариантом перевернутого отечественного будущего.

Все стремления к равенству лиц, сословий, провинций, наций автор «Византизма и славянства» называет губительными. Переход к главе «Что такое славизм» он предвосхитил утверждением «Любить племя за племя — натяжка и ложь»²⁶. Родственные по крови славяне пропитаны, по Леонтьеву, духом гибельного европеизма, всеравенства и всеблага, они «демократы и конституционалисты», и поддержка их национально-освободительного движения «трясает авторитет византизма, подкапывается... под основы русского государства»²⁷. Те, кому дорого величие российской государственности, должны понять благоворность «слияния и смешения с азиатцами... или с иноверными или с иноплеменными... они еще не пропитались европеизмом»²⁸.

Монархия, сословность, обрядовая церковь, патриархальный, крестьянский мир — вот желанная Леонтьеву высшая точка цивилизации, добровольным проповедником и рыцарем которой он себя объявлял. И цивилизация эта, противостоящая европейскому эгалитарно-либеральному процессу, повинуется телеологической идее, вложенной в нее свыше. «Государственная форма, — писал он, — у каждой нации своя; она в главной основе неизменна до гроба исторического, но меняется быстрее или медленнее в частности»²⁹. Мотив предопределения, предназначенности усиливал энергию политической проповеди автора, призыв к безоговорочному служению государственной идее: «Человек в государстве есть в одно и то же время и **механик**, и **колеса** или **винт** и **продукт общественного организма**»³⁰ (подчеркнуто мною. — Н. Р.). Именно в период государственного расцвета, считал Леонтьев, являются в истории «великие замечательные диктаторы, императоры, короли или, по крайней мере, гениальные демагоги и тираны»³¹.

А что же такое исторический процесс в целом? Этому вопросу посвящено кряду несколько глав. Развитие всех явлений мира и естественных, и исторических, по Леонтьеву, триедино: 1) восхождение от простого к сложному, 2) расцвет: сила, сложность, яркая индивидуализация, разнообразие, 3) вторичная, смешительная простота старости. «Все вначале просто, потом сложно, потом вторично упрощается... Этот триединый процесс свойственен всему существующему в пространстве и времени»³².

В формах явления заключен деспотизм внутренней идеи. «Разрывая узы этого естественного деспотизма, явление гибнет»³³. Прогресс «есть не что иное, как процесс разложения». Процесс разложения в Европе начался в то время, когда Россия переживала период государственного расцвета в XVIII столетии. Автор предупреждает о заразе подобного разложения, об опасной и близкой возможности грядущего усреднения («средний европеец», читай — мещанин),

о грозящей нивелировке этнической пестроты, потере государственно-иерархических форм, освященных православием и любезных его эстетическому чувству.

Нация, государство живут, по мнению Леонтьева, 1000, 1200 лет. На первом этапе их существования подталкивание к более интенсивному движению вперед, к расцвету весьма резонно, а на третьем этапе правы охранители и «друзья реакции». Лучший порядок тот, коему суждено погибнуть. Коснувшись охранительства, Леонтьев вдруг забывает о вере в предназначенность, предопределенность, в российское «культуроособие» и восклицает с ужасом: «У нас дух охранения слаб. Наше общество вообще расположено идти по течению за другими... кто знает?.. Не быстрее ли даже других? Дай Бог мне ошибиться»³⁴. «Мы прожили много, сотворили духом мало, и стоим у какого-то страшного предела»³⁵.

Противоречия философско-публицистического произведения Леонтьева очевидны, волюнтаристские натяжки прозрачны; но авторским угадываниям, тонким характеристикам трудно отказать в меткости, дальновидности и бесстрашии.

В письмах к Владимиру Соловьеву в 1890 г. Леонтьев определил истоки и принципы собственного мировоззрения: «Ум мой, воспитанный с юности на медицинском эмпиризме и на бесстрастии естественных наук пожелал рассмотреть и всю историческую эволюцию человечества и, в частности, наши русские интересы на Востоке с точки зрения особой естественноисторической гипотезы (триединого процесса развития, кончающегося предсмертным смешением и растворением в большей против прежнего однородности)»³⁶.

Комментатор сочинений Леонтьева И. Фудель считал, что Владимир Соловьев своей критикой позднего славянофильства (воззрений Н. Я. Данилевского, Н. Н. Страхова) поколебал уверенность автора «Византизма и славянства» в особой культурно-исторической будущности, в особой миссии России³⁷. Но, как видим, это не так. Уже в рассмотренной выше работе, писавшейся в начале 1870-х гг., содержались элементы мучительных футурологических тревог и сомнений.

Во время пребывания в Афонском монастыре Леонтьев параллельно «Византизму и славянству» пишет очерк «Средний европеец как орудие всемирного разрушения», очерк, словно бы разъясняющий и оттеняющий первую работу. Главный риторический вопрос «мономана» особой российско-азиатской культуры был следующим: «Представим ли мы, загадочные славяно-туранцы удивленному миру культурное здание, еще небывалое по своей обширности, по роскошной пестроте своей и по сложнейшей гармонии государственных линий или мы восторжествуем над всем только для того, чтобы всех смешать или всех скорей погубить в общей равноправной свободе и в общем неосуществимом идеале всеобщего благоденствия — это покажет время уже не такое далекое от нас...»³⁸. Назойливый призрак иного строя видится его взору. Социализм, страх перед которым в статье «Панславизм и греки» по-настоящему прозрел один Достоевский, в очерке «Средний европеец как орудие всемирного разрушения» рисуется Леонтьевым как грядущая реальность, не оставляющая места иллюзиям: «Социализм, понятый как следует, есть не что иное, как новый феодализм, уже вовсе недалекого будущего в смысле нового закрепощения лиц другими лицами и учреждениями, одних общин другими общинами... Теперь коммунисты (и пожалуй социалисты) являются в виде самых крайних до бунта и преступления, в принципе неограниченных либералов»³⁹.

* * *

Итак, в разгар национально-освободительной борьбы кровнородственного славянского мира Леонтьев выступил по отношению к нему с откровенно изоляционистских позиций. Много позже Владимир Соловьев окрестил Леон-

тьева «принципиальным или идейным консерватором», «оригинальным и талантливym проповедником крайне консервативных взглядов»⁴⁰.

В 1876 г. в отдельном издании «Благонамеренных речей» М. Е. Салтыкова-Щедрина появился новый фрагмент о теоретиках «обуздания». Внимательный читатель мог догадаться, кто здесь имелся в виду: «Это угрюмые люди, никогда не покидающие марева, созданного их воображением, и с неумолимой последовательностью проводящие это марево в действительность. Всегда вооруженные, недоступные и неподкупные, они не останавливаются не только перед насилием, но и перед пустотой... нет ничего ужаснее, как искренность, примененная к насилию...»⁴¹.

Н. Н. Страхов напечатал сочувственную заметку о «Византизме и славянстве» в журнале «Русский мир»⁴². Вот и все... В остальной прессе гробовое молчание. Отзыватьcя хоть как-то на писания Леонтьева в периодике будут позже, с начала 1880-х гг., привыкнув к его эпатажам и парадоксам, снисходительно подсмеиваясь над мрачными «маниакальными» прорицаниями.

В 1878 г. в газете «Гражданин» К. Н. Леонтьев опубликовал статью «Храм и церковь», и в многоголосый авторитетный хор либеральной журналистики опять ворвалась «тема» Восточного союза, евразийской, сильной, единой государственности. «Если бы в каком-нибудь Тибете или Бенгалии существовали православные монголы или индусы с твердой и умной иерархией во главе, то мы эту монгольскую или индустанскую иерархию должны предпочесть даже целому миллиону славян с либеральной интеллигенцией à la Gambetta, должны предпочесть для прочной дисциплины самого славянского ядра»⁴³.

В 1879 г. в реакционную газету «Восток», редактируемую отставным дипломатом Дурново, поселившийся в Оптиной пустыни бывший консул присылает «Письма отшельника». Толкуя о «неизбежности панславизма», он опять кричит о его «национально-либеральном начале», снова пугает «маскированной революцией» и предостерегает от «всеобщей демократизации, всеобщего освобождения и всеобщего опошления»⁴⁴.

После 1 марта 1881 г. и вступления на престол Александра III, когда публицист был назначен московским цензором, его новые сочинения перестали казаться лихорадочными ядовитыми заметками одинокого прорицателя. В годы правления угрюмого «миротворца» пресса вообще значительно поправела, а Леонтьев почувствовал реальную почву под ногами. Он рассуждал уже не без некоторой уважительности, повторял и повторял, что особой цивилизацией станет не славянский мир, а Россия со всеми азиатскими владениями, и в разрешении Восточного вопроса заключается роковая миссия России. Российская культура, полагал он, ни в коей мере не сходна со славянской, в ней присутствует сильный элемент «благотворного азиатизма», однако и славян подчинить российскому политическому влиянию было бы очень неплохо. Началом же создания Великого Восточного монархически-православного союза с Россией во главе должно стать завоевание Царьграда.

Предшественник К. Н. Леонтьева Н. Я. Данилевский, убежденный в необходимости либеральной внешней политики, еще недавно приветствовал падение крепостного права: «Не должны ли были славянские народы чувствовать невольного недоверия к России, вступавшей в борьбу за их освобождение, — и в то же время сохранявшей и распространявшей у себя дома рабство?» «Насколько возросли эти симпатии как только снято было крепостное иго с русского народа?» — вопрошал ученый и заключал: «Истинного либерализма не могло быть при существовании крепостного права»⁴⁵.

Леонтьев доказывал иную идею: «Вопрос о том, как ослабить демократизм, европеизм, либерализм... как задушить их, а не в том, как подбавить им еще чего-то архилиберального и архиевропейского». «Им (грекам и болгарам. — Н. Р.) нужны в одно и то же время, елей любви для их разверстых язв и бич отеческий для обуздания их претензий»⁴⁶.

В оценке отложения болгарской церкви от греческих патриархов Леонтьев принял сторону греков-фанариотов, он выступал против искания болгарскими раскола, против «болгаробесия» русских. Каноническое и иерархическое православие предпочиталось снова племенному родству.

Задача чаемого Восточного Великого Союза, который вберет, по Леонтьеву, и территории «освобожденных» славян, должна состоять в разработке серии «прогрессивно-реакционных» реформ, обеспечивающих нелиберальные условия жизни, экономическое и гражданское принуждение, своеобразную кастовость.

Еще в главном его труде явилась заветная мысль, перепеваемая в различном словесном оперении позже: «Мудрость народа состоит именно в том, чтобы не искать политической власти, чтобы как можно менее мешаться в государственные дела. Чем ограниченнее круг людей, мешающихся в политику, тем эта политика тверже, толковее, тем самые люди даже всегда приятнее, умнее»⁴⁷. Кстати, Достоевский на эти высказывания отозвался с крайней горечью и раздражением: «Я никогда не мог понять смысла, что лишь $\frac{1}{10}$ людей должны получать высшее развитие, а что остальные $\frac{9}{10}$ служат лишь материалом и средством... Эта идея ужасна и совершенно антихристианская»⁴⁸.

Концепция позднего славянофила-либерала Данилевского нашла поддержку Леонтьева лишь в той части, где говорилось об умирании романо-германской, будто бы отжившей цивилизации, об извечной вражде Запада и Востока. В отличие от Тютчева и Достоевского, Леонтьеву претили иллюзии христианской любви и братства народов. «Славянский мир», по его концепции, откровенно обрекался на роль одного из подчиненных звеньев Восточного Великого государственного союза⁴⁹.

«В сущности, мы желаем одного и того же — блага России (не в либеральном, а в более идеалистическом духе); вы — завтра, а я — послезавтра... — пишет Леонтьев в неопубликованном послании к приятельнице журналистки О. А. Новиковой, урожденной Киреевой, сестре председателя Петербургского славянского комитета, считая, что он видит дальше ее и других. — Я не люблю южных и западных славян; они мне основательно не нравятся; я справедливо ничего не жду от них; но освободить их необходимо, хотя бы для того, чтобы после переделать их по своему»⁵⁰.

В 1888 г. в статье «Владимир Соловьев против Данилевского» автор снова уповает не на свободолюбивых, потому не нравившихся ему славян, а на «счастливое сочетание с ними всего получужого, преимущественно восточного... которое заметнее в России. Нужна вера в дальнейшее и новое развитие Византийского... христианства... в плодотворность туранской примеси в нашу русскую кровь, отчасти... и твердой немецкой крови»⁵¹.

* * *

Негативно воспринимая буржуазную Европу, считая ее носительницей либеральных «инфекций», Леонтьев и на Западе отвергал не все. Верный идее власти, сословному чувству, он симпатизировал железному канцлеру кайзеровской Германии: «Государство более демократическое побеждено жестоко державой, в то время менее уравнительной; республика — монархией, полезный пример»⁵² (имелась в виду франко-прусская война). Бывший дипломат в возвышении Германии увидел практический смысл для России: бисмарковская держава осилила республиканскую Францию, а само существование Франции на долгие годы свяжет пруссаков на Западе. Кайзеровская Германия, возможный потенциальный противник России, не решится на войну, так как ничего не получит, кроме «русского иступления» и французского союзника русским, мечтающего о реванше. Бисмарк нравился Леонтьеву, но с еще большим удовольствием в конце 1880-х гг. возвращался певец власти к воспоминаниям о событиях полувекковой давности, рассуждая о приоритете имперского легити-

мизма над национальными чувствами в политике Николая I. Он набрасывал идеализированный величавый портрет «незабвенного» — антипод герценовскому, но, увы, тут же пронизательно замечал, что пробуждение племенного чувства в России совпало с искренним внутренним уравнильным движением, начатым еще декабристами⁵³.

История и текущая жизнь, «ума холодные наблюдения» заставляли принципиального консерватора вносить коррективы в личную национально-государственную доктрину, предаваться сомнениям. Очевидность промышленного развития, подъем рабочего движения, растущая популярность социалистических теорий, перманентная демократизация общества приводили к констатации единства в главных чертах социального развития Запада и Востока, единства «истории человечества», «Европейский Восток на глазах наших в менее резких и ясных формах, с приемами менее решительными повторял в недрах своих только то, что делал Запад»⁵⁴.

Доискиваясь причин неотвратимого «зла», Леонтьев уходил в ретроспекцию, обрушиваясь на утопии раннего либерального славянофильства, в коем одобрял лишь взгляд на крестьянскую общину и неотчуждаемость земель, обеспечивавших консервацию социальных отношений. Еще в 1874 г. Леонтьев признавал, что на почве «государственной, чисто политической и даже (вот что неожиданное) на почве церковной, я со слишком либеральными московскими славянофилами никогда не сойдуся... Если снять с них пестрый бархат и парчу бытовых идеалов, то окажется под этим приросшее к телу их обыкновенное, серое, буржуазное либеральничанье, ничем существенным от западного эгалитарного свободопоклонства не разнящееся»⁵⁵. В 70-е гг. он осуждал «племенную агитацию» И. С. Аксакова и даже М. Н. Каткова, видел в ней потворство «новым изворотам еще не насыщенного революционного змия». А на исходе 1880-х гг. с негодованием восклицал по поводу поздних славянофилов: «Они все еще улыбаются и слабых сторон Данилевского не видят»⁵⁶.

В мае 1889 г. в уже цитированном пространном письме к О. А. Новиковой, Леонтьев, растолковывая собственную позицию, рисует удовлетворяющий его, но, увы, маловероятный вариант: «Революция — есть смешение и ассимиляция. Русские, желая разрушить... Турцию и Австрию и из свободных славян составить конфедерацию в этом случае революционеры... но революционеры они только по необходимому средству, а не по цели — существенная цель их не сама свобода и равенство славян, а своеобразная культура, хотя бы и деспотического характера. Внутренний деспотизм Православия, внешний деспотизм царизма, экономически деспотическая жизнь...»

Между русскими есть один, который „мономан и психопат“ этой особенной культуры и он беспокоится об ней собственно, кажется, больше всех других и, видя перед собой в настоящее время больше действие ближайшей цели или необходимого средства, т. е. эмансипации славян, чем пособие цели главной — культурно-обособляющей — опасается за эту главную собственно национальную цель и напоминает об опасности эмансипации и ассимиляции...» (подчеркнуто мной.— Н. Р.).

В последовательной ненависти к демократии, республике, конституции, к «свободам» он готов был поклониться «презренному» социализму, если тот станет «грядущим рабством». «Да здравствует „грядущее рабство“⁵⁷, если оно, разумно развитое Россией, ответит на очередные запросы истории и поставит нас, наконец, умственно, духовно, культурно, а не политически только во главе человечества». «Argès pous, т. е. после нашего культурного плодоношения — le déluge», — в конце письма пошутил Леонтьев. Но тут же оборвал себя: «Я воздержусь здесь от основательной с Вами полемики. Лучше будет если „пленной мысли раздраженье“ будет у меня очень сильно, напишу об этом в „Гражданине“»⁵⁸.

Итак, государственность, государственность прежде всего и превыше всего, сильная государственность в образе Восточной великой империи, желательно

наследственной, аристократической, патриархальной. Но ежели суждено вдохнуть силы в чаемое «культуроособие» «грядущему рабству», лучше последней, чем демократия и свободы. Леонтьев не унижал свои воззрения недомолвками.

«...Один Вам известный человек,— сообщал он все той же корреспондентке,— пишет по секрету мне в частном письме, а не печатно, по поводу моих взглядов на политику племенных освобождений и объединений... приблизительно следующее лестное мнение: „Наша беззубая публика привыкла к пище жеваной, а вы даете пищу новую, твердую“, (Жаль, что он не прибавил еще: читатели наши привыкли или к нигилизму, или к катковскому теперь обмякшему славянофильству) и ваши статьи производят на них даже болезненное впечатление, это ваша доля и ваша честь».

В этом приватном письме он дорисовал свой политико-эстетический идеал до конца, не оставляя места разночтениям. «„Здесь русский дух! (в Оптиной пустыни.— *Н. Р.*). Здесь Русью пахнет“, и во многих отношениях Русью **очень старой**, до сих пор еще благополучно отстаивающей себя от России новой, либеральной и космополитической: от мерзкой России пара, телефонов, электрического света, суда присяжных, пиджака, „Вестника Европы“, польки-трамблант и всеобщего равноправия (...). Здесь именно тот русский византизм (...), без которого будет *finis* и не только для России, но и для всего остального славянства».

В 1890 г. он обращается с открытыми письмами к В. С. Соловьеву. Отосланные Леонтьевым в политико-философский журнал «Русское обозрение», семь писем были опубликованы только спустя 21 год после кончины автора. «Я могу поверить... в торжество рационалистического космополитизма, но никогда не сочту благом это торжество,— в космополиты я поэтому не гожусь: настоящим же националистом меня не хотят признать только потому, что я не могу в виде известных соображений, ставить культурно-государственную будущность России в зависимость от объединения славян»⁵⁹.

Вера Данилевского в богатую и невиданную четырехосновную славяно-русскую культуру оказалась, по его мнению, «верой напрасной и ни на чем не основанной». «Мои надежды на особое культурное будущее России за последнее время,— признавался он,— стали все более и более колебаться»⁶⁰.

Соловьев после смерти Леонтьева подвел итог политическим размышлениям своего старшего современника: «Новая великая будущность России представлялась Леонтьеву желательной и возможной, а не роковою и неизбежною, как думают славянофилы; иногда эта будущность кажется ему маловероятною: Россия уже прожила 1000 лет, а губительный процесс эгалитарной буржуазности начался и у нас...»⁶¹.

Умирал Константин Леонтьев, страдая от того, что повсеместно дискредитировано монархическое начало, гневаясь на то, что монархи бездарны и бессильны, сомневаясь в том, что ассимиляционная революция может встретить предел «от потрясенного Кремля до стен недвижимого Китая», не веря в прочность плодов отечественной реакции. «В умах наших... смута»,— вещал он. Леонтьев сокрушался о безнравственности народа, бездеятельности духовенства, фарисействе и лжи писателей, обличал простонародные толпы, легковозвратимые и своекорыстные, по его мнению. «Нужны привилегии, особые права на власть, особый класс, юридические ограды»,— вот его последние призывы и уверения. Скептик и пессимист, никогда не смешивавший желаемое и действительное, отягощенный болезнью, предчувствием близкого ухода, он зловеще предрекал: «через какие-нибудь полвека, не более, он (народ России.— *Н. Р.*) из народа „богоносца“ станет мало-помалу, и сам того не замечая, „народом-богоборцем“ и даже скорее всякого другого народа быть может, ибо, действительно, он способен во всем доходить до крайностей»⁶².

К. Н. Леонтьев ушел из жизни 100 лет назад «черным монахом»: за несколько месяцев до смерти он принял постриг. Умер в Троице-Сергиевой лавре

12 ноября 1891 г. К. Н. Леонтьев — не поздний славянофил, не «неославянофил»⁶³, не «разочарованный славянофил», какими считали его С. Н. Трубецкой и П. Н. Милюков⁶⁴. Более точен В. С. Соловьев, хорошо знавший Леонтьева, испытавший на себе его влияние: «Фактически Леонтьев не был и не мог быть разочарованным славянофилом, уже по тому одному, что никогда не был очарован славянофильством <...> последних Леонтьев всегда чуждался, относясь к ним с почтительным пренебрежением, как к хорошим людям, но плохим музыкантам. Неизмеримо выше их он ставил Каткова, которому предлагал поставить заживо памятник на Страстном бульваре как нашему государственному Пушкину»⁶⁵.

Леонтьев был одержим идеей византийско-российской государственности; он был пионером своеобразного евразийства, идеологом «восточной» имперской структуры, опирающейся на жесткие иерархические начала.

* * *

В стане реакционеров Леонтьев не был одинок, но взаимоотношения его даже с единомышленниками были сложными, далекими от идиллии, взаимоприятия. В Каткове, вразрез с романтической оценкой Соловьева, он ценил только практического политика, поддерживал его тактически, но презирал как плагиатора чужих идей. Идеологом и пророком считал себя, а Каткова — человеком минуты, ловким конформистом, прагматиком.

Леонтьев дал журнальному диктатору уничижительную характеристику: «Он умел свой колокол, в котором серебра было уж не так много, высоко и выгодно для акустики подвесить. У него можно учиться ловкости и чутью, а не идеям. Ни в печати, ни даже в частных беседах я ни слова от него нового не слышал. Все это я прежде его и тоньше говорил»⁶⁶. В другом месте о том же Каткове Леонтьев заметил: «Он, ничуть не стеснясь, игнорировал все, сказанное другими, и в периодических изданиях и в целых особых книгах. Умалчивал о том, что прежде его это самое сказали Хомяков, Аксаков, Н. Я. Данилевский, Тютчев, в иных случаях даже Герцен; он повторял чужие мысли в такие только минуты, когда становилось возможным их немедленное приложение»⁶⁷.

Но Леонтьеву приходилось писать в журнал Каткова, мириться со скромным гонораром, бедствовать материально, долго и мучительно ждать публикации своих романов, очерков и статей: «О Боже, прости мне, до чего я страстно ненавижу этого человека!» — восклицал он в частном письме к К. Д. Гагарину от 14 февраля 1887 г.⁶⁸

Не менее скептически относился Леонтьев и к другой пифии самодержавия — К. П. Победоносцеву. «Он как мороз: препятствует дальнейшему гниению; но расти при нем ничто не будет. Он не только не творец; он даже не реакционер... мороз; я говорю, сторож; безвоздушная гробница; старая „невинная“ девушка и больше ничего»⁶⁹. Победоносцев, находивший полезным изредка выпускать Леонтьева в печать для острастки передовой прессы, внешне выказывавший публицисту некоторое внимание, побаивался его печатных крайностей и эпатирующих откровений. В 1881 г. возникшая было у обер-прокурора Святейшего Синода мысль о совместном с Леонтьевым издании сборника политических статей осуществлена не была⁷⁰.

Тем не менее после выхода в свет двухтомного сборника статей Константина Леонтьева (Восток, Россия и славянство. Т. 1—2. М., 1885—1886), Победоносцев купил 60 экземпляров издания и разослал его в духовные семинарии⁷¹.

Правительству Александра III, российской реакции 80-х гг. прошлого века Леонтьев навязывал себя в поводыри бескорыстно и маниакально. Он хотел идеей вооружить царизм, воспитать, возвысить, усилить, задержать в приближающемся контрреволюционном противостоянии грядущему. «Воспитать наш народ в легальности очень долгая песня... А пока народ наш любит и пони-

мает власть больше, чем закон»⁷², — учил он мужей государства. Как уже отмечалось, Леонтьеву виделись в будущем пошлость технического прогресса, утилитаризация, нивелировка личностей, «смесительная простота», потеря этнической красоты в народной жизни, и он готов был тогда искать спасения в «грядущем рабстве» и предпочесть его анархии, «киселю», хаосу. «Вот разве союз социализма, „грядущее рабство“, по мнению либерала Спенсера, с русским самодержавием и пламенной мистикой (которой философия будет служить как собака), это еще возможно, но уж жутко же будет многим», — писал он В. В. Розанову 13 июня 1891 г., за несколько месяцев до смерти⁷³.

Беспощадный критик национальной утопии, противник демократического освободительного движения национальной буржуазии, апологет «подмороженной», легитимной монархии, единодержавия и потомственного аристократизма, патриот «на свой салтык» — таковым выступал в прессе этот, по существу, одинокий литератор-эстет, «охранитель», странный романтик-идеалист.

Имели ли писания Константина Леонтьева влияние? Официально оно не признавалось, о Леонтьеве молчали, с ним открыто не спорили, впрямую не поддерживали. Но мудрый и лукавый В. В. Розанов писал ему в личном письме: «... отношение к южным славянам, желание отслоить опять смешавшиеся было сословия, церковно-приходские школы на месте земских, преобразование земства, суда и городских сословий, разве это не есть отчетливое подмораживание, коего Вы требовали? Твердость всех этих приемов (чего не было в самом начале нынешнего царствования) не свидетельствует ли о том, что они вытекают из какого-то очень ясного убеждения и очень сильного страха? Мне думается, это именно страх смерти, сознание умирания через смещение обособившихся форм, что Вы сделали очевидным через Вашу теорию»⁷⁴. Леонтьев же заметил в ответ: «О моем влиянии на реакционные реформы. Разве метеоролог, верно предсказывающий погоду, имеет на нее сам влияние?»⁷⁵

Сочинения Леонтьева были представлены императору узким кругом сановных друзей философа, среди которых были государственный контролер Т. И. Филиппов, товарищ министра внутренних дел кн. К. Д. Гагарин, министр просвещения И. Д. Делянов, гр. Д. А. Толстой.

Еще в 1880 г. К. П. Победоносцев писал цесаревичу о газете «Варшавский дневник», формальным редактором которой был кн. Н. Н. Голицын, а фактическим — К. Н. Леонтьев: «Не знаю присылается ли Вашему высочеству газета „Варшавский дневник“, выходящая с нового года в новом виде, под редакцией некоего князя Голицына. Редактор — знакомый мне человек и принял газету с честным намерением вести открытую борьбу со всеми разрушительными учениями и затеями некоторых журналов. Я сомневался, чтоб у него хватило на это силы, но в первых номерах газеты, я вижу статьи в этом духе, очень искусно и решительно написанные — так, как у нас не решались еще писать»⁷⁶.

15 марта 1880 г. в письме Александру Александровичу Победоносцев уже называет имя настоящего автора: «Вот еще листок «Варшавского дневника» с любопытной статьей г. Леонтьева, которую рекомендую вниманию Вашего Высочества. Радуюсь, в первый раз нашелся человек, имевший мужество сказать правду о судах наших (имеется в виду критика Леонтьевым суда присяжных. — Н. Р.), как на него заскрежешут зубами»⁷⁷. В записке «учителю» от 28 мая 1880 г. будущий император отвечает, что статью, присланную Победоносцевым, «прочел с удовольствием»⁷⁸.

После убийства Александра II Леонтьеву устроили келейную встречу с Победоносцевым. (Т. И. Филиппов 4 мая 1881 г. спрашивал Победоносцева в конфиденциальной записке: «... Не пойдете ли Вы сегодня вечером погулять для воздуху? У меня будет Леонтьев с Голицыным, с Голицыным en trois, если считать хозяина; очень был бы рад увидеть Вас в сем собеседовании, может быть, договорились бы до дела, к которому пора переходить от слов»⁷⁹).

Уже в 1881 г. сотрудник «Исторического вестника» Ф. Булгаков заметил, что политические взгляды Леонтьева принимает «целый кружок людей». «Правда, не сочувствуя либералам, г. Леонтьев не возлагает больших надежд и на „консерваторов“... но тем не менее между г. Леонтьевым и нашими националистами есть много пунктов соприкосновения»⁸⁰. Представители «кружка» публично не решались признаться в единомыслии с «господином Леонтьевым», но и скрыть идейную близость не удавалось.

Внешнего признания и сколько-нибудь широкой известности при жизни Леонтьев не получил: толпе он не льстил, сдирая с будущего розовый флер, тайные сторонники стыдились его откровенной прямоты, легковерную либеральную публику он раздражал, пугал, озадачивал. Болезненно остро ощущал Леонтьев вокруг себя разреженную атмосферу одиночества и отчуждения. Зная его честолюбие, Владимир Соловьев, когда ему в одной из статей было предложено опустить примечание, где упоминается «талантливый и оригинальный автор» К. Н. Леонтьев и его сочинение «Византизм и славянство», ответил: «Я бы совсем вычеркнул все примечание, но Леонтьев очень дорожит всякой печатной похвалой»⁸¹.

* * *

Поначалу пресса о Леонтьеве глухо молчала, хотя время от времени появлялись статьи, очерки, брошюры, сборники с его участием. У одних он вызывал непонимание и снобистское снисхождение, у других — беспокойство, страх и неловкость. Он решил говорить в печати о том, в чем избегали признаваться с глазу на глаз. После «1-го марта» к нему попривыкли, стали прислушиваться, но с обстоятельными, серьезными разборами его публикаций не выступал никто. Правда, начали упоминать вскользь: ругать между прочим, за художественность иногда свысока похваливать.

Н. К. Михайловский в «Записках современника» 1881—1882 гг. заметил, что такие, как Леонтьев, вторят «по обстоятельствам» голосам, более сильным, и прибавляют «новые ноты к дикому хору». В голосе Леонтьева Михайловский обнаружил «невероятный сумбур», в мыслях «бесстыдство». И не без иронии заключал, что теории Леонтьева — сумасшедшие, а сам он, вероятно, воображает себя испанским королем Фердинандом⁸². Подобный отзыв напоминает хорошо знакомый по современным литературным баталиям обмен комплиментами.

В православном издании на Леонтьева обиделись за критику христианства Достоевского и не согласились с ним, что «страх божий», но не любовь, как говорит Достоевский, служит основой спасения; обиделись за достигающую «крайних пределов» «придирчивость к великому художнику»⁸³.

«Вестник Европы» и «Русская мысль» на сборник статей Леонтьева «Восток, Россия и славянство» отреагировали краткими аннотациями. «Вестник Европы» квалифицировал сочинения «консула» как затхлые, фанатические «византийские бредни», «не имеющие ничего общего с русской жизнью»; в его «туранско-византийских идеалах» было усмотрено «содержание целого направления», «программа людей, выдающих себя за избранных патриотов своего отечества»⁸⁴. В либеральной, но славянофильствующей «Русской мысли» к тому же сборнику статей отнеслись благожелательней. Деликатно отметили знание дела, крепкие убеждения, страстность автора, но с его «восторженным византизмом» позволили себе не согласиться, а о творчестве его вообще заметили: «Публицист-мыслитель часто заслоняется в статьях господина Леонтьева художником, для которого всего невыносимее буржуазная пошлость...»⁸⁵ Анонимный автор «Правительственного вестника» по тому же поводу заметил, что работы Леонтьева дают возможность «видеть вполне всю оригинальность и самостоятельность его взгляда на важные вопросы, занимающие русское общество»⁸⁶.

Лишь реакционный «Русский вестник», тогда уже редактируемый молодым другом Леонтьева поэтом А. А. Александровым, недвусмысленно пропел при жизни старику осанну. Речь шла о вышедшей в 1889 г. брошюре К. Н. Леонтьева «Национальная политика как орудие всемирной революции». Автор, уверяли в журнале, сумел доказать, что революция — это результат истощения принципов, следствие нравственного и умственного хаоса. «Нельзя не согласиться с автором, что наш демократический век очень сер, что в нем царит посредственность... Демократия обезличила духовного человека... Целые нации стали походить одна на другую»⁸⁷. Рецензента ужасало подмеченное в брошюре стремление народов к всевропейскому, а затем и вселенскому государству: «Находятся сторонники и такой утопии. Клерикалы (намек на В. С. Соловьева.— Н. Р.) и социалисты».

В конце жизни у К. Н. Леонтьева появилось довольно много молодых приверженцев: философ Ю. Н. Говоруха-Отрок, священник И. Фудель, писатель В. В. Розанов, поэт А. А. Александров, редактор «Московских ведомостей» Л. А. Тихомиров. Дипломат Ю. С. Карцев, испытавший на себя духовное влияние Леонтьева, но не принимавший воинственного охранительства последнего, замечал в воспоминаниях, опубликованных уже в 1911 г.: «Леонтьева побуждала сделаться реакционером его эстетическая манья... Сын бурной эпохи, Леонтьев явил собою одну из ее крайностей... Дружить с Леонтьевым было возможно единственно при условии либо сделаться его адептом, либо, привязавшись к нему, как к человеку, терпеливо выносить его парадоксы, капризы и выходки»⁸⁸.

Вскоре после смерти К. Н. Леонтьева некоторые газеты реакционного направления осмелились наградить его лаврами гения, легализировать провидца, которому при жизни поклонялись тайно. «Московские ведомости» поставили его имя рядом с именами Пушкина, Толстого, Достоевского. Да и крупнейшие представители отечественной либеральной мысли, не соглашаясь с существом леонтьевских постулатов, посмертно не отказывали ему в личностной значительности. Первым серьезным постижением ранее «неузнанного феномена» (В. В. Розанов) можно считать статьи кн. С. Н. Трубецкого «Разочарованный славянофил» и «Противоречия нашей культуры»⁸⁹. Эти работы, собственно, и находятся у истоков леонтьевской историографии. Журнально-газетные статьи Леонтьева были введены Трубецким в контекст истории отечественной общественной мысли. «Византизм» его сравнивали с трактовкой «византизма» П. Я. Чаадаевым; и тот, и другой рассматривались как равно-великие интеллектуальные величины, хотя и прямо противоположные по характеру и сути воззрений.

«Чаадаев признал в „византизме“ корень русского застоя, отсталости, русского отчуждения от Запада; он видел в нем роковой жребий России»⁹⁰. «Византизм», по Леонтьеву,— спутник и охранительный принцип российского имперского государственного величия и культуроособия, его исповеданием рождено «мужество проповедовать реакцию...» В статьях Леонтьева, «обскурантские» выводы которого западник Трубецкой, естественно, не приемлет, критику были важны антиславистский пафос, дискредитация славянофильской утопии и воинственная обнаженность «византийской» идеи: «Его критика панславизма, его критика мессианства, культурных и политических замыслов славянофильства остается в силе. Он показал, к чему могло бы привести исключительное развитие Россией византийских начал при насильственном устранении западных элементов нашей культуры»⁹¹.

Трубецкой апеллировал к Леонтьеву как к невольному своему союзнику в критике славянофильской доктрины и не преминул столкнуть Леонтьева с Леонтьевым же, указав на историко-философскую несостоятельность и противоречивость его крайних взглядов. Недаром сокрушался Н. Н. Страхов по поводу нового удара по славянофилам. «Статья жестокая,— писал он В. В. Розанову,— в отношении к Леонтьеву она меня почти радует; но ведь она писана, чтобы посредством Леонтьева уронить славянофилов и чтобы поднять знамя вселенской „правды“ Соловьева»⁹².

22 и 26 июля 1905 г. Д. Маковицкий записал слова Л. Н. Толстого: «Леонтьев стоял головой выше всех русских философов», «я его знал, очень интересный человек»⁹³. В 1906 г. у Толстого возникает желание еще раз прочитать «хорошие рассказы» Леонтьева⁹⁴. Обращение Толстого в 1905—1906 гг. к раздумьям об оптинском пустынноике не было случайным. Вообще стремление понять теории К. Н. Леонтьева, прислушаться к его пророчествам, обдумать их заново явно проявилось в годы между двумя революционными пожарами. Накануне первой мировой войны, когда впервые на русском языке издаются все важнейшие сочинения Фр. Ницше, из забвения извлекаются и произведения российского «хищного эстета», «коня без узды», как называл К. Н. Леонтьева В. В. Розанов, или «страшного дитяти», по выражению Д. С. Мережковского⁹⁵. Публикуется девятитомное собрание его сочинений, издается переписка, в печати появляются обстоятельные биографические очерки, выходит в свет сборник «Памяти К. Н. Леонтьева». Опомнившись, утверждают, что в России Леонтьев ранее Ницше выступил в прессе «plus Nitsche, que Nitsche temé...»⁹⁶ (выражение того же В. В. Розанова).

Фигура К. Н. Леонтьева и в будущем еще привлечет к себе многих исследователей. Творческое наследие Константина Леонтьева — красноречивое свидетельство полярности общественной мысли в периоды, когда новое и старое оказывается в состоянии смещения и противоборства. Так было в пореформенной, многоплеменной, самодержавной стране, в которой капитализм развивался неудержимо, даже и опутанный узами остатков крепостничества; великая элитарная культура соседствовала с массовой неграмотностью, а сопряжение с мировой историей происходило на фоне государственного и клерикального состарившегося византизма «второй волны».

Этот, по остроумному замечанию Ст. Лесневского, «пламенный реакционер»⁹⁷ не одинок, он — представитель «партии» К. П. Победоносцева, Т. И. Филиппова, М. Н. Каткова последних лет... В теории общественной мысли, равно как в освещении и интерпретации развития России, К. Н. Леонтьев занял свое место. После Аполлона Григорьева К. Н. Леонтьев — крупнейший представитель почвеннической доктрины. Его политическая публицистика — ярчайшее приложение к конкретной общественно-государственной внешней и внутренней жизни 70-х — начала 90-х гг. прошлого века почвеннической теории, антизападничества и культурного изоляционизма. К. Н. Леонтьев выступает патриотом и трубадуром сильной российской государственности, монархической автократии, в коей официальной православной церкви отведена подчиненная роль, где вся социальная жизнь должна иметь строгую иерархически-конусообразную застывшую форму, а культурный изоляционизм, сохранение традиций и этнических особенностей, отрицание нивелирующего технического прогресса придает российскому неовизантизму особый эстетический оттенок.

Время, место, среда, традиции, т. е. то, что мы называем национально-историческими условиями, диктуют проблемы обществу, но интерпретация этих проблем различными выдающимися его (общества) представителями имеет чрезвычайно широкий диапазон, перед крайними выражениями которого иногда в замешательстве застывают современники.

Идеалом политической концепции К. Н. Леонтьева был имперский автаркизм, готовый к военному противостоянию Западу, его гражданской и государственной жизни, пронизанной идеями либеральной демократии. Это не мешало самому проповеднику подобной системы воззрений быть человеком политически проницательным, талантливым литератором, критиком и оригинальным, крупным мыслителем.

Примечания

- ¹ Литературный псевдоним К. Н. Леонтьева.
- ² До этого в художественных произведениях Леонтьева уже прозвучала «восточная» тема: «Из жизни христиан в Турции», «Айбурун, или исповедь мужа».
- ³ Достоевский Ф. М. Письма. М., 1959. Т. 4. С. 300.
- ⁴ Литературное наследство. Т. 22—24. М., 1935.
- ⁵ Исчерпывающую библиографию см. в кн.: Иваск Ю. Константин Леонтьев (1831—1891). Жизнь и творчество. Вегн; Frankfurt a/M, 1974.
- ⁶ Красная новь. 1939. № 1.
- ⁷ Янов А. Л. Славянофилы и Константин Леонтьев // Вопросы философии. 1968. № 8.
- ⁸ Вопросы литературы. 1975. № 5.
- ⁹ См.: Актуальные проблемы истории философии народов СССР. Вып. 9. М., 1981.
- ¹⁰ Рабкина Н. А. Исторические взгляды К. Н. Леонтьева // Вопросы истории. 1982. № 6; е е же. Антигерой Достоевского и штрихи реальной истории // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1984. № 4.
- ¹¹ Котельников П. А. Оптина пустынь и русская литература (статья III) // Русская литература. 1989. № 4; Неизданные письма В. Розанова к К. Леонтьеву. Публикация, послесловие и примечания Т. Померанской // Литературная учеба. 1989. № 6; Книжное обозрение. 1991. № 4.
- ¹² Назову некоторые труды, изданные на русском языке, в которых освещены его взгляды: Бердяев Н. А. Константин Леонтьев: Очерк из истории русской религиозной мысли. Париж, 1926; Протоиерей Г. Фроловский. Пути русского богословия. Париж, 1937; Зеньковский В. В. История русской философии. Париж, 1948; е го же. Русские мыслители и Европа. Париж, 1955; Филиппов Б. А. Страстное письмо с неверным адресом. Предисловие к книге К. Н. Леонтьева «Моя литературная судьба»: Автобиография. Париж, 1965; Иваск Ю. Указ. соч. В 1975 г. в Вюрцбурге было переиздано собрание сочинений Константина Леонтьева. О нем писали Федор Степун и Николай Лосский, Иван Кологривов и Стефан Лукашевич, А. К. Иванов. Монография Е. Gasparini «La provisioni de Konstantino Leont'ev» (Venezia, 1957) подробно рассмотрена в статье Янова «Славянофилы и Константин Леонтьев». Библиографическую справку об этих трудах см.: Вопросы истории. 1982. № 6. С. 49. Прим. 1.
- ¹³ Янов А. Русская идея и 2000-й год // Нева. 1990. № 9—12.
- ¹⁴ Леонтьев К. Н. Собрание сочинений, Т. 5. М., 1912. С. 13 (далее — Леонтьев К. Н. Т. 5).
- ¹⁵ Там же. С. 43.
- ¹⁶ Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. Т. 1. М., 1885. С. 17.
- ¹⁷ Там же. С. 105.
- ¹⁸ Звенья. 1936. Кн. 6. С. 451.
- ¹⁹ ОР ГБЛ. Ф. Погодин/II. Картон 18, д. 73.
- ²⁰ Литературное наследство. Т. 22—24. М., 1935. С. 442.
- ²¹ К. Н. Леонтьев, неожиданно выйдя в отставку в 1873 г., обратился к исканию Бога, стал послушником Афонского, а потом Николе-Угрешского монастыря под Москвой.
- ²² ОР ГБЛ, ф. 141, картон 1, д. 21.
- ²³ Кстати, К. Н. Леонтьеву вообще свойственно было почти сладострастное, демонстративно-нарочитое выстраивание цепи антитез против известных и ставших безусловными взглядов кумиров общества, нарочитое раздражение общественного мнения. Так, он, например, пишет портрет императора Николая Павловича в стиле Герцен-наоборот; утверждает, что Каткову следует поставить памятник рядом с Пушкиным, хотя сам Каткова не любил (о чем см. ниже); упрямо и зло выступает против пушкинской речи Ф. М. Достоевского.
- ²⁴ Леонтьев К. Н. Т. 5. С. 132.
- ²⁵ Там же. С. 141.
- ²⁶ Там же. С. 147.
- ²⁷ Там же. С. 165.
- ²⁸ Там же. С. 182.
- ²⁹ Там же. С. 204.
- ³⁰ Там же. С. 200.
- ³¹ Там же. С. 201.
- ³² Там же. С. 198.
- ³³ Там же. С. 197.
- ³⁴ Там же. С. 257.
- ³⁵ Там же. С. 258.
- ³⁶ Там же. Т. 7. С. 340.
- ³⁷ Фудель И. К. Н. Леонтьев и Владимир Соловьев в их взаимных отношениях // Русская мысль. 1917. № 1—12. С. 30—31.
- ³⁸ Леонтьев К. Н. Т. 6. С. 77.
- ³⁹ Там же. С. 61—62.
- ⁴⁰ Соловьев В. С. Собр. соч. Т. 9. СПб., 1907. С. 247—249.
- ⁴¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений. Т. II. М., 1971. С. 13.
- ⁴² Русский мир. 1876. № 137.
- ⁴³ Леонтьев К. Н. Т. 5. С. 351.
- ⁴⁴ Там же. С. 364, 376.
- ⁴⁵ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1895. С. 352—353.

- ⁴⁶ Леонтьев К. Н. Т. 5. С. 429, 448.
- ⁴⁷ Там же. С. 145.
- ⁴⁸ Литературное наследство. Т. 83. М., 1971. С. 408.
- ⁴⁹ Ср. с позицией Ф. И. Тютчева в стихотворении «Два единства» (1870): «Единство... быть может спяно железом лишь и кровью.../Но мы попробуем спаять его любовью./— А там увидим, что прочней...» (Тютчев Ф. И. Сочинения. Т. 1. М., 1980. С. 212).
- ⁵⁰ ОР ГБЛ, ф. 126 — Киреевы и Новиковы, картон 3323, д. 21/1—13 (письмо от 17 ноября 1882 г.).
- ⁵¹ Леонтьев К. Н. Т. 7. С. 323.
- ⁵² Там же. С. 113.
- ⁵³ Там же. Т. 6. С. 150.
- ⁵⁴ Там же. С. 198.
- ⁵⁵ Литературное наследство. Т. 22—24. С. 446.
- ⁵⁶ Письмо А. А. Александрову от 12 мая 1888 г.// Александров Анатолий. Памяти К. Н. Леонтьева. Сергиев Посад, 1915. С. 42.
- ⁵⁷ Выражение заимствовано Леонтьевым у английского философа Герберта Спенсера.
- ⁵⁸ ОР ГБЛ, ф. 126, картон 3323, д. 21/1—10. Письмо от 30 мая 1889 г.
- ⁵⁹ Леонтьев К. Н. Т. 6. С. 296.
- ⁶⁰ Там же. С. 349, 352.
- ⁶¹ Соловьев В. С. Собр. соч. Т. 9. СПб., 1907. С. 250.
- ⁶² Там же. Т. 7. С. 425.
- ⁶³ См.: История философии в СССР. Т. 3. М., 1968. Гл. «Неославянофильство» (авт. М. Н. Пейнова).
- ⁶⁴ Трубецкой С. Н. Противоречия нашей культуры // Вестник Европы. 1894. № 8; его же. Разочарованный славянофил // Там же. 1892. № 10; Милюков П. Н. Разложение славянофильства // Очерки истории русской интеллигенции. СПб., 1902.
- ⁶⁵ Русское обозрение. 1892. № 1. С. 357—358.
- ⁶⁶ Письмо К. А. Губастову от 1 июля 1888 г.// Русское обозрение. 1897. № 3. С. 452.
- ⁶⁷ Леонтьев К. Н. Т. 8. С. 110.
- ⁶⁸ ЦГАЛИ СССР, ф. 290— К. Н. Леонтьев, оп. 1, д. 27.
- ⁶⁹ См.: Бердяев Н. А. К. Н. Леонтьев. Жизнь и творчество. Париж, 1926. С. 141—142.
- ⁷⁰ ЦГАЛИ СССР, ф. 290, оп. 3, д. 5. Письмо К. Н. Леонтьева к К. П. Победоносцеву от 10 марта 1881.
- ⁷¹ Памяти К. Н. Леонтьева. СПб., 1911. С. 124.
- ⁷² См.: Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 142.
- ⁷³ Русский вестник. 1903. № 5. С. 175.
- ⁷⁴ ЦГАЛИ СССР, ф. 290, оп. 1, д. 49. Письмо В. В. Розанова, июнь 1891 г.
- ⁷⁵ Русский вестник. 1903. № 5. С. 173.
- ⁷⁶ Письма К. П. Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925. С. 264.
- ⁷⁷ Там же. С. 273.
- ⁷⁸ ОР ГБЛ, ф. 230 — К. П. Победоносцев, картон 4405, д. 12.
- ⁷⁹ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. М.; Л., 1923. С. 167.
- ⁸⁰ Булгаков Ф. Оригинальное народничанье // Исторический вестник. 1881. № 6. С. 338.
- ⁸¹ Соловьев В. С. Письма. Т. 4. Пг., 1923. С. 111.
- ⁸² Михайловский Н. К. Сочинения. Т. 5. СПб., 1908. С. 492.
- ⁸³ Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1883, сентябрь. С. 176—177.
- ⁸⁴ Вестник Европы. 1885. № 12. С. 912.
- ⁸⁵ Русская мысль. 1885. № 7. Библиография. С. 11.
- ⁸⁶ Правительственный вестник. 1886. № 260. С. 2.
- ⁸⁷ Русский вестник. 1889. Кн. 6. С. 299.
- ⁸⁸ Памяти К. Н. Леонтьева. С. 251.
- ⁸⁹ Вестник Европы. 1892. № 10; 1894. № 8.
- ⁹⁰ Там же. 1892. № 10. С. 776.
- ⁹¹ Там же. 1894. № 8. С. 525.
- ⁹² ОР ГБЛ, ф. 249 — В. В. Розанов, д. 3820. Письмо В. В. Розанову от 7 октября 1892 г.
- ⁹³ Макавицкий Д. Яснополяские записки // Литературное наследство. Т. 90. Кн. 1. М., 1979. С. 352, 354.
- ⁹⁴ Там же. Кн. II. М., 1979. С. 8.
- ⁹⁵ Речь. 1910. 31 января. С. 2.
- ⁹⁶ Розанов В. В. Неузнанный феномен // Памяти К. Н. Леонтьева. СПб., 1911. С. 182.
- ⁹⁷ Книжное обозрение. 1991. № 4. С. 11.

Дискуссии и обсуждения

© 1991 г.

Э. В. ТАДЕВОСЯН

СОВЕТСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ

Чем шире и глубже развивались кризисные процессы в нашей стране, тем очевиднее становилась необходимость радикального преобразования всей системы национально-государственных отношений в СССР. Первоначальные иллюзорные представления о том, что в этой области не потребуются столь фундаментальные изменения, как в экономической и общеполитической, катастрофически медленно, с немалым запозданием, преодолевались и уходили в прошлое. Свидетельством тому могут служить, например, принятые под давлением широких научных и общественных кругов страны и корректирующие серьезные ошибки национальной политики партии решения XIX Всесоюзной партконференции (июнь—июль 1988 г.), принявшей специальную развернутую резолюцию «О межнациональных отношениях», где указывалось на назревшую необходимость демократизации советской федерации; сентябрьского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС, признавшего необходимость радикальных преобразований в советской федерации и принятия новой Декларации о Союзе ССР; XXVIII съезда КПСС (июль 1990 г.), окончательно утвердившего линию движения к обновленному Союзу суверенных республик и заключению нового Союзного договора.

Национально-государственные аспекты межнациональных отношений, прежде всего проблемы советского федерализма, не случайно выдвинулись на первый план. Практика последних лет с особой наглядностью показала, что в такой многонациональной стране со сложным союзным национально-государственным устройством, как наша, не решив адекватным образом принципиальные, общие вопросы советского федерализма, придется каждый раз наталкиваться на них при обращении к любой экономической, политической, социальной, правовой или иной проблеме. Это делает рассмотрение сути, уроков исторического опыта и современного состояния теории и практики советского федерализма чрезвычайно актуальным, научно и практически-политически значимым; особенно в свете разработки, обсуждения и подписания нового Союзного договора.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА НА ФЕДЕРАЦИЮ

Взгляды марксистов на федерацию не оставались неизменными на различных этапах общественного прогресса и претерпели сложную эволюцию от в принципе отрицательного отношения к федеративному устройству государства и признания допустимости его лишь в особых, исключительных условиях (в дооктябрьский период) до последовательного отстаивания преимуществ советской федерации как необходимой и целесообразной формы государственного устройства многонациональной социалистической страны (в послеоктябрьский период).

Принципиально отрицательное отношение марксизма к федерации определялось прежде всего тем, что во второй половине XIX в. неуклонно усиливалась общая тенденция к политической и территориальной централизации, отвечавшая потребностям общественного развития и интересам революционной борьбы рабочего класса. Поэтому при прочих равных условиях Маркс, Энгельс и Ленин (в дооктябрьский период) последовательно отстаивали преимущества унитарного демократически централизованного государства и отвергали федерацию и децентрализацию, рассматривая их в общем и целом как пережиток прошлого, как тормоз, помеху социальному прогрессу при капитализме или как переходную форму к единому государству. Не случайно поэтому, характеризую взгляды К. Маркса по данному вопросу, В. И. Ленин называл его «принципиальным врагом федерализма», который никогда не был сторонником «ни мелких государств, ни государственного дробления вообще, ни принципа федерации»¹.

Эта позиция марксизма нашла свое конкретное выражение в решительной борьбе Маркса и Энгельса против идеологии и практики мелкобуржуазного федерализма, особенно федерализма анархистов², против «федералистического ошвейцарения тогдашней Германии»³, в прямой и открытой поддержке централистов в Швейцарии, США и других странах⁴, в положительной оценке опыта Парижской коммуны по осуществлению принципа демократической централизации⁵. Показательно, что, конспектируя переписку Маркса и Энгельса по вопросу о тогдашнем государственном устройстве Германии, Ленин делает следующие обобщающие замечания: «Против федерализма. Газета Либкнехта очень плоха: федерализм. Пусто». И далее: «У Либкнехта федерализм, а мы против федерализма»⁶.

Но было бы неправильным абсолютизировать в целом отрицательное отношение марксизма к федерации. Анализируя многообразие конкретных условий различных стран, Маркс и Энгельс приходили не только к выводу о принципиальных преимуществах унитарного демократически-централизованного государства при прочих равных условиях, но и к признанию допустимости и целесообразности использования федерации и даже сепарации (т. е. полного отделения и образования самостоятельного государства) в особых, исключительных условиях. Дело в том, что марксисты всегда отстаивали преимущества не всякого, а именно демократического централизма, который не только не исключает, но и прямо предполагает известную самостоятельность и достаточно широкое самоуправление мест. Установление демократической республики всегда рассматривалось марксизмом как необходимое и главное политическое средство и решения национального вопроса. И только в неразрывной связи с этим важнейшим программным требованием находилось признание им той или иной формы национально-государственного устройства страны.

В этом отношении особого внимания заслуживает эволюция взглядов марксизма на форму национально-государственного устройства тогдашней Великобритании, поскольку в этой стране проблема межнациональных отношений (особенно Англии и Ирландии) занимала немаловажное место. Вплоть до второй половины 60-х гг. прошлого столетия ни Маркс, ни Энгельс не выдвигали в качестве собственного требования отделение Ирландии от Англии или образование федерации между ними, хотя и поддерживали освободительную борьбу ирландского народа против угнетения его Англией. При этом они исходили из того, что национальное освобождение ирландского народа будет достигнуто не на пути самостоятельного движения ирландцев, а в результате победы революционного движения английского рабочего класса. Однако надежды на ниспровержение капитализма в Англии не оправдались. В то же время в Ирландии в результате ужесточения угнетательской политики английской буржуазии резко усилилось и приняло революционные формы массовое национально-освободительное движение. Теперь уж демократическое объеди-

нение наций в рамках унитарного государства стало невозможным, а отказ поддерживать требование отделения Ирландии от Англии противоречил бы, по мнению исследователей, интересам интернационального сплочения пролетариата, его классовой борьбы и прогрессивного развития как ирландского, так и английского народов.

В этих новых условиях Маркс и Энгельс во второй половине 60-х гг. выдвигают требование отделения Ирландии, отмены насильственной унии 1801 г. и предоставления независимости Ирландии. Одной из возможных и даже необходимых государственных форм решения национального вопроса в этих условиях они считали федерацию⁷. Ленин позднее также поддержал эту позицию Маркса и Энгельса⁸.

На примере решения проблемы государственных взаимоотношений английской и ирландской наций Маркс и Энгельс показали тесную связь вопроса о формах государства с национальными проблемами. Среди особых условий, которые могут потребовать федерацию, они выделяли национальный вопрос. Но и в этом случае они не сходили с позиций принципиальной защиты демократической централизации.

Сам по себе факт признания марксизмом права народов на самоопределение не предопределял отстаивания ими федерации в многонациональной стране. Ничуть не отказываясь и в этих условиях от признания преимуществ крупных единых демократически-централизованных государств и от критики федерализма как общего принципа, Маркс и Энгельс рассматривали федерацию не как единственный, а лишь как один из возможных путей демократического решения национального вопроса, который только в определенных условиях может стать единственно возможным и необходимым. «Признание самоопределения не равносильно признанию федерации как принципа, — писал Ленин. — Можно быть решительным противником этого принципа и сторонником демократического централизма, но предпочитать федерацию национальному неравноправью как единственный путь к полному демократическому централизму. Именно с этой точки зрения Маркс, будучи централистом, предпочитал даже федерацию Ирландии с Англией насильственному подчинению Ирландии англичанами»⁹.

В трудах Маркса и Энгельса содержатся и отдельные положения о принципиальных основах выбора форм будущей социалистической государственности. Еще задолго до первого опыта диктатуры пролетариата — опыта Парижской коммуны — они указывали, что пролетариату централизация нужна не только в том виде, в каком ее начала осуществлять буржуазия, но он должен будет провести ее в значительно больших размерах¹⁰. Опыт Коммуны подтвердил это научное предвидение марксизма. Когда анархисты (бакунисты и прудонисты) попытались представить дело так, будто бы Коммуна выступила против государственной централизации и всякой государственности вообще, Маркс, а затем и Ленин решительно опровергли подобные утверждения¹¹. Уже после смерти Маркса Энгельс выдвинул важное положение о том, что местное и провинциальное самоуправление не противоречит политической, национальной централизации и не связано необходимым образом лишь с осуществлением принципа федерализма¹².

Итоговое значение для характеристики взглядов марксизма на формы национально-территориальной организации государства имеют следующие обобщающие положения Энгельса, высказанные им по поводу проекта Эрфуртской программы германской социал-демократии 1891 г.: 1) в широком историческом плане федерация уже в тот период превратилась или превращалась в тормоз общественного развития и была по существу переходной формой к унитаризму; 2) в связи с этим для пролетариата в принципе пригодна лишь форма единой и неделимой республики; 3) в особых конкретных условиях, и прежде всего в условиях решения национального вопроса, федерация не только допустима, но и может сыграть прогрессивную роль, может означать шаг

вперед и с точки зрения пролетариата; 4) пролетариату нужна не всякая единая и неделимая республика, не обычная, основанная на военно-бюрократической централизации «империя без императора», а демократически-централизованная республика¹³.

При всем значении сделанного в этой области Марксом и Энгельсом нельзя не видеть, что реальные условия, в которых формировались и развивались их взгляды, не давали еще достаточного материала для более конкретного и всестороннего решения вопроса о формах многонационального социалистического государства. Во-первых, взгляды основоположников марксизма формировались и обогащались в доимпериалистическую эпоху, когда национальный вопрос не приобрел еще такой остроты, широты и сложности, как позже, в период империализма. Во-вторых, Маркс и Энгельс свое главное внимание сосредоточивали на исследовании проблем в странах Западной Европы, которые в подавляющем большинстве однонациональны, в них национальные движения тогда либо вовсе отсутствовали, либо играли, как правило, сравнительно небольшую роль. Что же касается многонациональных стран Восточной Европы и других континентов, то здесь лишь XX век привел к резкому обострению национальной борьбы на базе развития и углубления буржуазно-демократических движений. В-третьих, опыт Парижской коммуны имел место также в однонациональной стране, где стояла и решалась проблема создания единства нации, но не было проблемы создания единства и союза разных наций.

В трудах В. И. Ленина проблема государственных форм решения национального вопроса, особенно в многонациональной России, заняла весьма видное место. Опираясь на тщательный анализ, конкретно-исторической ситуации в России, Ленин и его партия вплоть до 1917 г. твердо и последовательно выступают как сторонники крупного (в том числе и многонационального) унитарного демократически-централизованного государства и противники федерализма в принципе и в тогдашних конкретных условиях России¹⁴.

Вместе с тем нельзя не заметить, что Ленин вслед за Марксом и Энгельсом отдавал предпочтение крупному унитарному демократически-централизованному государству не безусловно, а в принципе, при прочих равных условиях. Уже в 1903 г., критикуя в целом федерализм анархистов, в первой своей специально посвященной национальному вопросу работе «Национальный вопрос в нашей программе» он писал, что лишь «в отдельных исключительных случаях мы можем выставлять и активно поддерживать требования, клонящиеся к созданию нового классового государства или к замене полного политического единства государства более слабым федеративным единством и т. п.»¹⁵ С этих позиций Ленин, как и Маркс, допускал образование союзного государства Англии и Ирландии на базе свободного волеизъявления ирландского народа¹⁶, а также оказал в 1912—1914 гг. широкую поддержку идее создания балканской федерации, выдвигавшейся в то время революционными силами балканских народов.

В чем же причина того, что на буржуазно-демократическом этапе революции в России в условиях жестокой эксплуатации и угнетения «инородцев» Ленин решительно выступает против требования федерализации страны?¹⁷ В том прежде всего, что в тех условиях кратчайший путь к ликвидации насильственного унитаризма, гнета и неравноправия национальностей, к обеспечению их права на самоопределение он видел не в смене форм государства, не в замене унитаризма федерализмом, не в государственном обособлении национально-освободительного движения каждого народа, а в развитии интернациональной освободительной борьбы, в свержении самодержавия, установлении демократической республики, способной обеспечить широкую областную автономию для национальных районов. Отсюда столь твердые ленинские возражения против выдвижения лозунгов федерации в России того периода¹⁸.

Совершенно иная ситуация складывается на путях от Февраля к Октябрю, на этапе социалистической революции в России. В национальных процессах

ясно выявились и неуклонно усиливались по мере развития революции две взаимосвязанные противоречивые тенденции: центробежная, открывавшая перспективу фактического развала единого крупного многонационального государства на основе резкого возрастания удельного веса буржуазных национальных движений и усиления сепаратистских устремлений в них, и центростремительная, связанная прежде всего со все большим интернациональным сплочением революционных сил всех национальностей. Учет соотношения и взаимодействия этих тенденций, поиск путей удовлетворения их потребностей приводил к выводу о том, что перспектива сохранения единства крупного многонационального государства в новых условиях потребует использования не только автономных форм в рамках унитарного государства (о чем речь шла до сих пор в программных документах партии большевиков), но и федерации с ее более или менее самостоятельными национальными республиками.

Вместе с тем переход к признанию Лениным и партией федерации в России в 1917 г. был вызван тем, что в связи с перспективой победы пролетарской революции, появлением Советов и оценкой их как общеполитической основы строительства будущей социалистической государственности речь теперь уже шла о признании федерации совершенно нового исторического типа — советской федерации. По мнению Ленина, федерация на базе Советов, интернациональных по своей природе и сущности, позволяла во многом по-новому решить вопросы о месте и роли национальной государственности, о соотношении федерализма и централизма, снять былые опасения, связанные с возможностью использования национального государства, децентрализации в контрреволюционных, националистических и иных целях¹⁹.

Первые указания Ленина о возможности создания федерации в будущей Советской России были сделаны в мае—июне 1917 г. Именно в этот период он говорит о необходимости предоставить всем народам России возможность «решить вполне свободно, хотят ли они жить в отдельном государстве или в союзном государстве с кем угодно»²⁰, пишет о перспективе создания общего многонационального государства народов России на основе добровольного соглашения²¹. Более того, на I Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г. Ленин в определенной мере поддержал крестьянский лозунг «федеративной» республики, указал на необоснованность боязни образования в перспективе самостоятельных национальных республик и даже прямо провозгласил: «Пусть Россия будет союзом свободных республик»²². Это уже отражало начало эволюции взглядов Ленина, но еще не означало изменения большевистского плана национально-государственного устройства будущей России, ибо на том же съезде он говорил: «Мы хотим единой и нераздельной республики российской с твердой властью, но твердая власть дается добровольным согласием народов»²³.

Только после Октября Ленин твердо становится на позиции признания федеративного устройства страны, говоря уже не только о его возможности и допустимости, но и о необходимости и целесообразности. На II Всероссийском съезде Советов в октябре 1917 г. этот вопрос, как известно, не рассматривался. Но уже в январе 1918 г. в ленинской Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа говорилось, что «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик»²⁴. В таком признании федерации особенно большую роль сыграло то, что уже в первые месяцы после Октября Ленин смог творчески решить сложную проблему сочетания советского федерализма и демократического централизма. В марте 1918 г. он писал, что в условиях советского строя не только автономия, но даже федерация, если она проведена в разумных, с экономической точки зрения, пределах и основывается на серьезных национальных отличиях, вызывающих действительную необходимость в известной государственной обособленности, не только не противоречит демократическому централизму, а, наоборот, служит вернейшим шагом к самому прочному объединению различных национальностей России в единое демократическое централизованное государство²⁵.

Советская федерация с самого начала выдвигалась Лениным как средство преодоления национального недоверия и переход к полному и созидательному единству трудящихся разных наций. Это нашло свое отражение в Программе КПСС 1919 г.²⁶ и получило признание международного коммунистического движения в 1920 г. на II Конгрессе Коминтерна, который указал, что «федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций.»²⁷

НЕКОТОРЫЕ УРОКИ ПРОЙДЕННОГО ПУТИ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции перевела вопросы советского федерализма из плоскости теории в плоскость политики и практики национально-государственного строительства в нашей стране. Уже за первое пятилетие советской власти в стране были образованы 33 национально-территориальные единицы, в том числе 4 независимые (союзные) республики — РСФСР, Украина, Белоруссия и ЗСФСР, включавшая Азербайджан, Армению и Грузию, 13 автономных республик и 16 автономных областей²⁸. И это — несмотря на крайне неблагоприятные условия гражданской войны, интервенции и разрухи.

Советский опыт породил многообразные федеративные формы, основными из которых являются: РСФСР как федерация на базе автономии; договорная федерация независимых советских республик (с элементами конфедерации) в период до образования СССР (1918—1923 гг.); ЗСФСР — федеративное образование трех закавказских советских республик (1922—1936 гг.); Союз ССР — союзная федерация, возникшая в результате заключения в конце 1922 г. договора между суверенными союзными республиками. При всем разнообразии этих форм все они воплощали единый советский тип федерации, характеризующийся единством социальной природы, социалистических целей и задач государства, его общесоветской политической основы, построением на базе таких важнейших принципов, как свободное и суверенное самоопределение народов и добровольность их объединения, национальное равноправие и обеспечение фактического равенства народов, национально-территориальный принцип построения федерации и ее субъектов, демократический централизм как средство обеспечения сочетания национального, республиканского и интернационального, федеративного.

Советская федерация и неразрывно связанная с ней советская национальная государственность явились чрезвычайно важными и действенными средствами решения как общих (укрепление власти трудящихся, Советов; создание и упрочение союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции; проведение единой внешней политики и укрепление обороноспособности; обеспечение ускоренного прогресса страны и др.), так и специфически национальных задач (преодоление национального недоверия и межнациональных трений; консолидация народов, их воссоединение, формирование, развитие и сближение; обеспечение национального равноправия и выравнивание уровней социально-экономического и духовного развития народов; сочетание национальных и интернациональных интересов и др.). Значение этих государственных форм, говоря предельно обобщенно, состояло прежде всего в том, что именно они создавали возможность сохранить и использовать все преимущества крупного многонационального государства и в то же время обеспечить каждому народу самостоятельное развитие.

Сегодня, когда в нашей стране выявились серьезные трудности и острые противоречия в межнациональных отношениях, не так уж редко раздаются голоса, ставящие под сомнение правильность принятия и осуществления плана строительства советской национальной государственности и на этой основе федеративного устройства нашей страны в прошлом и настоящем. Это — не частный, а принципиальный вопрос, тем более что характер и содержание

подобных выступлений говорят о возрождении былой концепции национально-государственного нигилизма в современных условиях.

Наиболее рельефно указанная позиция выявилась за последнее время в работах В. А. Тишкова и С. В. Чешко. Так, В. А. Тишков считает, что «выбор в качестве субъектов федерации «национальных государств» сужает по ряду причин понятие суверенитета общесоюзного государства»²⁹. С. В. Чешко еще более резко и последовательно выражает свое неудовлетворение советской федерацией и национально-территориальным принципом ее построения. Он прямо ставит вопрос: «Может быть, уже сегодня надо заниматься не реставрацией изначального государственного устройства СССР, а легализацией существующей практики, двигаться к правовому, демократическому, унитарному государству?» И далее он сетует на то, что мы не смогли прийти «к иному типу федерации (построенной, например, не по национально-территориальному, а по территориальному признаку, подобно большинству других федеративных государств мира) или даже унитарному государству с широким местным самоуправлением»³⁰.

В совсем недавно вышедшей статье Ю. В. Бромлея и С. В. Чешко чуть ли не все грехи (действительные и мнимые) нашего развития связываются с «национально-территориальным принципом внутреннего государственного устройства страны». Он, по мнению авторов, «неизбежно ведет к неравноправию народов и граждан, изоляции народов друг от друга и от достижений мировой культуры, искусственному ограничению экономических связей, осложняет межэтнические отношения территориальными претензиями и трениями на почве экономических интересов, искажает характер всех видов общественных отношений, самих этнических процессов... увеличивает разрыв в неравенстве народов, отрицательно влияет и на развитие самой экономики» и даже ведет к «тоталитарному режиму»³¹.

Прежде чем перейти к анализу данной позиции по существу, следует прямо сказать, что подобные взгляды в нашей литературе не являются совершенно новыми. И хотя в тех или иных исторических условиях они воплощались в различных суждениях, между ними трудно не заметить достаточно высокой степени общности. Линия национально-государственного нигилизма проявилась еще в канун и в первые годы Октября, а в дальнейшем достаточно ясно обнаружилась уже в 60-х гг. Еще в апреле 1917 г. Г. Пятаков и его сторонники, выдвинув левацкий лозунг «Прочь границы!», утверждали, что создание национальных государств — пройденный этап общественного развития, не имеющий ничего общего с интересами социализма³². И в первые годы после Октября известное распространение получило нигилистическое отношение к советской федерации и национальной государственности, когда их рассматривали как своего рода пережиток прошлого, ненужный в условиях нового строя и уж во всяком случае подлежащий преодолению в ближайшей перспективе. Показательна в этом отношении позиция того же Пятакова, выступившего в 1919 г. на VIII съезде РКП(б) при обсуждении проекта Программы партии против самоопределения наций и наименования советских республик «национальностями», а также за признание недостаточности федеративного объединения и скорейший переход «к более высокому типу более централизованного объединения»³³. Как известно, такая позиция была отклонена съездом. Тем не менее она еще имела определенное хождение вплоть до образования СССР и даже позже.

Многие советские работники ошибочно рассматривали создание федерации и автономии как кратковременную уступку тенденциям к национальной обособленности, выгодную лишь местным национал-уклонистам и противоречащую интересам хозяйственно-экономического единства страны и пролетарского интернационализма. Рассматривая советскую федерацию и национальную государственность как своего рода политический анахронизм, как пережиток пройденного буржуазно-демократического этапа развития, они, естест-

венно, не могли правильно определить пути и перспективу их развития. Последняя представлялась им как более или менее быстрое затухание, отмирание всех национально-государственных форм, замена федерализма унитаризмом уже в ходе социалистического строительства. XII съезд партии (1923 г.) отверг такую позицию. Отметив, что Союз ССР рассматривается значительной частью советских работников в центре и на местах не как союз равноправных государственных единиц, призванный обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик, съезд подчеркнул, что партия рассматривает советскую федерацию как пролетарский тип устойчивого многонационального государства и «признает абсолютную необходимость существования и дальнейшего развития национальных республик»³⁴.

В 60-е гг. отдельные государствоведы-юристы (П. Г. Семенов, И. М. Кислицын и др.) высказывали идею о якобы существующей необходимости перехода нашей страны от федерализма к унитаризму в более или менее близкой перспективе. Исходя из ошибочной посылки о будто бы происходящих у нас «взаимной ассимиляции наций» и «добровольном этническом слиянии советских народов», они утверждали, что «интерес наций к форме своей национально-государственной организации неизбежно также должен испаряться; пропадать», а само развитие национальной государственности в СССР будет происходить «по затухающей линии»³⁵; что уже тогда создавались условия «для перерастания федеративного строя Союза ССР в унитаризм»³⁶. Вольно или невольно такая позиция представляла собой теоретическое обоснование усиления сложившейся в то время практики жесткой, бюрократической сверхцентрализации, грубого нарушения прав союзных республик и самоуправления автономий, нанесшей огромный ущерб нашей стране. Эта позиция была подвергнута серьезной и справедливой критике уже в 60—70-е гг. Тем более неприемлемой представляется она сегодня, в условиях демократического обновления советского федерализма.

С. В. Чешко считает, что «первоначальное государственное устройство СССР в известном смысле было вынужденным и временным, переходным к более централизованной структуре как более прогрессивной, отвечающей потребностям интеграции общества. Если встать на такую позицию, то сталинская политика централизации была неверной не в целом, а вследствие нетерпимых, насильственных методов ее достижения и забегания вперед»³⁷.

С такими выводами согласиться нельзя. Во-первых, тезис автора о якобы «вынужденном» характере федеративного устройства нашей страны в период создания СССР исходит по существу из неверной посылки, будто и после Октября Ленин продолжал стоять на позиции в принципе отрицательного отношения к такому устройству даже в многонациональной стране, отдавая предпочтение унитаризму. Как показано выше, это не соответствует действительности. Построенная по национально-территориальному принципу, советская федерация была не вынужденной, а удачно найденной и желательной государственной формой, на основе которой только и можно было наиболее последовательно с интернационалистских позиций провести в жизнь в тех условиях фактического развала крупного многонационального государства демократическую централизацию и обеспечить интернациональное единство трудящихся, не затрагивая их национальные чувства. Создание Союза ССР было, несомненно, обусловлено не только задачами социалистического решения национального вопроса. Но это не дает никаких оснований С. В. Чешко утверждать, что «главной целью образования СССР не было решение национального вопроса как такового»³⁸. Труды Ленина, материалы I съезда Советов СССР, X и XII съездов партии свидетельствуют, что решение национального вопроса понималось Лениным и его сторонниками как одна из главных целей образования СССР, а советская союзная федерация — как национально-государственная форма такого решения.

Справедливо говоря о «временном, переходном» характере советской федерации, С. В. Чешко в то же время уходит от ответа на главные в этой связи вопросы: переходом насколько длительным и чем призвана была стать советская федерация? Если у Ленина и в программных документах партии, как уже отмечалось, речь шла о переходе «к действительно демократическому централизму», «к полному единству трудящихся разных наций» и т. д., то у Сталина, например, о переходе к унитарному государству, к «социалистическому унитаризму»³⁹. Не подлежит сомнению, что Ленин исходил из перспективы долговременного существования советской национальной государственности и советской федерации⁴⁰, не сводил, как тогда Сталин, исторические рамки их существования лишь к периоду строительства социализма. К тому же исторический опыт показал, что возможности, заложенные в советской федерации и автономии, значительно шире, чем это представлялось многим в период их создания. Они не перестали быть необходимыми и на последующих этапах развития Советского многонационального государства.

Признавая, что «можно только гадать, какова была бы теперь ситуация, если бы СССР в течение последних 50 лет развивался действительно как союз равноправных республик»⁴¹, С. В. Чешко тем не менее пускается в такое гадание, предполагая, что у нас тогда была бы уже либо федерация, построенная не по национально-территориальному принципу, либо даже унитарное государство. Вряд ли такая аргументация может быть признана достаточно научной.

Конечно, было бы неправильным и увековечивать национально-государственные формы, которые, по-видимому, исчерпают свои возможности и перестанут быть необходимыми, как и некоторые другие государственные институты, на определенном этапе общественного развития. Но совершенно ясно, что это дело достаточно отдаленного будущего. Говорить же сегодня об отказе от этих форм — это значит не учитывать современных реалий, вступать в очевидное противоречие с объективной тенденцией возрастания роли и значения национального фактора в общественной жизни, усиления национального самосознания. И на нынешнем этапе развития многонационального государства путь к преодолению кризисной ситуации, сохранению и укреплению интернационального единства общества и государства лежит через сохранение и совершенствование советской федерации и советской национальной государственности. Только через это можно прийти к «засыпанию» национально-государственных форм в будущем. Да и сегодняшний мировой опыт развития интеграционных процессов (например, в Европе) говорит о том, что он отнюдь не связан с отказом на данном этапе от национальных государств.

Кроме того, следует учитывать, что сталинская концепция федерализма и соответствующие ей политика и практика не только своими методами, но и по своим принципиальным основам были в корне отличны от ленинской позиции — подлинно демократичной и интернационалистичной. В зародыше это проявилось уже накануне и в первое время после Октября. Если Ленин, как отмечалось, уже в канун Октября явно склонялся к признанию федерации в России, то Сталин вплоть до Октября жестко отстаивал линию на унитаризм с областной автономией. Признав под влиянием Ленина необходимость федеративного устройства Советской России, Сталин уже в апреле 1918 г. делает акцент на узость исторических рамок его существования и скорый переход к унитаризму, о чем уже шла речь выше. Если в период подготовки и образования СССР Ленин все внимание сосредоточивал на предотвращении нарушений суверенных прав независимых (союзных) республик, активно и последовательно поддерживал руководителей национальных республик, защищавших их суверенитет от незаконных поползновений центра⁴², то Сталин, как известно, постоянно обнаруживал сильное озлобление против «социал-национализма» и вел дело к пресловутой «автономизации» независимых республик. Показательно в этой связи, что еще в середине 1920 г. Сталин выступил против ленин-

ского положения о многообразии форм советской федерации, ошибочно отождествив федерацию на базе автономии и договорную федерацию независимых советских республик⁴³.

О том, что все это не случайные совпадения, а определенная линия в политике Сталина, свидетельствует и то, что вскоре после образования СССР Сталин встает на путь свертывания на практике советского федерализма, фактического осуществления ранее отвергнутого Лениным и партией плана «автономизации» и превращения нашего государства в унитарное. Это нашло свое выражение в резком усилении тенденции к жесткой, чрезмерной и все более бюрократической централизации по мере формирования и утверждения командно-административной системы управления с конца 20-х — начала 30-х гг.; во все более серьезном нарушении суверенных прав союзных республик и самоуправленческих прав автономий начиная с 30-х гг.; в необоснованной ликвидации нескольких тысяч национальных районов и национальных сельсоветов во второй половине 30-х гг. и все большем игнорировании специфических интересов и запросов многих малых народностей и национальных меньшинств; в незаконной преступной ликвидации национальной государственности и депортации целого ряда народов в годы войны; в организации массовых репрессий национальных кадров республик в 30—50-х гг. и т. д.

Если для Ленина советская федерация и автономия были действительно демократическим путем упрочения интернационального единства общества на основе свободного и полного раскрытия потенциальных возможностей каждой национальности, каждой республики и их все более тесного сближения, то для Сталина — внешней формой, ширмой, за которой скрывалась антидемократическая линия на насаждение всеислия центра и бесправия республик и автономий, ничего общего не имевшая с ленинизмом. Совершенно очевидно, что различие здесь не только и не столько в методах и темпах, как утверждает С. В. Чешко, а в самой сути дела, в самих основах и принципах развития государства. Можно сказать, что сталинская концепция советского федерализма находилась в таком же отношении к ленинской, в каком сталинский план «автономизации» — к ленинскому плану создания Союза суверенных и равноправных республик, а крайне бюрократическая централизация — к централизации демократической.

Спору нет, на историческом пути советского федерализма были не только очевидные достижения и исторические успехи, но и серьезные ошибки, глубокие деформации и извращения первоначально заложенных в нем интернационалистических основ и принципов. Но это не может и не должно служить основанием для очернения всего этого пути, не должно ставить под сомнение правильность ленинского выбора федеративного национально-территориального построения нашей страны. Нельзя забывать, что именно на основе советского федерализма в бывшей царской России был создан уникальный союз республик, выдержавший труднейшие и сложнейшие испытания, обеспечивший ускоренный прогресс многих народов, позволивший, несмотря на все деформации, сплотить народы. И сегодня, в условиях резкого обострения национального вопроса и глубокого, хотя и временного, кризиса национально-государственных отношений, мы расплачиваемся не за то, что изначально избрали советскую федерацию, построенную по национально-территориальному принципу, а за то, что в течение многих десятилетий все больше отходили на деле от подлинно интернационалистических принципов советского федерализма, что не могло не привести к сугубо негативным последствиям.

Сама же советская федерация никогда не была и по сути не является ни политическим анахронизмом, ни препятствием, тормозом на пути прогрессивного развития нашего общества. В ней, как и в советской автономии, заложены огромные и еще далеко не использованные возможности, которые необходимо поставить на службу обновлению нашего общества. Но для этого

советский федерализм сам должен обновиться не только в смысле восстановления истинно демократического его характера, но и приобрести новый облик, соответствующий современному этапу развития нашего многонационального государства.

СОВЕТСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ СЕГОДНЯ

К началу 90-х г. была общепризнана необходимость отказа от старой системы фиктивного федерализма и фактического унитаризма, радикального преобразования всей системы национально-государственных отношений в СССР в духе демократизации.

Но по вопросу о том, что должно прийти на смену прошлому, каким по своему национально-государственному устройству должно быть обновленное Советское многонациональное государство, обнаружилось серьезное расхождение во мнениях. Здесь выявились, на наш взгляд, сторонники пяти основных позиций: 1) полное отделение республик, сепарация (наибольшее число сторонников — в Прибалтике, Грузии, Армении, Молдавии, отчасти на Украине); 2) конфедерация как весьма слабое, рыхлое объединение полностью независимых государств, не создающее новое, общее суверенное государство (сторонники этой позиции имеются во многих республиках, в том числе и в РСФСР); 3) радикально обновленная федерация как союз подлинно суверенных и действительно равноправных республик (судя по итогам все-народного референдума в марте 1991 г., это — преобладающая позиция для страны в целом и для большинства республик); 4) сохранение в основном старой федерации с возможными частичными изменениями, особенно в области некоторого расширения прав республик (немногочисленные сторонники этой позиции представляют, как правило, реакционные и крайне консервативные силы нашего общества); 5) постепенный переход к федерации, построенной не по национально-территориальному, а по чисто территориальному принципу и не знающей подразделения на национальные республики и автономии, или даже к унитарному многонациональному государству (о немногочисленных сторонниках этой позиции уже шла подробно речь в предшествующем разделе статьи).

Выдвинутая еще в начале 1990 года формула «союз суверенных государств (республик)», несомненно, сыграла свою положительную роль, ибо свидетельствовала о том, что предполагается создание государственного объединения, основанного на общем согласии его подлинно свободных, суверенных и равноправных субъектов, а не на административном командовании союзным центром бесправными «республиками» и униженными автономиями. Это создало основу для сплочения всех тех, кто, выступая за решительное обновление национально-государственного устройства страны, в то же время считал необходимым сохранить ее единство и целостность. Вместе с тем слишком общий характер указанной формулы вызывал потребность ее конкретизации, ибо под «союзом суверенных государств» можно понимать и федерацию, и конфедерацию, и различного вида международно-правовые сообщества.

Из опубликованных в конце ноября 1990 г., начале марта и в конце июня 1991 г. проектов нового Союзного договора явствовало, что будущий союз суверенных республик мыслится как достаточно децентрализованное суверенное федеративное демократическое государство, образованное в результате объединения равноправных республик и осуществляющее государственную власть в пределах полномочий, которыми его добровольно наделяют участники договора — республики как суверенные государства. Именно федерация, а не конфедерация позволяла применительно к реалиям того времени гармонизировать соотношение суверенитета, полномочий Союза и суверенитета, полномочий республик, оптимально сочетать назревшее расширение само-

стоятельности, повышение инициативы и активности республиканских органов с неуклонно усиливающейся потребностью их все более тесного взаимодействия, укрепления интернационального единства многонационального общества и союзного государства.

Конечно, в других условиях и в рамках конфедерации и даже еще более слабого международно-правового сообщества возможно создать достаточно надежное единое экономическое пространство и обеспечить его успешное функционирование. Об этом убедительно говорит, в частности опыт Европейского экономического сообщества, члены которого, как известно, сохраняют полную политическую независимость. Однако оценка роли конфедерации не может быть однозначной в принципиально различных ситуациях: одно дело, когда речь идет о переходе от совершенно самостоятельных государств к конфедерации, как это имеет место в ЕЭС и даже в Европе в целом, а другое — когда предлагается переход от уже сложившегося единого народнохозяйственного комплекса союзного государства к конфедерации. В современных условиях нашей страны, когда имеют место глубокий экономический кризис, социально-политическая нестабильность, обострение межнациональных и межреспубликанских конфликтов, а также серьезное недоверие к союзному центру, отсутствует правовое государство, низка политическая и правовая культура и т. д., установление конфедеративных связей между республиками с высокими межгосударственными перегородками способно оказаться непреодолимым препятствием на пути развития рыночной экономики, развития современных производительных сил и экономических отношений, давно уже переросших сравнительно узкие рамки отдельных республик и регионов.

Прошедший в марте 1991 г. Всесоюзный референдум о сохранении Союза ССР как обновленной федерации равноправных и суверенных республик, несмотря на крайне неблагоприятные условия его проведения и настоячивые попытки определенных сил подменить суть вопроса референдума вопросом приверженности той или иной политической группировке и даже отдельным лицам, убедительно показал, что значительное большинство голосовавших — более трех четвертей — высказалось за сохранение Советской союзной федерации при условии ее радикального обновления в духе демократизации и гуманизации. Конечно, тот факт, что 6 из 15 союзных республик (Литва, Латвия, Эстония, Молдавия, Грузия, Армения) в нарушение Конституции СССР отказались проводить Всесоюзный референдум на своей территории, не позволяет получить полную картину свободного волеизъявления народов СССР по данному вопросу. Но нельзя не учитывать, что территория и население девяти союзных республик, где официально проводился референдум, составляют значительно больше девяти десятых территории и населения СССР.

Разработка и обсуждение проектов Союзного договора, проведение Всесоюзного референдума о судьбе страны выдвинули современные проблемы советского федерализма в центр внимания не только научных кругов, но и всей общественности. В 1990 г. были приняты новые Законы СССР — «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации», «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик», «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР», «Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР», «О языках народов СССР» и др. О том, каким представлялся в середине 1991 г. будущий Союз суверенных советских республик, лучше всего судить по опубликованному в конце июня 1991 г. проекту «Договора о Союзе суверенных государств», который тогда же был направлен на рассмотрение в Верховные Советы республик и Верховный Совет СССР. Особое значение этого проекта состояло в том, что он был подготов-

лен уже на основе достигнутого в конце апреля 1991 г. принципиального соглашения на совещании Президента СССР и 9 высших руководителей союзных республик. Этот проект детально и неоднократно обсуждался, изменялся и уточнялся полномочными представителями республик, Советом Федерации и подготовительным комитетом, образованным IV Съездом народных депутатов СССР.

Документ явился несомненным и немалым шагом в направлении к тому, что может оказаться приемлемым для всех или большинства республик. Работа над ним доказала, что, во-первых, речь идет отнюдь не о навязывании союзным центром какого-то своего договора республикам, а о взаимном согласовании точек зрения самих республик с учетом мнения и Союза в целом; и, во-вторых, что даже самые трудные и сложные вопросы советского федерализма могут и должны успешно решаться, когда в основу конкретной и конструктивной работы кладется поиск общего согласия, взаимный учет законных интересов, стремление гармонично сочетать общее, союзное и частное, республиканское.

По сравнению с первым вариантом в проекте существенно расширена и обогащена преамбула; уточнена общая характеристика Союза как суверенного федеративного демократического государства: четко закреплён принцип равноправия субъектов союзной федерации; зафиксированы открытость Союза для вступления в него других суверенных государств и право свободного выхода из Союза республик — участников Договора; существенно уточнено и конкретизировано разграничение полномочий в Союзе в направлении еще большего расширения прав и обязанностей республик; внесено немало нового и важного в вопросы определения союзной и республиканской собственности, соотношения Союзного договора и Конституции СССР, формирования и деятельности органов Союза и др.

В союзном государстве одной из центральных и в то же время сложнейших проблем является соотношение и взаимодействие федерации в целом и ее субъектов. И именно этот вопрос стал у нас предметом особенно острых дебатов и политической борьбы. Это и понятно, так как многие десятилетия считалось, что путь к укреплению Советского многонационального государства пролегает через все большее сосредоточение полномочий в рамках Союза, а сколько-нибудь существенное и реальное расширение прав республик и автономий способно поставить под угрозу единство и целостность федеративного государства. Действительный федерализм и подлинная автономия оказывались несовместимыми с утвердившейся командно-административной системой управления, с ее бюрократической сверхцентрализацией. Не случайно, даже весьма робкие попытки расширить полномочия республик в середине 50-х и во второй половине 70-х гг. во многом остались на бумаге и в конечном счете были сведены практически на нет. Такая линия не только была преобладающей в доперестроечные времена, но и оказывала по инерции чрезвычайно серьезное влияние на политику и практику первых лет перестройки. У нее немало сторонников осталось и сегодня среди наиболее консервативных, антиперестроечных сил.

1 Хотя уже в самом начале перестройки КПСС провозгласила курс на расширение прав республик, она не смогла своевременно и радикально реализовать его. Засилье союзных органов, прежде всего отраслевых министерств и ведомств, во многом продолжало по инерции действовать, нанося немалый ущерб республикам и автономиям, вызывая их законное недовольство. Поскольку республики не были своевременно наделены необходимыми реальными правами не только в 1986—1987 гг., но даже в 1988—1989 гг., эффект упреждающего действия, очень важный в регулировании этого процесса, был упущен, а автаркические и центробежные тенденции в республиках стали усиливаться. В ряде из них это удалось спекулятивно использовать антиперестроечным, националистическим, сепаратистским и антисоциалистическим силам в своих интересах.

Принятый с большим опозданием в апреле 1990 г. Закон СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» уже не смог предотвратить противостояния Союза и республик. Начался и неуклонно расширялся процесс принятия республиками деклараций о государственном суверенитете. В ряде из них, особенно прибалтийских, эти декларации наряду с совершенно правильными и обоснованными положениями содержали и такие, которые были несовместимы с федеративными основами нашего государства (например, положение о безусловном приоритете, верховенстве суверенитета республик, их конституций и законодательства по отношению к общесоюзным). Это не могло не породить «войну суверенитетов», «войну законов», «войну бюджетов» и т. д., тем более, что все это нередко сопровождалось националистическим истолкованием самого суверенитета республик, усилением шовинистических и сепаратистских тенденций в отдельных из них. Демократизация нашего общества и государства оказалась несовместимой с фактической унитаризацией национально-государственного устройства страны, требовала подлинного возрождения советского федерализма и наполнения его реальным политическим и экономическим содержанием. Новое мышление и политика в этом вопросе, которые все более проявляли себя за последние три года, состояли в том, что признание и обеспечение не на словах, а на деле суверенитета республик, серьезная децентрализация управления, резкое расширение их самостоятельности, прав и ответственности, существенное повышение политико-правового статуса автономии стали рассматриваться ныне как путь не к ослаблению, а наоборот, к упрочению многонационального государства⁴⁴.

Сложившаяся теория советского федерализма исходит из того, что суверенны и Союз ССР, и республики — субъекты союзной федерации. При этом задача состоит в том, чтобы не противопоставить один суверенитет другому, а согласовывать и гармонизировать их. Но это возможно только при том условии, если суверенитет не понимается (тем более в федеративном государстве) как ничем не связанная, неограниченная, абсолютная свобода действий. В любом правовом демократическом государстве является общепризнанным верховенство общечеловеческих ценностей, международного права (например, Устава ООН, Хельсинкских или Парижских соглашений) по отношению к внутригосударственному праву. Еще в большей мере это относится к субъектам союзного государства, в рамках которого речь идет о взаимосвязанных, сопряженных суверенитетах Союза и республик, каждый из которых не может успешно реализовываться вне учета действия другого. Задача состоит в том, чтобы так гармонизировать соотношение и взаимодействие суверенитетов Союза и республик, чтобы в обновленной федерации Союз был бы не в меньшей мере заинтересован в реальном обеспечении и охране суверенитета республик, чем последние в сохранении и реализации суверенитета Союза ССР. И путь к этому пролегает через согласование и законодательное закрепление научно обоснованного разграничения полномочий СССР и его субъектов. В научно обоснованной децентрализации заинтересованы не только республики, но и сам союзный центр, ибо только это позволит ему освободиться от мелочной опеки республик, мест и сосредоточиться на лучшем и своевременном решении действительно стратегических, общегосударственных макропроблем. Республики, в свою очередь, не в меньшей мере заинтересованы в достаточно сильном и полноправном Союзе, способном быстро и успешно выполнять те функции, которые по самому своему характеру могут лучше, эффективнее осуществляться на общесоюзной основе.

В проведении единой общесоюзной внешней политики и координации внешнеполитической деятельности Союза и республик, в обеспечении обороны страны и государственной безопасности СССР, в едином руководстве Вооруженными Силами СССР, в осуществлении внешнеэкономической деятельности Союза и координации такой деятельности республик, в едином руководстве косми-

ческими исследованиями и управлении атомной энергетикой, общесоюзными системами связи и информации и т. д. заинтересованы сами республики. Без совместно выработанной стратегии социально-экономического развития страны и создания условий для формирования общесоюзного рынка, без проведения единой финансовой, кредитной, денежной, налоговой, страховой и ценовой политики, основанной на общей валюте, без совместного управления единой энергетической и магистральной транспортной системами страны и т. д. невозможно представить выход из кризисного состояния экономики любой республики и Союза в целом, не говоря уже об ускоренном их прогрессе в будущем.

Отметим, что проект нового Союзного договора был направлен на преодоление былой унификации федеративных связей в СССР и развитие так называемых «горизонтальных связей» как связей между республиками. В нем говорилось о том, что каждая республика может путем заключения соглашения с Союзом дополнительно делегировать ему осуществление отдельных своих полномочий, а Союз с согласия всех республик передать одной или нескольким из них осуществление на их территории отдельных своих полномочий.

За последнее время между республиками было заключено немало договоров о дружбе и сотрудничестве. И это, несомненно, обогатило практику советского федерализма. Но нельзя было не заметить и попыток искусственно противопоставить этот процесс интересам подготовки и заключения нового Союзного договора, хотя очевидно, что на одних горизонтальных связях построение единого федеративного суверенного государства невозможно. Хорошо известно, что главная трудность 1990—1991 гг. в развитии нашей союзной федерации заключалась в налаживании именно вертикальных взаимодействий Союз — республика. Поэтому задача состояла не в том, чтобы подменять вертикальные связи горизонтальными или сталкивать их друг с другом, а в том, чтобы развивать и совершенствовать и те, и другие в их взаимодействии. Да и практика реализации уже заключенных договоров (например, между РСФСР, Украиной, Белоруссией и Казахстаном) свидетельствует о том, что сразу же возникает необходимость в создании того или иного межреспубликанского органа, обеспечивающего контроль, координацию и практическое осуществление заключенных договоров.

Укрепление суверенитета республик и расширение их прав не только не умаляет, а, наоборот, по-своему повышает роль и значение союзных органов в решении общесоюзных задач, в согласовании усилий всех республик и в координации их самостоятельной деятельности. Объективно республики заинтересованы в том, чтобы за Союзом был сохранен достаточно широкий круг полномочий, позволяющих ему выполнять свои функции, решать общие задачи и быть полезным всем членам федерации. Уже в годы перестройки остро обнаружилось, к каким крайне негативным последствиям для последних приводит ситуация, когда по тем или иным причинам союзными органами не решались или решались несвоевременно вопросы общесоюзного значения и характера. Тогда, когда речь идет о гармонизации общесоюзного и республиканского в совершенно новых условиях развития советского федерализма, нельзя, на наш взгляд, ни слепо копировать формы и методы осуществления демократического централизма в прошлом, ни становиться на путь безбрежной децентрализации, ведущей к параличу союзной власти.

СССР до сих пор был федерацией, представляющей собой не простую сумму, конгломерат отдельных субъектов, а качественно новый и целостный государственный организм, содержание суверенитета которого не сводится к механическому сложению правомочий, делегированных ему республиками. Тот факт, что источником суверенитета СССР, его компетенции являлось само объединение республик, в связи с чем эти суверенитет и компетенция по-своему генезису носили, несомненно, вторичный, производный характер, не означало, что в уже возникшем и сложившемся федеративном государстве

суверенитет и законодательство республик всегда и везде должны стоять выше союзных, как это пытались доказать лидеры ряда республик и движений. На такой основе, как показывает и наш, и зарубежный опыт, федеративное государство (в отличие от конфедерации) успешно функционировать и развиваться не может.

В гармонизации соотношения суверенитетов и законотворчества Союза и республик единственно правильной и реалистической представляется линия на признание приоритета, верховенства законов и иных актов союзных органов в рамках полномочий Союза, а в пределах полномочий республик — законов и иных актов республиканских органов. Из этого исходил и проект нового Союзного договора, в котором говорилось, что законы Союза по вопросам его ведения обладают верховенством и обязательны для исполнения на территории республик. Законы республики обладают верховенством на ее территории по всем вопросам, за исключением тех, которые отнесены к ведению Союза. Республика вправе приостановить действие на своей территории закона СССР и опротестовать его, если он нарушает Союзный договор, противоречит Конституции или законам республики, принятым в пределах ее полномочий. Союз ССР вправе опротестовать и приостановить действие закона республики, если он нарушает Союзный договор, противоречит Конституции или законам Союза, принятым в пределах его полномочий. Споры в обоих случаях решаются посредством согласительных процедур либо передаются в Конституционный суд СССР.

Вопросы, отнесенные к компетенции союзных органов, решаются ими непосредственно. Вопросы, отнесенные к совместной компетенции, решаются органами власти и управления Союза и образующих его государств путем согласования, специальных договоров, принятия основ законодательства Союза и республик и соответствующих им республиканских законов.

На этой основе можно было бы достичь, пусть противоречивого, но достаточно прочного единства союзного и республиканского начал в советской федерации, не принижая и тем более не игнорируя место и роль каждого из них. Тем самым открывалась бы реальная возможность преодолеть сложившееся недоверие во взаимоотношениях между союзными и республиканскими органами, противостояние суверенитетов, законов, бюджетов и т. д. К тому же функции и полномочия Союза призваны осуществлять, согласно проекту нового Союзного договора, и представители тех же республик, делегированные ими в союзные органы.

В этом плане принципиальное значение имеют изменения, которые вносил проект в структуру союзных органов и механизм их формирования. В проекте Договора отмечалось, что государства, образующие Союз, участвуют в реализации полномочий союзных органов посредством совместного формирования последних, а также специальных процедур согласования решений и их исполнения. В нем также сказано, что союзные органы власти и управления формируются на основе свободного волеизъявления народов и представительства государств, образующих Союз. В составе Верховного Совета СССР планировалось учреждение наряду с Советом Союза палаты Совета Республик, состоящей из представителей республик, делегируемых их высшими органами власти. В работе Кабинета Министров СССР могут участвовать с правом решающего голоса главы правительств республик. Председатели высших судебных, арбитражных органов республик будут входить по должности соответственно в состав Верховного Суда СССР и Высшего арбитражного суда СССР, а прокуроры республик — в состав коллегии Прокуратуры Союза ССР.

В одном важном вопросе позволим себе не согласиться с теми изменениями, которые предлагал (июньский 1991 г.) проект Договора. Речь идет о том, что в нем, как и во втором (мартовском 1991 г.) проекте, предусмотрено вместо Совета Национальностей Верховного Совета СССР, в котором гарантировалось бы представительство всех народов, проживающих в СССР (именно это было

предусмотрено в первом, ноябрьском 1990 г., проекте Договора), создать указанный выше Совет Республик. Указанные изменения представляются не улучшающими, а ухудшающими проект Договора. Мы уже накопили немалый опыт формирования и функционирования Совета Национальностей, который лишь по своему названию был таковым, а на самом деле являлся Советом республик и автономий, ибо неизменно создавался на основе представительства непосредственно не от национальностей, а от республик и автономных образований. Вряд ли этот опыт можно признать оптимальным. Именно в его рамках свыше половины национальностей страны не имело своих представителей в данной палате и даже во всем Верховном Совете СССР. Кроме того, при сохранении принципа представительства только от республик и национально-территориальных образований неизбежны диспропорции. Например, Грузия, имеющая в своем составе две АССР и одну АО, была представлена в Совете Национальностей в 2 раза большим числом своих депутатов (21), чем Украина или Казахстан, не имевшие на своей территории национально-территориальных образований (11 депутатов). На этой же основе РСФСР, имевшая у себя 16 АССР, 5 АО и 10 АОК, была представлена более чем третью депутатов Совета Национальностей, не говоря уже о том, что в Совете Союза РСФСР представляли свыше половины всех депутатов. Могут сказать, что должное представительство «некоренных» национальностей должны обеспечить сами республики — субъекты СССР. Абстрактно говоря, такую возможность отрицать нельзя. Но нельзя и не учитывать реалии нашей страны и нашего времени. А они состоят в том, что во многих республиках, как известно, произошло серьезное обострение внутренних межнациональных отношений. В этих условиях нет возможности гарантировать справедливое представительство в Верховном Совете СССР инонационального населения в общем составе депутатов от данной республики.

Из статьи 1 проекта договора, в которой говорится, что «государства, образующие Союз, входят в него непосредственно либо в составе других государств», следует, что не все республики — участники Договора должны рассматриваться как непосредственно входящие в Союз. Но тогда возникает немало недоуменных вопросов: а) не заменяем ли мы старое подразделение наших республик на союзные и автономные (против которого выступали чуть ли не все) новым их разделением на прямо и опосредованно входящие в СССР? б) возможно ли практически обеспечить равное представительство республик, непосредственно входящих в Союз, если в составе одних нет других республик и автономий, а в состав других входит несколько и даже много республик и других национально-территориальных образований (при этом согласно проекту Союзного договора гарантируется представительство в Верховном Совете СССР всех таких образований)?; в) если те и другие республики будут иметь неодинаковое представительство в Совете республик, то как это совместить с положением статьи 1 проекта, где указывается, что вхождение республик в Союз не непосредственно, а в составе других республик не ущемляет их прав и не освобождает от обязанностей по Договору, что все они обладают равными правами и несут равные обязанности? и т. д.

Совершенно очевидно, что указанный порядок формирования Совета Республик будет искусственно возбуждать и усиливать стремление народов, создавших автономии, повышать политико-правовой статус своей государственности вплоть до республик, непосредственно входящих в Союз, а возникшие недавно суверенные республики — подталкивать к выходу из состава других суверенных республик, например, из РСФСР. Гарантируя представительство в Верховном Совете СССР республик и национально-территориальных образований, а не национальностей, мы будем искусственно стимулировать создание новых таких образований даже там, где для этого нет ни необходимых условий, ни действительной потребности. Между тем многие национальности, особенно проживающие разрозненно, некомпактно, вполне могли бы удовле-

твориться различными формами реальной национально-культурной автономии даже при весьма значительной их численности.

Сегодня, когда в стране на основе принятого в апреле 1990 г. Закона СССР «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-территориальных образований или не имеющих их на территории СССР» разворачивается процесс создания таких национальных административно-территориальных единиц, как национальные районы, национальные поселки и национальные села (сельсоветы), число таких образований в стране может достичь сотен, а то и тысяч (в середине 30-х гг. только национальных районов и сельсоветов было более 5,5 тыс.). Остается открытым вопрос об обеспечении их представительства в Верховном Совете СССР. Кроме того, уже сейчас некоторые народы страны по тем или иным причинам создали два и даже более таких образований. Будет ли правильным и справедливым, если в связи с этим одни народы будут представлены одним числом депутатов, а другие — в два-три раза большим?

Если, согласно проекту Союзного договора, в Верховном Совете СССР гарантируется представительство не только республик, но и национально-территориальных образований, то спрашивается, почему одна из его палат, прежде всего призванная обеспечить такое представительство, называется Совет Республик, а не Совет Республик и Автономий? Нельзя же представить себе такое положение, при котором все автономии будут представлены в Верховном Совете СССР не через Совет Республик, а через Совет Союза. С другой стороны, если будет принят тот вариант, согласно которому эта палата будет формироваться путем непосредственного представительства не от всех, а только от некоторых республик, то, строго говоря, она и должна именоваться Совет Республик, непосредственно входящих в Союз.

Нам представляется, что многие из указанных и других проблем, неизбежно возникающих и не находящихся должного решения при создании Совета Республик, предлагаемого в проекте нового Союзного договора, могли быть успешно преодолены, если сохранить Совет Национальностей и сделать его органом действительного представительства всех народов страны. Конечно, это потребует выработки другого механизма формирования нового Совета Национальностей, и в частности, использования не только национально-территориального, но и экстерриториального представительства национальностей, в том числе от десятков уже созданных национально-культурных ассоциаций и организаций. Это послужит дальнейшей демократизации национальных и национально-государственных отношений в нашей стране.

Весьма сложным и противоречивым оказалось решение вопроса о субъектах союзной федерации. Ясно, такими субъектами могут быть только суверенные государства, поскольку речь идет о союзе суверенных республик — государств. Раньше, когда суверенными считались только союзные республики, вопрос решался достаточно просто и четко. Теперь же, когда подразделение республик на союзные и автономные признается чаще всего нецелесообразным, а подавляющее большинство бывших автономных республик уже провозгласили себя суверенными, этот вопрос значительно усложнился и обострился. К сожалению, проект нового Союзного договора не давал однозначного ответа на вопрос о субъектах Союза ССР. С одной стороны, он отказывается от былого разделения республик на союзные и автономные, рассматривая все советские суверенные республики как участников Договора, обладающих равными правами и обязанностями; а с другой — говорит о республиках, непосредственно входящих в Союз, в отличие от остальных участников Договора.

На наш взгляд, все суверенные государства — участники Договора должны иметь единый политико-правовой статус и входить в Союз ССР. Тот факт, что та или иная суверенная республика может географически оказаться внутри другой суверенной республики — участника Договора, а в политическом плане — на основе свободного волеизъявления высказать пожелание быть субъек-

том и другой федерации (например, РСФСР), не должен служить непреодолимым препятствием для ее непосредственного вхождения в СССР. Именно такое решение — возможность быть субъектом одновременно двух федераций — позволяет удачно сочетать интересы осуществления права на свободное самоопределение народа данной республики с интересами сохранения единства и территориальной целостности РСФСР.

Другое дело — вопрос о подписании Союзного договора. Поскольку СССР — это в своей первооснове союз народов, многонациональное государство, объединяющее не только народы суверенных республик, но и те народы, которые избрали иные национально-территориальные формы организации и развития, а также народы, не имеющие на территории страны «своих» национально-территориальных образований, было бы демократично и целесообразно найти ту или иную форму подписания этого Договора (например, вслед за подписями полномочных представителей суверенных республик, непосредственно входящих в Союз, следуют подписи представителей и других народов СССР как субъектов нашего Союза народов. От имени народов, не имеющих «своих» национально-территориальных образований, Договор могли бы подписать соответствующие представители всесоюзных национально-культурных ассоциаций и организаций.

В этой связи, на наш взгляд, было бы обоснованным различать понятия «субъект (участник) Договора» — субъект СССР как союзной федерации и «субъект (участник) подписания Договора», который может и не входить в число субъектов союзного государства. Второе шире первого. Опыт подписания Договора об образовании СССР 1922 г. говорит о том, что свои подписи под его текстом тогда, например, поставили вслед за РСФСР и ряд автономий, не являющихся субъектом Союза.

Особо следует остановиться на таких фундаментальных основах советского федерализма, как признание права народов на самоопределение и приоритета прав человека. Именно в их претворении в жизнь заключена глубинная суть демократизации и гуманизации национальных и национально-государственных отношений в стране. Действительно прочным и жизнеспособным может быть только такое многонациональное государство, в котором строго и последовательно соблюдаются права народов и человека. Это особенно важно иметь в виду применительно к нашей стране, где проживает свыше 100 народов и около 150 национальностей; население практически всех республик является более или менее многонациональным; целый ряд народов не имеет «своих» национально-территориальных образований; около четверти всех граждан страны (70 млн. чел.) проживает за пределами «своих» национально-территориальных образований или не имеет таковых на территории СССР.

Совершенно очевидно, что одной из важнейших причин резкого обострения национального вопроса во многих республиках страны являлось грубое и массовое нарушение прав народов и человека. В Молдове — это отказ компактно проживающим гагаузам в праве на создание своей автономии и принятие законов, дискриминирующих русскоязычное население; в Грузии — это попытка ликвидации осетинской автономии и неуважительное отношение к автономным правам, национальным чувствам и достоинству абхазского народа; в Азербайджане и Армении — это нарушение автономии Нагорного Карабаха и изгнание сотен тысяч граждан другой национальности из своей республики; в республиках Прибалтики — это принятие законов, дискриминирующих русскоязычное население, и отказ в Литве компактно проживающему польскому населению в создании даже административных национально-территориальных единиц; в ряде республик Средней Азии — это случаи националистических погромов.

Очень хорошо, что в последних вариантах проекта нового Союзного договора положение о праве наций на самоопределение было перенесено в преамбулу, а положение о гарантировании республиками политических прав

и возможностей социально-экономического и культурного развития всем народам, проживающим на их территории, — из второго в первый раздел проекта — «Основные принципы». И все же, с одной стороны, в отличие от второго, мартовского, варианта в июньском, третьем, варианте речь идет не о «праве наций и народов на самоопределение», а о «праве наций на самоопределение». Это можно толковать и так, что не все народы, а только нации обладают таким правом, что явно противоречит общепризнанным демократическим принципам и традиционному толкованию этого права. С другой стороны, в указанном первом разделе следовало бы более полно и четко определить, что означает право народов на самоопределение для национально-государственных отношений в обновленной союзной федерации. Сегодня нередко складывается довольно парадоксальная ситуация: руководители ряда республик, которые всеми силами и максимально шепетильно оберегают от Союза суверенитет своих республик, прямо или завуалированно отрицают суверенность проживающих в этих республиках народов, не принадлежащих к нации, давшей название республике. А ведь хорошо известно, что не может быть подлинного демократа, не признающего свободу самоопределения народов независимо от их численности, величины занимаемой ими территории, экономического и культурного потенциала или избранной государственной формы своего существования и развития. Поэтому в проекте следовало бы записать: «Суверенитет и целостность территории республики не может служить препятствием для осуществления права на самоопределение народов, проживающих на ее территории».

В рамках становления гражданского общества и правового государства не менее важно обеспечить строгое и полное недопущение дискредитации граждан по национальному признаку в любой республике, в любой точке страны. Проекты нового Союзного договора справедливо закрепили признание республиками в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека ООН, другими общепризнанными нормами международного права приоритета прав человека как важнейшего принципа. Права человека — общечеловеческая ценность, которая стоит выше прав отдельной нации или республики. Нельзя согласиться с нередко встречающимися в ряде республик утверждениями лидеров национальных движений о примате прав нации, прав республики над правами человека. Именно такая ошибочная позиция приводит к антидемократическим и антигуманным нарушениям прав инационального населения, к выдвиганию национально ограниченных, а по сути дела националистических лозунгов типа: «Литва — для литовцев», «Латвия — для латышей», «Грузия — для грузин» и т. д., под флагом которых нередко унижаются и дискриминируются представители иных национальностей и даже целые народы.

Да, советская государственность того или иного народа потому и называется национальной, что призвана выражать и защищать интересы и чаяния данного народа, воплощать его суверенитет. Но не только! Советская государственность любого народа и национальна и интернациональна, ибо призвана выражать и защищать волю и интересы трудящихся и всех других национальностей, воплощать суверенитет всего народа данной республики. Поэтому важно четко закрепить в основных принципах нового Союзного договора положение о том, что «каждая республика — участник Договора призвана выражать и защищать волю и интересы граждан коренной и всех других национальностей».

Только тогда, когда в любой республике, в любой точке нашей страны гражданин любой национальности будет на деле полностью равноправным и свободным, будет чувствовать себя не хуже, чем если бы он жил в «своей» республике, не будут возникать и обостряться межнациональные конфликты, усиливаться центробежные тенденции и т. д. Союз не может мириться с нарушением прав человека в любой республике. Необходимо полностью претворить в жизнь требования Законов СССР «О свободном национальном развитии граждан

СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР» (26 апреля 1990 г.) и «Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР» (2 апреля 1990 г.), дающих солидную правовую основу для решительного пресечения деятельности различных националистических и сепаратистских объединений, направленной на дискредитацию граждан в связи с их национальной принадлежностью.

* * *

Р. С. Статья уже находилась в наборе, когда произошли известные события 19—21 августа 1991 г., коренным образом изменившие ситуацию в стране. Антиконституционные, преступные действия консервативных и реакционных сил в лице прежде всего членов ГКЧП в огромной мере усилили недоверие республик к «союзному центру», сорвали назначенное на 20 августа 1991 г. подписание согласованного проекта договора о Союзе суверенных государств; резко усилили центробежные тенденции в Союзе; привели к принятию целым рядом республик актов об их независимости и даже выходе из состава СССР. В этих новых условиях подписание подготовленного варианта союзного договора оказалось невозможным. Подписание разработанного самими республиками экономического соглашения, об острой необходимости которого постоянно говорили все или почти все, встретило немало серьезных трудностей и препятствий. Еще в большей мере это относится к вставшему в порядок дня вопросу о подготовке нового варианта союзного договора, учитывающего сегодняшние реалии.

В сложившейся обстановке путь к сохранению или возрождению Союза суверенных государств на основах демократической федерации будет теперь значительно более сложным, противоречивым и трудным. За большие ошибки и промахи в национальной политике придется платить большую цену. Автор статьи и сегодня твердо убежден в том, что целям и задачам выхода нашего общества в целом и каждой республики из глубокого кризиса, интересам их обновления и дальнейшего прогресса лучше всего отвечает в принципе именно федеративный, а не конфедеративный Союз суверенных республик. И рано или поздно, прежде всего под воздействием объективных факторов (в первую очередь экономического и научно-технического), мы придем к этому. Другое дело, что теперь, особенно учитывая последствия экономического кризиса, острых межнациональных конфликтов и соответствующее состояние субъективного фактора в национальном вопросе, путь к такому Союзу будет, вероятно, пролегать через более широкое и реальное использование принципа многообразия конкретных форм взаимосвязи республик в рамках Союза, чем это предусматривалось в ранее разработанных проектах союзного договора. В сложившихся условиях надо предоставить каждой республике возможность свободно и суверенно избрать свою форму (федеративную, конфедеративную, ассоциированную или иную) связи и изменять ее в будущем. Конечно, это приведет к немалым издержкам и трудностям для многонационального государства. Но другого демократического пути изживания негативных последствий имперского прошлого, сохранения и упрочения интернационального единства страны просто нет.

Примечания

- ¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 25. С. 306.; Т. 27. С. 64.
- ² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 316; Т. 5. С. 42; Т. 7. С. 143; Т. 8. С. 28—29, 44; Т. 22. С. 239; Т. 32. С. 48, 76 и др.
- ³ См. там же. Т. 7. С. 265—266; Т. 8. С. 13—14, 50; Т. 16. С. 66; Т. 21. С. 17—19, 225, 423; Т. 22. С. 238.
- ⁴ См. там же. Т. 22. С. 238; Т. 27. С. 124 и др.
- ⁵ См. там же. Т. 7. С. 266; Т. 17. С. 344; и др.
- ⁶ Ленин В. И. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.» М., 1968, С. 62, 66.
- ⁷ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 318; Т. 16. С. 407; Т. 32. С. 531, 556; Т. 22. С. 238.
- ⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 27. С. 64; Ленинский сборник XXX. С. 109.
- ⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 27. С. 255—256, 64.
- ¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 355.
- ¹¹ См. там же. Т. 17. С. 344; Т. 22. С. 199; Архив Маркса и Энгельса. Т. 3 (8). С. 359; Ленин В. И. ПСС. Т. 33. С. 52—54, 237.
- ¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 266.
- ¹³ См. там же. Т. 22. С. 238—240.
- ¹⁴ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 24. С. 143; Т. 25. С. 70; Т. 27. С. 438.
- ¹⁵ Там же. Т. 7. С. 233.
- ¹⁶ Там же. Т. 27. С. 256.; Т. 32. С. 41; Т. 33. С. 147.
- ¹⁷ Там же. Т. 7. С. 105.
- ¹⁸ См. там же. Т. 7. С. 233—234; Т. 24. С. 144; Т. 48. С. 234—235.
- ¹⁹ Там же. Т. 38. С. 159.
- ²⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 32. С. 41.
- ²¹ См. там же. Т. 32. С. 154.
- ²² См. там же. Т. 32. С. 269 и 286.
- ²³ Там же. Т. 32. С. 269.
- ²⁴ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 341.
- ²⁵ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 151.
- ²⁶ См. там же. Т. 36. С. 73; КПСС в резолюциях... . Т. 2. М., 1970. С. 45.
- ²⁷ Второй конгресс Коминтерна. М., 1934. С. 492.
- ²⁸ См.: Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбил. стат. сб. М., 1987. С. 388.
- ²⁹ Тишков В. Народы и государство // Коммунист. 1989. № 1. С. 59.
- ³⁰ Чешко С. Экономический суверенитет и национальный вопрос // Коммунист. 1989. № 2. С. 101.
- ³¹ Бромлей Ю. В., Чешко С. В. О новой Конституции СССР // Советская этнография. 1990. № 5. С. 4.
- ³² См.: VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков) Апрель 1917: Протоколы. М., 1968. С. 213—215, 281—282.
- ³³ См.: Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. М., 1959, С. 81 и 377
- ³⁴ КПСС в резолюциях... . Т. 2. С. 440.
- ³⁵ См. статьи П. Г. Семенова в: Советское государство и право. 1961. № 2. С. 23—25; Вопросы государства и права в трудах В. И. Ленина. Душанбе, 1963. С. 84, 94, 96; Вопросы истории. 1968. № 6. С. 111—112.
- ³⁶ Кислицын И. М. Вопросы теории и практики федеративного строительства Союза ССР. Пермь, 1969. С. 171, 178—179.
- ³⁷ Коммунист. 1989. № 2. С. 101.
- ³⁸ Там же. С. 104.
- ³⁹ См.: Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 73.
- ⁴⁰ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 77; Т. 53. С. 45.
- ⁴¹ Коммунист. 1989. № 2. С. 101.
- ⁴² См., напр.: Ленинский сборник XXXVII. М., 1970, С. 293—295; Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 234; Т. 41. С. 153, 342—343; Т. 43. С. 128; Т. 50. С. 22—23, 34—35, 42—44; Т. 51. С. 141—142, 175; Т. 52. С. 94, 154.
- ⁴³ См.: В. И. Ленин о национальном вопросе и национальной политике. М., 1989, С. 487.
- ⁴⁴ См.: Правда. 1990. 11 декабря.

© 1991 г.

М. М. БЛИЕВ

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИСОЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ КАВКАЗА К РОССИИ

Проблему присоединения народов к России, считавшуюся в советской историографии важнейшей, ныне не назовешь актуальной. От нее фактически отвернулись ученые, в том числе и те, кто еще недавно исследование ее считал делом всей своей жизни, предоставив ее обсуждение публицистам и политологам. При этом, как правило, рассматривается она в контексте политического сепаратизма, охватившего советские республики. Воинствующий экстремизм, вынесенный на поверхность перестройкой, пытается навязать свои представления о прошлом наших народов, в частности идею, согласно которой Россия выступает в роли некоего спрута, а присоединившиеся в свое время к ней народы — жертвы. Таким образом с какой-то особой жестокостью вбивается между народами нашей страны клин, который бы окончательно разорвал создававшуюся десятилетиями, а то и веками историческую ткань.

По-разному объясняют возникшую ныне в науке и в нашей жизни войну против таких достижений цивилизованного мира, как исторически обусловленные экономико-торговая интеграция, военно-политические союзы во имя совместной обороны, этнокультурное взаимовлияние и др. По-разному можно видеть и причины, приведшие к всеобщему выяснению исторических границ и территорий. Одни считают, что все это — реакция на имперское мышление, длительное время господствовавшее в СССР. Другие в происходящем усматривают проявление якобы возросшего национального самосознания у ряда советских народов, новых уровней формирования. Не отвергая ни того, ни другого, вместе с тем нельзя не отметить, что подобные объяснения со временем будут оцениваться как субъективные представления о глубоких общественных процессах. В самом деле, чем объяснить, например, тот факт, что вождь национально-освободительного движения Грузии, мужественный борец против российского самодержавия И. Чавчавадзе рассматривал присоединение Грузии к России как акт добровольный, видел в России надежду Грузии, а ее сегодняшние лидеры, считающие себя руководителями национально-освободительного движения, вопреки историческим фактам пишут о «завоевании» Россией Грузии, объявляют о своем выходе из состава СССР? Как соотносить убеждения И. Чавчавадзе и его соратников, реально оценивавших «каджарскую опасность» конца XVIII в. для Грузии и с того времени считавших невозможным ее развитие вне России, с идеями современных «отцов» грузинской нации, спешащих навсегда опустить шлагбаум на знаменитых перевальных дорогах Главного Кавказского хребта? Наконец, почему молчит сейчас

Блиев Марк Максимович, доктор исторических наук, профессор Государственного Северо-Осетинского университета.

грузинская интеллигенция, которая «на протяжении семнадцати столетий» не сказала «ни одной враждебной фразы по отношению к России» (Якоб Гебашвили)? Не счастье подобных вопросов, и ответы на них не просты.

Как бы то ни было, уверенно можно сказать одно — спадет бурный поток эмоций, и проблема присоединения народов к России из сферы политической публицистики станет предметом анализа академической науки. С надеждой на это автор настоящей статьи вновь обращается к вопросам, многие годы его интересующим.

* * *

В русской и советской исторической науке проблема присоединения нерусских народов к России — традиционная. Литература по ней столь значительна по объему и разнообразию точек зрения, что могла бы стать предметом специального исследования. Повышенный интерес к ней всегда объяснялся как сложностью исторических явлений, связанных с процессом присоединения, так и значимостью социально-экономических и политических последствий этого процесса. Сказывалось и наличие не только научного, но и политического аспекта, что ощутимо в подавляющей части работ.

Оставляя в стороне историографию проблемы как таковую, напомним о некоторых формулах и оценках, в разное время бытовавших в литературе.

Еще в пору становления советской исторической науки М. Н. Покровский одним из первых выдвинул концепцию, суть которой сводилась к формуле: любое присоединение нерусских народов к царской России — «абсолютное зло»¹. В довольно строгих рамках этой тезы проблема освещалась вплоть до 1936 г. Политические мотивы ее легко объяснимы все еще сохранявшейся тогда актуальностью критики российского самодержавия, свергнутого революцией. В 1936 г. постановлением жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР «вводился» новый подход, директивно заменивший тезис об «абсолютном зле» формулой «наименьшее зло»². Последняя в отличие от предшествовавшей не вызвала к жизни сколько-нибудь значительных исследований и лишь прочно вошла в учебную литературу.

В начале 50-х гг. историки выдвигают вопрос о корректировке формулы «наименьшее зло»³, указывая на необходимость более расширительного, чем было принято в науке, толкования прогрессивного значения присоединения нерусских народов к России. Высказывались также мнения о замене понятия «наименьшее зло» другим — «меньшее зло»⁴. Одновременно получает распространение идея о добровольном характере присоединения.

Последовавшие за XX съездом КПСС три десятилетия явились наиболее плодотворными в исследовании проблемы. Однако на историков продолжал давить груз старых политических оценок. Конъюнктурный подход к проблеме, ставший обычным явлением в нашей литературе, привел к тому, что вместо прежних «директивных» формул в науку проникли новые «методологические» стереотипы, лишавшие проблему перспективы появления оригинальных научных идей. Один из таких твердо укоренившихся постулатов — «несмотря на колонизаторскую роль царизма, все же присоединение к России являлось прогрессивным фактом» — мало чем отличался от ранее господствовавшей формулы о «наименьшем зле». Увлечшись обсуждением главным образом политической стороны проблемы, историки до сих пор неохотно обращаются к таким методологическим задачам, как установление общих закономерностей процесса присоединения и его исторических последствий, научная периодизация взаимоотношений нерусских народов с Россией и др.

В настоящей статье предпринята попытка привлечь внимание к общим, еще недостаточно решенным аспектам проблемы. Только системность в анализе исторических явлений может объяснить такой феномен: почему присоединение различных народов и народностей к российской национальной государственно-

сти и образование единого многонационального организма приобрели характер устойчивой исторической тенденции?

Начнем с терминов. Дореволюционная историография использовала терминологию («завоевание», «покорение», «подданство», «колонизация») ⁵, более всего соответствовавшую характеру официальной политики российского самодержавия. Подчеркивалась сила русского оружия, внешнеполитические успехи царизма. Понятие «присоединение» допускалось лишь в отношении Грузии и Армении. В советской историографии терминологическая оснстка проблемы также зависела от политической идеи, в рамках которой велось исследование: формуле «абсолютное зло» соответствовали «завоевание», «покорение», «колонизация» ⁶, формуле «наименьшее зло» — «завоевание» ⁷, «присоединение». С 50-х гг. историки фактически отказываются от термина «завоевание», а в последнее время и от слова «колонизация». Вместо них распространяются: «присоединение», «добровольное присоединение». Появились также новые термины — «вхождение» ⁸, «включение» ⁹, вызванные стремлением подчеркнуть добровольный характер присоединения того или иного народа к России.

Известно, что задача любого научного термина — максимально отразить прежде всего объективную суть процесса, а не только его субъективные, внешние проявления. Образцом в этом отношении можно считать такое историческое понятие, как «воссоединение», используемое в отношении Украины и России. Оно указывает на главное: слияние этнически однородных территорий. Точно так же, с нашей точки зрения, термин «присоединение» достаточно полно отражает вовлечение ряда сопредельных России народов в сферу внешнеполитического, а затем и внутреннего социально-экономического развития российской государственности. Кроме того, «присоединение» в отличие от крайних его «синонимов» — «завоевание» и «вхождение» — не сковывает исследователя «готовыми» оценками, не навязывает ему заранее заданного подхода, а, напротив, предоставляет ему возможность рассмотреть исторические события комплексно, во всей их сложности и противоречивости.

Один из вопросов, далеко еще не выясненных, — к какому времени отнести истоки процесса присоединения нерусских народов к российской государственности и как определить его завершающую стадию? Проследившая эволюцию феодального государства в России, Л. В. Черепнин указывал на общие со странами Западной Европы закономерности. В качестве же особенности он выделил тот факт, что с момента зарождения Русское государство являлось многонациональным по составу населения, оставаясь в то же время единым, национальным, русским. Л. В. Черепнин находил сходство между этническими процессами, происходившими в период образования Древнерусского государства, и присоединением в XVI в. к Московскому государству Поволжья и Сибири, что превращало его в многонациональное. В этом отношении, подчеркивал он, Русское централизованное государство как бы продолжало традиции Киевской Руси — полиэтнической державы со славянским ядром ¹⁰. Нет нужды вдаваться в подробности проблемы образования Древнерусского государства, на которые обращал внимание Л. В. Черепнин. Как видно, начало процесса присоединения нерусских народов ученый относил к Киевской Руси. Однако этот взгляд вызывает возражение, поскольку известно, что все раннефеодальные государства эпохи военной демократии, когда война и захваты — такие же привычные занятия, как скотоводство и земледелие, были по преимуществу полиэтничными. Древнерусское государство не составляло исключения, напротив, оно представляло собой типичное многоплеменное и полиэтничное государственное объединение. Почти одновременно с Киевской Русью на юге нашей страны образовалось крупное раннефеодальное государство алан, также вобравшее в себя не только аланские, но и другие племенные союзы ¹¹; историки обычно не считают полиэтничный характер этого государства какой-то особенной, только ему присущей чертой. Что касается Русского централизованного государства, нового этапа эволюции феодальной государственности, то прежде

всего необычные географические масштабы определяли особенности его развития, одна из которых — превращение русской национальной государственности в многонациональную. Как известно, эту особенность Русское государство приобретало с присоединением Поволжья и Сибири, существенно изменившим политическую и этническую карту страны. Но, по-видимому, приобретение Поволжья и Сибири — бывших владений золотоордынских ханов, с которыми Русское государство имело свои счеты, — еще не отражало историческую тенденцию, связанную с присоединением нерусских народов к России, и, следовательно, не могло являться истоком этого процесса. На наш взгляд, эти истоки восходят к той эпохе, когда Русское государство, достигнув политического и отчасти экономического единства и обретя тем самым мощный для своего времени военно-политический потенциал, смогло обеспечить себя надежной обороной и защищать — преследуя при этом собственные интересы — сопредельные народы, переживавшие относительно примитивные формы общественной организации, не гарантировавшей им необходимую внешнюю безопасность. В XVI в. и в дальнейшем именно на этой реальной основе складывалась у разных народов прорусская политическая ориентация. Однако это была не единственная предпосылка. Важную роль играли общественно-политические изменения в самом Русском государстве. Лишь внешне казалось, что они не имели отношения к другим народам. Формационные процессы, которые в обычных условиях не вышли бы за пределы собственной государственности, где они зародились, приобретали на обширной территории Русского государства «глобальный» размах и подчас вовлекали в свою орбиту и соседние народы. Так произошло, например, с адыгами, нуждавшимися в защите от крымского хана и Турции и постоянно обращавшимися к русскому правительству за помощью¹². И как результат вслед за завоеванием Казанского и Астраханского ханств в 1557 г., после переговоров «черкасских» посольств с Иваном Грозным, адыгские народы были присоединены к Русскому государству¹³.

Политические принципы, лежавшие в основе присоединения адыгских народов, отличались от тех, которыми обуславливалось приобретение Поволжья и Сибири. Они были совершенно новыми во внешнеполитической практике как для Русского государства, так и для сопредельных с ним нерусских народов. Именно в этих принципах, конкретно реализованных в русско-адыгских отношениях, мы склонны видеть истоки присоединения. В дальнейшем подобная практика становилась важным явлением в общественно-политической жизни России, а для ряда нерусских народов — реальным историческим процессом.

Таким образом, при всей разновременности и конкретности условий присоединения к России народов, устанавливается общая закономерность, выражающаяся в наличии двух важнейших факторов — прорусской ориентации (ее формирование обуславливалось либо внешней опасностью, либо общественно-экономической действительностью, либо же их сочетанием) и воздействием формационных процессов на сопредельные народы.

Наиболее крупными районами, присоединенными к России, являются Кавказ и Средняя Азия. Их присоединение относится к разным хронологическим рубежам и происходило оно в неодинаковых условиях общественно-экономического развития самой России. Так, русско-кавказские отношения устанавливаются в основном в период образования Русского централизованного государства. К этому же времени относится начало процесса присоединения к России (Северо-Западный Кавказ — 1557 г.), его завершение приходится на конец первой трети XIX в. (присоединение в 1828 г. Армении к России). Наиболее интенсивный этап совпадает со временем, когда крепостничество в России, распространяясь на новые территории и вовлекая в свою сферу новые массы населения, стало развиваться все шире и когда в недрах феодальной экономики России уже шло формирование нового, капиталистического уклада (XVIII — первая треть XIX в.). Эта особенность социально-экономической жизни России, бесспорно, воздействовала на характер процесса присоединения

Кавказа к России, в котором, например, вплоть до окончания Кавказской войны в 60-х гг. XIX в. политические интересы заметно преобладали над экономическими.

Присоединение Средней Азии произошло в 60—80-х гг. XIX в. — в период буржуазных реформ и свободного развития капитализма в России. Обычно в изучении проблемы присоединения Кавказа и Средней Азии применяют одни и те же концептуальные стереотипы. Между тем интересы России во второй половине XIX в., вызванные новой формацией, придавали ее действиям в Средней Азии иной, чем на Кавказе, характер. Это касалось методов, темпов и целей проведения политики. Вместе с существенными различиями, требующими учета при освещении присоединения Кавказа и Средней Азии, безусловно, выявляется и много общего. Ряд историков отмечают первостепенное значение экономических интересов России в Средней Азии¹⁴. Казалось, в этом прежде всего и состоят различия между присоединением Кавказа и Средней Азии. Однако соперничество России с Англией в Средней Азии, как известно, заставляло ее заботиться о политических выгодах не меньше, чем об экономических¹⁵. Поэтому при некоторых различиях в экономических связях (например, более интенсивная торговля) России приходилось действовать в Средней Азии, как и на Кавказе, в схожих международных условиях¹⁶.

Несмотря на территориальную отдаленность Кавказа и Средней Азии друг от друга и одновременность их присоединения к России, сказывались, с одной стороны, наличие в этих регионах во многом одинаковых общественно-экономических структур и внешнеполитических ситуаций, с другой — существовавшая преемственность в политике и стратегии России на окраинах. Пожалуй, этим и объясняется тот факт, что и русско-среднеазиатские, и русско-кавказские связи имели общий исторический итог — присоединение к России. Однако развитие русско-среднеазиатских связей сопровождалось экономической экспансией России и ее соперничеством с европейскими державами — обстоятельствами, заставлявшими Россию «опережать события» и прибегать к действиям, часто не отличавшимся от колониальных акций западных капиталистических держав.

Чаще и острее всего обсуждается вопрос: что привело тот или иной народ к присоединению — его добровольное желание или военно-политическое давление России? Если историк придерживается первой точки зрения, то, как правило, попадает в идеализацию феодальной эпохи и преподносит дело так, будто проблема присоединения решалась чуть ли не в духе демократических принципов национальной политики¹⁷. Прямая противоположность такому подходу — простое игнорирование исторических процессов, стремление свести все к колониальным захватам российского самодержавия; тезис о прогрессивных последствиях присоединения у сторонников такого взгляда — скорее всего публицистический камуфляж, плохо прикрывающий их идейные позиции¹⁸.

Оба подхода явно некорректны в научном плане. Будучи одновременно и результатом, и причиной поверхностного освещения фактов, они затрудняют правильное видение исторических событий. В последние годы ряд историков пытаются отойти от подобных канонов. Рассматривая присоединение как исторический процесс, они стремятся вскрыть связи между его отдельными звеньями и, таким образом, показать его в диалектическом единстве¹⁹. Однако синтезу подвергаются большей частью политические и экономические контакты с Россией и в значительно меньшей степени соотношение этих контактов, как и самого присоединения, с внутренними общественно-экономическими процессами, происходившими в России и у присоединяемых к ней народов. Это, собственно, и ведет, на наш взгляд, к одностороннему толкованию проблемы и, самое главное, к разноречивым суждениям о характере присоединения.

В самом деле, тезис о «добровольности» требует от исследователя не только констатации фактов, подтверждающих тягу народов к сближению, но и анализа социальных и политических мотивов, обуславливавших эту тягу. Впрочем, указание на агрессивные стороны политики самодержавия также нуждается в

учете интересов (таких же исторических и небескорыстных!) народов, стремившихся к развитию в составе Российского государства.

В свете сказанного представляется, что понятие «добровольное присоединение» не соответствует всей сложности исторического процесса взаимоотношений России и нерусских народов.

Однако это не дает права игнорировать общественные силы, реально оценивавшие историческую обстановку и ведшие свой народ к союзу с Россией. Напротив, — это один из важных моментов, — перед исследователем встает задача выявления носителей этих общественных сил, их социально-политических мотивов. В этой связи нелишне напомнить о следующем.

В свое время, когда присоединение расценивалось как «абсолютное зло» и «наименьшее зло», утверждалось, будто отношения между Россией и нерусскими народами определялись колониальными устремлениями царизма, заключившего с местной феодально-родовой знатью прочный классовый союз. Собственно, тезис о «завоеваниях» царизма означал не что иное, как результат социальной солидарности Российского самодержавия и господствующих верхов нерусских народов. Подобная интерпретация появилась благодаря не только формуле «абсолютное зло», но и формальному применению марксистского метода классового подхода к общественным процессам. При этом не учитывались слишком очевидные факты, свидетельствующие о происходившей в период присоединения социальной и политической эволюции народов окраин. Касаясь, например, Кавказа, историки не замечали, что в обстановке соперничества России с Ираном и Турцией происходил раскол среди различных социальных группировок на Кавказе; господствующей тенденцией становилось утверждение прорусской ориентации среди свободных общинников. Что касается феодальной знати, то большая ее часть ориентировалась на Россию, меньшая — выростала из фронды в активную политическую силу, поддерживавшую планы Ирана, Турции и их западных союзников на Кавказе^{20–21}.

В наше время недостаточно лишь констатировать подобные общие положения для объяснения характера присоединения народов к России. Предметом исследования должны стать общественные процессы как в России, так и у присоединившихся народов, и выявление соотношения этих процессов с ориентацией на Россию. При такой постановке проблемы нелишне еще раз коснуться особенностей русско-кавказских отношений. Как известно, накануне присоединения Северного Кавказа к России его народы находились на различных стадиях общественного развития. На равнине и в предгорьях феодализм достиг раннего или среднего уровня; население горных и высокогорных областей переживало переход от родового строя к феодальному. Эти явления сугубо внутреннего характера, казалось, не могли влиять на взаимоотношения России с народами Северного Кавказа. Между тем нельзя не заметить, что, как правило, первыми отношения с Россией устанавливали и наиболее интенсивно их развивали феодальные районы. Например, на Северо-Западном Кавказе адыгские народы по уровню общественного строя условно делились на «аристократические» (иначе — феодальные) и «демократические»²². Вопрос о присоединении к России первыми выдвинули кабардинцы, темиргоевцы, бесланевцы и др., т. е. «аристократические племена», и добились его решения уже в середине XVI в.²³ Произошло это прежде всего по инициативе феодализовавшейся знати, явно стремившейся с помощью сильной власти русского царя укрепить в адыгском обществе свое социальное положение. Прорусской ориентации, однако, придерживались и свободные общинники, также надеявшиеся, что русские власти защитят их от притязаний верхов. В литературе²⁴ отмечается, сколь необычно возросли после присоединения к России престиж и влияние княжеской знати у «аристократических» племен. Это прибавляло адыгской верхушке и политический вес: адыгский язык становился здесь средством межнационального общения, а «княжеский этикет» — эталоном в общественном быту. К XVIII в. у адыгов наметились феодальные процессы перехода от княжеских

уделов к образованию единой государственности²⁵. Подобные сдвиги в формационном развитии равнинных адыгов, большинство которых сохраняло скотоводческое хозяйство, во многом происходили под влиянием политической системы Российского государства, также обеспечивавшей им относительную внешнюю безопасность.

Что касается «демократических племен» — большей части адыгского этнического массива, то переходный характер их общества фактически лишал прорусскую политическую ориентацию устойчивых побудительных мотивов. Более того, здесь широко практиковалась набеговая система («экспансия горцев») в отношении как соседних народов, так и русской пограничной линии и русских поселений на ней²⁶. Сказывалось и другое. Наиболее интенсивный период набегов — XVIII — первая половина XIX в. — совпал с активизацией политики России на Кавказе, что вело к серьезным столкновениям интересов участников набеговой системы с интересами России на Северо-Западном Кавказе и в конечном счете вылилось в Кавказскую войну.

Отношения между «демократическими племенами» и русской администрацией приняли непримиримый характер. Однако положение изменилось, когда Кавказская война вступила в завершающую стадию и среди ее участников явно наметилось классовое расслоение. Еще продолжалась война, ускорившая победу раннефеодальных отношений, а «демократические племена» вновь обнаружили прорусские политические настроения. Основными носителями их стали теперь свободные общинники — факотли, попадавшие в социальную зависимость от местной родоплеменной знати. Противницей российской ориентации оказалась выделившаяся в годы Кавказской войны феодальная прослойка, искавшая поддержки у Турции и других враждебных России стран²⁷.

На первый взгляд может показаться, что описанная нами эволюция отношений с Россией — специфика только русско-адыгских связей. Однако подобный исторический «сценарий» наблюдается и в других районах Северного Кавказа. В этой связи еще раз обратимся к русско-дагестанским отношениям. Одновременно с адыгами связи с Россией были установлены Дагестаном. Контакты налаживались в первую очередь дагестанскими раннефеодальными образованиями. Поначалу они развивались в сфере торговли. Позже, с завоеванием Астраханского ханства, они приобретают все более политический характер. К XVI в. среди дагестанских владетелей зарождается прорусская политическая ориентация²⁸. На начальных этапах в основе ее лежало стремление к развитию торговли и обеспечению внешней безопасности от притязаний Турции, Ирана, иногда и от набегов кабардинских князей. Уже во второй половине XVI и XVII в. отношения между Русским государством и дагестанскими владетелями носили оживленный и разносторонний характер. Этому способствовали не только торгово-экономические связи, но и наличие в Дагестане достаточно крупных государственных образований с «собственной» внешней политикой. Однако в отличие от русско-адыгских отношений русско-дагестанские не привели тогда к присоединению равнинного Дагестана к России (этому воспрепятствовали внешние силы — Иран, Турция и Крымское ханство)²⁹. Тем не менее русско-дагестанские отношения, завершившиеся присоединением лишь в начале XIX в., напоминали тот же образец, по которому развивались и русско-адыгские отношения. Как и на Северо-Западном Кавказе, связи Дагестана с Россией осуществлялись раннефеодальными государствами, в поступательном развитии которых Россия уже тогда могла играть прогрессивную роль. Но более полную аналогию модель русско-адыгских отношений получила в политических связях России с «вольными» обществами Дагестана. Сходные по своей социальной организации с «демократическими племенами», «вольные» общества были относительно слабо связаны с русской границей. Позже, по мере того, как в этих обществах прогрессировала набеговая система³⁰, их ориентация на Россию ослабевала. Как и в «демократических племенах», здесь постоянно возникали столкновения с участниками набегов. Это вело к потере контактов с Россией, к

возобладанию в «вольных» обществах антирусских настроений. Окончательный разрыв наступил в период Кавказской войны. Однако в ходе ее в этих обществах, как и на Северо-Западном Кавказе, шли интенсивные классообразовательные процессы, было создано раннефеодальное государство (имамат), в результате чего появились более, чем прежде, социальные мотивы для формирования прорусской ориентации. В распадавшемся в конце Кавказской войны имамате Шамиля ее придерживались как рядовые общинники, так и феодализовавшаяся знать³¹. Данный процесс не остался незамеченным русским правительством, которое, независимо от участия в войне, брало под свою защиту всех, кто изъявлял желание принять российское подданство³². Закономерность, в силу которой формирование прорусской ориентации и присоединение к России соотносились с внутренними общественными процессами (феодализацией), с незначительными частными различиями «сработала» и в русско-чеченских отношениях. Уже в XVII в. чеченские «землицы», занимавшие небольшую территорию на равнине Центрального Кавказа, представляли собой феодализовавшиеся сельские общины. Именно от них исходила тогда линия политической ориентации на Россию, что часто отмечают исследователи³³.

Население горной Чечни, стремившееся к переселению на равнинные земли, надеясь получить в этом поддержку русского правительства, политически тяготело к России. В 1781 г. по инициативе чеченских представителей Чечня была присоединена к России³⁴. Тогда же началось переселение чеченских тайпов (родов) с гор на равнину³⁵. В новых условиях, благоприятных для хозяйствования, серьезной ломке подверглась тайповая организация общественной жизни. В ней все больше развивались частнособственнические начала³⁶. Это в свою очередь вело к тому, что наряду с земледелием и скотоводством чеченцы неизмеримо шире стали практиковать набеговую систему, являвшуюся для них способом собирания собственности³⁷. К 90-м гг. XVIII в. процесс накопления собственности (вначале тайповой, а затем семейной) благодаря набегам набрал такие темпы, которые, естественно, потребовали его идеологического и юридического обеспечения. За короткое время языческое население Чечни (христианство и мусульманство здесь были распространены слабо) активно принимало ислам и вовлекалось в мюридистское движение, являвшееся высокоорганизованной формой набеговой системы. Русская граница и русские города превращались в главный объект набегов. В этих условиях наблюдалась тенденция к ослаблению прорусских настроений, прежде всего со стороны организаторов набегов — старейшин социально выделявшихся тайпов. Но среди чеченских тайпов, главным образом слабых (на их независимость покушались богатые тайпы), имелись и такие, которые по-прежнему придерживались русской ориентации. Они «уходили к русским, потому что считали их братьями»³⁸. Кавказская война привела основную часть жителей Чечни к разрыву с Россией. Но именно в ходе ее, как это ни парадоксально, вызревали социальные силы, благодаря которым прорусская ориентация принимала устойчивый характер. Такая устойчивость обеспечивалась прежде всего общественным расколом, окончательно наступившим в тайповой Чечне в годы Кавказской войны.

Равнинные районы Северного Кавказа были более доступны русскому влиянию и, казалось, именно это обстоятельство, а не общественные процессы, имело значение в формировании внешнеполитических приоритетов у северокавказских народов. Однако пути развития русско-чеченских отношений после переселения с гор на равнину еще раз подтверждают мысль о зависимости политической ориентации от уровня общественной жизни. Впрочем, об этом свидетельствуют и русско-осетинские, и русско-балкарские отношения. В отличие от ряда горных районов Большого Кавказа, в Осетии и Балкарии в XVIII в. господствовал феодальный общественный уклад, что, на наш взгляд, и сказалось на отношениях осетин и балкарцев с русской администрацией, которые не знали эволюционных изломов, присущих связям «вольных» обществ Северного Кавказа с Россией. Осетия, например, как и Чечня, ориентируясь на

Россию, рассчитывала прежде всего на переселение с гор на равнину. Получив равнинные земли, осетинские общества вступали в новую стадию развития феодализма. Это, однако, в противоположность Чечне, не сопровождалось переменами в их политическом курсе. Более того, часть ранее фрондировавшей с русскими властями феодальной верхушки (отстаивались привилегии на Военно-Грузинской дороге), получив земли на равнине, рассталась со своим сепаратизмом и полностью перешла на их сторону³⁹. Следует отметить, что наиболее надежную опору русских властей равнинной Осетии все-таки составили так называемые свободные крестьяне (фарсаглаги) и феодальная знать. В равной мере рассчитывая на русское правительство, они в то же время преследовали разные цели — крестьяне пытались оградить себя от притязаний верхов, феодалы домогались новых привилегий и средств закрепощения.

Политическая ориентация на Россию и присоединение к ней зависели не только от общественных процессов у народов Северного Кавказа. Важную роль играла и внешняя угроза со стороны Ирана, Турции и Крымского ханства. Сказывались также и междоусобицы, межэтнические конфликты, арбитром в которых выступала, как правило, русская власть. Однако внешняя угроза и междоусобицы как факторы, влиявшие на формирование российской ориентации, имели не одинаковое значение для разных районов Северного Кавказа. Для иноземной экспансии наиболее уязвимыми были прибрежные территории Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа, где враждебное России влияние Ирана и Турции ощущалось сильнее, чем в других местах. Периодически это влияние сдерживало прорусские политические тенденции. Что касается народов Центрального Кавказа, то они до начала XIX в. не представляли себе конкретных внешнеполитических планов Ирана и Турции и поэтому не могли реально оценить опасность, исходившую от этих соперников России. В литературе обычно преувеличивается воздействие внешней угрозы на формирование политической ориентации и недооцениваются внутренние факторы. Думается, историю русско-северокавказских отношений, включая присоединение, следует рассматривать в единстве с внутренним общественно-экономическим развитием народов. Единство, на первый взгляд, различных исторических явлений — присоединения к России и внутреннего общественного процесса — закономерно выразилось в последствиях присоединения северокавказских народов к России. Главный и ближайший его итог — резкое возрастание темпов феодализации на равнине Северного Кавказа и классовое расслоение в горных обществах, ранее сохранявших общинно-родовую организацию.

Рассматривая присоединение к России не только как политическое, но и как социальное явление, шедшее в русле общественных интересов, было бы, однако, неправомерно переносить такой подход на все конкретные исторические условия присоединения к России. Наиболее плодотворным он мог бы быть в отношении народов, которые к моменту установления отношений с Россией и присоединения к ней оказались на переходной общественной стадии, осложненной деградирующей экономикой в суровой экологической обстановке гор и другими внутри- и внешнеполитическими обстоятельством, способствовавшими сближению с Россией. Однако данный подход не объясняет в полной мере характер присоединения к России в тех случаях, когда речь идет о «традиционном» феодальном обществе, подверженном к тому же внешней угрозе, что ставило перед ним сложную историческую альтернативу. Впрочем, и в условиях «традиционного» феодализма обнаруживались внутренние социальные предпосылки для успешного общения с Россией и присоединения к ней. Что касается внешней опасности, то (в силу конкретных исторических ситуаций) в ряде случаев она приобретала постоянный и настолько опасный для судеб народа характер, что ее следовало бы рассматривать в одном ряду с объективными внутренними процессами, ведущими к присоединению к России.

Это положение особенно хорошо подтверждается на примере Грузии. Известно, что на протяжении XVII—XVIII вв. грузинская экономика и культу-

ра неуклонно шли к упадку⁴⁰. Процесс этот объяснялся не только и не столько внутренними причинами, сколько регулярными вторжениями в Грузию Ирана, Турции и «леков», т. е. горцев Большого Кавказа. После заключения Георгиевского договора 1783 г. Иран и Турция стали вынашивать планы, направленные по сути на физическое уничтожение грузин⁴¹. Нашествие в 1795 г. Ага-Мухаммед-хана поставило Грузию на грань национальной катастрофы. Стало очевидным, что русский протекторат в рамках Георгиевского трактата не может служить надежной гарантией безопасности страны. Это осознавали выдающийся государственный деятель Грузии Ираклий II, его наследник Георгий XII, а также грузинское население. В 1801 г. и произошло присоединение Грузии к России. Нет смысла приводить многочисленные свидетельства, подтверждающие, сколь восторженно было встречено это событие грузинским обществом. Укажем только, что грузины «... приносили благодарение за изливание на них столь великих милостей и с радостью восклицали, что они теперь уже россияне»⁴². «Покровительство единоверного великого народа,— писал И. Чавчавадзе,— рассеяло вечный страх перед неумолимыми врагами. Утихомирилась давно уже не видевшая покоя усталая страна, отдохнула от разорения и опустошения, от вечных войн и борьбы. Исчез грозный блеск занесенного над страной и нашими семьями вражеского меча, исчезли полыхающие пожары, в которых гибли дома и имущество наших народов, канули в вечность грабительские набеги, оставившие лишь страшное, потрясающее воспоминание. Наступало новое время, время покоя и безопасной жизни для обескровленной и распятой на кресте Грузии, которую господь создал земным раем для человека, но которая едва не обратилась в братскую могилу для ее самоотверженных сынов, погибавших без помощи и надежды, в одиночестве и вдали от всех, во имя величия христианства и сохранения своего национального лица. Была заложена грань мирной жизни. С этого дня никто не осмелился переступить эту грань с огнем и мечом»⁴³.

Современный грузинский историк А. Сургуладзе разделяет то восприятие факта присоединения Грузии к России, которое в начале XIX в. было характерно для грузинского населения, и прежде всего для передовой грузинской интеллигенции.⁴⁴ Но тот же А. Сургуладзе — сторонник формулы о «наименьшем зле» — манифест от 12 сентября 1801 г., например, склонен рассматривать как «лицемерный»; исходным для него являются ликвидация этим манифестом грузинского царского престола и введение в Грузию российской администрации — меры, будто бы нарушившие договор 1783 г. о дружбе и покровительстве.

В данном случае речь уже не столько о «привязанности» к известным формулам, сколько о долге исследователя объективно учитывать внешние и внутренние условия, влиявшие на ход присоединения Грузии к России. В этой связи позволительно заметить следующее. Георгиевский договор 1783 г., как известно, занимает выдающееся место в истории русско-грузинских отношений. На его основе в 1795 г. Россия смогла оказать военную помощь Грузии и предотвратить ее национальную катастрофу. Однако время показало, что соблюдение договора во многом зависело от политической конъюнктуры, от соотношения сил на международной арене. Это обстоятельство периодически превращало трактат 1783 г. в недостаточно прочный союз, не гарантировавший Грузии внешнюю безопасность. Ираклий II, реально оценивая обстановку (внутреннюю и внешнюю), будучи неудовлетворен тем уровнем отношений с Россией, который предусматривался Георгиевским договором, поставил перед российским правительством вопрос о присоединении⁴⁵, т. е. о качественно новых политических и государственных связях, способных дать Грузии не только внешнюю безопасность, но и возможность восстановить ее экономику. Такой политике твердо придерживался и взошедший после Ираклия II на престол Георгий XII, столкнувшийся с новой опасностью — угрозой полной потери независимости Грузии⁴⁶. Добившись в Петербурге принципиального согласия на присоединение к России, грузинское посольство совместно с кабинетом

Павла I приступило к разработке положения о Грузии. В нем наряду с мерами по обеспечению внешней безопасности и установлению военной и гражданской администрации предусматривалось также сохранение грузинского царского престола. Павел I, как известно, одобрил «просительные пункты» грузинского посольства, в том числе идею о сохранении престола за Георгием XII⁴⁷. Подготовленный в Петербурге манифест был обнародован тогда, когда скончался Георгий XII и был убит Павел I. Изменившаяся обстановка вынуждала вернуться к его обсуждению. В апреле 1801 г. он дважды рассматривался на заседаниях Непременного совета, в ходе которых выяснилось, что Грузии угрожают не только внешняя опасность и междоусобицы, но и династические распри, особенно разгоревшиеся после смерти Георгия XII. Александр I поручил генералу Кноррингу представить доклад о политическом положении Грузии. С учетом донесений Кнорринга⁴⁸ в манифест были внесены поправки, предполагавшие упразднение царского престола в Грузии и введение там административного управления по образцу российских губерний. Именно такое присоединение Грузии, превращавшее ее в неотъемлемую часть Российской империи, предоставляло русскому правительству фактическое право на защиту грузинского населения от нависшей над ним внешней опасности и на урегулирование внутренних неурядиц⁴⁹. Присоединение явилось объективным политическим итогом той обстановки, в которой оказалась Грузия в конце XVIII — начале XIX в., а не результатом «лицемерной» акции Александра I. Подобный ход событий не был неожиданностью для грузинского общества. Не это ли, например, имел в виду поэт Николоз Бараташвили, когда он вкладывал в уста Ираклия II слова: «Я уступить царю хочу престол и тем отчизну убережешь от зол»⁵⁰.

Внешняя опасность становилась доминирующим фактором и в русско-армянских отношениях⁵¹. Страдавшее от нашествий Османской Турции и шахского Ирана армянское население видело во внешнеполитическом курсе России реальную перспективу освобождения от иностранного ига. К глубокому осознанию этой перспективы подводил исторический опыт армянского народа, накопленный в борьбе за независимость. В XVIII — начале XIX в. во внутренней жизни Армении происходили процессы, дальнейшее развитие которых становилось немислимым без освобождения страны. Наметившиеся здесь социально-экономические сдвиги вели к возрождению централизованной армянской государственности, но на ее пути стояли Турция и Иран. В Армении и за ее пределами развивалось общественно-политическое движение, ставившее перед собой триединую задачу — освобождение от засилья Турции и Ирана, усугублявшего экономическую и политическую деградацию страны, присоединение Армении к России и создание армянской государственности⁵². Движением руководили главным образом представители армянских колоний в России и армянская церковь. О его размахе, как, впрочем, и о характере внутренних процессов в армянском обществе, свидетельствовали появившиеся в XVIII в. проекты освобождения Армении⁵³.

В работах современных армянских историков, авторов оригинальных исследований в области русско-кавказских отношений, еще не получил должного развития тезис о соотношении освободительного движения армянского народа с присоединением Армении к России. Между тем установление единства двух процессов и изучение их закономерностей могли бы открыть новые перспективы в изучении истории русско-армянских взаимоотношений.

В свое время проблему присоединения принято было освещать в аспекте исторической альтернативы. Объяснялось это не только характером сюжета, но и предположением о реальной возможности и иного, внероссийского исторического развития нерусских народов. Такое предположение вольно или невольно порождалось самой формулой о «наименьшем зле», логически подразумевавшей выяснение вопроса и о «наибольшем зле». Замена этой формулы новым тезисом о «добровольном присоединении» к России ослабила

интерес историков к изучению других возможных для нерусских народов исторических перспектив. В сугубо политической постановке эту сторону проблемы продолжали обсуждать зарубежные авторы. В последние годы возвращаются к ней и советские исследователи. Не касаясь зарубежной историографии (это — отдельная тема), отметим, что споры вокруг альтернативы вызваны не только и, может быть, не столько реальной действительностью, обусловившей присоединение к России, сколько существующей формальной возможностью допустить для нерусских народов иную историческую перспективу. Однако, если конкретная действительность и состоявшийся исторический опыт предоставляли в руки исследователя реальные и надежные научные данные, то альтернативная реконструкция прошлого, как правило, лишена событийности, позволяет строить суждения лишь на умозрительных началах и оперировать малоэффективными категориями вероятности. Этот существенный недостаток не устраняется даже тогда, когда альтернативный метод основан на учете закономерности эволюции общества. Дело осложняется еще и тем, что выяснение «исторических вариантов» по таким сюжетам, как присоединение народов к России, имеющим явно выраженную политическую подоплеку, затруднено идеологической борьбой, нередко уводящей историков в сторону от интересов науки. С этими оговорками коснемся той постановки проблемы о возможном пути развития вне России, с которой сталкиваются сегодня советские историки.

А. Сургуладзе считает, что наряду с присоединением к России у Грузии имелась другая альтернатива. «При характеристике прогрессивности присоединения Грузии к России,— пишет он,— порой встречаются ошибочные положения, которые не подтверждаются историческими фактами. Некоторые авторы, например, желая, видимо, особо оттенить мысль о неотвратимости и прогрессивности присоединения Грузии к России, тенденциозно подбирают факты и представляют дело следующим образом: в канун присоединения к России в Грузии, находившейся в тупике, якобы полностью прекратилось развитие производительных сил, в противном случае страна была обречена на гибель»⁵⁴. По оценке ученого, накануне присоединения производительные силы Грузии якобы «вышли из стагнационного состояния и взяли курс на прогресс», и в стране «стали развиваться элементы нового, буржуазного строя». «Таким образом,— делает вывод А. Сургуладзе,— Грузия рано или поздно смогла бы собственными силами выйти из тяжелого положения и стать на путь прогресса»⁵⁵. Бесспорно, в XVIII в. и ранее грузинская экономика, пребывавшая в упадке, периодически оживлялась. Однако не только от состояния производительных сил зависел дальнейший путь страны — внешняя угроза ставила под вопрос само ее существование. Это единодушно отмечают специалисты как в области военно-политической, так и экономической истории Грузии⁵⁶. А. Сургуладзе указывает также на наметившиеся в Грузии тенденции к политическому объединению, которое могло бы стать предпосылкой для «независимого», внероссийского развития страны⁵⁷. Действительно, в XVIII в. в грузинской политической жизни заметно распространились объединительные идеи, отразившиеся во внутриполитической и дипломатической программах Ираклия II. Но события конца XVIII в. показали, насколько нереальными были надежды грузинского царя. Несмотря на неоднократные призывы объединить усилия и подняться на защиту Грузии от Ага-Мухаммед-хана, угрожавшего физическому существованию грузинского народа, ему с трудом удалось собрать 2700 человек и выставить их против многочисленных полчищ персидского шаха⁵⁸. Русский генерал И. В. Гудович, пришедший на помощь Ираклию II, доносил своему правительству: «По свидетельству многих грузин, слышал я известия странные: первое действительно справедливое <...> большая часть дворян не поехала на ополчение к царю <...> царевич Юлон <...> любимый сын царицы, которому поручен был Тифлис, уехал прежде своего родителя <...> будто царица решила сделать царевича Юлона наследником, равнодушно глядела, что Грузия попадает в руки Ага-Ма-

гомет-хана, чтобы через то отдалить от царевича признанного наследником большого царевича Георгия, от первого брака»⁵⁹. К чему привели в 1795 г. эти события, известно. Захватив Тифлис, персидский шах превратил грузинское население, по выражению Ираклия II, в «кочующий народ» и вскоре приступил к геноциду: «сжег все, что только мог объять огонь, из царского двора сделал гору из глыб; мост каменный через Куру, соединяющий предместье Авлабар с Тифлисом, разрушил, окружность Тифлиса устилала трупы мертвых мужчин, женщин и младенцев. Персы для испытания остроты своих мечей, взяв за ноги младенцев, рассекали их пополам с одного разу»⁶⁰. Называя «каджарскую опасность» всего лишь барьером на пути к прогрессу, А. Сургуладзе считает, что «этот барьер не был непреодолимый», и, полагает он, для Грузии сохранялась альтернатива внероссийского социально-экономического и политического развития — все зависело от умения следовать политике Ираклия II⁶¹. Поскольку суждения А. Сургуладзе основаны не на конкретном историческом опыте народа, а на «косвенных» данных, то, следуя его же логике, правомерно поставить два вопроса: 1. Насколько мог бы разделить мнение А. Сургуладзе Ираклий II, потерпевший в 1795 г. жестокое поражение от шаха и, сядя в Ананурском монастыре лицом к стене (царь считал, что потерял право показывать свой лик народу. — М. Б.), писавший письма Екатерине II с просьбами о спасении его отечества? 2. Разве Ага-Мухаммед-хан собирался ограничиться нашествием 1795 г.? Ведь второй этап физического истребления грузин, намеченный шахом на 1796 г., не состоялся только благодаря прибытию в Грузию крупных для того времени военных сил под командованием В. Зубова, а поход шаха 1797 г. был прерван стечением случайных обстоятельств — Ага-Мухаммед-хана убили собственные нукеры. Одновременно стоит напомнить, что представители передовой общественно-политической мысли Грузии отвечали на эти вопросы однозначно. Конец XVIII — начало XIX в. они называли «перевалом пограничным»⁶² для Грузии. Мучительное восхождение на этот «перевал» отягощалось такими драматическими факторами, как «каджарская опасность», турецкие притязания, экспансия горцев Большого Кавказа («лекианоба»), ежегодно уносившая тысячи жизней грузинских крестьян⁶³. Все это означало, что для Грузии не было других исторических перспектив, кроме присоединения к России⁶⁴.

Нельзя, кроме всего прочего, не учитывать опыт армянского народа, оказавшегося в конце первой трети XIX в. перед задачей выбора своего политического будущего. Судьбы Армении, в которых осязаемо реализовались существовавшие исторические возможности, позволяют нам представить нечто близкое к «классическому» образцу альтернативной ситуации и «смоделировать» для других народов Кавказа несостоявшийся вариант их исторического развития. Как мы знаем, Восточная Армения присоединилась к России, Западная — осталась под властью Османской империи. О том, как сложилась в составе России историческая судьба Восточной Армении, ставшей своеобразным международным центром духовной жизни всех армян, хорошо известно. Что касается остальной части армянского населения, то ее ждали жестокие испытания. Сразу же после окончания русско-иранской войны в 1828 г. из армянских областей, оставшихся по Туркманчайскому договору за Ираном, переселилось в пределы Восточной Армении и России 400 тыс. человек. То же самое произошло с частью армянского населения из турецких областей, когда после русско-турецкой войны и заключения Адриано-польского мира (1829 г.) волна армянских эмигрантов (90 тыс. человек)⁶⁵ устремилась в Россию. Оставшееся в составе Османской империи почти трехмиллионное население Западной Армении ожидал геноцид. Первое массовое уничтожение армян турецкое правительство осуществило в 1894—1896 гг. (Сасунская резня) — погибло 300 тыс. человек; второе — в 1909 г. — 30 тыс. человек и третье — в 1915 г., когда правящие круги Османской империи с помощью кайзеровской Германии приступили к окончательному «решению» армянского вопроса и уничтожили 1,5 млн. армян⁶⁶.

Трагическая участь выпала и на долю полумиллионного адыгского населения, которое, покинув Северо-Западный Кавказ и поселившись в Турции, потеряло свою этническую целостность.

Мы напомнили о судьбах двух наиболее крупных кавказских этнических массивов, не вошедших в силу определенных исторических обстоятельств в состав России и потерпевших национальную катастрофу, не для того, чтобы утверждать, будто для всех нерусских народов присоединение к России было фатальной неизбежностью. Мы склонны считать, что для ряда нерусских народов, например северных, присоединение к России может рассматриваться с точки зрения исторической целесообразности, как результат их внутреннего и внешнеполитического развития. Для других, в особенности кавказских, находившихся в зоне «повышенной агрессивности», присоединение к России, кроме того, становилось единственным условием не только прогресса, но и физического самосохранения.

У проблемы присоединения нерусских народов к России есть на первый взгляд не столь сложный аспект, ограничивающий задачу исследователя чаще суждениями политического свойства. Речь идет о последних присоединениях, о которых историки стали писать в основном в послевоенное время, в особенности после того, когда в исторической науке начала утверждаться новая формула о «добровольном присоединении к России». Этот вопрос поднимался как в научной, так и юбилейной литературе. Но если в последней в качестве прогрессивных результатов принято перечислять в основном достижения советской экономики и культуры, то в научной — это вся история народа (от присоединения до наших дней), рассмотренная сквозь призму влияния России. Такой подход имеет существенный недостаток: присоединение к России, особенно в тех случаях, когда оно стало результатом внутреннего общественно-политического развития, лишается своей исторической конкретности, и его последствия, слишком отдаленные от этой конкретности, часто приобретают искусственный характер. В самом деле, насколько правомерно относить к последствиям присоединения народов к России перемены, происшедшие в годы советской власти?

Столь же необоснованным представляется положение о том, что нерусские народы, «входя в состав Российского государства, становились объектом угнетательской политики самодержавия» и что, «несмотря на это, все же присоединение к России являлось прогрессивным актом». В данном случае возникает вопрос: какой в феодальную эпоху должна была быть Россия, чтобы присоединение к ней других народов и народностей безоговорочно квалифицировалось как прогрессивный акт?

Этот вопрос возникает еще и потому, что накануне присоединения к России одна часть нерусских народов была на стадии развитого феодализма (Грузия, Армения и др.) и на первых порах присоединение к России не вызвало у них серьезных социальных перемен, а другая стояла на пути к классовому обществу. Иначе говоря, при всей реакционности российского самодержавия, его политика в отношении нерусских народов не искадила ни логики их развития в условиях антагонистического строя, ни их этнических процессов (как это произошло, например, с рядом кавказских народов в составе Османской империи), а, напротив, ускорила темпы общественного прогресса. Впрочем, в работах, посвященных прогрессивным последствиям присоединения нерусских народов к России, нет недостатка в добротном историческом материале, позволяющем делать широкие научные обобщения о формационных и других сдвигах, происходивших у нерусских народов в составе России. Однако не всегда этот материал анализируется в соответствии со строгими методологическими требованиями, которые только и в состоянии обеспечить объективную научную оценку. Здесь продолжает браться верх политико-идеологический тон, лишающий проблему системного подхода и порождающий по существу легковесные суждения. Именно в таком ключе обычно освещаются отдельные достижения нерусских народов в области экономики и культуры, но, как правило, не ставится во-

прос: какие внутренние и внешнеполитические процессы у нерусских народов подготовили присоединение к России и как эти процессы соотносились с прогрессивными последствиями этого присоединения? Происходит разрыв исторической взаимосвязи, затрудняющий установление общих закономерностей присоединения народов к России. Уместно будет поэтому вернуться к Грузии.

Исторический опыт учит, что в таких крупных политических событиях, как присоединение Грузии к России, активно участвуют не только прогрессивные силы, но и реакционные, отстаивающие свои узкоэгоистические цели. В конце XVIII — начале XIX в. реакционная роль в Грузии принадлежала многочисленным представителям царствующего дома, приносившим в жертву интересы нации ради династических амбиций, и грузинской феодально-княжеской знати, защищавшей свою «автономность» от центральной власти и тем тормозившей объединение страны. События, следовавшие за присоединением Грузии к России, подтвердили, как далеки были эти силы от понимания национальных интересов: царевичи Александр, Юлон и другие совместно с тавадской верхушкой в начале XIX в. изменили политическим идеалам Ираклия II, предали забвению жестокую расправу шахской Персии с грузинским населением и, превратившись в платных наемников Ирана и Турции, открыто боролись против соотечественников⁶⁷. Ослабление реакции и объединение страны были поэтому важнейшей внутренней предпосылкой присоединения Грузии к России. Манифест 1801 г. успешно решил эту национальную задачу. Ликвидацией грузинского царского престола, расшатанного внутриворцовой борьбой, он обезглавил местную феодальную группировку и избавил народ от междоусобиц и анархии, ранее использовавшихся в своих интересах Ираном, Турцией и их западными союзниками. В ходе русско-иранской и русско-турецкой войн начала XIX в. Россия в короткие сроки добилась восстановления Грузии в ее исторических границах и объединения страны, создав объективные условия не только для прогресса в области экономики, но и в политической консолидации народа, которой грузинский царский двор был не в состоянии достичь на протяжении более 400 лет. Эти бесспорно прогрессивные последствия присоединения не всегда, к сожалению, получают должную научную оценку и попадают в разряд «колониальных» мер российского самодержавия или же подменяются более поздними достижениями.

Касаясь военно-политических мероприятий России, связанных с присоединением Грузии, исследователи часто указывают на реакционность политики российского самодержавия, преследовавшего собственные военно-стратегические цели на Кавказе. Реакционность царизма как внутри России, так и за ее пределами общеизвестна. Однако поиски этой реакционности там, где ее просто не было, например, в конкретных событиях, сопутствовавших присоединению Грузии к России, в научном плане бесперспективны. Подобная задача, понятно, может быть успешно решена лишь при условии строгого соотнесения реальной исторической действительности с социальной и политической сущностью царизма; на примере истории грузинского народа реакционность царизма проявилась в период превращения Грузии в колонию и развертывания здесь национально-освободительного движения.

Присоединение к России — двуединый исторический процесс, обусловленный, с одной стороны, становлением российской государственности, с другой — общественно-политическим развитием нерусских народов. Естественно, его исторические последствия в равной степени затрагивали и Россию, и судьбы присоединившихся к ней народов. Для России они стали ощутимы уже в середине XVI в., в период интенсивного формирования российской государственности. В этом отношении особая роль принадлежала крупной в то время на Северном Кавказе адыгской группе народов, влившейся в 1557 г. в состав России и принявшей активное участие в военно-политических мероприятиях Ивана Грозного, направленных на дальнейшую централизацию государственности⁶⁸. Присоединение нерусских народов в XVI в. превращало Россию в

многонациональное государство, укрепляло ее могущество, повышало международный престиж.

Глубокие преобразования в экономике и культуре России первой четверти XVIII в. и возвышение страны в ранг европейской державы Петр I связывал с решением балтийской и черноморской проблем. Последняя, в свою очередь, упиралась в кавказскую. Решая ее, Петр I установил тесные контакты с народами Кавказа, а вскоре после окончания Северной войны предпринял свой персидский поход. Он сформулировал программу, предусматривавшую распространение влияния России в направлениях от Азова до Кубани, от Астрахани к центральному «шелковым торгам Ирана и от Пятигорска до Тифлиса — центра Грузии»⁶⁹. Реализация этих замыслов в XVIII — первой трети XIX в. окончательно утвердила Россию в качестве мировой державы, успешно влиявшей как на европейские дела, так и на ближневосточные. Значение Кавказа для России хорошо понимали западные державы, упорно боровшиеся за отторжение Кавказа от России⁷⁰. После 60-х гг. XIX в. Кавказ, а затем и Средняя Азия стали для русской экономики важнейшими источниками сырья и рынками сбыта; роль этих районов в капиталистическом развитии России общеизвестна.

Всегда, когда речь идет о прогрессивных последствиях присоединения, исследователи прибегают как бы к двум способам измерений: то, что для нерусских народов рассматривается как прогрессивное последствие, для России оценивается не более, чем внешнеполитический успех или же как «проявление» ее колониальной политики. Исследователи экономики России 70—80-х гг. XIX в., например, объясняя темпы ее роста, высокую степень концентрации производства, указывают на самые различные факторы, в том числе на роль иностранного капитала, но оставляют в стороне значение для нее материального и производительного потенциала, приобретенного накануне в обширных присоединенных территориях; о Кавказе и Средней Азии принято писать только как об источниках сырья, дешевой рабочей силы и рынках сбыта. Подобная исследовательская практика объяснима следующим. Еще в пору господства в исторической литературе формул «абсолютного зла» и «наименьшего зла» присоединение к России преподносилось исключительно как результат колониальной политики самодержавия, причем инициатива самих нерусских народов отрицалась. При таком одностороннем представлении стало правилом писать о последствиях только для нерусских народов — «объектов» колониальной экспансии царизма.

Объективная оценка длительных и весьма разносторонних взаимоотношений России и нерусских народов, объяснение наиболее сложных аспектов этих взаимоотношений — во многом зависят от научной периодизации. В 60-е гг. известный советский кавказовед А. В. Фадеев поставил этот важный вопрос⁷¹. В русско-кавказских отношениях он видел пять периодов, охватывающих время с XVI в. и до середины XIX в. (окончание Кавказской войны), однако его периодизация отражала главным образом нарастающую интенсивность русско-кавказских связей и не объясняла внутренние, сущностные изменения в них. Аналогичным изъяном страдает периодизация русско-среднеазиатских отношений⁷². В свое время мы высказались в пользу иных критериев периодизации, учитывающих не только эволюцию политики самой России на Кавказе, но и характер сдвигов, происходивших в связях между народами Кавказа и Россией⁷³. В частности, были намечены два периода в русско-кавказских отношениях: 1) установление их и присоединение народов Кавказа к России; 2) утверждение на Кавказе российского военно-административного аппарата, превращавшего регион в неотъемлемую территорию Российской империи, и вовлечение кавказских народов в освободительную борьбу против царских администраторов и местных феодалов. В качестве особенности первого периода отмечалось развитие отношений с помощью обычных дипломатических средств, приведших к акту присоединения к России, который не сопровождался немедленным установлением российского административного аппарата; в этом

смысле присоединение народов Кавказа напоминало процесс образования Русского централизованного государства, когда вошедшие в его состав русские земли известное время продолжали сохранять самостоятельность, а если и подчинялись центральному государственному аппарату, то весьма слабо. Отличительная черта второго периода — вовлечение Кавказа в русло общероссийского развития и установление там российских военно-административных институтов. Подобная периодизация, разделяя единый процесс на составные части, удерживает исследователя от смешения двух далеко не тождественных исторических явлений: присоединения Кавказа к России с учреждением военно-административного аппарата. Еще недавно такое смешение было довольно широко распространено в кавказоведении.

Добавим, что русско-кавказские отношения в том политическом качестве, в котором они развивались с момента их установления, «исчерпали» себя вместе с процессом внедрения на Кавказе российской администрации. В последующем происходит вовлечение Кавказа как части территории Российской империи в ее экономическую и политическую систему при сохранении известных особенностей общественного развития кавказских народов.

Примечания

- ¹ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.
- ² К изучению истории: Сб. М., 1937.
- ³ Нечкина М. К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 4; Мустафаев М. О формуле «наименьшее зло» // Там же. № 9; Тавакалян Н. По поводу письма М. В. Нечкиной «К вопросу о формуле „наименьшее зло“» // Там же.
- ⁴ Якунин А. О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей // Вопросы истории. 1951. № 11.
- ⁵ См.: Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1—6. СПб., 1871—1888; Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 1—3. Тифлис, 1901—1904 и др.
- ⁶ Покровский М. Н. Завоевание Кавказа // Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923; Лебедев В. В. Из истории завоевания Казахстана царской Россией (1730—1732) // Борьба классов. 1936. № 10 и др.
- ⁷ Попов А. Л. Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. Т. 9. М., 1940.
- ⁸ Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI — начале XX в. Грозный, 1981 и др.
- ⁹ Черепнин Л. В. Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России // Коммунист. 1975. № 1. С. 73.
- ¹⁰ Там же. С. 67.
- ¹¹ Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
- ¹² Блиев М. М. О времени присоединения народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории. 1970. № 7. С. 53.
- ¹³ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М., 1963.
- ¹⁴ См.: Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974.
- ¹⁵ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984.
- ¹⁶ Там же; Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957 и др.
- ¹⁷ Вехи единства: Сборник статей, посвященных 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1982.
- ¹⁸ Сургуладзе А. Прогрессивные последствия присоединения Грузии к России. Тбилиси, 1982.
- ¹⁹ Брегвадзе А. И. Славная страница истории. Добровольное присоединение Грузии к России и его социально-экономические последствия. М., 1983.
- ^{20—21} Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Блиев М. М. Осетия в первой трети XIX в. Орджоникидзе, 1964; Габоева Л. Р. К вопросу о политическом развитии Северного Кавказа накануне и в период русско-иранской и русско-турецкой войн начала XIX в. // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985.
- ²² Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 123.
- ²³ Бушурев С. К. Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956; Кушева Е. Н. Указ. соч.; Влиинбахов В. П. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982.
- ²⁴ Кокиев Г. А. Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. // Исторические записки. Т. 2. М., 1938; Гарданов В. К. Указ. соч.
- ²⁵ Налоева Е. Д. К вопросу о государственном строе Кабарды первой половины XVIII в. // Вестник КБНИИ. Вып. 2. Нальчик, 1972.
- ²⁶ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974. С. 163, 216, 242, 244 и др.
- ²⁷ Покровский М. В. О характере движения горцев Западного Кавказа в 40—60 гг. XIX в. // Вопросы истории. 1957. № 7.

- ²⁸ Кокиев Г. А. Сношения России с народами Северного Кавказа // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982. С. 111.
- ²⁹ Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 70—73 и др.
- ³⁰ Хроника войны Джара в XVIII столетии. Баку, 1931.
- ³¹ Блиев М. М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2. С. 73.
- ³² Ткачев Г. А. Эпизод из Кавказской войны // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 4. С. 51.
- ³³ Кушева Е. Н. Указ. соч.; Ахмадов Я. З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии в первой половине XVIII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI — начале XX в. Грозный, 1981.
- ³⁴ Байбулатов Н. К., Блиев М. М., Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Гаджиев В. Г. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // История СССР. 1980. № 5.
- ³⁵ Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 19.
- ³⁶ Мамакаев М. А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973.
- ³⁷ Леонтович Ф. И. Адагы кавказских горцев. Т. II. Вып. 2. Одесса, 1883. С. 84—86.
- ³⁸ Лаудаев У. Указ. соч. С. 58.
- ³⁹ Блиев М. М. Русско-осетинские отношения (40 гг. XVIII — 30 гг. XIX вв.). Орджоникидзе, 1970. С. 49—53 и др.
- ⁴⁰ Анчабадзе З. В. Очерки экономической истории Грузии первой половины XIX в. Тбилиси, 1966.
- ⁴¹ Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С. 284.
- ⁴² Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 1. С. 17.
- ⁴³ Чавчавадзе И. Сто лет назад // Летопись дружбы грузинского и русского народов. Тбилиси, 1967. С. 117—118.
- ⁴⁴ Сургуладзе А. Указ. соч. С. 7.
- ⁴⁵ Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т. II. Вып. 2. СПб., 1891. С. 171.
- ⁴⁶ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. III. С. 238; Багратиони Д. История Грузии. Тбилиси, 1971. С. 170.
- ⁴⁷ Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. 1. Тифлис, 1866. С. 179—180.
- ⁴⁸ Внешняя политика России XIX — начала XX в. Т. 1. М., 1960. С. 73.
- ⁴⁹ Там же. С. 25.
- ⁵⁰ Бараташвили Н. Судьба Грузин (поэма) // Летопись дружбы грузинского и русского народов. Тбилиси, 1967. С. 106.
- ⁵¹ Григорян З. Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX в. М., 1959; Агаян У. П. Роль России в исторических судьбах армянского народа. М., 1978 и др.
- ⁵² Ионисян А. Р. Армянское национально-освободительное движение в 60-х годах XVIII столетия // Известия АН СССР. Сер. ист. и филос. 1946. № 2. С. 142—143; е го же. Россия и армянское освободительное движение 80-х гг. XVIII столетия. Ереван, 1947. С. 47.
- ⁵³ Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. II. М., 1838. С. 68—70; Архив армянской истории. Тифлис, 1899. Кн. IV. С. 731—734; Григорян З. Т. Указ. соч. С. 51.
- ⁵⁴ Сургуладзе А. Указ. соч. С. 105.
- ⁵⁵ Там же. С. 106.
- ⁵⁶ Анчабадзе З. В. Указ. соч.; Панцхава А. Я. Вопросы аграрной истории Грузии первой половины XIX в. Тбилиси, 1973; Антелава И. Г. К вопросу о социальном характере социально-экономического развития Грузии в XVIII в. Тбилиси, 1977; Брегвадзе А. И. Указ. соч. и др.
- ⁵⁷ Сургуладзе А. Указ. соч. С. 105.
- ⁵⁸ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 83.
- ⁵⁹ Цит. по: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. III. С. 54—55.
- ⁶⁰ Цит. по: Галаян Г. А. Россия и народы Закавказья. М., 1976. С. 111.
- ⁶¹ Сургуладзе А. Указ. соч. С. 105—106.
- ⁶² Церетели А. Одиннадцатое сентября // Летопись дружбы. Тифлис, 1967. С. 110.
- ⁶³ Гамрикели В. Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.: Дис. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1971.
- ⁶⁴ Брегвадзе А. И. Указ. соч. С. 149.
- ⁶⁵ Брюсов В. Летопись исторических судеб армянского народа. М., 1918. С. 100.
- ⁶⁶ Там же; Агаян Ц. П. Указ. соч. С. 7.
- ⁶⁷ Маркова О. П. Восстание в Кахетии 1812 г. М., 1951.
- ⁶⁸ Карданов Ч. Э. Из истории отношений между адыгскими народами и Россией в XVI в. (1550—1580). Нальчик, 1972.
- ⁶⁹ Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. М., 1955. С. 10.
- ⁷⁰ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 131—189.
- ⁷¹ Фадеев А. В. Основные этапы в развитии русско-кавказских связей // Ученые записки КБНИИ. Т. 17. Нальчик, 1960.
- ⁷² Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 209.
- ⁷³ Блиев М. М. О времени присоединения народов Северного Кавказа к России. С. 51—57.

А. Л. ХОРОШКЕВИЧ

ОПРИЧНИНА И ХАРАКТЕР РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 20-х — СЕРЕДИНЫ 50-х ГОДОВ

Опричнина была учреждена Иваном Грозным ради продолжения непопулярной в России Ливонской войны, ведшейся под лозунгом овладения наследием, якобы оставленным Августом-кесарем своему далекому потомку Рюрикovichу. Страдавший сложным комплексом неполноценности (из-за неуверенности в законности своего появления на свет, невенчанности Василия III, бывшего, но не забытого соседними государями холопства его деда — Ивана III), первый русский царь (с 1547 г.) болезненно воспринял отказ великого князя литовского и короля польского признать его титул, равно как и нежелание боярства поддерживать его в борьбе за «государево имя», в воинственных устремлениях против единоверческого населения Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ). Склонность к миру с православными соседнего государства заставляла Боярскую думу, орган, выражавший корпоративные интересы высшей прослойки феодалов (в том числе и воевод, в частности, И. П. Федорова), поступать вопреки замыслам царя. Вину за неудачи в Ливонской войне, уже в 1560 г. превратившейся в ливонско-литовско-русскую, царь возлагал не только на воевод, но и на всех участников дипломатических переговоров с ВКЛ и Коронной Польской, в 1569 г. объединившихся в Речь Посполитую. За это большинство их — вне зависимости от принадлежности к опричнине или земщине — расплатилось жизнями на протяжении 1567—1570 гг., когда обозначились необратимость неудач и близость полного поражения в войне. Таковы, по нашему мнению, причины этого загадочного явления русской истории¹. Впрочем и теперь, в 90-е гг., существуют иные объяснения введения опричнины: например, В. Б. Кобрин продолжал развивать идею А. А. Зимина о направленности опричнины против последних уделов, самостоятельности Великого Новгорода и церкви² (в последнем Зимина поддержали Г. Штёкль и Фр. Кемпфер³); Д. Н. Альшиц видит в опричнине механизм подавления, по выражению Н. Я. Эйдельмана, «ростков демократии»⁴, идентифицируемых с сословно-представительными учреждениями и началами⁵. «Социальное происхождение самодержавия, — пишет Альшиц, — неразрывно связано с опричниной». Посему он распространяет время существования опричнины не только на правление Грозного, т. е. до 1584 г., но и на всю русскую историю до 1917 г.⁶

При имеющейся разнице взглядов на сущность и причины опричнины очевидна ее неразрывная связь с укреплением самодержавия — в подавлении сословно-представительных начал (Альшиц), в сокрушении остатков удельных порядков (Кобрин), в сфере внешнеполитических сношений (Хорошкевич).

Пересмотр причин установления опричнины заставляет обратиться к предшествующему историографическому опыту, чтобы еще раз уточнить методiku анализа источников, систему аргументов в пользу новых и старых гипотез,

Хорошкевич Анна Леонидовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

попытаться понять значение некоторых терминов, коими оперируют ученые, в частности, «Русское централизованное государство», получившего права гражданства в значении особого периода русской истории только в 1939 г. Обобщение «опричной» историографии предпринималось уже не раз — в 1923 г. С. Ф. Платоновым⁷, в 1944 г. — С. Б. Веселовским⁸, в 1947 г. — С. В. Бахрушиным и И. У. Будовничем⁹, в 1964 и 1974 гг. — А. А. Зиминим¹⁰ и, наконец, в 1990 г. — В. Д. Назаровым¹¹.

К рубежу XIX—XX столетий сложилось два взгляда на опричнину и ее инициатора — тирана или великого государственного деятеля, равного по значению Петру I. Далеко не все исследователи работали с первоисточниками. Исключения составляли Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев. Первый использовал нарративные источники отечественного и иностранного происхождения, второй добавил к ним данные посольских книг. К концу XIX в. и те, и другие в основной своей массе были изданы (в сборниках Русского Исторического общества, Русской Исторической библиотеки, Полном собрании русских летописей). Вплоть до 20-х гг. XX в. источники по истории опричнины фактически не пополнялись. Платонов, первым обратившийся к вопросам об опричной территории и сдвигах в социальном составе боярства, судил об опричнине по ее результатам, зафиксированным писцовыми книгами XVII в. (ныне эта работа последовательно проводится А. П. Павловым). Однако даже взятые в совокупности, эти источники (летописи, посольские книги и писцовые XVII в.) не давали полной картины опричнины. Задача исследования правления Грозного, как и всего XVI в., ясно созревала в 20-е гг. Так, А. Е. Пресняков в 1924 г. справедливо заметил, что «16-й век в русской истории можно назвать одним из наименее изученных ее периодов»¹².

Первым приступил к изучению истории опричнины на основании актовых источников П. А. Садиков, значительную часть которых сам и ввел в научный оборот. Верный последователь Платонова, он разделял мнение последнего о ликвидации в ходе опричнины крупного княжеского и боярского землевладения со всеми его привилегиями. Этот вывод был обусловлен материалом, извлеченным из монастырских архивов, поскольку в монастыри и попадала часть привилегированных земель. Садиков считал опричнину «домашним делом московской жизни и ее государя», «государевым уделом». Поэтому его особенно интересовали центральные учреждения, действовавшие в опричнине: он установил существование Разряда, Ямского приказа и прочих наряду с дворецким и канцелярией. Садикову принадлежит постановка вопроса о менталитете, употребляя современный термин, опричников и знаковой системе их символики¹³.

Октябрьская революция и последовавшая за ней гражданская война создали благоприятные условия для политизации и актуализации истории опричнины. М. Н. Покровский выступил с теорией о царской диктатуре как форме господства дворян и купечества¹⁴, что, впрочем, прошло незамеченным. Р. Ю. Виппер, обратившийся к истории опричнины в годы первой мировой войны, в 1922 г. выступил с концепцией, направленной на утверждение и идеализацию монархического начала в русской жизни. Как писал в 1965 г. С. М. Каштанов, Виппер «искал аналогии между Иваном IV и коммунистами, развивая порочный тезис о «демократической монархии в России XVI в., основанной на отсутствии сословий, корпораций и крепостного права», свободно оперировал такими понятиями, как «народническое направление», «самодержавный коммунизм» применительно к Ивану IV¹⁵. По мнению Виппера, опричнина была «не только взрывом мести против действительных и мнимых изменников, это была также военная реформа, вызванная опытом новой трудной войны», «мерой военно-организационного характера, продолжением реформ 1550 г.» В этом двуступенчатом мероприятии он выделял две фазы — «преобразование... для использования бездейственных в интересах государства» и «боевое средство для их уничтожения», когда «из-за сопротивления недовольных» «преобразование становилось внутренней войной». Признавая опричнину временным явлением, обусловлен-

ным войной, Виппер на основании единственного иностранного свидетельства (послание некоего Ю. Ланге) подчеркивал ее «всемирно-исторический аспект». Противоречивость концепции характерна для всей книги Виппера, который сам признавал, что «цельность его картины воображаемая, искусственная». Концепция идеального феодализма, который утвердился через 300 лет после Грозного, дополнена восхвалением царя, «гениального организатора и вождя крупнейшей державы своего времени», обладавшего «искусством в орудованиях (так в тексте. — А. Х.) многообразными инородцами», главы «крепкой, бедной потребностями, долготерпеливой... расы, русского народа»¹⁶.

Откровенная апологетика Грозного в момент выхода книги не нашла поддержки, напротив, именно за это укорял автора С. Ф. Платонов¹⁷. Казалось бы, данное обстоятельство должно было способствовать скорейшему забвению сочинения Виппера. Этого, однако, не случилось. И. И. Полосин, который считал Ливонскую войну основным фактором, воздействовавшим на социально-экономические отношения России, разделял и другие элементы випперовской концепции: он писал о «военно-самодержавном коммунизме», имевшем тенденцию «демократизации» по мере роста крепостничества. Политику Грозного по расширению дворянского землевладения за счет «княженецко-боярских» вотчин он расценивал как «настоящую социальную (или «аграрную») революцию», полагая, что «боярской землей и мужицкой свободой расплатилось государство с дворянской конницей за ее ливонские походы»¹⁸.

Большой силой воздействия обладала концепция С. Ф. Платонова, сложившаяся к исходу XIX в.¹⁹ По его мнению, опричнина призвана сломить вотчинное землевладение служилых княжат, поскольку она-де была распространена на землях старых удельных княжеств²⁰. С незначительными поправками он вновь изложил ее в 1923 г. Синтез концепций Виппера и Платонова произошел в 30-е гг. Пока же на фоне развенчания русских правителей — великих князей и царей, — предпринимавшегося Покровским, чьи воззрения на время стали эталоном оценки русского прошлого, естественно было появление сочинений опричников — Генриха Штадена, а также Иоганна Таубе и ЭлERTA Крузе (Краузе)²¹.

Итак, начало 20-х гг. отличалось живым интересом к деятельности Грозного; велось серьезное исследование опричнины на основе актовых источников, произошло расширение источниковой базы, уточнена одна из старых концепций опричнины (Платонов), выдвинута новая (Виппер). Позднее интерес к этой теме угас²². В конце 20-х — начале 30-х гг. опричнина не принадлежала к ведущим темам исторической науки. Параллельно с усилением интереса к социологическим проблемам угасало и внимание к человеку, в том числе и эпохи опричнины. Занятиям этой темой не способствовали и другие обстоятельства — высылка из СССР ведущих историков и философов, отъезд в Латвию Виппера, аресты «не сосланных вовремя за границу»²³ историков (12 января 1930 г. был арестован С. Ф. Платонов, осенью — С. В. Бахрушин и П. А. Садиков²⁴). Среди оставшихся на воле следует в первую очередь назвать будущего исследователя опричнины С. Б. Веселовского, 31 января 1929 г. избранного членом-корреспондентом АН СССР. 19 мая 1930 г. Общество историков-марксистов приняло решение рассматривать каждого «антимарксиста» как «потенциального вредителя», потребовало вести непримиримую борьбу с буржуазными концепциями и установить «общественно-научный контроль» над преподаванием истории²⁵, уничтожив грань между идеологией, политикой и наукой. «Научное кладбище», как пренебрежительно назвал Покровский историков дореволюционной формации, начало превращаться в обычное: в ссылке умер Платонов, надолго замолчал Садиков²⁶. Лишь представитель более молодого поколения историков — И. И. Смирнов — в 1933 г. выступил с весьма актуальной для времени борьбы с «кулачеством» темой о роли опричнины в обострении классовых противоречий в деревне, подчеркивая ее роль в разорении крестьян²⁷, да, как это ни парадоксально, в 1934 г. увидел свет перевод А. И. Малейна сочинения иностранного современника опричнины Альберта Шлихтинга²⁸.

Утверждение культа Сталина сопровождалось активным использованием понятий средневековья²⁹. Упорно — и в теории, и в практике общественной жизни — насаждалась идея прогрессивности централизации. Эта идея с конца 30-х гг. распространялась на прошлое России, когда, с одной стороны, была развенчана школа Покровского, а с другой — была реставрирована история как наука, превращенная, однако, в форму государственного и партийного идеологического оружия.

15 мая 1934 г. совместным постановлением ЦК и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР», подкрепленным 9 июня постановлением о введении в школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР, будущим гражданам страны возвращалось право на память. Но какую? Прежде всего на память о государстве. На совещании историков 7—13 мая 1935 г. была подчеркнута задача показа «не просто истории России, а процесса создания многонациональных феодальных государств, которые разбила Октябрьская революция»³⁰. Эволюция государственного строя была положена в основу периодизации истории России в замечаниях Сталина, Жданова, Кирова на конспект учебника: они выделяли дофеодальный период, «самодержавный строй государства», «феодализм, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств». В последнем термине ясно выразилась склонность умалять достоинство мелких политических образований («полугосударств»). В преувеличении роли самодержавия заложены были основы расцветшего несколько позднее культа этой формы государственной власти. Вместе с тем сохранялось признание «аннексионистско-колонизаторской роли русского царизма вкупе с русской буржуазией и помещиками», подчеркивались связи «Великороссии» с другими народами³¹.

На изучении опричнины новые веяния сказались не сразу. Несмотря на требования автора школьного учебника по истории СССР проф. А. В. Шестакова критиковать представителей буржуазной историографии наряду с «врагами народа», в 1937 г. был переиздан фундаментальный труд С. Ф. Платонова о Смуте, в котором он доказывал закономерность опричнины, способствовавшей формированию русской государственности. Таким образом, утверждалось преимущество платоновской концепции опричнины в противовес концепции Карамзина — Ключевского с ее моральной направленностью.

Для дальнейшего истолкования опричнины весьма существенным стало изменение оценки нынешней политики России и характера русской государственности. 22 августа 1937 г. правительственная комиссия по конкурсу на лучший учебник, хотя и говорила о «народах, поработанных царской монархией», тем не менее провозгласила, что вхождение народов в царскую Россию якобы сулило им «наименьшее зло». Тем самым был сделан шаг назад в оценке роли царской власти для развития народов СССР даже сравнительно с 1934 г.³² В тот же день родилось и новое словосочетание — «советский патриотизм»³³, отныне чувство любви к Родине приобретало социально-политическую окраску у разных народов, представителей различного общественного строя, различных социальных групп.

Внедрение новых понятий происходило первоначально не в научной, а в учебной³⁴ и пропагандистской литературе. Последняя со второй половины 30-х гг. стала задавать тон науке, в том числе и «большой академической», только что восстановленной (в 1936 г. был создан Институт истории АН СССР). Официальное признание прошлого России консолидировало историков разных направлений — и тех, мировоззрение которых сложилось до 1917 г. (таких, как вернувшийся из ссылки С. В. Бахрушин), и представителей новых поколений. Возрождение патриотизма, пусть даже «советского», давало новый импульс для занятий историей — правда, в определенных рамках. Сотрудники академического института обязаны были «проработать... минимум марксистско-ленинской литературы» с обязательной сдачей зачетов не позже 1 мая 1937 г., а при составлении программы по истории и определении тематики своих будущих исследований руководствоваться схемой некоего «т. Кретьова»³⁵.

Что же касается опричнины, то здесь в роли «т. Кретова» выступил начинающий преподаватель МГУ Б. Г. Верховень, который 26 и 28 октября 1937 г. в Высшей школе пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б) прочитал две лекции курса по истории СССР на тему «Расширение Русского государства». В 1938 г. они увидели свет под редакцией И. И. Минца, а в 1939 г. вышли отдельной брошюрой³⁶. Так в научный оборот вошел новый термин — «расширение», нивелировавший и эластично скрывавший вместе с формулой о «наименьшем зле» характер всех и всяких внешнеполитических акций великих князей и царей. Поэтому исключалась возможность других форм этих акций — завоевания, захвата, агрессии. Формулы «наименьшего зла» и «расширения» территории «своего господствующего класса» открыли возможность переоценки многих внешнеполитических событий прошлого. Ливонская война стала рассматриваться как акт обороны от агрессии Ливонского ордена, связь ее с опричниной надолго ускользнула из поля зрения советских историков, подчеркивавших необходимость — прежде всего экономическую — выхода России на Балтику³⁷.

Последовала и переоценка опричнины, теперь это — «прогрессивная политика установления государственного порядка в удельном беспорядке». В книге 1939 г. Верховень уверял, что «измена действительно гнездилась среди бояр. Жестокая расправа с изменниками была совершенно необходима и правильная. Изменников нужно было истреблять, чтобы создать и укрепить мощное централизованное государство»³⁸.

Было бы, однако, неверным приписывать создание нового понятия «централизованного» государства Верховеню. О «централизации» государства и ее роли в истории России размышляли еще в XIX в. Теперь же мысль о свержении монгольского ига и спасении государства благодаря централизации получила значение официальной. Подчеркивая отличия России от остальных стран Европы, Сталин заявил, что «интересы обороны... требовали незамедлительного образования централизованных государств»³⁹.

Термин «централизованное государство» не был обоснован теоретически, не наполнен конкретным содержанием, не внес ясности в историографию, не способствовал более глубокому пониманию развития русской государственности. Однако постепенно складывалось «догматическое отношение медиевистов»⁴⁰ к этому сталинскому высказыванию на X съезде РКП(б). В 1938 г. К. В. Базилевич, ученик Бахрушина, писал лишь об «опытах централизованного порядка»⁴¹. А. Н. Насонов в отзыве от 29 сентября 1938 г. на главу Б. Д. Грекова о Ростово-Суздальской земле для вузовского учебника ссылался на собственную статью «О путях образования централизованного государства», где фигурировала и ссылка на сталинское высказывание⁴². Даже Ю. В. Готье (с 1939 г. академик АН СССР), разгромивший книгу Верховеня и указавший массу фактических ошибок, писал, что Грозный «расширил сильное централизованное государство», а самодержавная власть была прогрессивна, так как «расчищала дорогу для развития ремесла и торговли... помогала дворянам бороться против крупных феодалов и вела в интересах дворянства активную внешнюю политику»⁴³.

Понятие «централизованного» государства было положено в основу соответствующего раздела вузовского учебника по истории СССР (1939 г.), созданного по незаконченной программе ВКВШ, схема которой дорабатывалась в январе и ноябре 1938 г. и марте 1939 г.⁴⁴ Автором этого раздела был С. В. Бахрушин, в 1939 г. избранный членом-корреспондентом АН СССР⁴⁵. Он же окончательно оформил новую концепцию опричнины. Дополнительно к сталинским «потребностям обороны» он добавил и некоторые экономические предпосылки централизации. Опричнина, продолжавшая якобы деятельность Избранной рады по борьбе с остатками феодальной раздробленности, «должна была окончательно сломить землевладельческую мощь крупных феодалов и создать из мелкопоместного дворянства кадры, на которые могла бы опереться сильная централь-

ная власть», почему она и была в интересах большинства феодалов, ибо способствовала упрочению их власти над крестьянством. Прогрессивности опричнины соответствует и образ Ивана IV — «талантливого и умного», образованного человека, блестящего оратора, государственного деятеля, который не только «верно и точно определил цели и задачи», но и «проследил их с упорством и настойчивостью»⁴⁶. Таким образом, произошел синтез предшествовавших представлений об опричнине и Грозном: сочетание признания государственной закономерности этого феномена (Платонов) с восхвалением его творца (Виппер), что надолго определило направление изучения опричнины в СССР.

Базилевич внес некоторые поправки в схему учителя. Исходя из теории аграрной революции первой половины XVI в., в итоге которой произошел переход к денежному хозяйству, разрушение феодальной вотчины как самодовлеющего экономического целого, когда землевладельцы появились на рынке, он рассматривал опричнину как результат коалиции «посадских» и «мелкого вассалитета». «Долголетняя борьба между самодержавием, выражавшим классовые интересы дворянства, и боярством, пытавшимся задержать развитие централизованного государства, закончилась опричниной, которая на всей территории страны насаждала однообразный порядок», — писал он. Одновременно он проводил идею полного утверждения самодержавия уже во второй половине XVI в., поскольку царь был «совершенно независим от Думы во внутренней политике»⁴⁷. Итак, концепция опричнины как формы борьбы дворянства и боярства в связи с образованием централизованного государства приобрела законченный вид. Были подведены и исторические обоснования апологетики Грозного.

Параллельно с формированием этих мифов продолжалось и серьезное научное исследование опричнины. В центре внимания Садикова, продолжавшего свои исследования в конце 30-х — начале 40-х гг., оказались вопросы государственного строительства и последствия опричнины в аграрной сфере. По материалам, подготовленным еще в 20-е гг. (судя по бумаге его работ), он издал акты и документальные памятники 60—80-х гг. XVI в., извлеченные из монастырских архивов⁴⁸. К новой и очень важной теме о социальном составе опричников обратился Г. Н. Бибилов⁴⁹. Судьбы монастырского землевладения в годы опричнины изучал С. Б. Веселовский. Он же на основе синодиков, разрядных книг и др. источников восстановил список жертв Грозного и их биографии. Ученый сделал вывод о возникновении опричнины в результате личного столкновения Грозного со своим двором. Всю ответственность за казни он возлагал на царя, который к тому же сознательно лишал свои жертвы «последней надежды на спасение» в загробном мире — их не поминали в церквях. Хотя редакция «Проблем источниковедения» сняла наиболее резкие выражения автора⁵⁰, и в печатном тексте 1941 г. остались его замечания о «довольно элементарной идеологии необузданного самовластья», едкие насмешки в адрес построений Виппера и вывод о крушении всей внешней политики и «завоевательных планов» Грозного, а не просто о «расширении» его государства⁵¹. Формально обойдя вопрос о прогрессивности опричнины, он тем не менее дал на него однозначно отрицательный ответ. Голос Веселовского в 1941 г. остался одиноким.

В годы войны произошло дальнейшее смещение оценок, стандартизация идеологических клише, направленных на дальнейшее упрочение культа Грозного. Вернувшийся из Латвии Виппер в 1942 г. переработал и осовременил свою книгу о Грозном за счет цитат из Сталина и дополнительной главы об измене, которая призвана была оправдать все жестокости царя по отношению к его подданным. В 1943 г. престарелый ученый был избран академиком АН СССР.

В 1942 г. Грозному посвятил свою брошюру, а в 1943 г. — статью в «Большевике» Бахрушин⁵². Развивавшиеся историками представления об опричнине и Грозном в годы войны стали проникать и в художественную литературу. 7 и 17 июня в Ташкенте, куда в конце 1941 г. был эвакуирован Институт истории, состоялось обсуждение драмы А. Н. Толстого «Иван Грозный», где

единственным, кто подверг сокрушительной критике творение «советского графа», был С. Б. Веселовский. Его отзыв о драме А. А. Зимину не удалось опубликовать даже в «оттепель» 60-х гг., он увидел свет только в 1989 г.⁵³

Споры об Иване Грозном и опричнине в исторической литературе принимали довольно острый характер⁵⁴. Так, в статье 1943 г. Бахрушин подчеркивал, что «суровая борьба с послушниками изменниками заслонила положительный момент жестокой по форме, но по существу целесообразной реформы», и пересматривал вопрос об опричнине как «полосе невероятных мучительств». Он считал опричнину неизбежной стадией в борьбе за абсолютизм и сравнивал Грозного с Людовиком XI, Тюдорами, Эриком XIV. Однако рецензент работ Бахрушина и Виппера С. А. Покровский укорял первого за возрождение «до известной степени... концепции Ключевского о бесцельности и исторической неоправданности опричнины», за невнимание к внешней политике, где царь, по мысли Р. Ю. Виппера, проявил себя как «первоклассный полководец, крупнейший деятель и дипломат». Рецензент поддержал идею последнего, которую разделял и Садиков, о постоянном существовании опричнины при Грозном под наименованием двора⁵⁵.

1944 год принес еще две работы о Грозном. Третьим изданием вышла книга Виппера, правда, теперь не 15-тысячным, а 5-тысячным тиражом, и брошюра И. И. Смирнова⁵⁶. На театральные подмостки проникла драма А. Н. Толстого, в связи с чем И. И. Полосин 19 сентября 1944 г. обратился с протестом в ЦК ВКП(б), указав, что «текст пьесы... не вполне выверен с научно-политической точки зрения. Множить ошибки на историческом фронте далее невозможно»⁵⁷.

1945 год — год победы в Отечественной войне оказался рекордным по числу работ о Грозном, опричнине и централизованном государстве. Снова была издана книга Виппера. Бахрушин (с 1945 г. — академик АПН СССР) выпустил свою книгу в Госполитиздате в 1945 г., а в 1946 г. — в Воениздате под названием «Самодержавие Ивана Грозного». Правда, одновременно он исследовал деятельность Избранной рады, которой приписывал заслугу более значительных реформ, чем опричных, в истории формирующегося централизованного государства. «Опричнина, как буйный вихрь, снесла остатки феодальной раздробленности и тем самым сыграла большую и объективно положительную роль, но она очень мало отразилась на организации государства. Напротив, реформы 1550-х гг. дали определенное направление развитию русской государственности»⁵⁸. В статье Полосина о реакции польских сеймов на опричнину явственно печать времени в идеализации политики Грозного («умелой», «верной», «талантливой», «мастерской») и в придании опричнине всемирно-исторического, обязательного для всех феодальных монархий характера⁵⁹. В 1946 г. брошюра Виппера была переведена на английский язык, а первый номер вновь созданного журнала «Преподавание истории в школе» открывала его статья об Иване IV — «незаслуженно забытом и недостаточно оцененном деятеле русской истории». Ради того, чтобы возвеличить его заслуги — последнего в ряду великих предшественников и полководцев — Александра Невского, Дмитрия Донского и Ивана III, Виппер не остановился и перед тем, чтобы удлинить иноземное иго на три четверти столетия. В основе «творческой» дипломатии Грозного лежала будто бы «державно-патриотическая мысль» (ср. его же термины 1922 г. — «самодержавный коммунизм» и «демократическая монархия»). «Доверчивый» Грозный вступил в борьбу с боярами, которая «сплеталась с обороной (так в тексте — А. Х.) своей державы, своей страны, своего народа» и представляла «тяжелое препятствие, нарушившее успешное ведение Ливонской войны, убившее... исполнение жизненного дела Грозным»⁶⁰. Заодно досталось и «историкам, враждебным памяти Грозного», читай — Веселовскому, имя которого названо не было.

Базилевич в рецензиях на книги Виппера и Смирнова объяснял причины введения опричнины условиями войны, необходимостью единовластия во время нее, на что бояре не соглашались, имея собственное представление о целе-

сообразности уступок и примирений. Вместе с тем он увидел доказательство выдающихся дипломатических способностей Грозного в том, что Ливонская война не стала общеевропейской. Сам же царь, несмотря на «созревшие у него в течение 1538—1547 гг. чувства недоверия и справедливой подозрительности (!— А. Х.), присущую ему опрометчивую горячность», — «искусный дипломат и горячий патриот», «в биографии которого, — повторяет Базилевич слова Смирнова, — не было места мелким и слабым чувствам»⁶¹.

Утверждение апофеоза Грозного и его любимого детища происходило параллельно с дискуссией об образовании Русского централизованного государства в XIV—XV вв., которая рассматривалась как претворение в жизнь «исторических указаний ЦК ВКП(б) по идеологической работе... против безыдейности и аполитичности... против преклонения перед иностранцами, за боевую большевистскую партийность» в «борьбе с остервенело наступающей на наши позиции идеологией капитализма». Эту задачу вынуждено было поставить «Совещание при директоре» 23 февраля 1946 г.⁶² Участники дискуссии по докладу Б. Д. Грекова «Речь тов. Сталина (от 9 февраля 1946 г.) и задачи Института истории» не пришли к согласию относительно даты образования этого государства. С. В. Юшков начало процесса относил ко времени Калиты, решающая фаза, по Базилевичу, приходилась на правление Ивана III, а весь процесс охватывал вторую половину XV — первую четверть XVI в. Мнение Базилевича о том, что единое, оно же централизованное государство было феодальной монархией, основывавшейся на союзе верховной власти с мелкими землевладельцами — вотчинниками и дворянами и городским торгово-ремесленным населением, противоречило представлениям С. В. Юшкова и П. П. Смирнова о государственном строе России XVI в. По мысли первого, при Иване IV «появились земские соборы, меняется состав Боярской думы и степень ее влияния, окончательно утверждается система приказов, отменяется система кормлений». П. П. Смирнов полагал, что земские соборы следует рассматривать в трех аспектах: «во времени как результат образования централизованного сословного государства; по социальному составу — как призывание к политическому собранию вновь сложившихся молодых классов (подклассов) дворянства и городского населения и, наконец, по аналогии с соответствующими сословно-представительными учреждениями (кортесами, парламентом, Генеральными штатами, имперскими сеймами)»⁶³.

Дискуссия не прошла бесследно: во втором издании вузовского учебника по замечаниям Юшкова была введена стадия сословно-представительной монархии⁶⁴. Впрочем, вряд ли Боярская дума, выражавшая корпоративные интересы боярства, или Земский собор 1566 г., собравший случайных представителей различных прослоек общества, находившихся в момент его созыва в Москве, могут быть квалифицированы как сословно-представительные учреждения.

Пока ученые дебатировали вопрос о характере русской государственности, апологетическая тенденция торжествовала в художественной литературе, кино и театре. Вслед за сценарием С. М. Эйзенштейна, пьесой «Трудные годы» А. Н. Толстого (МХАТ) последовала драматическая повесть последнего, пьеса И. Сельвинского «Ливонская война» (Малый театр) и В. Соловьева «Великий государь» (театр им. Е. Б. Вахтангова), наконец, огромный роман В. И. Костылева⁶⁵. Авторы этих произведений, ничтоже сумняшеся, возвеличивали Грозного среди тех «сверхгероев», которые, по словам Зимины, «осеяли потомков своей благостью». Историки попытались препятствовать искажению исторической правды в художественных произведениях. Однако их критические отзывы, как правило, оставались в рукописи. Рецензии С. Б. Веселовского на повесть Толстого и роман Костылева увидели свет в 1973 и 1989 гг.⁶⁶ Статья же Половина о драмах, поставленных в московских театрах, появилась в таком искаженном виде, что автор требовал снять с нее свое имя. В рукописи остался ряд его отдельных разборов московских театральных постановок⁶⁷.

Трудно складывалась судьба научных изысканий С. Б. Веселовского по оп-

ричине. Избранный в 1946 г. в академики, он смог опубликовать лишь один этюд — об опричном дворе из всего цикла, предназначенного для монографии «Старое и новое об Иване Грозном». Вопреки мнениям Виппера и Садикова, он убедительно доказал, что опричнина существовала лишь 7 лет и продлевать ее на все правление Грозного нет никаких оснований⁶⁸. В этой статье, по отзыву Зимина 1950 г., он воскрешал «похороненные наукой ошибочные положения Ключевского, будто опричнина — «плод чересчур пугливого воображения царя»; она была направлена «против лиц, а не против порядка»⁶⁹. Неудача Веселовского в издании своей плановой монографии была предопределена печально знаменитым постановлением ЦК ВКП(б) о кинофильме «Большая жизнь» от 4 сентября 1946 г., где был узаконен сталинский подход к Ивану IV. «Человек с сильной волей и характером» (вспомним И. И. Смирнова) в беседе с Н. К. Черкасовым и Эйзенштейном 24 февраля 1947 г. был назван Сталиным «великим и мудрым правителем», единственная ошибка которого состояла в том, что он был непоследователен (не ликвидировал оставшиеся пять семейств феодалов) и тем самым не довел до конца борьбу с ними⁷⁰. В том же 1947 г. формула централизации была дополнена указанием о роли Москвы — «основы объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, единым руководством». Это высказывание легло в основу статьи Бахрушина о Москве Ивана Грозного⁷¹.

После 1946 г. «грозенская вакханалия» пошла на убыль. «По просьбе ряда организаций», как указано в отчете ИИ АН СССР за 1946 г., Бахрушин подвел некоторые итоги изучения опричнины в новейшей литературе, аналогичный обзор дореволюционной историографии сделал И. У. Будовниц. Обосновывалась мысль о несомненном, хотя и очень своеобразном литературном даровании Грозного⁷². Параллельно с этим Веселовский нарисовал портрет царя без ретуши: трус, покинувший Москву в момент нападения крымского хана в 1571 г., «подвижный к ярости» и окруженный ненавистью подданных, ликвидировавший правый суд, но не умевший предвидеть будущего из-за «чрезмерно живого воображения»⁷³. Откровенное и длительное противостояние всем панегирикам Грозного на протяжении 40-х гг. не прошло даром Веселовскому. За пять лет до смерти, в 1947 г., он был причислен к буржуазным историкам⁷⁴. Однако это произошло уже в условиях борьбы с «космополитизмом». В упомянутой беседе 24 февраля 1947 г. Сталин «похвалил» царя за то, что тот «ограждал страну от проникновения иностранного влияния». Это было актуально, поскольку постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» открыло наступление на мысль, в том числе и историческую, шедшее под лозунгом «советского» патриотизма. 24 июня 1947 г. Жданов потребовал вести «борьбу против растленной и гнусной буржуазной идеологии и наносить ей сокрушающие удары»⁷⁵. Ему вторили и историки, ополчавшиеся на «безродных космополитов» (вспомним «державно-патриотическую мысль» у Виппера). Отныне Россия и только Россия объявлялась родиной всего передового и прогрессивного в области науки и культуры, политики и экономики. Все инакомыслящие превращались во врагов. Мир раскалывался на своих и чужих: своих, значит, и своих царей; чужих, значит, и чужой народ. Когда размышляешь об этой концепции, невольно на память приходят рассуждения Л. П. Карсавина о «религиозном» патриотизме: «... христиане почувствовали себя народом и воинством Христа... Все духи, не принятые в Божье царство или им отвергнутые, становятся врагами Бога. Мироздание двоятся, его основным моментом становится дающая исход религиозному патриотизму борьба, и возникает новая система религиозности — элементарно-дуалистическая, которая находит себе опору в сильных традициях христианства»⁷⁶.

Издание «Хронологических выписок» К. Маркса в 1946 г. послужило толчком для новых размышлений об экономических предпосылках создания Русского централизованного государства и причинах Ливонской войны. Мнение Маркса, будто Грозный «был настойчив в своих попытках против Ливонии... их созна-

тельной целью было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой»⁷⁷, было безоговорочно принято советскими историками⁷⁸. При этом степень экономического развития России настолько преувеличивалась, что в ходе дискуссии 1946 г. Базилевич выдвинул идею о завершении образования всероссийского рынка в XVII в. Что же касается опричнины, то в 1948 г. И. И. Смирнов считал, что опричина была политикой экономического и политического разгрома боярства⁷⁹.

В 1949—1951 гг. состоялась дискуссия о периодизации истории СССР. Вопрос о централизованном государстве признавался кардинальным, такой тип государства противопоставляли сословно-представительной монархии, подчеркивая, что последним термином ни Ленин, ни Сталин не пользовались. В редакционной вводной статье предлагалось обсудить хронологические рамки существования централизованного государства⁸⁰. Ни Базилевич, открывший дискуссию, ни Черепнин, ни Смирнов не употребляли термин «сословно-представительная монархия». Первые два писали о феодальной монархии, последний — о централизованном государстве. По мнению Юшкова, раннефеодальная монархия после образования централизованного государства (завершение его складывания он считал результатом опричнины) сменяется сословно-представительной монархией, хотя он и утверждал, что экономические предпосылки централизации не созрели и в середине XVI в. В обобщающем труде «История государства и права» он выдвинул другую идею — что только абсолютная монархия может быть централизованной⁸¹. Зимин, подобно Юшкову, вводил понятие сословно-представительной монархии применительно к третьей четверти XVI в., зачисляя земские соборы, губные и земские учреждения в разряд центральных и местных сословно-представительных органов. Он полагал, что их становлению способствовали реформы Избранной рады и опричина⁸².

Однако критерии для различения централизованного и сословно-представительного государства выдвигались крайне расплывчатые. Базилевич считал, что второй этап истории феодальной Руси — централизованное государство — характеризовалось наличием центральных органов управления, общего законодательства, сменой вассалитета отношениями подданства, ликвидацией частных иммунитетных прав, единой организацией военных сил, непосредственно подчиненных верховной власти в качестве орудия ее классовой внутренней и внешней политики. Для Юшкова — это превращение самостоятельных княжеств в вассальные по отношению к Московскому государству, вассальных — в княжеские, удельных — в служебные и рост великокняжеского домена в результате завоеваний, прикупов, конфискаций. Эта система доказательств позволила ему возводить начало процесса централизации ко времени Калиты, а с опричниной связывать переход к сословно-представительной монархии.

Неопределенность критериев и неясность вопроса о роли опричнины в развитии государственного строя вызвали новое обращение к этому вопросу в 60-е гг. и в наши дни, однако ясности в этом вопросе нет и поныне: А. М. Сахаров в 1959 г. идентифицировал «Московское царство» с централизованным, а последнее в 1969 г. называл «единым». Н. Е. Носов оспорил мнение С. В. Юшкова об отсутствии экономических предпосылок централизации в XVI в., а В. Д. Назаров вернулся к точке зрения Юшкова. Вопрос о содействии или противодействии опричнины процессу централизации остается спорным, как и ее соотношение с формированием институтов сословной монархии⁸³. В дискуссии 1949—1951 гг. наиболее осторожной была позиция П. Мирошниченко, который, хотя и подчеркивал однотипность земских соборов с другими представительными европейскими учреждениями, но называл русскую монархию XVI—XVII вв. просто «сословной», поскольку «относительная слабость третьего сословия в России обусловила упадок сословного представительства при усилении самодержавия»⁸⁴. Действительно, корпоративные интересы боярства и дворянства находили выражение в некотором противопоставлении позиций Боярской думы и Грозного, в особенности в сфере внешней политики.

Итоги дискуссии, на наш взгляд, продемонстрировали разностью в понимании «централизованного государства», его недостаточную научную глубину, несоотнесенность с категориями мировой истории, причем не только европейской, но и азиатской (о последнем со времени разгрома евразийцев речь практически не шла, хотя русская государственность XVI—XVII вв. обладает весьма сходными чертами с азиатской деспотией)⁸⁵. Проблема разработки научной терминологии в области истории государства остается актуальной до сих пор⁸⁶, однако в конце 40-х — начале 60-х гг. поиски в этом направлении, как и в периодизации истории, казались покушением на каноническую схему, предложенную в 1934 г. Сталиным, Ждановым, Кировым. А посему признанный ученый, автор курса истории СССР, прочитанного в Высшей партийной школе в 1939—1949 гг. и четырежды изданного⁸⁷, подвергся проработке на кафедре истории СССР истфака МГУ⁸⁸. Смелость в постановке теоретических вопросов (что было привилегией лишь руководителей партии и государства) не прошла незамеченной. Существенно было и некоторое перемещение оценок в изображении Грозного и роли опричнины в курсе для ВПШ: опричнина-де достигла цели, усилила самодержавную власть, укрепила положение дворянства и предотвратила разорение страны, ослабила политическое положение государства, вступавшего в самый трудный период Ливонской войны. Характер Грозного в курсе представлен также неоднозначным: государственный деятель, дипломат и писатель был жесток в борьбе с противниками из боярской среды, от чего страдали и холопы, и крестьяне. Попытка отхода от канона в теории и в изображении любимого Сталиным царя была пресечена.

На первый план отныне шли более молодые ученые. Новым материалом подкреплял идею о существовании опричнины вплоть до конца правления Грозного Д. Н. Альшиц, идею обострения классовой борьбы в результате опричнины проводил И. И. Смирнов⁸⁹. В 1950 г. вышел том трудов Садикова, чудом сохранившихся в Ленинграде во время блокады; он был издан И. И. Смирновым и Б. А. Романовым. Все три рецензента работы — А. А. Зимин, Л. В. Черепнин и С. О. Шмидт — согласились с мыслью о прогрессивности опричнины, ее продворянский характер подчеркнули двое последних. По мнению Черепнина, «опричнина... явилась на новом этапе оружием борьбы крепнущего самодержавия против феодальной знати, не завершённой во время феодальной войны, несмотря на победу великокняжеской власти». О финансовых целях опричнины вслед за автором писали Шмидт и Зимин, который усмотрел прогрессивность опричнины в развитии приказного управления, в частности в создании финансово-административных приказов — «червертей». Он же обратил внимание на связь опричнины с войнами, которые вела Россия. Все рецензенты подчеркивали необходимость ее дальнейшего изучения. В программе будущих изысканий, предложенной Зиминим, значилось исследование государственной власти, классовой борьбы, опричной территории, общественной мысли⁹⁰. Решались они позднее — во второй половине 50-х — начале 60-х гг., в значительной степени самим Зиминим.

Фундамент для новых исследований закладывался уже в 50-е гг. В 1951 г. были опубликованы послания Ивана Грозного, впервые собранные и тщательно откомментированные Я. С. Лурье. Во введении Д. С. Лихачев в соответствии с духом времени писал: «Грозный — политический деятель, тщательно доказывающий разумность и правильность своих поступков, стремящийся действовать силой убеждения не в меньшей степени, чем силой закона и приказа», цель его сочинений — «доказать права своего единодержавства, своей власти; он обосновывает принципиальные основы своих царских прав»⁹¹. Однако рецензенты не согласились с идеей Д. С. Лихачева о методах «убеждения» Грозного, отметив жестокость царя в расправе со своими противниками, которых причислили к реакционным группам московского боярства⁹².

В начале 50-х гг. были отчасти изданы, отчасти переизданы труды С. В. Бах-

рушина. Впервые увидела свет его незаконченная монография об экономических предпосылках образования централизованного государства, где он весьма тщательно собрал и проанализировал сведения о развитии ремесла и торговли в середине XVI в. Редколлегия «Научных трудов» — А. А. Зимин, Н. В. Устюгов, Л. В. Черепнин и В. И. Шунков — указала на преувеличение роли личности в истории в работах Бахрушина, но оперировала теми же понятиями централизованного государства и так же толковала опричнину, как и автор⁹³. А в 1955 г. Черепнин полагал, что уже в конце XV в. сложились экономические связи, необходимые и достаточные для политической централизации⁹⁴.

«Сталинский этап» развития историографии в области изучения опричнины и ее связи с централизованным государством воплотился и в «Очерках истории СССР». Изданный в 1955 г. том, вынашивавшийся Институтом истории АН СССР еще с конца 30-х гг., оказался запоздалым результатом сталинского засилья со всеми присущими официозной историографии конца 30-х — первой половины 50-х гг. признаками — догматическим подходом, начетничеством, схематизмом и т. д. Во введении был представлен полный набор открытых цитат и перефразировок сталинских сочинений. Все явления политической жизни XVI столетия рассматривались лишь под углом зрения централизации — содействия или противодействия ей. Садиков (ум. в 1943 г.) и Зимин в главах, посвященных правлению Грозного, установили два типа земельной политики Грозного — общего переселения («вывода») и персонального «пересмотра» феодалов, последнее отчасти роднило их точку зрения со взглядами Ключевского на опричнину. Была подчеркнута роль Владимира Андреевича Старицкого, что уже подготавливало зиминскую концепцию опричнины начала 60-х гг. Однако в главе сохранилась точка зрения о существовании опричнины вплоть до смерти Грозного, была воспроизведена прежняя формула о борьбе прогрессивного дворянства против реакционного дворянства и т. д.

Глава Садикова и Зимина «Внутренняя политика в 60-х — первой половине 80-х гг. Опричнина»⁹⁵ показывает, как медленно и трудно происходило становление новых взглядов на опричнину, как прочно держались историографические фантомы, принадлежавшие чудом уцелевшим в сталинской мясорубке людям, надломленным лагерями, ссылками и террором. Политизация истории опричнины во второй половине 30-х гг. отнюдь не способствовала пониманию этого явления. Парадоксальность историографической ситуации на протяжении изучаемого времени заключается в том, что наиболее близко к пониманию опричнины как временной меры, вызванной обстоятельством Ливонской войны, подходил Виппер на заре советской власти. Однако его общие построения относительно государственного строя и «изобретателя» опричной политики дискредитировали и то зерно истины, которое содержала его книга. Отказ от випперовской концепции опричнины был обусловлен неприятием его монархических представлений и апологетики Грозного. Коренной пересмотр русской внешней политики, предпринятый на протяжении 1937—1939 гг., — превращение всех войн эпохи Грозного в оборонительные, а присоединение народов к Русскому государству — в «наименшее зло» для них — также подорвал его теорию. Дальнейшее развитие науки пошло по пути «государственников», глава которых — С. Ф. Платонов — погиб в ссылке. Его идеи, оплодотворенные випперовскими похвалами Грозному и согретые поддержкой генсека, стали базой не только для научно-пропагандистской, но и научной литературы. Исследовались последствия опричнины, конкретизировался ход, но о ее причинах и сущности осмеливался в 40-е гг. писать лишь С. Б. Веселовский.

Было бы неверным зачеркивать все достижения советской исторической науки изучаемых десятилетий. На протяжении 20-х — первой половины 50-х гг. были введены в научный оборот новые источники — «записки» иностранцев, акты и делопроизводственные материалы монастырских архивов, синодики и т. д. Расширилась сфера интересов и рамки научных изысканий. Поиск смысла

опричнины обрели конкретность и жизненность. Судьбы палачей и жертв, их социальный состав — все это помогло пролить новый свет на «прогрессивное войско опричников» и направленность их карательных мероприятий, на земельную и финансовую политику опричного времени. Все это подготовило возможности для нового понимания опричнины в 60-е гг.

Уроки трагических 30—50-х гг. нашего столетия не только в конформизме, на который осознанно, а иногда и неосознанно шли наши старшие коллеги (чью традицию унаследовали и мы), но в необходимости особого внимания к понятийному аппарату. Неопределенность терминов, не наполненных конкретным содержанием, не соотношенных с другими явлениями социальной и политической жизни России, с аналогичными в других странах Европы и Азии,— большое препятствие для объективной оценки такого сложного и противоречивого этапа в истории, как опричина.

Статья не претендует на исчерпывающее решение поднятых в ней вопросов. Ее цель — лишь привлечь внимание специалистов к проблеме дефиниций, вырабатке такого понятийного аппарата, который бы соответствовал конкретике русского исторического процесса, к необходимости комплексного исследования источников. Обзор историографии 20-х — середины 50-х гг. показал пагубность заблуждений историков для развития всей отечественной культуры. Печальные и трагические судьбы науки об опричнине в эти годы должны стать уроком мужества, который преподал С. Б. Веселовский, для новых поколений ученых.

Примечания

¹ Хорошкевич А. Л. Еще одна теория происхождения опричнины Ивана Грозного // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков: Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1990. Вып. II. С. 290—292.

² Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989. Хорошкевич А. Л. [Рец.] // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 171—174.

³ Kämpfer Fr., Stöckl G. Russland an der Schwelle zur Neuzeit. Das Moskauer Zartum unter Ivan IV. Groznyj // Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. I. Hbd I. Stuttgart, 1988. S. 914—926.

⁴ Эйдельман Н. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 38.

⁵ Покровский Н. Н. В пространстве и времени // Эйдельман Н. Указ. соч. С. 14—16.

⁶ Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 242.

⁷ Платонов С. Ф. Иван Грозный в русской истории // Русское прошлое. Пг.; М., 1923. № 4.

⁸ Веселовский С. Б. Обзор мнений историков об Опричном дворе царя Ивана // Исследования по истории опричнины. М., 1963.

⁹ Бахрушин С. В. Иван Грозный в свете новейших исследований // Юбилейный сборник (АН СССР), посвященный 30-летию Великой Октябрьской революции. Ч. 2. М.; Л., 1947 (переизд.: его же. Научные труды. Т. II. М., 1954); Буловниц И. У. Иван Грозный в русской исторической литературе // Исторические записки. 1947. Т. 21.

¹⁰ Зимин А. А. Опричина Ивана Грозного. М., 1964. 2-е изд. в печати.

¹¹ Назаров В. Д. Опричина в контексте современной историографической ситуации (заметки и размышления) // Спорные вопросы... Вып. II. С. 193—199.

¹² Пресняков А. Е. Рец.: С. Ф. Платонов. Иван Грозный. М., 1923 // Века. Исторический сборник. Пг., 1924. С. 182.

¹³ Садиков П. А. К истории управления в опричнине // Дела и дни. 1921. Кн. 2; его же. Опричина и церковь // Там же; его же. «Кормленные дьяки» и вопрос о происхождении приказов-четей в Московском государстве XVI в. // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 153—180; его же. Царь и опричник // Века. Пг., 1924.

¹⁴ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., Госиздат, 1920. С. 60.

¹⁵ Каштанов С. М. Книга о русском войске XVI в. // Военно-исторический журнал. 1965. № 12. С. 90.

¹⁶ Виппер Р. Ю. Иван Грозный. Пг., 1922. С. 22, 44, 53, 59.

¹⁷ Платонов С. Ф. Иван Грозный в русской истории. С. 9—10. Позднее оценки книги резко менялись — от «белогвардейского памфлета» ([Нечкина М. В.] Опричина // БСЭ. Изд. 1. Т. 43. М., 1939. С. 228) и «промонархической» книги (Дубровский С. М. Против идеализации Ивана IV // Вопросы истории. 1956. № 8. С. 131—139) до сочинения, несущего «печать буржуазной историографии» (Зимин А. А. Опричина. С. 38).

¹⁸ Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника/Пер. и вступ. статья И. И. Полосина. М., 1925. С. 10, 41.

¹⁹ Платонов С. Ф. Очерки истории Смуты в Московском государстве начала XVII в. СПб., 1897 (переизд.: М., 1937. С. 109—126.

²⁰ Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пг., 1923.

²¹ Штаден Генрих. Указ. соч. См. также: Полосин И. И. Записки Генриха, Штадена, старичого помещика и опричника царя Ивана // Материалы Общества изучения Иверского края. Вып. 3. Апрель 1925. С. 24—25; е го же. Новый источник по истории русского Севера // Север. Вологда. 1928. № 7—8. С. 50—56; Рогинский М. Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. VIII. К сожалению, М. Г. Рогинский не обратил внимания на политические стихи, написанные по случаю возвращения Таубе и Крузе в Прибалтику.

²² Лишь Полосин в связи с изучением закрепощения крестьянства отметил, что «символом и орудием дворянской политики были „опричники“ Грозного» (Полосин И. И. Поместное право и крестьянская крепость // Уч. зап. Ин-та истории РАНИОН. М., 1929. Т. 4. С. 3.

²³ Солженицын А. А. Архипелаг ГУЛАГ // Новый мир. 1989. № 8. С. 35.

²⁴ Брачев В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 126.

²⁵ Историк-марксист. Т. 15. 1930. С. 165; Зайдель Г. С., Цвибак М. М. Классовый враг на историческом фронте. Л., 1931. Подробнее см.: Данилова Л. В. Становление марксистского направления в советской историографии феодального периода // Исторические записки. Т. 76. М., 1965. С. 114.

²⁶ Об их занятиях в ссылке в 1932—1935 гг. см.: Хорошкевич А. Л. «Беломорско-Балтийский канал им. тов. Сталина»/Незавершенная монография по истории канала и русского Севера (1932—1935/6 гг.) / Европейский север: история и современность. Петрозаводск, 1990. С. 127—128.

²⁷ Смирнов И. И. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 5—6.

²⁸ Новое известие о России Ивана Грозного. Сказание Альберта Шлихтинга/Пер., предисл. и комм. А. И. Маленна. Л., 1934.

²⁹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7. М., 1970. Т. 5. С. 44 и др.

³⁰ Совещание исторических факультетов и исторических институтов 7—13 мая 1935 г. // Историк-марксист. 1935. № 5—6. С. 171.

³¹ Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу учебника по истории СССР // К изучению истории. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 18, 22.

³² Постановление Жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-го и 4-го классов по истории СССР // К изучению истории. С. 38.

³³ Знать историю СССР // Правда. 1937. 22 августа.

³⁴ «Краткий курс истории СССР» (под ред. проф. А. В. Шестакова. М., 1937. С. 1) аттестован как «ценный подарок партии и правительства народу».

³⁵ Архив Института истории СССР АН СССР. Директивные указания 1936 г.

³⁶ Верховень Б. Г. Расширение Русского государства. М., 1938; е го же. Россия в царствование Ивана Грозного. М., 1939.

³⁷ Новиков Н. Борьба России за выход на Балтийское море в XVI в. и каперский флот Ивана Грозного // Морской сборник. 1938. № 7; С. 90—106; Верховень Б. Г. Ливонская война // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 2; то же // Военное прошлое русского народа. Челябинск, 1939; Тельпуховский Б. Борьба русского народа за выход к Балтике (XIII—XVII вв.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 7; Бахрушин С. В. Разгром Немецкого ордена в Прибалтике Иваном IV (1560) // Исторический журнал. 1941. № 10—11; Готье Ю. В. Балтийский вопрос в XIII—XVI вв. // Историк-марксист. 1941. Кн. 6. С. 87—95.

³⁸ Верховень Б. Г. Россия в царствование Ивана Грозного. С. 43.

³⁹ Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 34.

⁴⁰ Данилова Л. В. Указ. соч. С. 116.

⁴¹ Базилевич К. В. «Торговый капитализм» и генезис московской самодержавной власти в работах М. Н. Покровского // Против исторической концепции М. Н. Покровского. М.; Л., 1939. Ч. 1. С. 145; е го же. Образование Московского государства // Пропагандист. 1938. № 18. С. 13—20; Галкин В. Создание Русского национального государства // Исторический журнал. 1938. № 12. С. 48—58.

⁴² Архив Института истории СССР АН СССР. Отзыв А. Н. Насонова.

⁴³ Готье Ю. В. Плохая книга // Книга и пролетарская революция. М., 1939. С. 92, 93, 95.

⁴⁴ Архив Института истории СССР АН СССР. Отчет за 1938 и 1939 гг.

⁴⁵ Каштанов С. М. Творческое наследие С. В. Бахрушина и его значение для советской исторической науки: к 100-летию со дня рождения // История СССР. 1982. № 6. С. 119.

⁴⁶ Бахрушин С. В. Расширение Русского государства при Иване IV // Пропагандист. 1939. № 1. С. 19, 22.

⁴⁷ Базилевич К. В. «Торговый капитализм»... С. 152, 157.

⁴⁸ Садиков П. А. Из истории опричнины XVI в. // Исторический архив. 1940. Т. 3. С. 113—303; е го же. Московские приказы «четверти» во времена опричнины (1565—1584) // Исторические записки. 1941. Кн. 10. С. 117—166.

⁴⁹ Бибииков Г. Н. К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного // Сб. статей по истории СССР XVI—XVIII вв. М., 1941.

⁵⁰ Афферика Дж. Образ Ивана Грозного в трудах С. Б. Веселовского // Спорные вопросы... Вып. 1. С. 25—27.

- ⁵¹ Веселовский С. Б. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // Исторические записки. Т. 10. 1941; его же. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник // Проблемы источниковедения. 1941. Т. 3. Ср.: его же. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 324, 333, 334, 336, 337, 340.
- ⁵² Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М., 1942; Бахрушин С. В. Иван Грозный. М., 1942; то же // Большевик. М., 1943. № 13; его же. Разгром Ливонского ордена в Прибалтике (XVI век). Ташкент, 1942.
- ⁵³ Шмидт С. О. Отзыв С. Б. Веселовского о драматической повести «Иван Грозный» А. Н. Толстого // Археографический ежегодник за 1988 год. М., 1989.
- ⁵⁴ Бурдей Г. Д. Споры об Иване Грозном в историографии и культуре военных лет. 1941—1945 // Спорные вопросы... Вып. 1. С. 31—33.
- ⁵⁵ Покровский С. А. [Рец.] // Снегирев В. Иван III и его время. М., 1942; Бахрушин С. В. Иван Грозный. М., 1942; Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М., 1942 // Исторический журнал. 1943. № 3—4 (115—116). С. 93—94.
- ⁵⁶ Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М. 1944; Смирнов И. И. Иван Грозный. М., 1944.
- ⁵⁷ Бурдей Г. Д. Указ. соч.
- ⁵⁸ Бахрушин С. В. Избранная рада // Исторические записки. 1945. Т. 15. С. 31; его же. Образование Русского национального государства // Пропагандист. 1945. № 5. С. 22—28. Ср.: Виппер Р. Ю. Иван IV. М.: Гос. библиотечно-библиографическое из-во. 1945.
- ⁵⁹ Полосин И. И. Споры об «опричнине» на польских сеймах XVI в. (1569—1582) // Вопросы истории. 1945. № 5—6. С. 142—153. В основе статьи лежали доклады на секции истории права Института права АН СССР (Ташкент, 1942) и кафедре истории СССР МГПИ им. В. И. Ленина (Москва, 1944). Черепнин Л. В. И. И. Полосин как историк // Полосин И. И. Социально-политическая история России. С. 18. Прим. 66.
- ⁶⁰ Виппер Р. Ю. Иван Грозный. К вопросу о характеристике личности Ивана IV как государственного деятеля и дипломата // Преподавание истории в школе. М., 1946. № 5. С. 17, 23, 25, 28.
- ⁶¹ Базилевич К. В., О книге Р. Виппера «Иван Грозный» // Пропагандист. 1945. № 17. С. 58—64; его же [Рец.] // Смирнов И. И. Иван Грозный. Л., 1944 // Советская книга. 1946. № 3—4. С. 74—78.
- ⁶² Архив Института истории СССР АН СССР. Протокол № 8 от 23.11.1946 г.; Отчет за 1947 год. С. 8.
- ⁶³ Смирнов П. П. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. // Вопросы истории. 1946. № 2—3. С. 55—90; Мавродин В. В. Несколько замечаний по поводу статьи П. П. Смирнова «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.» // Там же. № 4. С. 45—54; Смирнов И. И. О путях исследования Русского централизованного государства (по поводу статьи П. П. Смирнова) // Там же. С. 40—44; Базилевич К. В. К вопросу об исторических условиях образования Русского государства (по поводу статьи П. П. Смирнова) // Там же. № 7. С. 26—44; Юшков С. В. К вопросу об образовании Русского государства в XIV—XVI вв. (по поводу статьи П. П. Смирнова) // Там же. № 4. С. 55—67; Об образовании централизованного Русского государства (к итогам дискуссии) // Там же. № 11—12. С. 3—11.
- ⁶⁴ Архив ИИ СССР АН СССР. Ответ С. В. Бахрушина в Министерство высшего образования 26 августа 1946 г.
- ⁶⁵ Последний переиздан в 1987 г. колоссальным тиражом (Костылев В. И. Иван Грозный. Саранск; То же. Минск).
- ⁶⁶ Зимин А. А. Академик С. Б. Веселовский и образ Ивана Грозного в художественной литературе // История и историки. Историографический ежегодник. 1971. М., 1973; Шмидт С. О. Отзыв С. Б. Веселовского о драматической повести «Иван Грозный».
- ⁶⁷ Полосин И. И. Спектакль об Иване Грозном // Театр. 1946. № 5. С. 40—45. Остались в рукописи статьи о постановках «Иван Грозный». Ч. 1. «Орел и орлица», «Трудные годы» и «Великий государь» (Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 29—30. Прим. 110).
- ⁶⁸ Веселовский С. Б. Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г. // Вопросы истории. 1946. № 1.
- ⁶⁹ Зимин А. А. [Рец.] // Садилов П. А. Очерки по истории опричнины // Вопросы истории. 1950. № 12. С. 145.
- ⁷⁰ Большевик. 1946. № 16. С. 52 (Правда. 1946. 4 сентября); Черкасов Н. К. Записки актера. М., 1952. С. 380; ср.: Московские новости. 1988. № 32.
- ⁷¹ Правда. 1947. 7 сентября; Бахрушин С. В. Москва Ивана Грозного // Вестник МГУ. 1947. № 9.
- ⁷² Бахрушин С. В. Иван Грозный в свете новейших исследований; Будовниц И. У. Иван Грозный в русской исторической литературе; Лихачев Д. С. Иван Грозный — писатель // Звезда. 1947. № 10. С. 183—188.
- ⁷³ Веселовский С. Б. Духовное завещание Ивана Грозного как исторический источник // Известия АН СССР. Сер. ист. и филос. 1947. Т. 4. № 6. С. 505—520.
- ⁷⁴ Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947. Предисловие. Оно подверглось резкой критике за «либерализм» (Солнцева В. Г. [Рец.] // Советское государство и право. 1948. № 10. С. 78; Смирнов И. И. С позиций буржуазной историографии // Вопросы истории. 1948. № 10. С. 113—124), Ср.: Смирнов И. [Льв]. Приобретение навеки // Знание — сила. 1987. № 9. С. 57.

⁷⁶ Жданов А. А. Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александра «История западноевропейской философии» // Вопросы философии. 1947. № 1. С. 276. Ср.: Вопросы истории. 1946. № 4. С. 113—129; 1948. № 4. С. 112—115; 1949. № 2.

⁷⁶ Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII—XIII вв., преимущественно в Италии. Пг., 1915. С. 296—297.

⁷⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Архив. Т. VIII. М., 1946. С. 165.

⁷⁸ Дербов Л. А. К истории падения Ливонского ордена // Уч. зап. Саратовского гос. ун-та. 1947. Т. 17. С. 157—174; Зутис Я. Я. Разгром Ливонского ордена // Большевик Советской Латвии [Рига] 1949. № 11. С. 53—59; его же. К вопросу о ливонской политике Ивана IV // Известия АН СССР. Сер. ист. и филос. 1952. Т. 9. Ч. 2. С. 133—143.

⁷⁹ Смирнов И. И. С позиций буржуазной историографии. С. 121.

⁸⁰ Основные задачи в изучении истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 9—10.

⁸¹ Юшков С. В. История государства и права СССР. Т. 1. М., 1950.

⁸² Базилевич К. В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 69, 71; Юшков С. В. К вопросу о политических формах Русского феодального государства // Там же. 1950. № 1. С. 72, 81, 82; Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. О периодизации истории России эпохи феодализма // Там же. 1951. № 2. С. 63; Черепнин Л. В. К вопросу о периодизации истории СССР периода феодализма // Известия АН СССР. Сер. обществ. наук. Т. IX. № 2. 1952; Зимин А. А. Некоторые вопросы периодизации истории СССР феодального периода // Там же. 1950. № 3. С. 73—74.

⁸³ Сахаров А. М. Образование Русского централизованного государства: Программа и методическое пособие к спецкурсу по истории СССР. М.: 1959. С. 27; его же. Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М., 1969. С. 21; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969; Назаров В. Д. Указ. соч.

⁸⁴ Мирошниченко П. По поводу статьи К. В. Базилевича «Опыт периодизации истории СССР феодального периода» // Вопросы истории. 1950. № 2. С. 9.

⁸⁵ Wittfogel K. A. Die orientalische Despotie. Eine vergleichende Untersuchung totaler Macht. Frankfurt/M.; Berlin; Wien, 1977.

⁸⁶ Мамут Л. Т. Сверим ориентиры. Наука о государстве и праве нуждается в радикальном обновлении // Пульс реформ. Юристы и политологи размышляют. М., 1989.

⁸⁷ Базилевич К. В. Расширение Русского государства и превращение его в многонациональное: Стенограмма лекций, прочитанных 21 и 28 декабря 1939 г. М.: ВПШ при ЦК ВКП(б), 1940; его же. История СССР. От середины XV до конца XVII в. 1945; Базилевич К. В., Новицкий Г. А. История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1946; Базилевич К. В. История СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1949.

⁸⁸ В начале 1950 г. К. В. Базилевич скончался. На его похоронах простудился и умер С. В. Бахрушин.

⁸⁹ Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 г. // Исторический архив. 1949. Т. 4. С. 3—71; Смирнов И. И. Восстание Болотникова. Л., 1949.

⁹⁰ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины; Зимин А. А. [Рец.] // Вопросы истории. 1950. № 12. С. 145; Черепнин Л. В. [Рец.] // Известия АН СССР. Сер. ист. и филос. Т. VIII. 1951, С. 93—95; Шмидт С. О. [Рец.] // Советская книга. 1950. № 5.

⁹¹ Послания Ивана Грозного. М., 1951. С. 449, 453 и др.

⁹² Зимин А. А. [Рец.] // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 131—134. Ср.: Шмидт С. О. [Рец.] // Известия АН СССР. Отд. лит. и языка. 1952. Т. 11. Вып. 4. С. 385—391.

⁹³ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 1—2. М., 1952.

⁹⁴ Черепнин Л. В. Основные этапы развития феодализма в России. М., 1955.

⁹⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М., 1955. С. 301—320.

ПУБЛИКАЦИИ

© 1991 г.

МОСКВА ВОЕННАЯ. 1941 год...

(Новые источники из секретных архивных фондов)

Предлагаемая читателю подборка касается тревожного и трагического периода начала Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., точнее — свидетельствует о реакции москвичей на события этого времени, рассказывает об их настроениях в первые месяцы военного времени. В подборку включены впервые публикуемые материалы из фондов Партийного архива МК и МГК КПСС (Московского партийного архива). Цель публикации — ввести в научный оборот новые, практически не использовавшиеся ранее в историографии советского общества источники.

Это — материалы особого рода. Они представляют собой так называемые информационные сообщения, поступавшие в руководящие партийные органы с мест и обобщавшиеся затем в информационные сводки для политического руководства. Составлялись эти сообщения политинформаторами, сотрудничавшими с партийными органами. Целая сеть таких политинформаторов охватывала практически все крупные предприятия и учреждения столицы; система информсообщений и политдонесений давала возможность осуществлять постоянный контроль над общественным мнением и учитывать его при принятии политических решений.

Приводимые документы достаточно емко рисуют жизнь Москвы в основном после объявления войны и до октябрьских событий 1941 г. Аналогичные документы за ноябрь — декабрь 1941 г. пока что не найдены. Принцип отбора документов в корне отличается от традиционно сложившегося «юбилейного» подхода к такого рода публикациям. Главная задача этой публикации — показать морально-психологическую обстановку в Москве в первые месяцы войны, умонастроения москвичей, их отношение к происходящим событиям. А оно было далеко не однозначным! По-разному воспринимались эти события различными социальными слоями и группами жителей столицы, что определяло и многосложность их мыслей, мнений, поступков. Так, наряду с патриотическим порывом, охватившим большинство населения столицы с началом войны, имел место и неприкрытый антисоветизм многих обывателей; энергичное проведение огромного комплекса мобилизационных мероприятий сочеталось с безалаберностью и бесхозяйственностью, отсутствием в ряде случаев элементарной организованности; реальное воплощение лозунга «Все для фронта, все для победы!» и вместе с тем рвачество, спекуляция, панические настроения и т. д.

Документы подборки конкретно раскрывают эти разнородные стороны жизни Москвы и поведения ее жителей. Это и сообщения о многотысячных патриотических митингах рабочих и служащих московских предприятий и учреждений в июне и июле, о горячей поддержке трудящимися идеи создания Фонда обороны страны и организации дивизий народного ополчения, и информсообщения о слухах и «нездоровых настроениях», характерных для определенной части московского населения в июле — сентябре 1941 г. Эти сообщения свидетельствуют о сложной, противоречивой морально-психологической обстановке в Москве (да и в целом по стране!), обусловленной прежде всего недостатком объективной, правдивой информации о ходе боевых действий, о растерянности не только широких слоев населения, но и высшего военно-политического руководства страны.

Интересно обратить внимание на то, как в этих слухах и «нездоровых настроениях» про-

смачивается реакция не только на военные действия того времени, но и на проблемы развития советского общества в предвоенный период. Об этом говорят и ненависть к коммунистам, распространявшаяся на их семьи, и антисемитизм, проявившийся в ряде случаев с началом войны, и живая память крестьянства о коллективизации, и недовольство такими реалиями советской социально-экономической политики, как займы, увеличение фонда рабочего времени и многое другое. Интересно также отметить, как болезненно происходило развенчивание многих предвоенных идеологических стереотипов, в том числе о «всепобедимости Красной Армии», о «войне малой кровью и на чужой территории» и т. д.

В информсообщениях отразились и известные события середины октября 1941 г., связанные с началом стратегической операции немецко-фашистских войск «Тайфун» и с массовой эвакуацией жителей Москвы, что вызвало многочисленные случаи паники. О том, что положение в Москве в эти дни было действительно во многом критическим, свидетельствовал, например, А. С. Щербаков, тогда секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь МК и МГК ВКП(б). Выступая с докладом на пленуме МГК ВКП(б) 6 декабря 1941 г., он сказал: «В середине октября в связи с размахом военных действий, в связи с проведением эвакуации Москвы партийная работа несколько ослабла, а в некоторых случаях была и дезорганизована. Кадры организаторов растерялись. Многотиражки на предприятиях и стенгазеты прекратились. Агитпункты закрылись. Соцсоревнование забросили. Одним словом — все забросили»*. Документы, включенные в подборку, проливают дополнительный свет на октябрьские события в Москве.

Но, несмотря на остроту ситуации, сложившейся в эти дни в столице, необходимо подчеркнуть: характер этих событий определяла все же не всеобщая растерянность, а достаточно четкая и продуманная деятельность советского военно-политического руководства, партийных и государственных органов по мобилизации москвичей на всемерное усиление обороны столичного региона. И весомую роль в решение этой задачи внесли партийные организации столицы. Об этом свидетельствуют два последних из публикуемых документов.

Из многих десятков информсообщений за указанный период в подборку включены наиболее характерные документы, отражающие различные оттенки политических настроений москвичей. В целом эти материалы дают возможность для изучения социальной психологии советского общества как в период Великой Отечественной войны, так и в довоенный период.

Публикацию подготовил Р. Г. Григорьев, старший научный сотрудник Научного и информационного центра политической истории Москвы.

№ 1

Сов. секретно
Оргинструкторский отдел МКГ ВКП(б)

22 июня 1941 г.

Информсообщение¹

После выступления по радио тов. Молотова В. М. о нападении германских войск на советские границы по всем предприятиям в обеденный перерыв и после работы были проведены многочисленные митинги рабочих и служащих.

На заводе «Серп и молот» после работы состоялся митинг, на котором присутствовало более 2000 чел. С сообщением выступил секретарь парткома т. Серов. Выступило 6 чел. Тов. Туртанов в своем выступлении призвал всех серпомолотцев в ответ на наглое нападение германского фашизма еще теснее сплотиться, укрепить дисциплину, поднять производительность труда. «Каждый из нас должен давать лишний килограмм металла, это лучшая помощь нашей любимой Красной Армии и лучшая помощь врагам в их гибели. Металл наш должен быть настолько крепок, чтобы он разбивал все преграды и брони врага». Работница т. Статникова обратилась ко всем женщинам улучшить свою работу, чтобы достойно можно было заменить мужчин. Призвала всех к бдительности и борьбе с паникерами.

На заводе «Каучук» (Фрунзенский район) на митинге присутствовало 2000 чел. По всем

* Московский партийный архив (далее — МПА), ф. 4. оп. 12, д. 5, л. 24—25.

участкам и отделам Московского узла Ленинской ж. д. для слушания речи тов. Молотова В. М. собрались рабочие железнодорожники. Была включена вся радиосеть. После окончания речи тов. Молотова тут же были проведены митинги. Митинги прошли с большим подъемом и активностью.

В цехе подъемочного ремонта паровозного депо из 90 чел. присутствующих выступило 15 чел.

В кондукторском резерве из 45 чел. присутствующих на митинге выступило 12 чел. В вагонном участке из 40 чел. выступило 8 и т. д.

На сцене филиала ГАБТа состоялись митинги работников Большого театра, на которых присутствовало 750 чел. Партбюро ГАБТа для проведения митингов среди неорганизованного населения и разъяснительной работы послало 20 чел. членов ВКП(б) и ВЛКСМ.

Выступающие на митингах рабочие, работницы, служащие и представители советской интеллигенции с чувством большого патриотизма выражают любовь и преданность большевистской партии, советскому правительству и великому Сталину. В своих выступлениях выражают чувство ненависти к зарвавшимся германским фашистам.

Мастер паровозного депо Московского узла Ленинской железной дороги тов. Заваленов (член партии), выступая на митинге, заявил: «Когда на нашу страну напали белофинны, я по приказу правительства прошел вместе со всеми железнодорожниками весь Карельский перешеек. Я готов и сейчас по первому зову правительства взять оружие в руки и защищать нашу родину до последней капли крови».

На митинге кондукторского резерва этой же дороги выступил участник боев с белофиннами член ВКП(б) тов. Семенов, который сказал: «Германский фашизм поработил народы Голландии, Дании, Бельгии, Франции и других стран, теперь пытается нарушить мирное строительство советского народа. Мы все должны встать на защиту нашей родины. Мы заверяем партию и правительство, что всегда готовы встать на защиту советских рубежей за дело Ленина—Сталина». Там же беспартийная работница тов. Самсонова заявила: «Германские фашисты нарушили договор о ненападении и совершили наглый, разбойничий налет на мирных жителей Советской страны. Германский фашизм хочет поработить нас, но это им не удастся, рабоче-крестьянская Красная Армия крепко стоит на защите советских границ. У нас есть что защищать, есть кому защищать и есть чем защищать. Транспорт — родной брат Красной Армии. Мы должны еще лучше работать, мы должны приложить все усилия к тому, чтобы обеспечить четкую и бесперебойную работу транспорта».

Многие выступающие на митингах тут же подают заявления о добровольном зачислении в ряды Красной Армии, медсестрами, донорами.

В партком завода «Красный пролетарий» (Ленинский район) поступило несколько заявлений с просьбой о добровольном зачислении в Красную Армию. Подали заявление член ВКП(б) т. Исаев, кандидат партии т. Кокорев, беспартийные тт. Белозеров, Рыжов и Кайзеров.

В парторганизацию Московского авиационного института подал заявление член партии тов. Брейтман с просьбой считать его мобилизованным и послать на передовую позицию. В своем заявлении он пишет: «Я клянусь отдать всю свою жизнь за защиту нашей родины». Аналогичное заявление поступило и от членов ВКП(б) т. Манучарова, а также и работника Центрального совета спортобщества «Динамо» т. Таборко (беспартийный).

На заводе «Калибр» (Ростокинский район) в партбюро поступило большое количество заявлений в письменном и устном виде об изъявлении желания идти в ряды Действующей Армии. Слесарь Крылов в своем заявлении пишет, что желает идти в Действующую Красную Армию и отдать свою жизнь за дело Ленина—Сталина. Мастер цеха «Калибр» т. Роботи говорит: «Сейчас, когда вооруженная банда фашизма атакует наши границы, хочу быть в первых рядах борцов против злейшего врага рабочего класса, фашизма. Прошу принять меня в ряды Действующей Красной Армии». Работница цеха НКТМ т. Богачева в своем заявлении пишет: «Закончила курсы медсестер, убедительно прошу послать меня на фронт».

Комсомольцы тт. Букатина, Степаненко, Еркина из цеха эталона являются донорами, они просят указать им адрес, где бы можно было сейчас дать свою кровь. Комсомолец мастер т. Носов и т. Мамонтов, выступая на митинге заявили, что они по первому зову партии и правительства встанут в ряды Действующей Красной Армии добровольцами, чтобы с именем товарища Сталина громить врага.

В Ростокинский райвоенкомат к 2-м часам дня было подано 40 заявлений от добровольцев, изъявивших желание идти в Действующую Красную Армию. Кроме этого, большое количество

заявлений поступает по телефону. В райвоенкомат пришла врач т. Шефет, убедительно просила послать ее на фронт.

В узловой партком Московско-Пассажи́рской Ленинской железной дороги подали письменные заявления тт. Самсонова, Козлова, Бабкина и Мустафин с просьбой зачислить их в число доноров и одновременно зачислить в бригады для перевозки воинских составов.

После митинга, проведенного в музыкальном отделе Всесоюзного радиокомитета, на котором присутствовало 200 чел., работники коллектива джаз-оркестра тов. Цфасмана изъявили желание отправиться на боевые позиции.

Большое количество заявлений о добровольном зачислении в ряды Действующей Красной Армии поступает в партийные организации, райкомы ВКП(б) и райвоенкоматы и всех других районов гор. Москвы.

Необходимо отметить, что среди части населения имеются панические настроения. Во многих магазинах образуются большие очереди за хлебом, крупами, макаронными изделиями, консервами, керосином, солью, сахаром и другими продуктами. В сберегательных кассах образовались большие очереди вкладчиков, которые забирают свои вклады и многие закладывают облигации госзаймов.

Так, в Ростокинском районе большие очереди наблюдаются в булочных, сберкассах и керосиновых лавках. В булочной № 10 по ул. Кирова дом № 23/1 большой наплыв людей. Выступления агитаторов не помогают, народ все время прибывает. По ул. Кирова дом № 26 в керосиновой лавке № 97 очередь выстроилась в количестве 265 чел. Объясняют тем, что еще вчера с полдня керосина не было. Наблюдается также и то, что встают в очередь по несколько раз. В бакалее № 7 по ул. Кирова, 23 большая очередь за сахаром, дневная норма была распродана в 3 часа дня. Такое же положение и в магазине № 2 «Главчая» (ул. Кирова, 19).

В сберегательной кассе № 69 по ул. Кирова, 26, на 3 часа дня была очередь 120 чел., сейчас она уменьшилась до 50 чел.

Очереди наблюдаются почти во всех магазинах района.

Также большие очереди у хлебных палаток, булочных, продуктовых магазинов и нефтелавках Киевского района. В магазине № 43 по Можайскому шоссе дневная норма продажи сахара и растительного масла была распродана до 12 час. дня. Также дневную норму сахара и растительного масла к 12 час. дня распродали и в магазине «Бакалея» № 8. У нефтелавок очереди за керосином стоят по 200—300 человек. Агитаторов в магазинах Киевского района нет.

В Свердловском районе в магазине ТЭЖЭ (ул. Горького) большая очередь за мылом, в магазине № 102 (ул. Горького) в продаже нет хозяйственного мыла, покупатели берут семейное мыло, которого раньше продавалось по 50 кусков в день, а сегодня за два часа было продано 500 кусков. В магазине № 1 «Гастроном» кроме сахара, круп, макаронных изделий, консервов, хлеба и других продуктов разбирают также и кондитерские изделия. В булочной № 5 Октябрьского райхлебторга в 14 час. 15 мин. директор магазина Дирябо закрыл магазин перед очередью 100—130 чел. и объявил, что «Москва в угрожающем положении, а поэтому магазин закрывается». После вмешательства представителя Свердловского райторготдела т. Яковлевой магазин был открыт и торговля продолжается.

В магазинах, торгующих мясом, рыбой и зеленью, торговля проходит нормально.

В сберегательных кассах района большие очереди за получением вкладов и продажи займа 1938 года. Сберкассы все средства, полученные для нормальной работы на весь день, выдали до 16 час.

Район потребовал средств полтора миллиона рублей.

Как правило, вкладчики берут крупные вклады от 3 до 15 тыс. рублей, в таких же суммах продают и заем 1938 года (сберкассы по Садово-Каретной улице, ул. Петровка, ул. Пушкина и др.).

Произведенной проверкой установлено, что вклады берут в основном работники интеллигентного труда.

Например, Бурейко Л. М.— редактор, проживает Большой Платовский пер., 12, кв. 3, взял весь вклад в сумме 5990 рублей. Гурова П. С.— служащая, проживающая по М. Дмитровке, 16, кв. 2, взяла 7991 руб., Лемаев А. И.— инженер, проживает Б. Юшинский пер. 21, к. 1, взял 6000 рублей. Народная артистка СССР Тарасова (МХАТ) заказала приготовить средства, закрывает весь вклад — около 60 000 рублей.

Райком партии послал 90 человек агитаторов по магазинам и 45 чел. по крупным жилым домам района.

Работник Сталинского райсовета т. Артамонов рассказывает, что в очереди в сберегательной кассе № 94 он слышал разговоры о том, что необходимо деньги из сберкассы забрать и использовать их на покупку разных продуктов.

Следует отметить, что недовольство стоящих в очереди вкладчиков сберегательной кассы было усилено тем, что к 3 час. в кассе не было денег и это создало еще большую очередь.

На Суворовской ул. (Сталинский район) около дома фабрики-кухни № 10 двое мужчин пытались сфотографировать очередь у продуктового магазина, но были задержаны милиционером Шамшуриным и доставлены в 31-е отделение милиции.

Зав. Оргинструкторским отделом МГК ВКП(б) — Федотов
Зав. сектором информации — Михайлов [Подпись]

МПА, ф. 3, оп. 52, д. 68, л. 100—103.

№ 2

22 июня 1941 г.

Митинги в связи с наглым нападением германских войск на границы Советского Союза прошли по всем работающим сегодня предприятиям и учреждениям районов гор. Москвы.

В Кировском районе на митинге фабрики «Парижская коммуна» присутствовало 3500 чел., на Краснохолмском комбинате — 2000 чел., на заводе имени Калинина — 700 чел. и т. д.

Чувства огромного советского патриотизма выражают трудящиеся г. Москвы в своих выступлениях на митингах и [в] многочисленных заявлениях, поступающих в партийные организации, райкомы ВКП(б) и райвоенкоматы.

Машинисты паровозного депо железной дороги им. Дзержинского (Красногвардейский район) тт. Агафонов и Рябов, выезжая на своих паровозах с пассажирскими поездами в Крым и г. Львов, дали обещание на митинге еще лучше ухаживать за своими паровозами, производя текущий ремонт силами своих бригад.

Беспартийный инженер Центроэнергомонтажа (Красногвардейский район) т. Акимов, прослушав выступление тов. Молотова, явился в партбюро и заявил: «Я в вашем распоряжении, готов выполнить любое задание».

После митинга беспартийные рабочие вино-коньячного завода (Кировский район) тт. Шатов и Черапкин подали заявления с просьбой зачислить их в ряды Красной Армии. Тов. Шатов в своем заявлении пишет: «В 1939 и 1940 г. служил в Красной Армии, участвовал в боях против белополяков и белофиннов. Прошу зачислить меня в армию для защиты нашей родины».

Коммунист-инженер Королев, работающий на заводе «Динамо» им. Кирова, имея на руках бюллетень, после выступления по радио тов. Молотова явился в партком завода и заявил: «Я пришел для выполнения партийных поручений. Какие будут мне задания».

Инженеры-коммунисты тт. Дорсман, Бури, работающие в аппарате заводоуправления, обратились в дирекцию завода с просьбой перевести их работать в цехи.

На призыв тов. В. И. Молотова рабочие станкозавода им. Серго Орджоникидзе (Ленинский район) отвечают высокой производительностью труда. Слесарь т. Молчанов выполнил дневное задание на 500%, строгальщик т. Мосина — 170%, карусельщик Дудов — 150%.

Беспартийный токарь инструментального цеха завода «Шарикоподшипник» № 2 (Ленинский район) т. Свидетелев досрочно вернулся из отпуска и приступил к работе. Работница цеха № 2 завода им. Молотова (Молотовский район) вместо 18.30 пришла на работу на 5 часов раньше и добровольно готовила шторы для затемнения завода.

На заводе «Красный Богатырь» (Сокольнический район), им. Молотова (Молотовский район) многие рабочие, которые раньше не подписались на месячный заработок, заявили о своем желании увеличить подписку до месячного заработка.

В 1-м Московском мединституте (Фрунзенский район) добровольно создана группа санзащиты в количестве 109 человек.

Услышав речь т. Молотова, в клиниках профессоров Кончаловского и Бурденко выписались 66 больных.

Тов. Мараев (Завод экспериментально-режущих инструментов Сталинского района) и рабочий 9-й конторы 30-го треста этого же района т. Козлов предложили войти с ходатайством в правительство об удлинении рабочего дня.

Отрицательные факты

На фабрике «Пролетарский труд» (Октябрьский район) не готово бомбоубежище из-за отсутствия леса.

На Хлебозаводе № 9 (этого же района) нет фанеры для затемнения окон.

На Автобазе треста не хватает маскировочных приспособлений для автомашин.

В артели «Металлосито» (Сокольнический район) была создана дружина ПВХО, но руководители артели не смогли найти пакета, где указано место явки дружины.

Зав. магазином «Гастроном» № 21 (Дом Правительства) заявил: «Почин в усиленной закупке продуктов сделали жильцы Дома Правительства. Они же забирают свои вклады в сберкассе».

Член партии домашняя хозяйка Виноградова, проживающая по Новослободской ул., д. 62, кв. 34 заявила: «Напрасно давали этому черту Гитлеру нефть».

Вахтер завода «Компрессор» (Калининский район) заявил: «Откормили мы Гитлера на свою шею».

В квартире № 4, корп. 3 по Тюфелеву проезду (Пролетарский район) к гр. Михайловой пришли общественницы 11-го домоуправления тт. Куртова и Леонова рассказать ей, как нужно вести себя во время угрожающего положения. Михайлова, оскорбляя общественниц всякими словами, выгнала их из квартиры, а т. Куртовой нанесла два удара кулаком в спину.

Инструктор по информации Ленинградского района т. Любимцева сообщает, что домохозяйка Кораблева Антонида Андреевна, 1890 года рождения, проживающая по 1-му Песчаному пер., дом № 6/23, кв. 1, стоя в очереди, говорила: «Завтра нужно становиться в очередь с 4-х часов утра, а то ничего не застанешь».

В очереди у сберкассы № 115 гр. Себелев Н. И., 1890 года рождения, работает киносьемщиком в Главкинопрокате, проживающий по Лозовскому пер., 13, кв. 5, говорил в очереди, что ему якобы известно о выдаче специальных книжек определенным лицам для входа в метро во время налета и поэтому не всем придется укрываться во время бомбардировки в метро. Себелев имел при себе фотоаппарат, который якобы нес в починку.

Кораблева и Себелев были задержаны и отправлены в отделение милиции.

Многие рабочие и служащие интересуются и задают вопросы агитаторам: «Какую позицию займет Англия? Будем ли мы только отражать наступление или же сами пойдем в наступление?» Также интересуются вопросом, как будут себя вести Турция и Япония?

Зав. сектором информации МГК ВКП(б) — М и х а й л о в [Подпись]

МПА, ф. 3, оп. 52, д. 68, л. 110—112.

№ 3

Секретарю МК и МГК ВКП(б)
тов. Щербакону² А. С.

Информационное сообщение
в связи с выступлением по радио Зам. Председателя
Совета Народных Комиссаров и Народного комиссара иностранных дел
товарища Молотова В. М.

С исключительным негодованием рабочие, служащие и колхозники районов Московской области встретили весть о нападении фашистов на нашу родину. Через несколько минут после выступления тов. Молотова в горкомы и райкомы партии стали приходить коммунисты за партийными поручениями.

В большинстве работающих предприятий, колхозов и совхозов проведены митинги и собрания, на которых трудящиеся высказывают свою готовность ответить тройным ударом на удар зарвавшегося врага. Инструментальщик Подольского цементного завода Масленников в своем выступлении заявил: «На удар врага, мы ответим высокой производительностью труда и еще большим сплочением вокруг партии Ленина—Сталина, я готов отдать все силы и даже жизнь для защиты родины».

Рабочий этого же завода Носов в своем выступлении призывал всех рабочих еще больше повысить производительность труда, чтобы сделать нашу армию еще могущественней, способной

разбить врага на его территории. Лично меня, заявил он, прошу зачислить в армию добровольцем.

Работница завода «Акрихин» Ногинского района т. Попова призывала всех работать так, чтобы армия и народ были всем обеспечены.

На митинге в колхозе им. Сталина Ленинского района присутствовало 1500 чел. Все выступления были проникнуты решимостью проучить гитлеровских бандитов. Колхозник т. Мелейко (53-х лет) в своем выступлении заявил: «Мой сын убит в боях за родину на белофинском фронте, я также буду бороться до последней капли крови и прошу принять меня добровольцем в ряды Красной Армии».

В Можайском районе митинг был проведен на площади, где присутствовало более 3-х тыс. человек. На городском митинге в Зарайском районе присутствовало 2500 чел. После доклада выступающий т. Ковалев, ревизор райфо, внес 200 рублей денег на нужды обороны родины и призвал всех последовать его примеру.

В ответ на объявление Советскому Союзу войны во всех районах от трудящихся поступают заявления с просьбой зачислить их добровольцами в ряды Красной Армии. На митинге в заводе «Электросталь» было подано 10 таких заявлений и в райвоенкомат поступило 4 заявления. В г. Люблино поступило 15 заявлений. Такие же заявления имеются в Орехово-Зуевском, Серпуховском, Пушкинском, Можайском, Ногинском и других районах области.

Вместе с тем необходимо отметить, что в ряде городов и районов появились большие очереди в продовольственных магазинах. В Кунцевском районе население покупает все пищевые продукты, какие есть в магазинах. Большие очереди в Воскресенске, Зарайске, Серпухове, Коломне, Ногинске и ряде других городов. Больше всего покупают соль, мыло, макаронные изделия, хлеб. В Лопатинском районе 22 июня из-за отсутствия муки хлеба было выпечено 2 тн. вместо 8 тн. В результате хлеба в магазине нет.

В Зарайском, Серпуховском, Ухтомском, Ленинском и некоторых других районах большие очереди в сберкассах. В районной сберкассе Ленинского района к 3 час. дня была выдана вся дневная норма. В ожидании денег образовалась очередь в 50 чел.

Горкомы и райкомы партии посылают коммунистов по магазинам. В сельских районах коммунисты выехали в колхозы для проведения митингов и собраний среди населения. Во всех горкомх и райкомх организованы круглосуточные дежурства.

Зам. Зав. Оргинстр. отд. МК ВКП(б) — Г л е б о в [Подпись]
Зав. сектором информации — [Подпись]

МПА, ф. 3, оп. 52, д. 33, л. 6—7.

№ 4

23 июня 1941 г.

О недостатках в работе некоторых призывных пунктов

В некоторых призывных пунктах плохо организована работа.

В агитпункте при 2-й автобазе (Октябрьский район) нет литературы и музыкальных инструментов, люди с 12 часов ночи (22/VI—41 г.) слоняются без дела.

На призывном участке № 2 Киевского района (2-я Бородинская ул., д. 34) царит беспорядок.

Агитаторы «Мосфильма» и др. организаций всю работу свели к чтке газеты (читает 1 человек), ни игр, ни музыкальных инструментов здесь также нет. Сюда явилось около 200 военно-обязанных с моблистками, но ими никто не занимается, они без толку ходят из комнаты в комнату, мешают работать комиссии. Многие сидят на заборе, на воротах, а за оградой, на улице кричат и плачут некоторые женщины. Среди военнообязанных есть пьяные, которые валяются здесь же у входа.

Политрук призывного участка заявил инструктору МГК: «У нас есть специальная комната для пьяных, но я, к сожалению, от нее потерял ключи». Три призывника привели к политруку гр-на Козлова, который назвал себя шофером СНК СССР. Он вел враждебные разговоры: «Не все ли равно для меня какая будет у нас власть». Пока политрук составлял на Козлова акт, последний сбежал. На призывном участке находятся два инструктора Киевского РК ВКП(б), но они проявляют полную беспомощность.

Не лучше положение на призывном пункте Москворецкого района (Добрынинская пл.), здесь призывают водителей автотранспорта. Пункт до отказа набит, но люди продолжают прибывать. На улице много провожающих, некоторые из них по веревочке передают водку, среди призванных водителей имеются пьяные. Один пьяный вылетел из окна второго этажа, вокруг него стал собираться народ.

В Дзержинском районе 3 призывных пункта.

В школе № 231 помещается призывной пункт шоферов и прием автотранспорта. В помещении школы грязно, много пьяных, нет питьевой воды, хотя имеются бачки. Агитационной работы не проводится.

Школа № 242 — находится призывной пункт рядового состава. Здесь большая скученность, в помещении грязно, нет скамеек, стульев, призывники сидят на окнах и на полу, имеются пьяные. Очень большое количество провожающих толпится на улице. В помещении нет радио, недостаточно газет, журналов. Секретари райкомов принимают меры к устранению недостатков.

Призывной пункт Молотовского района, помещающийся в клубе Моск. обл. конторы Главного управления автотракторной промышленности, призывает рядовой состав — шоферов.

Сегодня в 16 часов дня на пункте находилось 120—140 чел. призываемых. Начальник призывной комиссии Фролов по существу не проводит никакой работы с призывниками, и этим людям он в течение сегодняшнего дня не уделил никакого внимания. Фролов переключил свое внимание целиком на приемку автомашин. Не выделив вместо себя заместителя или комиссара к призываемым, он ограничился буквально тем, что дал устное приказание милиционеру, стоявшему у входа в помещение, не выпускать призывников из него и не допускать к ним гостей, приносящих передачи или желающих проститься. У призывников не было совершенно буфета, отсутствовали шашки, шахматы, домино. Многие призывники жаловались на отсутствие газет, журналов, литературы. Среди призывников были некоторые настолько пьяны, что их пришлось отправлять с пункта, таких оказалось 2 или 3 человека. Многие же призывники, примерно процентов 30, были также в той или иной степени выпивши, причем водку они получали с улицы через окна оборных от провожающих. После настойчивого вмешательства зав. отделом пропаганды и агитации Молотовского РК ВКП(б) достали две географических карты, сняли лектора из парткабинета т. Якобсон, которая в 16 часов стала проводить у карты беседу. Затем по настоянию секретаря РК ВКП(б) убрали весь мусор, окурки, подмели полы, выделили 2-х уборщиц. Был снят буфет из РК партии и целиком переведен для обслуживания призываемых.

Работники райисполкома Молотовского района и возглавляющий призывную комиссию Фролов со своей стороны для призывного пункта МОК ГУТАП ничего не сделали.

В призывном пункте Ленинского района (помещается в Институте глухонемых, Донская улица, д. 49) призыв мобилизованных проходит неорганизованно. Оформление проходит медленно. В коридорах толкучка, накурено, душно. Много пьяных, некоторые из них лежат на полу, в коридорах, комнатах. Водку призывникам передают родственники в бутылках с наклейкой «Фруктовая вода». В столовой пункта к 12 часам дня почти не было продуктов. В баках отсутствовала вода.

У призывников возникает много вопросов, в частности особенно жилищных, но нет представителя райсовета, некому на них отвечать. Один призывник плакал, рассказывая, что его жену выселяют из квартиры.

Некоторые призывники хотят послать домой или на работу письма, но конвертов и почтовых открыток негде купить, кроме того, нет телефона, где бы можно было позвонить. На весь призывной пункт один телефон, и находится он у командования. Нет литературы, кроме газет. Никаких увеселительных мероприятий не проводится.

Ленинский РК ВКП(б) направил на пункт 40 квалифицированных агитаторов, но они не были совместно с командованием проинструктированы и многие из них даже не знают политрукских команд и не знают, к кому обратиться за разрешением возникающих вопросов.

Сегодня в 13 часов дня секретарь РК ВКП(б) т. Суровой провел совещание агитаторов совместно с политруками пункта. Были более четко расставлены силы агитаторов, в результате чего на пункте порядок несколько улучшился. Агитаторы помогают призывникам писать доверенности для родственников на получение денег. Буфет пополнился продуктами.

По Москворецкому району имеется 2 транспортных приемо-сдаточных и 3 людских призывных пункта. Обращает на себя внимание призывной пункт по Добрынинской площади, д. 62 (клуб им. Калинина). 23 июня на этот приемный пункт должно явиться 200 чел. шоферов, к 14 часам

все призывники должны быть отправлены, в действительности же всего отправлено только 23 чел. Команда 101 должна была быть отправлена к 10 часам, до сих пор еще не сдано ни одного человека. В помещении грязь, весь состав призывающих пьяный, никакой культурной работы не проводится. Призывники пьяные поют песни: «Ох умру я, умру я, похоронят меня, и никто не узнает, где могила моя». Этот призывной пункт находится рядом с РК ВКП(б), но последний никаких мер к улучшению работы пункта не предпринимает. Агитаторы Лучко, Еремин проводили беседы утром по указам, после этого политическая работа прекращена.

На приемочно-сдаточном транспортном пункте по Арбузовскому переулку, в доме Горвнурт-га, работа проходит также неудовлетворительно.

По состоянию на 18 ч. 23 июня подлежало к отправке 250 машин, прибыло на пункт всего 153, а принято из них 44 и отправлено только 22 машины. 8 автомашин готовы к отправке, но нет водителей машин и представителя войсковой части № 69—22. Прибывшие водители сильно пьяные.

Многие хозяйства представляют автотранспорт в неисправном состоянии. Например, Металло-прокатный завод доставил машину с поломанными рессорами, без болтов, не закрепленным как следует радиатором, отсутствуют застёжки капота.

Безответственное отношение к доставке автотранспорта проявляют Завод № 70, завод им. 1-го Мая, Кирпичный завод № 2, машины этих заводов не приняты.

Зав. сектором информации МГК ВКП(б) — М и х а й л о в [Подпись]

МПА, ф. 3. оп. 52, д. 68, л. 129—133.

№ 5

2/VII—1941 г.

О собраниях, посвященных организации дивизий народного ополчения

На всех предприятиях, учреждениях и в учебных заведениях г. Москвы проходят собрания по вопросу организации дивизий народного ополчения.

Собрания проходят с огромным патриотическим подъемом. Рабочие, служащие, советская интеллигенция в своих высказываниях выражают любовь и преданность своей родине и готовность с оружием в руках защищать ее от вторгшихся на нашу землю полчищ — фашистов.

На трансформаторном з-де им. Куйбышева на собрании присутствовало более 1500 человек. Призыв секретаря парторганизации т. Барановой об организации добровольческих рабочих дивизий был встречен бурными аплодисментами. На митинге высказалось 13 человек. В своих выступлениях товарищи высказывали уверенность в победе и призывали разгромить фашизм. Тов. Синицын, б/п, в своем выступлении заявил: «Меня воспитало пролетарское государство. Сейчас я добровольно вступаю в ряды рабочей дивизии и, не щадя своей жизни, буду биться за счастье всего трудящегося человечества». Тут же после собрания началась запись в ряды добровольцев Сталинской дивизии. К 18 часам 1/VII записалось 320 чел.

На заводе МИЗ на собрании присутствовало 850 человек. Выступило 9 человек. После сообщения секретаря партийной организации т. Антонова слово взял стахановец Тиунов, беспартийный, который сказал: «Я умею стрелять из орудия и пулемета. По зову нашей партии и правительства я иду с оружием в руках бить зарвавшегося врага и буду бить их также, как били их наши отцы и деды».

На Чулочно-вязальной фабрике (Куйбышевский район) тов. Балалин, мастер, беспартийный говорил: «Проявляя ненависть и злобу к врагам, фашистским гадам, которые применяют все зверства и жестокости, чтобы нарушить мирную жизнь нашей цветущей, необъятной родины, я прошу записать меня добровольцем. Я смело, с гордостью пойду на фронт и встану грудью на защиту отечества».

На собрании сотрудников Сельскохозяйственной академии имени Ленина (Куйбышевский р-н) президент Академии академик т. Лысенко в своем выступлении сказал: «Я на фронте советской науки боролся в первых рядах за процветание нашей передовой советской науки, не щадя ни сил, ни времени, ни здоровья. И сейчас говорю во всеуслышание, что я, хотя и не обучался военному искусству, но мне товарищи помогут овладеть этим делом. Сейчас же записываюсь в Москов-

ское ополчение и пойду защищать с винтовкой в руках нашу прекрасную родину от злейшего врага — фашизма и за это отдам все свои силы и умение, а если потребуется, и всю жизнь».

Из наличного состава академии записались все 28 чел.

На собрании Института мировой литературы имени Горького собрались члены Ученого совета профессора и научные сотрудники. После сообщения секретаря парторганизации об организации дивизий народного ополчения выступило 9 чел. Тов. Благой, беспартийный, профессор, доктор наук, выступая на собрании, заявил: «Сегодня утром, идя к поезду с дачи, я взял в руки кусок земли, рассматривал его и всем своим существом ощутил, что эта родная земля никогда не станет достоянием врага. Я никогда не служил в армии, но в ответ на наглое нападение фашистских полчищ прошу записать меня добровольцем в ряды Московского военного формирования. Весь наш народ не только священно ненавидит мракобеса Гитлера и его голоборезов, но умеет защищать свои великие завоевания. Этот народ и победит, ибо он вооружен мощной военной техникой и великой правдой большевизма».

С большим воодушевлением проходят собрания во всех других организациях Москвы. Активно идет запись в дивизии народного ополчения.

На заводе «Красный пролетарий» к 13 часам 1 июля записалось 1000 чел. В 1 сборочном цехе только в утренней смене записалось 73 чел. из 123 чел. работающих. По 1-му механическому цеху записалось 207 чел., из них 135 беспартийных.

На ф-ке № 1 Московского городского управления легкой промышленности (Сталинский р-н) добровольцами записалось 58 чел., на 1 меховой фабрике в первой смене записалось 55 чел. и т. д. В некоторых организациях Куйбышевского р-на (редакция «Финансовой газеты», трест Госздравпроект) записались добровольцами все присутствующие на собрании мужчины.

Запись везде продолжается.

Зав. сектором информации МГК ВКП(б) — М и х а й л о в [Подпись]

МПА, ф. 3, оп. 52, д. 69, л. 155—157.

№ 6

6 июля 1941 г.

На некоторых предприятиях и в учреждениях отдельные лица распространяют разного рода слухи провокационного и даже враждебного порядка.

В Тимирязевском районе бывший рабочий фабрики им. П. Алексеева Евстигнеев (проживающий в поселке Головино, дом 18) среди рабочих рассказывает, что его зять, мобилизованный в Красную Армию, вместе с эшелонами был отправлен в Ленинград, где он якобы простоял 5 суток без еды, а теперь их вернули обратно, как ненужных.

Из Тимирязевской сельскохозяйственной академии сообщают, что мать гражданки Карповой (Москва, 8, улица Выселки, д. 7), приехавшая из Мичуринска рассказывала, что, не сумев получить железнодорожный билет на Москву, она поехала без него, причем вагон, в котором она ехала, до самой Москвы оставался пустым, в то же время отправляемые в армию из Мичуринска в течение нескольких суток не могли уехать из-за отсутствия мест в поездах.

Секретарь парторганизации Госплана СССР сообщил в Свердловский РК ВКП(б) о том, что сотрудница сельхозотдела Центрального статистического управления Хорун М. И. распространяет слух, якобы т. Тимошенко и несколько генералов Красной Армии отстранены от занимаемых ими должностей и что будто бы 13 советских летчиков собирались произвести взрыв.

После разговора с ней она заявила, что это ее догадка, а насчет летчиков ей об этом якобы рассказывала уборщица Абакумова (Хорун Марина Иосифовна, 1875 г. рождения, работает старшим статистиком, проживает: Смоленский бульвар, д. 15, кв. 41).

Заместитель секретаря парторганизации Московского лекционного бюро (Свердловский район) т. Гуркин сообщил, что комсомолка Малова (работающая машинисткой 2 месяца) распространила среди сотрудников (Горбицкого, Абрамовича, Саморина и Григорьева) провокационные слухи, будто бы из Минска все (армия и население) бегут в панике, и сын соседки, летчик, прибежал домой в чем попало. (Малова сейчас снята с работы.)

Тов. Гуркин сам допустил ошибку, когда во время митинга с трибуны он повторил эти сплетни, «якобы для отпора шептунам и сплетникам».

Член ВКП(б) Марон И. Л. (парторганизация артели «Художественная игрушка») сообщила о том, что к ней подошла технолог цеха № 1, Шитарева А. В. и сказала, что утром работница цеха № 1 Кирилина Екатерина рассказала ей следующее: «К нам в дом приехал какой-то военный на работу в Москве и он говорил мне, что фашисты достигли таких успехов на фронте в связи с тем, что Тимошенко предал наши планы и государство».

Секретарь парторганизации тормозного завода имени Л. М. Антоновича т. Пырклов сообщает, что рабочий цеха № 1 Мазов говорил: «Осужденных по Указу от 26/VI—40 г. выпускают и посылают на фронт, но они все равно не будут воевать, сдадутся в плен. Мой брат на финском фронте попал в плен и, когда обменивали пленных, он вернулся, но его все равно красноармейцы расстреляли».

В Ростокинском районе рабочий-слесарь фабрики «Заря» Холодов часто беседует с рабочими и в беседы главным образом включает «победы» Германии. После каждого сообщения по радио подбирает рабочих в проходной и рассказывает только о германских победах. 1-го июля после работы Холодов в присутствии членов партии тт. Нарайкина и Пукина говорил, что на Мурманском направлении германские войска отрежут и уничтожат войска Красной Армии, а затем завоюют всю Европу. 1 июля этот Холодов снова в проходной говорил о том, что «из речи по радио товарища Сталина видно, что мы побиваемся, а Гитлер пустит 4 тысячи танков и пройдет в Россию». Должного отпора Холодов не получил.

Контролер механического цеха завода «МЭИЗ» (Молотовский р-н) Семенова (беспартийная, работает на заводе 8 лет) в цеху распространяла слух о том, что она якобы слушала радиопередачу из Германии, где выступал Гитлер, который якобы заявил, что к 15 июля он дойдет до Москвы и будет пить чай в Кремле вместе с товарищем Сталиным.

Рабочий цеха солодовня Московского пивзавода (Фрунзенский район) Лыгин ведет среди рабочих антисоветские разговоры. На вопрос кандидата партии т. Михеева, как он себя чувствует, во время воздушной тревоги, Лыгин ответил: «Нам бояться нечего, бойтесь вы, а мы посмотрим кто возьмет...» В другом разговоре Лыгин в присутствии тт. Склизкоухина, Казаковой и др. заявил: «Хорошо пришел бы Гитлер, я бы поехал в деревню, ухватил за шею школьничков и школьных работников и выгнал бы их из своего дома».

Секретарь парторганизации Прядильно-ткацкой фабрики тов. Мартынов сообщил в райком, что 2/VII в швейном цехе член партии Ермошина в беседе с рабочими цеха заявила, что «Гитлер русским ничего не сделает, только будет бить евреев». Рабочие были возмущены таким заявлением со стороны члена партии. Партийная организация до сих пор не реагировала на этот факт. Во время обеденного перерыва этого же числа мотальщица Авдеева, член ВЛКСМ, среди рабочих распространяла слухи, будто бы в их квартире соседка получила письмо от мужа с дороги на фронт, где он пишет: «Едем голодные, кормят только хлебом и соленой треской». Эта болтовня была также встречена рабочими с возмущением.

На заводе «Красный кожевник» (Кировский район) закройщик цеха ширпотреба Каминский на вопрос — думает ли он вступить добровольцем в тыловое ополчение — ответил: «В народное ополчение я не пойду, для меня все равно, что Гитлер, что советская власть».

О всех этих фактах материалы направлены райкомами ВКП(б) в райотделения НКВД.

* * *

На Автобазе Центрэнергостроя (Калининский район) были случаи, когда у автомашин с прицепами, приходящими с линии и оставляемыми на площадке, неизвестно кем вырывалась из фар светомаскировка, вывертывали лампочки, рвали провода.

Партинформатор ст. Бойня Моск. Окружной жел. дороги сообщил, что по окончании воздушной тревоги в 2 часа утра 4/VII с. г. работники станции тт. Лобашева, Лебедев и Городкова видели пущенную ракету по направлению завода № 93 и 1 ГПЗ им. Л. М. Кагановича.

Зав. сектором информации МГК ВКП(б) — М и х а й л о в [Подпись]

МПА, ф. 3, оп. 52, д. 68, л. 175—178.

9 июля 1941 г.

На отдельных предприятиях среди некоторых рабочих распространяются провокационные слухи.

Партбюро 1-го госчасзавода имени С. М. Кирова (Таганский район) сообщает, что по заводу некоторыми рабочими 1-го сборочного и платинокорпусного цехов распространяются провокационные слухи о том, что тов. Тимошенко оказался предателем и арестован.

Аналогичные слухи распространяются среди части рабочих в I, II, V и VIII цехах завода № 58 имени Ворошилова (Ростокинский район). Работница Храброва (цех № 8) в беседе с рабочими все спрашивает: «Почему ничего не слышно о тов. Тимошенко, почему о нем ничего не пишут» и т. д.

На Полиграфической фабрике Промтреста (Москворецкий район) член партии тов. Дьячков сообщил, что работница Горячева слышала в цеху разговоры со стороны работницы Хомутовой Е. Н. об измене со стороны тов. Тимошенко. Хомутова рассказывает, что ей об этом сообщил муж, работающий на заводе имени Владимира Ильича, и что на заводе якобы по этому вопросу был митинг и сняли все портреты тов. Тимошенко.

На Ликеро-водочном заводе (Первомайский район) работница цеха разлива Шалина в частных беседах распространяла слухи, что «отход частей Красной Армии на фронте является следствием измены командного состава РККА». На заданный вопрос, кто ей об этом говорил, она ответила: «Говорил человек знающий». (Шалина проживает по Самокатной ул., д. № 4-а, общежитие завода).

Имеются отдельные нездоровые настроения.

На заводе № 32 (Октябрьский район) мастер Калинин говорил: «Наши только болтают, а города отдают. Если бы всё писали правильно — было бы лучше».

Работница упаковочного цеха типографии «Известия» Поскаль Евдокия Дмитриевна, 1917 г. рождения, из крестьян, беспартийная, в общежитии «Известий» в Коптеве среди работниц ведет разговоры о том, что «у нас не будет советской власти, а будут помещики, тогда мы будем жить лучше, чем сейчас. Теперь мы голодаем, колхозы голодают и все ходят раздевши, холодные и голодные, а тогда у нас будет все...»

* * *

Во Всесоюзном радиокомитете (Свердловский район) был факт безответственного отношения к работе со стороны кандидата в члены ВКП(б) Полано, работающей диктором в итальянском секторе редакции. Полано явилась на работу в 10 ч. 30 мин. (по старому графику) вместо 9 часов, чем сорвала передачу на Италию 30 июня, в которой должна была идти первый раз сводка Информбюро, разоблачающая гитлеровскую ложь о якобы больших успехах на фронте. Коммунисты иностранного отдела, обсудив поведение Полано, решительно осудили ее поступок и просили партбюро срочно разобрать вопрос о пребывании Полано в партии.

В таксомоторном парке (Октябрьский район) член ВКП(б) с 1927 г. Микстайс отказался выполнить оборонное задание и перейти работать во 2-ю Автогрузовую базу. В присутствии беспартийных он заявил: «Нами торгуют как в капиталистических странах». Микстайс исключен из рядов ВКП(б).

* * *

4-го июля с. г. на фабрике имени «Красный пролетарий» (Коминтерновский район) произошла поломка резальной машины системы КПГ. В бумаге, предполагаемой для резания, оказался металлический предмет. Дело расследуется.

На фабрике Москвошвей № 5 в цехе № 3 5-го июля умышленно нанесены разрезy на 4-х парах готовых брюк. Чистку брюк от ниток производит работница Михайлова, у которой часто проскальзывает недовольство: «Компенсацию за отпуск будут выдавать через 3 года». «Я не против советской власти, так как всякая власть от бога» и т. п. По делу ведется следствие.

Заведующий сектором информации — М и х а й л о в [Подпись]

МПА, ф. 3, оп. 52, д. 68, л. 192—193.

15 июля 1941 г.

В отдельных районах области крайне медленно реализуется Указ Президиума Верховного Совета СССР об ответственности за распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения.

В Шатурском районе из 23 дел, поступивших в УГБ на нарушителей Указа от 6/VII—1941 г., привлечено к ответственности только 6 человек. Таких, как Кирсанову (колхоз «Большевик»), ведущую контрреволюционную агитацию против сдачи госпоставок, говоря: «Все равно Гитлер придет и нам все останется», Логинову (Петровско-Кобелевское торфопредприятие), которая говорит: «Бросайте работу и уходите с предприятия» и др., к ответственности не привлекают.

Медлит с разбором материалов о контрреволюционных разговорах и Коломенское НКГБ. Грабарь артели «Транспортник» (г. Коломна) Дереч вел неоднократные контрреволюционные разговоры. При описи его имущества за неуплату подоходного налога Дереч заявил: «Берите, все равно вас всех перевешают, скоро Советской власти будет конец». Несмотря на то, что материал был передан в органы райотделения НКГБ еще 28 июня 1941 года, Дереч к ответственности не привлекался, в настоящее время скрылся.

Отдельные работники милиции организуют слушание немецких радиопередач. Оперуполномоченный районного отделения УНКВД Звенигородского района тов. Евтеев, член ВКП(б) организовал слушание радиопередачи немецких радиостанций, где присутствовали беспартийные сотрудники и после рассказывали содержание передач другим сотрудникам. Аналогичный случай имел место и в Голицынском отделении милиции. Парторганизация Р/О УНКВД либерально подошла к обсуждению поведения члена ВКП(б) Евтеева, ограничившись объявлением ему выговора и выводом из состава партбюро. Радиоприемник предложено немедленно сдать.

Зав. Оргинструкторским отделом МК ВКП(б) — С о р о к и н [Подпись]

МПА, ф. 3, оп. 52, д. 33, л. 24—25.

19 июля 1941 года

Некоторые лица распространяют среди рабочих и служащих различные провокационные и антисоветские слухи.

Так, старший бухгалтер механического цеха № 2 завода АТЭ (Сталинский район) Маркова Елена Ивановна (беспартийная) пылливо расспрашивает коммунистов о том, «в какую страну будет бежать товарищ Сталин и будет ли с его стороны измена?» Такой вопрос был задан ею механику цеха тов. Кобяк. Члена ВКП(б) тов. Селиванову Маркова спросила: «Куда денете списки коммунистов, когда придет Гитлер?», «Говорят Гитлер выступал по радио и говорил, что в нашей стране рабочих и крестьян бить не будут, а уничтожат коммунистов и евреев». О всех этих антисоветских разговорах Марковой сообщено в райотделение НКГБ.

На строительной выставке (Фрунзенский район) гардеробщица Александрова среди уборщиц и гардеробщиц ведет такие разговоры в отношении эвакуации детей: «Отнятым от матерей детям будет плохо, они растеряются без родных. Гитлер придет, будет вешать коммунистов и их жен. Мы-то будем жить, а вас — жен коммунистов также повесят».

Секретарь-машинистка отдела снабжения Оргавиапрома тов. Кастерина сообщает, что в их отделе носителем нездоровых настроений является начальник материальной группы беспартийный Орлов. Тов. Кастерина приводит ряд фактов.

Кастерина 22/VI, в день начала войны, подала заявление в райвоенкомат с просьбой послать ее на фронт в качестве медицинской сестры. Ее пока не приняли и сейчас она учится на курсах медсестер. Заявление Кастериной было опубликовано в стенной газете, и с тех пор не прошло ни одного дня, чтобы Орлов не иронизировал это патриотическое отношение к родине. 17-го июля, во время читки сообщения Советского информбюро, Орлов подошел к Кастериной и говорит: «Что же, лупит немец наших воясю». В этот же день некоторые еще не получили продовольственных карточек и пользовались домашним завтраком — Орлов заявил: «Точь-в-точь как в Германии, да еще почти получилось у нас с этими карточками», и в течение всего дня пускал иронические реплики по вопросу о введении карточек.

(Орлов — до 1933 года был членом ВКП(б), исключен за отказ от работы в Средней Азии.)

По Русаковской ул. дом № 7, в квартире № 22 (домоуправление 48, телефон Е.3-94-50) проживает гражданка Панина — распространительница разных провокационных, контрреволюционных слухов среди жителей дома. Во время дежурства по дому в ночь с 16 на 17 июля с 0 часов до 3-х часов Панина говорила: «Факт захвата немцами наших территорий на Западном фронте есть результат измены нашего командования РККА: назначение тов. Тимошенко командующим Западного фронта обрекает наши территории на дальнейший захват их немцами и, как следствие, поражение СССР в этой войне. Я не доверяю тов. Тимошенко, хотя не имею фактов, но мое чутье подсказывает об этом», — говорит Панина.

О детях, вывезенных из Москвы, Панина распространяет слухи будто бы дети подверглись бомбежке, среди них распространены эпидемические заболевания, они плачут и бегут обратно в Москву.

Панина о себе еще раньше рассказывала, что она участница гражданской войны, была бойцом в рядах РККА. Командир их отряда будто бы оказался предателем и был расстрелян. В гражданскую войну, по заявлению Паниной, расстрелян и ее муж, но не выяснено красными войсками или белыми. В доме знают Панину как якобы члена ВКП(б), работающую на одном из литературных заводов.

О настроении Паниной сообщил тов. Гришакович, беспартийный, инженер отдела обмена опытом Оргавиапрома. Гришакович проживает в одном доме с Паниной.

Зав. сектором информации МГК ВКП(б) — М и х а й л о в [Подпись]

МПА, ф. 3, оп. 52, д. 68, л. 198—200.

№ 10

1/VIII—41 г.

На предприятиях и в учреждениях г. Москвы проходят собрания и митинги по вопросу создания Фонда обороны страны.

Обращение коллектива з-да «Красный пролетарий» об отчислении в Фонд обороны страны ежемесячно однодневного заработка встречено единодушным одобрением всех трудящихся столицы.

На собрании завода № 509 (Кировский р-н) слесарь-стахановец 7-го цеха т. Кушнаренко, беспартийный, заявил: «С величайшей радостью я присоединяюсь к призыву нашего могучего советского народа и буду вносить свой однодневный заработок в Фонд обороны до тех пор, пока окончательно не будут раздавлены и стерты с лица земли злейшие орды фашистских палачей и людоедов».

Работница завода «Манометр» (Молотовский р-н) говорила: «Каждый из нас согласен на любые жертвы и любые трудности, чтобы добиться скорейшей победы над врагом. Я и моя дочка с большой радостью отдаем свой дневной заработок в Фонд обороны страны».

Тов. Бабкин, беспартийный рабочий-паяльщик вагонного участка Ярославской ж. д. в своем выступлении заявил: «У меня один сын погиб за родину в борьбе с белофиннами, второй сын сейчас бьет фашистских гадов. Я сам отдаю все силы на укрепление обороны страны. Предлагаю отработать 3/VIII с. г. в Фонд обороны, вношу все свои облигации займа, отчисляю $\frac{1}{4}$ компенсации за отпуск и призываю всех работающих последовать моему примеру».

Коллектив вагонного участка Ярославской жел. дор. принял решение ежемесячно отчислять однодневный заработок в Фонд обороны страны и кроме того отработать воскресенье 3/VIII с. г. После митинга в Фонд обороны сдали облигации займа 42 чел. на сумму 10 355 р.

На митинге з-да «Калибр» (Ростокинский р-н) в ремонтно-механическом цехе начальник конструкторского бюро, беспартийный тов. Клименко говорил: «Наши бойцы, командиры и политработники нашей Красной Армии и Военно-Морского Флота героически сражаются с лютым врагом человечества, кровавым германским фашизмом. Красные воины отдают все свои силы, защищая нашу прекрасную родину. Фронт и тыл неотделимы, дадим Красной Армии все необходимое. Я предлагаю создать Фонд обороны. Я охотно до конца войны буду отдавать ежемесячно свой однодневный заработок».

В инструментальном цехе на митинге выступили стахановцы тт. Озоль и Антонов. «Каждый наш рубль, — говорил тов. Озоль — увеличивает возможность выпускать еще больше пушек, снарядов, самолетов, танков, я с радостью буду отчислять в Фонд обороны однодневный заработок».

В этом же цехе на митинге контрольный мастер тов. Кабак внесла в Фонд обороны облигации займа на 1100 рублей. Ее примеру последовал фрезеровщик тов. Антонов, он внес в Фонд обороны облигации на 500 рублей. Зам. начальника производства тов. Цирюльников внес рационализаторское предложение и причитающуюся ему премию в сумме 1000 руб. внес в Фонд обороны.

В редакцию многотиражки «Ударный калибр» поступает много писем от патриотов родины, в которых они, одобряя создание Фонда обороны страны, обязуются ежемесячно отчислять однодневный заработок.

Электромонтер, старый кадровый рабочий тов. Клементьев, беспартийный (по болезни сейчас не работает), в своем письме пишет о том, что вносит в Фонд обороны облигации на 3500 руб. и, как только приступит к работе, так же, как и все, будет отчислять однодневный заработок.

Стахановец заготовительного цеха тов. Шураев, беспартийный, пишет: «Поддерживаю предложение передовых людей нашей страны о создании Фонда обороны, вношу 50 рублей и буду отчислять ежемесячно однодневный заработок».

В принятом решении коллектив з-да «Калибр» обязуется ежемесячно до окончания войны

отчислять однодневный заработок, а некоторые коллективы цехов (футлярный цех, кузнечный) приняли решение отчислять двухдневный заработок.

В Советском районе на митинге в Оформительском комбинате т. Штейн в своем выступлении заявил: «Для окончательного разгрома коварного фашизма мы должны ответить не только самоотверженной работой, но и созданием мощного Фонда обороны страны. Целиком присоединяюсь к ежемесячному отчислению однодневного заработка и отдаю в Фонд обороны свои облигации госзаймов на сумму 1500 руб.» Примеру т. Штейна последовали сотрудники тт. Жигачев, Заец, Бромберг, Никонов, Коган, Нефедова и другие, которые отказались от дальнейшего участия в тиражах Госзайма и сдали облигации государству на сумму 3155 руб.

Тов. Мюфке, беспартийный, научный работник Дезинфекционного института этого же р-на, внес компенсацию за двухнедельный отпуск. Работники Научной медицинской библиотеки тт. Френкель Р. И. (библиограф), Лебедь, б/п (библиотекарь) внесли компенсацию за месячный отпуск. Тов. Антонов, член ВКП(б), (ТАСС), сдал в Фонд обороны свои облигации на сумму 6000 руб. В Райздравотделе помимо внесения облигаций ряд работников в Фонд обороны внесли ценности.

Коллектив рабочих и служащих редакции газеты «Гудок» принял решение об отчислении ежемесячно однодневного заработка и, кроме того, работать воскресеньем в День Железнодорожника и каждый месяц коллективно работать по воскресеньям на одном из железнодорожных или городских предприятий, передавая весь заработок в Фонд обороны.

В Издательстве литературы на иностранных языках тут же после митинга 24 работника издательства сдали свои облигации в Фонд обороны на сумму 22 тысячи рублей.

В Ленинградском р-не на заводе № 305 нач. цеха № 15 тов. Шнитман внес в фонд обороны 3500 р. облигаций займов и взял обязательство ежемесячно отчислять двухдневный заработок. Наладчик цеха № 1 тов. Королев вносит 5% своей заработной платы.

Рабочие и работницы артели «Красный галантерейщик» с огромным подъемом отчислили однодневный заработок в Фонд обороны и дополнительно к этому внесли индивидуально 1228 руб. наличными деньгами. Работницы артели, внося эту сумму в Фонд обороны в своей резолюции заявляют: «Мы поможем Красной Армии разбить в прах фашистских псов и вызываем последовать нашему примеру всех рабочих системы промкооперации гор. Москвы».

Рабочие и работницы Московской кондитерской фабрики «Большевик», внося свой однодневный заработок в Фонд обороны, заявляют: «Пусть неизмеримо растет наш отпор оголтелому фашизму, мы всегда готовы оказать любую помощь и дать средств на оборону нашей страны, на разгром врага столько сколько нужно».

В депо Москва-Сортировочная Ленинской жел. дор. на митинге было принято решение о ежемесячном отчислении в Фонд обороны страны однодневного заработка, кроме того, принято предложение обратиться с просьбой в Наркомфин СССР о прекращении тиражей по госзаймам до окончания войны и использовать эти средства на оборону страны.

Выступавшие т.т. Кольцов, Огореский, Мазурчиков и Семин внесли предложение сдать облигации в Фонд обороны страны. Сейчас же после митинга сдали облигации 70 чел. на сумму 45 тыс. рублей.

Предложения о прекращении тиражей по госзаймам были приняты на целом ряде других предприятий: станция Москва-Пассажирская и станция Москва-Товарная Ленинской жел. дор., з-д «Изолятор» Ленинградского р-на, з-д № 230, Геотехконтора, «ТАСС», Издательство литературы на иностранных языках Советского р-на, з-д № 509 (Кировский р-н), Наркомат Морского флота (Коминтерновский р-н) и другие.

Решение об отчислении однодневного заработка в Фонд обороны страны принято на з-де имени Менжинского, 2-м часовом заводе, Холодильнике № 7 и на всех других предприятиях и учреждениях. Коллектив з-да имени Авиахима решил вносить ежемесячно 2-дневный заработок.

Заведующий сектором информации МГК ВКП(б) — М и х а й л о в

МПА, ф. 3, оп. 52, д. 68, л. 215—216.

№ 11

14 августа 1941 г.

Отдельные лица распространяют среди населения г. Москвы различные провокационные разговоры и имеются случаи высказывания враждебных, антисоветских настроений.

Сотрудники Госмузпроекта Тихомиров (беспартийный), вернувшись после выходного дня из дер. Ликино (ст. Перхушково, Киевской жел. дор.), сообщил секретарю парторганизации о том, что крестьяне указанной деревни (Иванова Екатер. Павловна и др.) рассказывали ему о том, что якобы недалеко от них — в дер. Перхушково — были сброшены с фашистских самолетов сахар, манная крупа и другие продукты с записками примерно такого содержания: «Я знаю, что ваши дети голодают, мне от вас ничего не надо, сдавайтесь! Поможем вам, чем можем». Жители дер. Ликино говорят, что в Перхушкове был устроен базар — продавали эти продукты.

Секретарь парторганизации Мосоптхозторга Коминтерновского района т. Смирнов сообщил, что проживающий в общегитии Метростроя (Бережковская наб., д. ¹²/₂ — Киевский район) Амелин Иван ведет контрреволюционные разговоры. Так, на днях во время воздушной тревоги Амелин в бомбоубежище заявил: «Наше правительство выпустило заем на укрепление обороны,

а пришла война — обороняться нечем, каждую ночь не приходится спать. Война идет между нашим и немецким правительством, а народ с обеих сторон воюет по принуждению». Проживающий в одном общежитии с Амелиным т. Дамницкий подтверждает, что у Амелина такое настроение проявляется не впервые. Дома Амелин говорит: «Советская власть душит налогами и рабочему классу все равно, какое будет правительство, советское или гитлеровское. Когда в наше село немцы придут, то крестьяне первым делом выдадут председателя сельсовета».

Инструктор по информации Сталинского РК ВКП(б) т. Новиков сообщает, что на заводе «Спринклер» заведующая центральным инструментальным складом Корниенко, беспартийная, собрала в свою комнату женщин и заявила им: «Покупайте кресты и вешайте на себя, на своих детей, у кого есть кресты на шее, фашисты расстреливать не будут». Женщины дали коллективный отпор Корниенко.

Рабочие цеха № 15 этого же завода, собравшись в обеденный перерыв на читку газеты, обсуждали сообщение Советского Информбюро о зверской расправе гитлеровцев в оккупированной зоне. В то время к ним подошел мастер этого же цеха Коньков, беспартийный, ввязался в беседу, говоря, что все то, что напечатано в сообщениях Советского Информбюро, — глупость, об этом сообщении не надо говорить, это все вранье, газете верить не надо; в газетах пишет какая-нибудь «шкура» и добавил: «Фашисты женщин и детей расстреливать не будут».

Рабочие дали ему резкий отпор и стали продолжать читку о бесчинствах немецких фашистов, о насилиях над женщинами и детьми. Все рабочие пришли к выводу, что недовольство населения, оккупированных областей, а также стран Франции, Голландии, Бельгии ускорит расправу с Гитлером и в оккупированных странах должна быть революция. Тогда Коньков опять вступил в беседу и заявил: «В тех странах революции не будет, а будет скорее у нас». И тут же добавил: «Вот в газете было напечатано о потерях самолетов за время войны как со стороны Советского Союза, так и Германии, но это не верно. Мы слышали по радио, что наши потери 4000 самолетов, а надо считать больше, от нас скрывают правду».

Рабочие потребовали от Конькова, чтобы он держал себя прилично и не мешал им коллективно читать газету. Следует отметить, что у мастера Конькова антисоветские настроения проявляются не впервые, об этих настроениях каждый раз доводилось до сведения районного НКВД, но мер никаких не принимается.

Зав. сектором информации МГК ВКП(б) — М и х а й л о в

МПА, ф. 3, оп. 52, д. 68, л. 237—238.

№ 12

27 августа 1941 г.

Среди отдельных рабочих и служащих имеет место высказывание нездоровых, панических и даже антисоветских настроений.

Так, сметчик «Проектобшмаша» (Коминтерновский район), б/п, Удалов в беседе с членом ВКП(б) т. Алексеевой задал ей вопрос: «Вы больше меня живете на свете, больше имеете опыт, скажите, что же будет. Враг идет и идет, значит, он сильнее, чем мы о нем думали?» На разъяснение о силе и мощи Красной Армии, ее технической оснащенности Удалов заявил: «Я не знаю, зачем я живу, зачем меня учили. У меня двое хороших детей и жена: вернувшись из армии, я хотел пожить с семьей, а теперь пришлось ее отправить. Не знаю, как они будут жить. Меня, наверное, на днях призовут в действующую армию; мне тяжело, а с фронта нет ничего утешительного».

В этой же организации инженер Ладыженский (беспартийный) с большой горечью говорит о сообщениях с фронта. Он заявил: «Сдача городов на юге отразится на нашей обороноспособности; запасов руды у нас недостаточно, а теперь рудная база значительно сократилась», и далее: «Советским Союзом допущена ошибка, надо было начать войну с Германией нам и тогда, когда Германия воевала с Францией. Сейчас Англия добилась своего, она столкнула в войне своего злейшего конкурента — Германию с идеологически чуждой и, по мнению Англии, подлежащей ослаблению Россией». На разъяснение Ладыженскому о вредности такого мнения последний продолжал: «Наверное, Англия раньше предлагала нам воевать против Германии, тогда бы для последней действительно были два фронта и мы бы победили». На вопрос — Значит вы не верите в нашу победу? Ладыженский ответил: «Я не знаю, что с нами будет дальше, а пока ни одной утешительной вестки с фронта».

В Полиграфическом комбинате им. Молотова (Ростокинский район) печатник наборного цеха Шуйский в беседе с корректором Гревцовой всячески расхваливал немцев и восхищался их порядками в время пребывания его в плену. После сообщения Информбюро об оставлении нашими войсками некоторых городов он заявил: «Мирному населению нечего бояться немцев, а надо в Москве поступить так же, как поступили во Франции, открыть ворота и впустить немцев. Правительству будет плохо, пусть оно и спасается, а мирному населению ничего не будет».

Няня приемного покоя института им. Склифосовского Засучина в присутствии других нянь заявила: «Ничего не меняется, мы были рабами и останемся рабами». Среди этой категории работников института имеются такие разговоры, что, мол, «с приходом Гитлера, может быть, будет лучше».

В мастерской № 6 им. 26 июня (Ростокинский район) после лекции о значении донорства и переливании крови в числе ряда вопросов был задан вопрос рабочим Бакиным — каким образом

можно восстановить кровь? А когда лектор ответил, что кровь можно восстановить путем усиленного питания, тогда Бакин заявил: «Взятую кровь не восстановишь, потому что мы питаемся сейчас водой и черным хлебом, куда не пойдешь, везде очереди, тут получается не восстановление организма, а разрушение».

В Октябрьском районе приехал с фронта раненый политрук Фельдман (бывший начальник 3-го цеха завода № 132), при посещении его в госпитале работниками завода Фельдман рассказал им следующее: «Политуправление объявило, что в первые дни дела на фронте были преданы генералом Павловым, который за два дня до начала войны дал приказ снять с самолетов моторы для проверки». После этого посещения на заводе идут разговоры о том, что на фронте много предательства и что наши отступления являются результатом этого. Так, механик Крылов заявил: «Наше отступление — результат предательства. Что делает наш фронт — неизвестно».

Учитель 227 школы Октябрьского района Петровский в присутствии нескольких других учителей заявил: «Наша армия слаба и имеет мало вооружения. Что-то у нас неблагополучно, видимо, фашисты лучше подготовлены».

В школу № 205 (этого же района) пришла гр-ка Орлова (в школе учится ее ребенок) и зачитала учителям письмо от сына, присланное с фронта, в котором сказано: «...от нашей дивизии осталось только воспоминание, как я остался жив, это чудо. Сейчас мы ждем пополнения. Наше питание сейчас: банка консервов и горсть сухой лапши. Мне жаль свой родной город Москву, его разрушают».

На фабрике им. Воровского (Молотовский район) рабочий-грузчик Дрочнев А. И. во время коллективного обсуждения очередного сообщения Советского Информбюро заявил: «Вот Гитлер берет города, возьмет и Москву, я тогда первый буду показывать коммунистов, чтобы брали их и уничтожали». Парторганизация фабрики никак не реагировала на этот возмутительный факт антисоветского высказывания.

В Наркомате нефти работник Маркус М. Г. задал вопрос: «Почему в империалистическую войну 1914—1918 гг. займы и все ценности сдавали в конце войны, а у нас ставят вопрос сейчас — после нескольких недель войны. Неужели наше государство обеднело».

Учитель школы № 216 (Тимирязевский район) Латкин рассказал, что один из жильцов общежития учителей дома № 7 по Нижней дороге некий Селезнев созвал всех жильцов дома и предложил им сделать тайник для женщин, т. к. не секрет, что немцы скоро займут Москву, и на первое время следует укрыть женщин от немцев, а когда миует опасность, то можно будет выпустить их из тайника. А я скрываться не буду, т. к. мне бояться нечего. Ранее он заявлял — «Вот все говорят непобедимая Красная Армия, а теперь они все отступают».

Нездоровые и антисоветские разговоры имеют место и среди отдельных работников ЦК союза работников политико-просветительных учреждений (Куйбышевский район).

Инструктор отдела соцстраха Горбунов (беспартийный) на вопрос машинистки Чернякиной — Почему он не эвакуирует свою жену с детьми? заявил: «Ведь я не еврей и не коммунист. Гитлер будет уничтожать только евреев и коммунистов. А вы чего вывезли своих детей в Пензу, ведь там мясорубка будет». Там же коммунистка Четверова задала вопрос заместителю секретаря парт-организации Безруковой (работает зав. культотделом, член президиума ЦК союза): «Почему все время нападают на евреев и что теперь с ними будет, ведь их очень много в Первомайске? Безрукова вместо разъяснения повела антисемитский разговор: «Евреи — трусы и стараются избежать от всякой работы, связанной с трудностями. Отлынивают от дежурства в доме. У нас в доме все жильцы говорят об этом». Все это происходило в присутствии многих работников ЦК союза. Об этом факте член партии т. Нотильник подал заявление в партгруппу президиума. Партгруппа президиума ЦК союза, разбирая вопрос о поведении Безруковой, постановила — за распространение среди работников антисоветских разговоров Безрукову освободить от работы в ЦК союза и одновременно поставила вопрос перед Куйбышевским РК ВКП(б) об освобождении ее как зам. секретаря парт-организации.

О всех этих фактах материалы переданы районным уполномоченным НКВД.

Зав. сектором информации — М и х а й л о в [Подпись]

МПА, ф. 3, оп. 52, д. 33, л. 74—77.

№ 13

5 сентября 1941 г.

О некоторых нездоровых политических настроениях среди отдельных рабочих и служащих г. Москвы

На ряде предприятий отдельные рабочие и служащие распространяют явно враждебные разговоры и слухи.

Механик цеха № 3 завода № 37 (Сокольнический район) г. Аронов при встрече с коммунистом т. Эдель передал ему, что член ВКП(б) Болдырев (технолог отдела № 29) жаловался на тяжелые условия жизни, на дороговизну, заявлял: «Думают войну выиграть, не выиграть, целыми эшелонами наши сдаются, я все это знаю». Когда Болдыреву продавец подавал пиво в кружке, на которой не было «риски» (метки, указывающей норму налива), Болдырев стал придирается к продавцу, с издевкой заявил: «Знаю! Вам карманы набить, да на Урал удрать». Стоящие в очереди стали под-

держивать Болдырева. Продолжая свой разговор, Болдырев заявил: «Ох, немцы и режут их (показывая на продавца-еврея) и вообще всем евреям капут». На вопрос Аронова: «Ведь немцы убивают не только евреев, но коммунистов и активистов», Болдырев на это ответил: «Я знаю, они убивают только верхушку, а нас, рядовых и не трогают. Живи себя и работай». Затем он высказывал недовольство по поводу назначения директором завода т. Левитанского, а когда Аронов спросил его «ведь ты наверно голосовал за Левитанского на партсобрании», Болдырев ответил: «Голосовали... Вот дали воззвание к ленинградским рабочим, думаешь рабочих вооружают? Боятся рабочих вооружить».

На вопрос Аронова: «А наша армия из кого состоит?», Болдырев ответил: «Знаю! Ты мне не говори. Вот с займом, где откопали, что у меня заработок 800 рублей. И понимаешь, стали вынуждать меня подписаться на 800 рублей. Я испугался, затрут меня... и подписался».

Контрольный мастер цеха № 3 (этого же завода) Зотов стал в цеху закуривать папироску (в цеху запрещено курить), тогда член ВКП(б) Фандеев (нач. подотдела техконтроля), обращаясь к нему заявил: «Что хочешь помочь Красной Армии штрафом? И так гроши получаешь». На жалобу т. Квечер о том, что секретарь ОТК не дает чернил Фандеев ответил: «Куда она бережет чернила, Гитлер придет, все равно отберет». Фандеев довольно посмеивался когда услышал, что работник Картинцев при разговоре о положении на фронте заявил: «Сегодня на фронте новое направление — Днепропетровское. Мы собирались воевать клинками, а они [немцы] танками». Вопрос о поведении коммунистов Болдырева и Фандеева будет обсуждаться на партсобрании.

В Григорьевских бараках, где проживают рабочие завода № 37, жилец Костяков обратился к жене рабочего Елистратова: «Чего ты приуныла, ведь немцы будут бить коммунистов и евреев и я буду помогать их бить».

Секретарь партбюро ВОХР завода № 37 сообщил, что стрелки охраны Шуканов и Вознесенский распространяли среди стрелков слухи, якобы услышанные ими в очереди за газетой. Они рассказывали, что т. Тимошенко вызвал к себе генерала Павлова и спросил, почему он дал указание об отступлении танковых частей. На ответ Павлова, что, мол, «нужно сохранить живую силу» т. Тимошенко застрелил его за это.

Член ВКП(б) т. Новиков сообщил, что на складе № 9 при ст. Белокаменная при погрузке автомашин один из рабочих задал ему вопрос: «Что передавали по радио о фронтах?» Когда т. Новиков стал рассказывать о зверствах, чинимых фашистскими солдатами над мирным населением и ранеными красноармейцами, рабочий артели «Красный грузчик» Милин в присутствии других рабочих раздраженно начал говорить: «Не фашисты звери, а вы. Скоро они вам скажут свое слово. У фашистов бутылка вина стоит 40 коп., а у нас 15 рублей». После этого подошел к нему рабочий Юдин хлопнул его по плечу и заявил: «Молодец Милин, за правду, сказанную тобой».

Среди рабочих склада № 5 велся разговор о причинах сдачи г. Смоленска, работница этого склада Паршина заявила: «Сталин продал давно его, только про это не писали».

При проведении митингов, посвященных воскреснику, рабочий монтажной группы цеха № 9 Мурыгин говорил: «Из рабочих пьют кровь, как пивки». В цехе № 29 рабочий Блях заявил: «Работать в воскресник буду, но деньг этого дня не отдам на укрепление обороны». Когда стали приглашать на митинг рабочего Балаева, он ответил: «Все равно завтра работать не буду, мне надо покрасить чердак дома», а дальше заявил: «Больше не буду слушать сообщения Информбюро, так как оно врет. У него все ничего существующего на фронтах, а уж когда подойдут к Москве, я и сам услышу и увижу. Нам надо еще поучиться у немцев организации промышленности. Мы, как видите, все еще чертежей не можем отобрать в течение месяца, а когда же будем изготавливать продукцию».

На заводе № 487 Октябрьского района отдельные работники также распространяют разного рода провокационные и панические разговоры и настроения. Экономист отдела № 12 Смирнова в беседе заявила: «Почему же не эвакуируют население Москвы? Ведь немцы так быстро продвигаются, что не успеem убежать». Экономист этого же отдела Савин сказал: «Немецкие летчики, летая над Москвой, издеваются над нашими зенитчиками, а они ничего сделать не могут — слабы».

На ряде заводов Октябрьского района (завод № 132, завод № 487 и другие) усиленно распространяются разговоры о том, что при налете на Москву немецких самолетов на борту одного из сбитых самолетов оказался Герой Советского Союза Леваневский⁴ и что он сейчас находится в одном из госпиталей г. Москвы. Зав. статистикой завода № 132 Кокина, распространяя эти слухи заявила: «Говорят, что Леваневский возглавлял налеты немецкой авиации на Москву». Работница цеха № 2 фабрики № 18 МГЛП (Таганский район) также ведет разговоры об участии Леваневского в воздушных налетах на Москву, который якобы был сбит и находится сейчас на излечении в Боткинской больнице.

В Комитете по делам искусств (Куйбышевский район) бухгалтер беспартийный Кромин и экономист Янчевская в беседе рассказывали, что первыми налетами на Москву руководил и принимал непосредственное участие Леваневский, который якобы не погиб во время перелета в Америку, а улетел в Германию и сейчас он лежит в больнице.

Разговоры об участии Леваневского в налетах немецких самолетов на Москву распространяются и во многих других районах г. Москвы.

Слесарь цеха № 12 завода им. Горбунова Анисимов (группа мастера Филина) во время курения рассказывал рабочим о том, что Красная Армия сдает города потому, что у нее мало оружия. «Вместо того, чтобы производить оружие, раздавали балетчикам и оперетчикам по 100 000 рублей», и тут же при рабочих обратился со следующим вопросом к партинформатору т. Воронину: «Много ты видел балетов», и продолжал дальше: «Гитлер сейчас забирает наши местности и вывешивает там объявления — „Я вас за 21 минуту под суд не буду отдавать, как это делает ваше правитель-

ство". Организовали колхозы и забросили их. Никакой помощи им не дают, в некоторых местностях люди голодают». Электромонтер Антропов тут же добавил: «Мне прислали письмо от родных, там хлеба нет», а рабочий Анисимов тут же заявил: «Вот почему у нас был слабый [тыл], он не обеспечен, на тыл нечего надеяться. В западных областях, наверное, кулаки остались, вот они и предавали наши города и местности. Наша старая граница была непроходима, но они [немцы] все-таки прошли, значит, там было шпионство». Электромонтер Антропов тут же заявил: «Наверное, переворот будет».

На этом же заводе рабочий 87 цеха Варезкин С. В., 1917 года рождения, при разговоре с рабочим о текущем моменте заявил: «Советский Союз все промотал, поэтому в период войны остался без самолетов и без танков, а с бутылками долго не навоюешь».

На фабрике № 18 МГЛП (Таганский район) работница 1-го цеха Фролова при объявлении приказа о переходе на удлинненный рабочий день повела разговоры о том, что переход на ночную работу является вредительством, потому что «это не увеличит выпуск продукции, а наоборот — люди спать будут». Работница II цеха Чистякова заявила, что она работает все 24 часа в сутки, «днем все равно спать не приходится, это каторга, а не житье». Работница III цеха Фетисова в разговоре с кандидатом партии т. Рабинович заявила: «Если Гитлер придет в Москву, то бежать придется коммунистам и евреям, а мне бежать не нужно». Мечтает занять лучшую квартиру с обстановкой, т. к. сейчас живет за городом.

В ателье № 10 (Таганский район) среди некоторых комсомольцев ведутся бытовые и враждебные разговоры. Так, в ночь с 22 на 23 августа комсомолки Чуркина, Туркина и Кудрявцева в беседе с рабочим т. Резник (еврей) заявили, что когда придет Гитлер, то ему (Резнику) не поздоровится. На другую ночь Чуркина со злобой заявила т. Резник: «Мало вас, чертей, вешают. Вас всех нужно перевешать». Вопрос об этих комсомолках обсуждается на бюро РК ВЛКСМ.

О всех вышеприведенных разговорах и настроениях материалы переданы в райотделения НКВД.

Зав. сектором информации МГК ВКП(б) — М и х а й л о в [Подпись]

МПА, ф. 3, оп. 52, д. 68, л. 255—260.

№ 14

11 сентября 1941 г.

Об отдельных антисоветских настроениях

На заводе «КЭС» (Киевский район) нарядчица Преснякова завела разговор с другими работницами о том, что в доме, где она живет, все евреи прячутся во время воздушной тревоги и всячески уклоняются от военной службы. Присутствовавший тут же слесарь Туркин, поддерживая этот разговор, заявил: «Скоро будем всех евреев вот так» (показывая рукой, водя по горлу).

Во втором продмаге Спецторга (Дзержинский район) уборщица Гендлер (немка) среди работников ведет разговоры о том, что «немцы — культурный народ, их армия не расстреливает мирное население, когда придут немцы в Москву, я никуда не пойду». Аналогичные разговоры ведет и другая уборщица, тоже немка, Гандчал.

На Заводе обработки цветных металлов кадровый рабочий фасонно-литейного цеха т. Рожков сделал замечание рядом работавшему рабочему Кошелеву на то, что последний работает небрежно, разливает много металла из печей на землю. В ответ на это Кошелев заявил Рожкову: «Что тебе жалко металла? Я бы за это в другое время бросил тебя самого в печь». А на замечание т. Рожкова: «Ты разговариваешь, как кулак», Кошелев ответил: «Да! Я был хозяином и, погоди, мы еще с вами расправимся».

На заводе № 4 (Дзержинский район) молотобоец Андреев, дважды судившийся за прогулы, явился на завод в нетрезвом виде, и заявил: «Меня призывают в армию, пойду жидов защищать».

Во время молодежно-комсомольского воскресника 7/XI с. г. комсомолка «Союзбумсбыта» (Дзержинский район) Романова отказывалась от всякой работы, которую ей предлагали сделать в госпитале, при этом заявила: «Сюда дураков согнали, пусть дураки и работают». (О Романовой вопрос будет обсуждаться на комсомольском собрании).

Работник Института охраны труда (Фрунзенский район) врач Петропавловский, разговаривая с другими работниками, заявил: «Странное впечатление производит газетное сообщение: в город ворвались танки противника, и партизаны боролись с ними на баррикадах. Как это допустимо, чтобы в городе не было ни одной пушки. А если в Москву ворвутся танки, так тоже не будет пушек?», а конструктор Муравьев с возмущением добавил: «Факт, что вооружения не хватает. А раз так, то незачем было хватать до войны, что мы готовы встретить любое нападение врага».

Раклист печатного цеха фабрики им. Свердлова (Фрунзенский р-н) Рыбаков в курилке рассказывал рабочим: «Немцы не так жестоки, как говорят об этом. В некоторых случаях они помогают населению. Как-то немецкие летчики разбомбили колхоз, вскоре после этого немецкие же летчики сбросили с самолетов несколько мешков муки для пострадавших колхозников. В другом месте немцы спустили ящики с шоколадом для детей». Бригадир бригады маляров этой же фабрики Шукин (беспартийный) в беседе с рабочими заявил: «Я получил от сына письмо с фронта, он пишет, что на фронте приходится голодать. Редко когда выдают горячую пищу. Нет походных кухонь».

Недостаточно хлеба. Несколько дней не ел. Имеются в запасе крупы и можно было бы самому сварить, но нет котелка. Он просит прислать посылку. Я удивляюсь, почему командование Красной Армии не позаботилось еще до войны заготовить в достаточном количестве вооружения и снаряжения для уничтожения фашизма? Видно, что командование проявило беспечность в этом». Рабочий красильного цеха, Куров говорит: «Для рабочих все равно какая бы ни была власть. Подчиняйся и работай, пока силы есть и здоровье...»

Парторганизации по всем этим разговорам провели соответствующую работу в цехах и отделах.

Зав. сектором информации МГК ВКП(б) — М и х а й л о в

МПА, ф. 3, оп. 52, д. 68, л. 272—274.

№ 15

В Отдел пропаганды и агитации МГК ВКП(б)

КРАТКАЯ ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ⁵

О массово-политической работе в Первомайском районе
за период с 15/X по 20/XI 1941 г.

Отдел пропаганды и агитации Первомайского РК ВКП(б) не прекращал своей работы ни на один день.

Состав отдела следующий:

1. Зав. отд. пропаганды и агитации
2. Зав. агитпунктом
3. Лектор.

В особо напряженные дни 15, 16, 17, 18 октября, когда у магазинов скапливались большие очереди, распространялись всевозможные лживые и провокационные слухи, проявлялись антисемитские настроения и т. д., все внимание отд. пропаганды и агитации было сосредоточено на том, чтобы навести революционный порядок как на предприятиях, так и на улицах. Тут же был создан специальный отряд агитаторов-коммунистов в составе 45 чел., на которых возлагалась задача вести массовую разъяснительную работу в очередях, бомбоубежищах, у трамвайных остановок, разбивать лживые провокационные слухи и вылавливать провокаторов, паникеров, хулиганов. В эти дни бригада агитаторов работала буквально дни и ночи, проделав огромную работу. Многие подозрительные элементы при помощи агитаторов были переданы в органы милиции.

Вот один из таких случаев: однажды вечером, во время воздушной тревоги, к группе молодежи, стоявшей у ворот дома на Волочаевской ул., подошел некто в красноармейской форме. Завязался разговор. Этот «красноармеец» убеждал о близости фронта, о неизбежности сдачи Москвы, о том, что идет спор между Сталиным и Молотовым, как сдать Москву — с боем или без боя. Сталин за то, чтобы с боем, а поэтому неизбежны бомбежки. Некоторые слушатели выразили мысль об отъезде из Москвы, так как фашисты чинят расправы и зверства. Шпион в красноармейской форме убеждал, наоборот, не уезжать, потому что Гитлер несет порядок и хорошую жизнь. Слушавшие его выразили протест, тогда он в доказательство вытащил из кармана листовку и предложил прочесть ее. Услышавший этот разговор агитатор Анисимов, притворившись простачком, посоветовал им уйти в подъезд дома, где горела лампа, а сам в это время связался с органами милиции и гитлеровский шпион был арестован тут же на месте. Из районного отд. милиции он был передан в вышестоящие органы.

Из этого отряда агитаторов осталось 9 чел., которые систематически проводят беседы, читки в бомбоубежищах и в домах среди населения по путевкам райкома партии.

На предприятиях в те же дни проводились митинги, собрания рабочих на темы: «Текущий момент и наши задачи». Эта работа главным образом проводилась партийно-хозяйственным активом заводов. Так, например, ранее редко выступавшая директор завода им. Семашко тов. Гуревич в эти дни провела 4 массовых собрания, не раз выступал и директор завода «Москабель» тов. Мамлин.

Не прекращались также доклады на политические темы. За это время по путевкам райкома партии проведено 129 докладов (не считая докладов, проведенных силами работников предприятий). Среди населения проведено 9 докладов.

Состав докладчиков: партийно-руководящий актив района, политработники и командиры воинских организаций (30 докладчиков из воинских частей, 9 — из партийного актива, 1 — штатный).

Тематика докладов

1. «Текущий момент и наши задачи».
2. «24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции».
3. «Выступление тов. Сталина на торжественном заседании и речь на параде».
4. «Почему неизбежен разгром германских империалистов?»
5. «Оборона Москвы (исторический обзор)».
6. «Сущность германского империализма» и др.

На всех предприятиях в цехах и сменах прошли митинги, посвященные выступлению тов. Сталина. На митингах приняты обязательства на досрочное выполнение производственного задания и помощи фронту (<...>)

Зав. отделом пропаганды и агитации
Первомайского РК ВКП(б) — Ж н д к о в а

МПА, ф. 4, оп. 39, д. 1, л. 46—49.

№ 16

Железнодорожный РК ВКП(б) Информационная сводка

21 октября 1941 г.

Секретарю Московского комитета ВКП(б)
тов. Щербакову А. С.

О проведенных митингах и собраниях в связи с опубликованием
постановления Государственного Комитета Обороны от 19/Х—41 г.

По предприятиям района — на фабриках, заводах, на предприятиях железнодорожного транспорта — депо, станциях, мастерских, в учреждениях с большим подъемом проходят митинги, собрания в связи с опубликованием Постановления Государственного Комитета Обороны СССР от 19 октября с./г. об обороне г. Москвы и укреплении тыла войск, защищающих Москву.

В Депо Москва-Пассажирская Ленинской ж. д. на закрытом партсобрании, на котором присутствовало 45 человек, по докладу секретаря партбюро в связи с постановлением Государственного Комитета Обороны и выступлений по радио т. Щербакова и Пронина⁶ выступило 8 чел. Выступавшие горячо одобряли опубликованное постановление и призывали коллектив депо к укреплению производственной дисциплины и революционного порядка. Слесарь депо т. Сенчило, участник гражданской войны, внес предложение об организации рабочих дружин для защиты красной столицы — Москвы. Машинист Крайзгур в своем выступлении горячо одобрял постановление, призывал коллектив к более четкой работе депо, особенно по обеспечению перевозок в связи с эвакуацией населения Москвы и по спецперевозкам.

В принятой единогласно резолюции партийное собрание постановило мобилизовать весь коллектив депо на выполнение и перевыполнение оборонных заказов. Коллектив депо обязался произвести оборудование бронепоезда в два с половиной дня при задании в три дня; организовать добровольную дружину и систематически проводить военную учебу, кто может владеть оружием.

Собрание обязало каждого коммуниста широко проводить разъяснительную работу среди рабочих депо и населения о постановлении Государственного Комитета Обороны; обязало каждого коммуниста быть образцом выдержки и дисциплины и повести беспощадную борьбу против трусов, паникеров и провокаторов.

На Московском узле Октябрьской ж. д. после передачи по радио постановления на узле состоялось собрание. На собрании выступили тт. Капитонов — из пассажирского отделения, Барсеньев — кладовщик материального склада, Юрин — слесарь дистанции пути. В своем выступлении т. Барсеньев (так в тексте.— Сост.) заявил: Я, участник октябрьских боев в Москве, и сейчас, когда нависла угроза над нашей родной, прекрасной столицей, я обещаю с оружием в руках

драться с проклятым врагом до полного уничтожения фашизма. Тов. Юрин сказал: «Мы, рабочие путейцы, будем еще больше работать, держать в образцовом порядке наши стальные пути, по которым будут быстро продвигаться воинские эшелоны на фронт. Объявим беспощадную борьбу паникерам и трусам. Будем привлекать их к суровой ответственности».

В резолюции собрания, которая была принята, говорится: «Мы, рабочие и служащие Московского железнодорожного узла Октябрьской ж. д., заслушав сообщение о постановлении Государственного Комитета Обороны СССР, обещаем отдать все силы и жизнь на защиту нашей прекрасной, родной Москвы. Мы, железнодорожники, вместе с Красной Армией будем уничтожать фашистских мерзавцев на подступах к Москве. Будем соблюдать строгий революционный порядок, разоблачать шпионов, паникеров и трусов.

Превратим подступы Москвы в неприступную крепость, о которую разобьют свою голову гитлеровские бандиты. Родную Москву будем защищать до последней капли крови».

На фабрике им. Бабаева на митинге присутствовало более 500 человек рабочих и служащих. Сообщение о постановлении Комитета Обороны сделала секретарь партбюро ф-ки т. Дмитриева. В своих выступлениях рабочие ф-ки горячо одобряют это постановление. На митинге единодушно была принята эта резолюция: «Заслушав сообщение о постановлении Государственного Комитета Обороны, мы, рабочие, служащие и инженерно-технические работники фабрики им. Бабаева, горячо приветствуем это постановление, имеющее огромное значение в деле защиты нашей родины от нападения немецко-фашистских банд.

Враг еще силен, он угрожает нашей любимой столице Москве, он хочет проникнуть в сердце матери-родины.

Надо задержать и уничтожить фашистских мерзавцев на подступах к Москве. Необходимо приложить все силы, всю энергию для создания мощного отпора и вместе с бойцами нашей доблестной Красной Армии опрокинуть врага и уничтожить его полностью. Мы, рабочие, служащие и инженерно-технические работники заверяем нашу партию и правительство, что отдадим все силы, а если потребуется и жизнь для защиты нашей родины. Мы обязуемся еще больше дать нашей спецпродукции для фронта.

Мы будем четко выполнять указание нашего правительства соблюдать революционный порядок и разоблачать шпионов, паникеров, трусов. Пусть не думают фашистские гады, что мы позволим дезорганизовать наш тыл и посеять панику. Мы еще крепче сплотим наши ряды вокруг нашей партии и любимого вождя т. Сталина.

Да здравствует наша родина. Да здравствует Красная Армия и героические защитники столицы Советского Союза».

С таким же большим подъемом прошли митинги на ф-ке им. Тельмана, в депо Москва-Пассаж. Ленинск. ж. д., Сталинских мастерских Октябрьск. ж. д. и других предприятиях.

Секретарь РК ВКП(б) — [Подпись]

МПА, ф. 3, оп. 52, д. 67, л. 1—4.

Примечания

¹ Документы № 1—2, 4—7, 9—14 оформлены идентично: левый верхний угол — надпись «Оргинструкторский отдел МГК ВКП(б)» (не воспроизводится), дата разработки документа; правый верхний угол — гриф «С. секретно» (не воспроизводится); документы носят единое название «Информсообщение» (не воспроизводится).

² Шербатов Александр Сергеевич, 1901 г. р., член ВКП(б) с 1918 г. С ноября 1938 г. по май 1945 г. — первый секретарь МК и МГК ВКП(б). Незадолго до Великой Отечественной войны избран секретарем ЦК ВКП(б) и кандидатом в члены Политбюро. С начала войны — секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь МК и МГК ВКП(б), начальник Главного политического управления Красной Армии, начальник Совинформбюро.

³ Черноусов Борис Николаевич, 1908 г. р., член ВКП(б) с 1929 г. С 1938 г. и в годы Великой Отечественной войны — второй секретарь МК ВКП(б).

⁴ Леваневский Сигизмунд Александрович (1902—1937 гг.) — один из первых семи Героев Советского Союза; звание присвоено в 1934 г. за участие в спасении экипажа парохода «Челюскин». В 1936 г. совершил беспосадочный перелет Лос-Анджелес — Москва. В 1937 г. пропал без вести при попытке перелета через Северный полюс (этот факт, по-видимому, и явился основой для вышеуказанных слухов).

⁵ Документ воспроизводится в сокращенном виде.

⁶ Пронин Василий Прохорович, 1905 г. р., член ВКП(б) с 1925 г. В 1938—1939 гг. — секретарь МГК ВКП(б). В 1939—1945 гг. — председатель исполкома Моссовета. С июня 1941 г. — член Военного совета МПВО и Московского фронта ПВО.

Открываем серию документальных публикаций, касающихся самых разных сторон жизни советского общества 20—30-х гг.— культуры и искусства, науки, общественно-политических отношений и др. Объединяет эти документы время.

Предлагаемая в этом номере вниманию читателей подборка на конкретных примерах рассказывает о судьбах советской интеллигенции.

© 1991 г.

О РАБОТЕ К. С. МАЛЕВИЧА И С. И. БЕРНШТЕЙНА В ГОСУДАРСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ ИСКУССТВ

К. С. Малевич и С. И. Бернштейн... Вряд ли без комментариев можно понять, почему в одной публикации объединены имена этих двух, таких разных по роду своих занятий и значимости для мировой культуры людей. Один из них известен как ярчайший представитель авангарда начала XX в., имя другого знакомо только узким специалистам. И сближает их отнюдь не то, что в конце 20-х гг. им довелось работать в одном институте, сидеть рядом на заседаниях ученого совета, посещать «Дом искусства», встречаться у общих знакомых... Главное — это схожесть их судеб как творческих личностей в условиях режима, когда человек, полный замыслов и желаний работать, постепенно терял свободу творчества и, не до конца еще сознавая, что происходит с его страной, продолжал мужественно бороться за эту свободу.

Мало кому удавалось уцелеть в этой схватке художника и тоталитарного государства. Художнику нередко приходилось идти на малые и большие компромиссы, чтобы, как ему казалось, сохранить себя. Но, выигрывая таким образом очередной раунд у государства, он постепенно утрачивал цельность натуры, возможность быть самим собой. Поэтому некоторые, не имея уже сил выстоять предпочли уйти из жизни по собственной воле, многие были уничтожены в тюрьмах или лагерях, смирившиеся, физически выжив, обрекли себя на мученическое молчание.

Революция пожирала своих собственных детей, но прежде всего она уничтожила «родителей». Судьбы А. Блока, В. Маяковского, Вс. Мейерхольда, К. Малевича, с восторгом встретивших революцию, безоглядно бросившихся в бешеный ритм событий новой жизни, сложились трагично. Гении революционных преобразований в искусстве, они, вначале во многом такие нетерпимые к любым проявлениям традиционных форм, первыми ощутили на себе (каждый в свое время) стальные тиски надвигающегося господства «социалистического реализма» со всеми его атрибутами — мифотворчеством в соответствии с социальным заказом, примитивизмом, оголтелой травлей «чужаков».

В 20-е гг. существенно обострились внутривнутрипартийные разногласия. XV съезд ВКП(б) (декабрь 1927 г.) признал необходимым «в дальнейшем всемерную мобилизацию пролетарских масс и особенно усиление борьбы на идеологическом и культурном фронте»¹. В стране под лозунгом кампаний самокритики постепенно создавалась истерическая обстановка и нагнеталась нетерпимость к малейшему отходу от «генеральной линии» партии. Заметно усилились командные методы в идеологии, науке, культуре, искусстве. Многочисленные постановления и резолюции различного рода совещаний работников этих сфер содержали установки, отклонения от которых вызывали сначала критику в печати или с трибун, позднее карались полным изгнанием из профессиональной среды и необоснованными репрессиями. Любая форма самостоятельного мышления расценивалась как антипартийная, антигосударственная и антинародная. Естественно, что в этих условиях заметно затормозились творческие процессы, стали невозможны дискуссии, свободный обмен мнениями, происходило раздвоение массового сознания. Наука, культура и искусство превращались в инструмент государства по «обсуждению текущих задач» — индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства и т. д. На смену широкой палитре направлений и мнений по

всем вопросам общественной жизни первых лет советской власти приходит единое и непоколебимое: «кто не с нами, тот против нас».

13 апреля 1928 г. постановлением СНК РСФСР в составе Наркомпроса РСФСР утверждается специальный орган для осуществления идеологического и организационного руководства в области развития литературы и искусства — Главискусство². Вскоре он принимает резолюцию: «Усилить ГАХН и ГИИИ³ марксистскими силами соответствующей идеологической и художественной квалификации; предложить им пересмотреть свои производственные планы с целью большей увязки их с основными запросами социалистического строительства во всех областях»⁴. С этого момента начинается новая страница истории советской художественной интеллигенции.

* * *

Казимир Северинович Малевич (1878—1935) занимает в истории развития как отечественной, так и мировой культуры особое место. Вся его жизнь художника — это постоянный поиск нового. В его творчестве синтезировался опыт лучших мастеров разных направлений и школ живописи. Он стал одним из самых ярких, наиболее последовательных представителей авангарда, основоположником нового направления абстрактного искусства — супрематизма.

Его художественное образование не было систематическим — он учился и в художественной школе в Киеве, и в Московском художественном училище. Серьезную роль в его становлении как художника сыграли пятилетние курсы студии Рерберга. Именно в эти годы (1907—1910) К. С. Малевич знакомится с московскими авангардистами Д. Д. Бурлюком, М. Ф. Ларионовым, Н. С. Гончаровой, участвует в выставке московских художников в 1909 г., является членом творческого содружества «Бубновый валет», а после его раскола — членом «Ослиного хвоста»⁵.

Развитие Малевича как живописца всегда было тесно связано с движением теоретической мысли, его «манифесты»⁶ были как бы проявлением борьбы с целесообразностью за свободу творческого волеизлияния, за права художника.

Особенно важен в творчестве К. С. Малевича период 1913—1915 гг., его уход в новые формы, в беспредметность. Знаменитый «Черный квадрат» и был, в его собственном представлении, переходом к принципиально новым формам. Эта картина безусловно программна, ею Малевич подводит своеобразный итог всему плодотворному периоду символического мышления в европейской культуре, это — переход от символа к формуле, знаку. Малевичу открылся иной мир, образом которого явился «нуль форм»: «Я вышел за нуль»...⁷.

Появившийся во время первой мировой войны «Черный квадрат» стал художественным воплощением известного афоризма: когда гремят пушки, музы молчат. Вернее, как заметил В. Завалишин, исследователь творчества Малевича, когда гремят пушки, музы скорбят. «Убиенных или оставляют на поле брани, или же наспех закапывают в землю без креста и без погребальной молитвы... Созидая черный квадрат, Казимир Малевич превращал его в сакраментальный знак, в какое-то подобие траурного флага. Так и только так следует понимать предназначение траурных квадратов Казимира Малевича», — пишет В. Завалишин⁸.

Часто в литературе встречается суждение о разрушительном характере искусства Малевича. Приводят отрывочные цитаты из его манифестов. Но известно, что, создавая абсолютно новое, приходится в чем-то разрушать старое. Малевич в своей практической деятельности всегда являлся созидателем, а не разрушителем. Именно он был в 1918 г. назначен комиссаром по охране ценностей Кремля. Благодаря его деятельности соборы Кремля были спасены от разграбления.

С 1914 по 1919 г. К. С. Малевич активно участвует в выставках авангардистов. На выставке 1919 г. в Москве «От импрессионизма до супрематизма» экспонировалось большое количество его произведений.

В сентябре 1919 г. К. С. Малевич приглашен в Витебск в Народную художественную школу, возглавляемую М. Шагалом. Весной 1920 г. он предлагает новый тип обучения уже на основе супрематизма и внедряет его в этой школе. Обучение ведется на коллективных началах и получает название «уновис» — утвердители нового искусства. Однако в 1921 г. в самой школе растет неприязнь к новым формам обучения, отрицательное отношение к ним проявляется и со стороны городских властей. Малевич пытается наладить контакт с созданным в Москве ИНХУКОМ (Институтом художественной культуры), но безуспешно.

В 1922 г. К. С. Малевич с учениками (в частности, с Н. Суетиным и Л. Хидекелем) переезжает в Петроград. Здесь в 1923 г. с художниками «уновиса» и сотрудниками Петроградского

государственного фарфорового завода он приступает к разработке эскизов для новых форм и декоративных рисунков на основе супрематистских принципов. К. С. Малевич стремится изыскать возможность применения своих открытий в реальной, повседневной жизни. Он как бы ставит задачу создания единого стиля эпохи и видит ее решение в распространении принципов супрематизма на различные сферы культуры: архитектуру, кинематограф, оформление бумаг.

В начале 20-х гг. К. С. Малевич раскрывается с наибольшей полнотой как исследователь, теоретик искусства. Некоторые его работы тех лет увидели свет и у нас⁹, иные были позднее опубликованы за рубежом¹⁰, многие попали в частные архивы и не публиковались¹¹.

Летом 1923 г. П. Филонов предлагает превратить Музей художественной культуры (МХК), открывшийся в апреле 1921 г., в Институт исследований культуры современного искусства. Комиссия в сентябре принимает решение открыть при музее четыре научных отдела и временно назначить директором К. С. Малевича. С октября 1923 г. он и приступает к окончательной реорганизации МХК, в результате которой через год, в 1924 г., при музее создается Институт художественной культуры (ИНХУК), получивший в феврале 1925 г. статус государственного (ГИНХУК). В институте работают пять научных отделов¹². Именно в это время Малевич занимается проблемами прибавочного элемента в живописи, свое понимание которых излагает в статье «Введение в теорию прибавочного элемента в живописи» (в свет не вышла).

В феврале 1926 г. музей ГИНХУКа был закрыт, а коллекция передана в Государственный Русский музей. Спустя несколько месяцев, в декабре 1926 г., был закрыт и ГИНХУК, а отделы и их сотрудники переведены в Государственный институт истории искусств.

1927 год стал для К. С. Малевича знаменательным: состоялась его выставка в Берлине (а по пути — в Варшаве)¹³. Готовясь к ней, Малевич с сотрудниками заканчивает серию из 22 объяснительных таблиц (графиков), озаглавленную «Исследование живописной культуры как формы поведения художника». Эту серию он намеревался использовать для наглядности при чтении лекций о значении и пользе прибавочного элемента в художественном образовании. В этих работах были изложены результаты многолетних занятий художника по изучению содержания и развития современной живописи.

Еще до закрытия выставки К. С. Малевич возвращается в Москву в связи с необходимостью срочно приступить к работе в ГИИИ. В его отсутствие при демонтаже выставки пропало около 70 полотен. (Сейчас они являются достоянием ряда музеев и частных коллекций зарубежных стран.) В институте Малевич вместе с И. Чашником и Н. Суетиным разрабатывает идею социалистических городов-спутников Москвы (его известные архитекторы), а также продолжает начатую в 1923 г. экспериментальную работу над фарфором.

Фарфор К. С. Малевича относится к произведениям, реализовавшим его коллекцию «объемного супрематизма». Здесь все строится на сочетании противоположностей — цилиндра и прямоугольника, округлых и плоских форм. Чашки и чайники с супрематистскими росписями Н. Суетина и И. Чашника воплотили идею экономии в искусстве (так называемая «пятая мера»). Округлый объем рассекается Малевичем пополам и уравнивается вертикально приставленным прямоугольником-ручкой. Эксперименты проводились на Государственном заводе в Петрограде (ныне С.-Петербургский фарфоровый завод им. М. В. Ломоносова), изготовленная посуда пользовалась большим успехом не только в нашей стране, но и за границей. Для Малевича и его сподвижников это была реальная возможность заняться «деланием вещи». К сожалению, только единичные образцы этих работ представлены сегодня в коллекциях.

В 1928—1929 гг. художник подвергся серьезным нападкам искусствоведов-традиционастов, которые начинают добиваться закрытия его лаборатории под видом реорганизации института. Отдельные события этого периода его жизни еще не получили достаточного документального, а значит, и достоверного освещения. Так, известно, что в 1930 г. К. С. Малевич был арестован и около трех месяцев пробыл в тюрьме. Напуганные этим друзья поспешили уничтожить его рукописи и документы¹⁴.

Только в 1932 г. К. С. Малевич получает возможность возглавить экспериментальную лабораторию в Государственном Русском музее.

Постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. были ликвидированы все ассоциации творческой интеллигенции, которые отныне должны быть объединены в «союзы». Директивно утверждались критерии понятий «советский писатель», «советский художник», «советский музыкант»¹⁵. Это постановление полностью покончило с так называемыми «попутчиками» и «сочувствующими». И в числе первых оказались авангардисты.

Можно только предположить, какими трудными были для К. С. Малевича последние годы жизни, хотя его работы еще выставлялись, главным образом в Ленинграде.

15 мая 1935 г. К. С. Малевич умирает. Его провожают в последний путь в супрематистском гробу; урна с прахом была захоронена в Немчиновке под Москвой с символическим надгробием — черным квадратом.

И после своей смерти К. С. Малевич долгие годы оставался символом отреченного искусства и возмутителем спокойствия чиновников от культуры. Его картины изгонялись из музеев. Так, в 1937 г. перед руководством Русского музея была поставлена задача «ликвидировать последствия вредительства и устранить произведения Малевича из музея»¹⁶.

Сегодня истинные ценности постепенно возвращаются к нам, но должно пройти еще немало времени, чтобы мы научились по-настоящему понимать сложный язык К. С. Малевича и его сподвижников по авангарду. Удивительно, что, являясь ярчайшим выразителем своей эпохи, К. С. Малевич так и не смог найти контакт с этой эпохой (одна из таких попыток отражена в публикуемых документах) и был отринут обществом, появление которого он во многом предвосхищал в своем творчестве.

* * *

Сергей Игнатьевич Бернштейн (1892—1970) — крупный ученый в области языкознания, труды которого только в последние десятилетия привлекли к себе внимание специалистов. Именно ему мы обязаны тем, что можем сегодня слушать голоса А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина, В. Брюсова и других писателей и поэтов. Его эксперименты и исследования художественных и общественно-политических звукозаписей легли в основу разработанной им теории декламации, поэтики стиха, интонации и специфики языка в сфере массовых коммуникаций. Сильно развитое историческое мышление С. И. Бернштейна побудило его к активной позиции в деле организации в 1932 г. первого государственного хранилища звукозаписи — Центрального государственного фоноархива¹⁷. Этим далеко не ограничивается перечень заслуг ученого перед отечественной культурой¹⁸.

В 1916 г. С. И. Бернштейн закончил словесное отделение историко-филологического факультета Петербургского университета¹⁹. По представлению академика А. А. Шахматова он был оставлен на кафедре сравнительного языкознания. В эти же годы он приступил к работам в качестве члена Комиссии по методике речи в Институте живого слова, с деятельностью которого будут связаны его важнейшие научные изыскания.

К работе в институте были привлечены А. В. Луначарский, В. Н. Всеволодский-Гернгросс, А. Ф. Кони, А. А. Блок, Н. В. Гумилев, В. В. Успенский, В. Я. Пяст, Б. М. Энгельгардт, В. Э. Мейерхольд, Е. И. Замятин, К. И. Чуковский, Ф. И. Шалапин, Б. М. Эйхенбаум, В. Б. Шкловский, З. Н. Гиппиус, Е. В. Тарле и др. На открытии института 15 ноября 1918 г. В. Н. Всеволодский-Гернгросс сказал: «... живое слово как элемент воздействия несомненно сильнее, чем то слово, которое пропечатано черным по белому и которое недаром называлось словом мертвым. Институт живого слова имеет в виду восполнить этот пробел нашей культуры. Мы полагаем, что наука и искусство речи представляют собой две стороны одной и той же медали, и только во взаимодействии, в соединении того и другого возможно процветание той части культуры, которая называется областью живого слова, словесным общением...»²⁰.

Теории интонации и декламации и связанные с ними учебные курсы могли развиваться только на основе большого количества экспериментального материала, обработанного объективными методами, измерительными приборами. Вот с такими сначала чисто локальными целями была создана экспериментальная фонетическая лаборатория под руководством С. И. Бернштейна, основная деятельность которой освещена в публикуемом нами документе (№ 10). Однако следует учитывать, что этот документ (докладная записка) был составлен с единственной целью — в предчувствии сгущающейся вокруг творческой интеллигенции атмосферы недоверия и надвигающегося террора сделать попытку спасти дело и собранную коллекцию фоноваликов. В содержании записки говорится только о научной стороне проблемы. Буквально с первых дней своего существования институт «боролся» с Петросоветом²¹ за помещение, за содержание лекций и даже подвергался обыску (в 1921 г.)²².

Н. Берберова, слушательница института, вспоминает: «Словесное отделение помещалось на Галерной, сейчас же за аркой, аудитории были небольшие, там мы теснились, голодные и холодные,

вокруг столов. Лекции начинались около четырех и шли часов до семи-восьми; Томашевский, Эйхенбаум, Бернштейн... О стихах, о слове, о звуке, о языке, о Пушкине, о современной поэзии, восемнадцатый век, Тютчев... Теория литературы... Кое-кто еще жив сейчас из тех, кто сидел там рядом со мной за большим столом (Н. Коверский, Г. Фиш), глядя, как С. И. Бернштейн крутит „козынь ножки“ особого фасона из газетной бумаги, не длинные, а круглые, и потом прокалывает в них дырочку, чтобы они лучше курились. Томашевский весь в заплатах, с опухшими глазами, Эйхенбаум с подвязанными веревкой подошвами, прозрачный от голода»²³.

В 1922 г. было проведено общее сокращение штатов государственных учреждений Российской Академии художественных наук²⁴, а в 1923 г. последовало закрытие Института живого слова и объединение его с Государственным институтом истории искусств, в котором С. И. Бернштейн организовал кабинет по изучению художественной речи (КИХР).

В 1924 г. группа специалистов во главе с С. И. Бернштейном обратилась в Главнауку с предложением о создании специализированного научно-исследовательского института по изучению звучащей речи, но их проект был отвергнут. Несмотря на бедность научно-технической базы, кабинет продолжает свои теоретические изыскания наряду с активной работой по записи авторского чтения ведущих советских поэтов, писателей и мастеров слова.

Весной 1930 г. С. И. Бернштейн приехал в Москву, где выступал с докладами о поэтическом творчестве, сопровождавшимися демонстрацией звукозаписей чтения А. Блока, А. Брюсова, С. Есенина, А. Белого, В. Маяковского и др. В Москве было много встреч с писателями и с работниками Радиокомитета; наметились перспективы дальнейшей работы. Во время одного из выступлений состоялась встреча с В. Маяковским, который обещал Сергею Игнатьевичу прийти на очередную запись. Было это за неделю до гибели поэта²⁵.

Вернувшись в Ленинград, С. И. Бернштейн пишет очередную докладную записку в Главнауку (документ № 10). Нетрудно заметить, что автором наряду с чисто практическими задачами искусственно привлекались в качестве аргументов конъюнктурного характера и идеологические цели, например, «проблема отражения классовой идеологии в искусстве звучащего слова». Эти попытки связать искусство и науку с идеологией были уже с конца 20-х гг. привычными в творческой среде. Разумеется, все, кто хоть как-то надеялся в этих условиях спасти от «карающего меча пролетариата» свое детище, стремились любыми средствами доказать необходимость их творческой или научной деятельности народу, «строящему новое социалистическое общество».

Но ни высокая оценка общественности, ни идейно выдержанные формулировки документов, направленных в адрес руководства, не возымели своего действия. О том, как разворачивались дальнейшие события, можно судить по следующим фактам. Летом 1930 г. в прессе развязывается кампания травли С. И. Бернштейна. «Научное шарлатанство» — так была квалифицирована его деятельность в заметке, опубликованной 4 июля в «Красной газете». Вскоре он был уволен из института. Постановлением СНК РСФСР № 436 от 10 апреля 1931 г. ГИИИ наряду с Государственным институтом литературы и языка, Государственным институтом музыкальной науки, Государственной академией художественной науки (в Москве) был ликвидирован²⁶, коллекция фоноваликов брошена на произвол судьбы.

«Сделанные мною записи покрываются плесенью в неумелых руках, и едва ли все они сохранились. Никакими силами не удастся в течение пяти с половиной лет внушить тем, кто мог бы спасти то, что еще сохранилось от этого уникального собрания, что записи (<...>) представляют огромную культурную и непосредственно художественную ценность»²⁷, — писал С. И. Бернштейн в 1936 г.

Только в 1938 г. с большими трудностями удалось перевезти фоновалики из Ленинграда в Москву, в Государственный Литературный музей, где с помощью инженеров фабрики звукозаписи началась кропотливая реставрационная работа. Однако тогда удалось восстановить только записи голосов В. Маяковского и С. Есенина. Помешала война.

Дальнейшие реставрационные работы пришлось на 50—70-е гг. В идентификации голосов принимали участие не только лица, близко знавшие поэтов и писателей, но и сам С. И. Бернштейн. Фирма «Мелодия» выпустила серию грампластинок «Говорят писатели»²⁸, их голоса звучат в фильмах, радио- и телевизионных передачах, на вечерах, в школьных классах и вузовских аудиториях, они вошли в наш дом и быт.

Л. А. Шилов — звукоархивист и литературовед, много сил отдавший делу создания и сохранения звукового фонда советской литературы, пишет: «Занимаясь реставрацией записей О. Мандельштама, я не раз вспоминал его строчки: “Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,

за смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда.....»²⁹. Низкий поклон Сергею Игнатьевичу Бернштейну, разгадавшему тайну звука и сохранившему для нас навсегда подлинные образцы нашей культуры.

Публикуемые ниже документы выявлены в фондах Главискусства Наркомпроса (ГАНХ) РСФСР (ф. 645) и Государственной Академии художественных наук (ГАНХ) (ф. 941) в ЦГАЛИ СССР.

Л. М. Бабаева, Т. М. Горяева

Примечания

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 8. испр. и доп. Т. 4. М., 1970. С. 19.

² СУ РСФСР, 1928. № 41. Ст. 313.

³ Государственная Академия художественных наук; Государственный институт истории искусств.

⁴ ЦГАЛИ СССР, ф. 645, оп. 1, д. 117, л. 6—6а. Резолюция по докладом ГАНХ и ГИИИ от 7 декабря 1928 г.

⁵ См.: Выставки советского изобразительного искусства: Справочник. Т. 1. (1917—1932). М., 1965; Лапшин В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983.

⁶ От кубизма и футуризма к супрематизму. Новый живописный реализм. М., 1916.

⁷ В а к а р И. Манифест Казимира Малевича // Советская культура. 1989. 11 февраля.

⁸ З а в а л и ш и н В. США и Малевич // Независимая газета. 1991. 14 марта.

⁹ Бог не скинут. Искусство, церковь, фабрика. Витебск, 1922.

¹⁰ М а л е в и ч К. С., Х а р д ж и е в Н. И. и др. К истории русского авангарда. Стокгольм. 1976.

¹¹ М а л е в и ч К. С. Заметки об архитектуре (1924); Введение в теорию прибавочного элемента в живописи (1925); Живопись и проблема архитектуры и др.

¹² К. С. Малевич возглавлял в институте так называемый формально-теоретический отдел, который занимался формальным анализом художественных произведений. Не явилось ли это поводом для обвинения его в «отъявленном формализме»?

¹³ См.: Пушкарёв В. Кому нужен наш авангард // Огонек. 1989. № 25.

¹⁴ Й о у с т е н И. М., К о в т у н Е. Ф. Летопись жизни и творчества и документальные фотографии // Казимир Малевич 1878—1935. Москва; Амстердам, 1988.

¹⁵ Правда. 1932. 24 апреля.

¹⁶ В а к а р И. Указ соч.

¹⁷ Б е р н ш т е й н С. И. Центральный государственный фоноархив // Говорит СССР. 1932. № 34. С. 6—7.

¹⁸ Б е р н ш т е й н С. И., Д о л и н с к и й Ю. П., Э к з е м п л я р с к и й В. М. Методические правила для составления и чтения лекций по радио в области техпропаганды. М., 1932; Б е р н ш т е й н С. И. Организация и методика применения радио в заочном обучении (инструктивно-методическое письмо). М. Л., 1933; е г о ж е. Устная публичная речь и проблема ораторской радиоречи // Говорит СССР. 1932. № 32—33; е г о ж е. Голос Блока // Блоковский сборник. Тартуский государственный университет, 1972; е г о ж е. Устная ораторская речь и проблема ораторской радиоречи // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972; е г о ж е. Язык радио. М., 1977 и др.

¹⁹ Биографические данные до 1922 г. взяты из Curriculum vitae С. И. Бернштейна в связи с его избранием в действительные члены Российской Академии художественных наук от Института живописи в 1922 г. (ЦГАЛИ СССР, ф. 941, оп. 4, д. 2, л. 43—48 об.).

²⁰ Записки Института живого слова. Пг., 1919. С. 5.

²¹ Председателем Петросвета в этот период был Г. Е. Зиновьев.

²² ЦГАОР г. Ленинграда, ф. 2555, оп. 1, д. 202, л. 43—45, 51—52, 66; д. 525, л. 1—4, д. 638, л. 34—35 и др.

²³ Б е р б е р о в а Н. Н. Курсив мой // Октябрь. 1988. № 10. С. 171.

²⁴ ЦГАЛИ СССР, ф. 841, оп. 2, д. 1.

²⁵ Звучащий мир: Книга о звуковой документалистике. М., 1979. С. 131.

²⁶ ЦГАЛИ СССР, ф. 984, оп. 1, д. 30, л. 1.

²⁷ Ш и л о в Л. А. «Я слышал по радио голос Толстого...» М., 1989. С. 78.

²⁸ Говорят писатели (Альбом из 2 гр. п.). М.: Мелодия [Б. г.]. Д. 05592—3, 018421—2; У старого фонографа. Записи 1920—1921 гг. М.: Мелодия [Б. г.]. Д. 00030441—2; Голоса, зазвучавшие вновь. М.: Мелодия [Б. г.]. М 4039857—8; Б р ю с о в В. Стихотворения. М.: Мелодия [Б. г.]. М 4239309—10; Читает Сергей Есенин. М.: Мелодия [Б. г.]. М. 4238067—8; Читает Владимир Маяковский. М.: Мелодия [Б. г.]. Д 00033413—14 и др. См. об этом: Ш и л о в Л. А. Голоса, зазвучавшие вновь. Изд. 2, доп. М., 1987.

²⁹ Звучащий мир: Книга о звуковой документалистике. С. 144.

№ 1

Письмо дирекции Государственного института истории искусств К. С. Малевичу о реорганизации института

6 апреля 1929 г.

В связи с общей реорганизацией ГИИИ и согласно постановления Правления Института от 27 мая 1929 г. Экспериментальная лаборатория по изучению изоискусства будет функционировать лишь до 1 октября 1929 года как временная организация, не входящая в штат ГИИИ, о чем сообщается Вам для сведения.

Зам. директора Института Назаренко
Зав. Канцелярией — Ф. Отто

ЦГАЛИ СССР, ф. 645, оп. 1, д. 411, л. 68. — Копия.

№ 2

Докладная записка К. С. Малевича заведующему Главискусством Наркомпроса РСФСР А. Свидерскому о ликвидации экспериментальной лаборатории по изучению изонискусства в Государственном институте истории искусств

20 апреля 1929 г.

Прежде чем изложить суть дела и цель моей записки, я для Вашего ознакомления позволю себе сделать небольшое описание моей общественной работы с момента Октябрьской революции, по которой Вы могли бы сделать другой вывод обо мне, нежели сделало Правление Государственного Института истории искусств.

До революции вся моя жизнь с малых лет протекала в упорном труде в области искусства. Отец мой не был состоятельным человеком, чтобы помочь мне в получении художественного образования, и поэтому с юношеских лет я пробивал себе дорогу сам, надеясь в будущем добиться своей цели.

Работа моя проходила в области изучения живописи, как в ее практических формах, так и в ее анализах.

Таким образом, я за многие годы упорной работы стал на ноги и имя мое сейчас известно во всем мире в области искусства, как в области живописной станковой, так и в области исследования вопросов живописного творчества, не исключая и архитектурного мира, о чем могут свидетельствовать многие западные журналы, в которых помещены мои работы и статьи.

Мои исследования вызвали живой интерес среди немцев, занимающихся тоже исследованием нового искусства и современного, в силу чего и была ими издана первая книжка моих исследований.

Октябрьская революция застала меня заведующим Художественным отделом в Московском Совете. В первые дни победы Октябрьской революции я был избран членом коллегии по охране Государственных имуществ в Кремле. После был избран в члены коллегии ИЗО Наркомпроса, был заведующим художественным отделом ИЗО, нес всевозможную организационную работу в трудных тогда условиях. Был избран профессором Московского ВХУТЕМАС, а также и в Академию художеств.

Был командирован тов. Покровским в г. Витебск для организации Художественно-промышленных мастерских. В г. Витебске я проделал большую работу над оформлением клубов, разного рода постановок, вел общественную работу в смысле чтения лекций и художественного оформления.

В 1922 году я вернулся в Ленинград и начал работу в Пролеткульте, где читал курс лекций по ИЗО вопросам и в 23 году был назначен Главнаукою заведующим Музеем живописной культуры, в котором производилась большая работа над исследованием всех достижений новейших искусств на предмет изыскания новых форм для нового быта и художественной промышленности.

Моя экспериментальная работа в вопросах применения супрематических форм в области фарфорового производства дала большие достижения в обновлении фарфоровой росписи. Первое

применение этой росписи было сделано моими сотрудниками на Ленинградском фарфоровом заводе и дало благоприятные результаты. После этого фарзаводом было изготовлено большое количество посуды с супрематической росписью как для местной промышленности так и для экспорта. Вам известно, что супрематические сервизы всюду демонстрировались на Западе на советских выставках, где имели успех, ибо французское и итальянское министерства промышленности выдали моим сотрудникам дипломы и право на приобретение серебряной медали.

В данный момент супрематическая посуда идет полным ходом в Дулевском фарзаводе, преимущественно для экспорта. Таким образом, в одной области удалось применить то, что считалось абстрактным беспредметным, и дать обновление и доход госучреждениям. (Конечно, я как изобретатель супрематизма ничего за это не получил. Мало того, даже работа в этой области была изгнана тов. Эсеном как не входящая в план завода. Это один из многих подобных случаев.)

Тов. Петров, бывший начальник Главнауки, и Научная инспекция не раз делали обследование Института художественной культуры и давали благоприятные отзывы о моей работе. Но как это всегда водится — новые явления во всех отечествах встречают массу врагов. И вот врагам вообразилось, что Институт художественной культуры есть рассадник нового искусства и стоит против АХР, и на этом основании велись всевозможные атаки с целью его уничтожения. На самом деле в Институте художественной культуры была одна задача и цель — нахождение новейших форм по линии архитектурной, текстильной, обоев, мебели, оцветок, графики. Вопросы о чистом изобразительстве не ставились. Таким образом, никакой конкуренции АХРу не было.

Наконец, вся моя работа в 27 году была влита в ГИИИ, в лоно стариков историков по распоряжению Главнауки. Старики академики во главе с директором (...) ¹ страшно были возмущены такому кощунству. Моя экспериментальная работа показалась чудовищно оскорбительным делом. Сразу создались тяжелые условия. Челюсти историков судорожно сжимались все крепче и крепче. Но перекусить меня не удавалось.

Наконец, пришел счастливый случай для института — время реформы. Такое время, что многие из старейших должны будут уйти за ненужностью изучения «закормов в новгородских церквях, которые погибли в пламени нашествия Батыея».

Вот этот момент использовало правление ГИИИ и в список старцев, подлежащих сокращению, включило и меня, и всех сотрудников Комитета по изучению современного искусства. Это блестяще им удалось (...) ².

Поэтому я обращаюсь к Вам с просьбой о пересмотре постановления ГИИИ, ибо считаю, что такое реформирование ненормально. Оно умерщвляет живое дело, тем более, что Комитет по изучению современности в силу реформы должен стать центральным и должен развить свою деятельность в смысле глубокой увязки с современными запросами и оформлением нового быта.

Исключены: К. Малевич, Н. Суетин, В. Ермолаева, М. Эндер ³. Люди, которые с момента Октябрьской революции вели неустанную работу не за страх, а за совесть, сегодня остаются выброшенными.

К. Малевич

Ленинград

ул. Союза Связи, д. 2, кв. 5

ЦГАЛИ СССР, ф. 645, оп. 1, д. 411, л. 65—67.—

Подлинник (машинопись, подпись и адрес написаны от руки).

№ 3

Служебная записка исполняющего обязанности заведующего отделом изобразительного искусства Главискусства при Наркомпросе РСФСР И. Хвойника о деятельности К. С. Малевича (А. И. Свидерскому)

27 мая 1929 г.

Малевич — глава супрематизма, его основоположник, практик и теоретик. Это — новейшее течение, действительно оставившее след в области художественной промышленности, и в частности в области фарфора. На Западе имя Малевича широко известно как представителя левых исканий

нашей живописи и ему там посвящено много статей и отзывов. Работа Малевича тесно связана с Революцией — он был в первых рядах художников, примкнувших безоговорочно к Революции, и много поработал на административно-художественных и общественно-художественных постах. Необходимо дать ему возможность пока продолжать аналитическую работу по изучению современного искусства. Недопустимо, чтоб его выбрасывали вместе с его сотрудниками за борт. Действительно странно, что у нас находятся для ведения исследовательской работы ГИИИ касающимся заплеснейших обломков [так в тексте.— *Сост.*] какой нибудь новгородской церкви, а Комитет по изучению современного искусства (в ГИИИ) решают ликвидировать. Считаю совершенно необходимым принять меры к сохранению этой ячейки в ГИИИ и оставления Малевича с его сотрудниками — Суетиным, Ермолаевой и Эндер. Надо срочно предложить ГИИИ: прислать постановление правления о реформе структурного порядка и затребовать сообщенья мотивов намеченной ликвидации Комитета современного искусства и исключения Малевича и 3-х сотрудников.

И. О. зав. ИЗО — Г. И. Хвойник

ЦГАЛИ СССР, ф. 645, оп. 1, д. 411, л. 64—
64 об.— Подлинник (рукопись).

№ 4

Письмо руководства Главискусства при Наркомпросе РСФСР правлению Государственного института истории искусств о предоставлении материалов предстоящей реформе Комитета по изучению современного искусства

18 июня 1929 г.

Главискусство просит в срочном порядке представить все материалы, относящиеся к намеченной реформе Комитета по изучению современного искусства и к исключению из состава его работников — Малевича, Суетина, Ермолаевой и Эндер. Просьба приложить копии принятых по этому вопросу постановлений Правления.

Зав. Главискусством — А. С в и д е р с к и й
И. О. зав. ИЗО — И. Х в о й н и к

ЦГАЛИ СССР, ф. 645, оп. 1, д. 411, л. 63.— Копия.

№ 5

Письмо дирекции Государственного института истории искусств в Главискусство при Наркомпросе РСФСР о сохранении в структуре института экспериментальной лаборатории К. С. Малевича

18 июля 1929 г.

В Главискусство Наркомпроса РСФСР
На Ваш № 6957 от 18 июня 1929 г.

В начале 1929 г. в связи с назначением нового ректора Академии художеств возникло предположение об учреждении при названной Академии Художественных мастерских, вследствие чего Правление Государственного института истории искусств, в свою очередь, полагало вполне целесообразным перевести с 1 октября 1929 г. заведующего экспериментальной лабораторией изоискусства художника К. С. Малевича и его ближайшего сотрудника лаборанта Н. М. Суетина в Академию художеств для работы по специальности в названных мастерских.

В настоящее время, когда окончательно выяснилось, что возникшее предположение об учреждении при названной выше Академии Художественных мастерских не будет осуществлено, Правление ГИИИ признало необходимым сохранить в составе Отдела теории и истории изобразительных искусств существующую ныне экспериментальную лабораторию изоискусства⁴, в которой ху-

дожник К. С. Малевич как заведующий этой лабораторией вместе с его ближайшими сотрудниками могли бы продолжить работу в соответствии с выработанным Институтом производственным планом ИЗО, причем Правление ГИИИ озабочено увеличить оклад содержания лаборанту этой лаборатории Н. М. Суетину с 50% до 100%⁴.

Вр. исп. об. зам. директора — С. К. И с а к о в
Зав. канцелярией — Ф. В. О т т о

ЦГАЛИ СССР, ф. 645, оп. 1, д. 411, л. 62.— Подлинник (машинопись).

№ 6

Письмо руководства Главискусства при Наркомпросе РСФСР К. С. Малевичу о сохранении его экспериментальной лаборатории

25 июня 1929 г.

К. С. Малевичу

г. Ленинград, Ул. Союза Связи, д. 2, кв. 5

В связи с полученной от Вас докладной запиской от 20/IV с. г. Главискусство запросило Государственный институт истории Искусств о присылке всех материалов, относящихся к реформе Комитета по изучению современного искусства и исключения ряда работников.

Из полученного от ГИИИ объяснения явствует, что экспериментальная лаборатория изоискусства не предположена к расформированию.

На основании вышеизложенного Главискусство считает вопрос этот исчерпанным.

Зав. Главискусством — С в и д е р с к и й
И. о. зав. ИЗО — Х в о й н и к

ЦГАЛИ СССР, ф. 645, оп. 1, д. 411, л. 61—61 об.— Копия.

№ 7

Письмо ректора Киевского художественного института Вроны директору Государственного института истории искусства Ф. И. Шмиту⁵ о предоставлении возможности К. С. Малевичу научно-исследовательской учебной работы в Киевском художественном институте по совместительству

24 октября 1929 г.

Уважаемый Федор Иванович,

14-го октября Правление Киевского художественного института обратилось к Вам с просьбой дать разрешение на эпизодические выезды профессора Малевича К. С. в Киевский художественный институт для научно-исследовательской и учебной работы.

В значительной мере практическое разрешение этого вопроса зависит от тех материальных условий, какие могут сложиться для профессора Малевича на месте (в Ленинграде). Поэтому убедительная просьба не снижать установленного по Вашему Институту оклада Казимиру Севериновичу, а по возможности сконцентрировать месячную нагрузку по Вашему Институту в остающийся промежуток времени (20 дней), в противном случае урезка оклада сделает невозможной работу Казимира Севериновича в Художественном институте.

Просьба не отказать уведомить меня в самом непродолжительном времени о результатах данного обращения, так как начало лекций профессора Малевича фиксируется с 1-го ноября с. г.

С тов. приветом

Ректор Киев. художественного ин-та — В р о н а

ЦГАЛИ СССР, ф. 645, оп. 1, д. 411, л. 4.— Заверенная копия.

№ 8

Письмо дирекции Государственного института истории искусств в Совет по делам искусства и литературы Главискусства при Наркомпросе РСФСР о научно-исследовательской и учебной работе К. С. Малевича в Киевском художественном институте

19 ноября 1929 г.

Правление Киевского художественного института обратилось 14/X—1929 г. в Правление Гос. института истории искусств с ходатайством о разрешении заведующему экспериментальной лабораторией изоискусства К. С. Малевичу выезжать ежемесячно на 1— $\frac{1}{2}$ —2 недели в Киев для научно-исследовательской и учебной работы. Правление ГИИИ, заслушав в заседании своем от 23/X—1929 г. указанное заявление, вынесло по нему следующее постановление: разрешить при условии удержания получаемого К. С. Малевичем по ГИИИ оклада за все время его отлучки из Ленинграда. Вслед за тем ректор Киевского художественного института тов. Врона обратился к директору ГИИИ Ф. И. Шмиту с письмом и вторично просил рассмотреть этот вопрос, не снижая установленного К. С. Малевичу по ГИИИ оклада.

Доводя об этом до Вашего сведения, Правление ГИИИ просит у Вас соответственного распоряжения по данному вопросу.

При сем препровождается Вам текст письма тов. Врона на имя Ф. И. Шмита от 24.X—1929 г. за № 7064^б.

Директор ГИИИ — Ф. И. Ш м и т
Ученый секретарь — С. О. М о к у л ь с к и й

ЦГАЛИ СССР, ф. 645, оп. 1, д. 411, л. 3.— Подлинник.

№ 9

Письмо секретариата Совета по делам искусства и литературы Главискусства при Наркомпросе РСФСР дирекции Государственного института истории искусств о решении вопроса о порядке выплаты зарплаты К. С. Малевичу

24 ноября 1929 г.

В Гос. институт истории искусств
Ленинград, площ. Воровского, 5
На № 155 от 19/XI—29 г.

По распоряжению зампреда Совета искусства т. Беспалова Секретариат Совета сообщает, что вопрос о размере выплаты К. С. Малевичу в связи с его поездками в Киев для научно-исследовательской и учебной работы, представляется на Ваше рассмотрение.

Секретарь Совета — Г у б а р е в а
ЦГАЛИ СССР, ф. 645, оп. 1, д. 411, л. 2.— Копия.

№ 10

Докладная записка заведующего кабинетом изучения художественной речи Государственного института истории искусств заведующему Главнаукой при Наркомпросе РСФСР И. К. Лупполу о перспективах научно-исследовательской работы в области звучащего слова

22 апреля 1930 г.

Кабинет изучения художественной речи, основание которому я положил в 1920 г. в Институте живого слова, в 1923 г. перенесенный в Государственный институт истории искусства, ставит себе

задачей изучение на эмпирическом материале вопросов звучащей художественной речи во всех ее разновидностях (декламация, рассказывание и читка прозы, сценическая речь, ораторская речь, крестьянское сказительство). За 10 лет мною составлено обширное собрание фонографных записей (около 600 валиков)⁷, включающее образцы читки приблизительно 100 поэтов (среди них ряд поэтов, уже умерших — Блок, Брюсов, Сологуб, Гумилев, Есенин, Рукавишников, Маяковский; из живых — А. Белый, Кузмин, Ахматова, Мандельштам, Шершеневич, Клюев, Каменский, Асеев, Тихонов, Третьяков, Кирсанов, Сельвинский, Луговской, Инбер, Полонская, Садофьев, Кирилов, Жиров, Голодный, Браун, Саянов, Эрлик и др.); ряда прозаиков, декламаторов, драматических артистов, представителей крестьянского искусства звучащего слова (сказки, былины).

Кроме собрания самостоятельных фонографных записей я составил также собрание граммофонных пластинок, содержащих речи деятелей Октябрьской революции (в том числе Ленина), образцы сценической речи, русской и иноязычной декламации.

На основании собранного материала разрабатывается ряд проблем, составляющих в совокупности новую научную дисциплину, постепенно осознающую свои задачи и методы. О круге относящихся сюда вопросов дает некоторое представление перечень работ кабинета, прилагаемый в этой записке.

С начала текущего академического года кабинетом взята твердая марксистская установка. Центральной проблемой является для меня в настоящее время проблема отражения классовой идеологии в искусстве звучащего слова. Методика исследования включает, кроме многократного слушания изучаемых произведений (в целом и по частям вплоть до отдельных слогов), измерительные процессы при помощи хронометрических и тонометрических приборов.

Научный опыт, накопленный мною за 10 лет, обязывает меня прочно связать деятельность кабинета с актуальными задачами социалистического культурного строительства. В этом направлении я разрабатываю наряду с указанной основной проблемой вопрос о типах политической агитационной речи. В чисто практическом плане я стремлюсь к осуществлению лозунга «Поэзия массам» и думаю, что он может быть воплощен в жизнь только путем индустриализации звучания произведений словесного искусства в форме массовой продукции соответствующих граммофонных пластинок, а впоследствии — также и звукового фильма.

Таким образом, задачи, стоящие перед кабинетом, значительно переросли те рамки, в которые поставлена его работа. Крайняя техническая примитивность записи лишает меня возможности в достаточной мере использовать собранный фонографный материал. Фонографные записи не отличаются громкостью и четкостью и, что еще существеннее, представляют собой уникалы: в условиях нашей промышленности они не допускают мультипликации (во всяком случае — без значительных затрат). В процессе слушания они подвергаются стиранию, и это служит серьезной помехой и для углубленного исследования, и для демонстраций, спрос на которые углубляется с каждым днем.

Указанные обстоятельства вызывают необходимость перейти от примитивной фонографной записи к записи граммофонной. Ознакомление с оборудованием и методами кабинета записи московской фабрики «Памяти 1905 года» убедило меня в том, что названный кабинет стоит на высоте современной техники, благодаря чему моя работа по собиранию звучащего речевого материала могла быть с успехом продолжена при помощи записи граммофонной. Тем самым она была бы выведена из тупика, в котором она находится в данный момент. Собранный путем граммофонной записи материал мог бы, во-первых, служить надежным и прочным объектом исследования, выдерживающим достаточное число слушаний; во-вторых, подвергаться мультипликации и широкой экспозиции в музеях, на выставках, в библиотеках, избах-читальнях, а также при помощи радио; в-третьих, остаться памятником речевого искусства и бытовой интонации эпохи социалистического строительства. Опыты, на днях поставленные мною в упомянутом кабинете записи, показали также, что значительная часть собранного мною фонографного материала может быть более или менее удовлетворительно переведена на граммофонные пластинки.

Далее, аппаратура кабинета записи московской фабрики дает также возможность поставить на научную почву исследование звучания ораторской речи. Мне приходилось уже указывать в печати, что речи, специально наговоренные для граммофона политическим деятелем, привыкшим говорить перед аудиторией, представляют собой искусственный препарат и не дают доброкачественного материала ни для общих выводов о природе и типах ораторской речи, ни для суждения об индивидуальной манере оратора. Между тем с точки зрения интересов политической агитации эта проблема заслуживает самого серьезного внимания. Записывающие приборы московской фабрики при содействии московского Радиоцентра, который охотно идет навстречу научным начинаниям, позволили бы

фиксировать и воспроизводить подлинные речи, произносимые в естественных условиях, независимо от целей граммофонной записи.

Наконец, та же аппаратура дает возможность приступить к разрешению насущной задачи озвучения музеев. До сих пор записями звучания пользовались, сколько мне известно, только этнографические музеи, и притом в кустарной форме фонографной записи. Между тем звучащий материал мог бы значительно оживить работу музеев самых различных типов — музеев революции, музеев бытовых, литературных, театральных, педагогических, может быть, даже технических и зоологических. Имеющаяся в Москве аппаратура позволяет перейти в этой области от кустарничества к фабричной граммофонной записи, дающей сразу количественно неограниченную партию экземпляров, которые могут обслужить целый ряд музейных учреждений.

Совокупность изложенных обстоятельств показывает, что дальнейшая продуктивная работа в области собирания звучащего материала, его научного исследования и продвижения в массы немыслима без помощи граммофонной записи. Приобретение соответствующей аппаратуры потребовало бы весьма значительных затрат (не менее 10 000 руб. валютой и расходов на дальнейшее совершенствование приборов). Несравненно более целесообразным явилось бы использование аппаратуры, имеющейся на московской фабрике и в высокой мере усовершенствованной советскими радиоинженерами. Продолжение работы по собиранию звучащего материала в Ленинграде становится неоправданным и осуждает работников на кустарничество, в то время как в Москве это дело могло бы быть поставлено на уровень современной техники.

На основании изложенных соображений прошу Главнауку обсудить следующие предложения

Перенести кабинет изучения художественной речи с принадлежащим ему оборудованием и собранным материалом в один из московских исследовательских институтов по усмотрению Главнауки, для того чтобы продуктивнее и с меньшими затратами могло быть осуществлено пользование аппаратурой и технической консультацией московской фабрики граммофонных пластинок.

Если бы Главнаука и Правление Института искусств признали такую передачу нежелательной, я бы предложил:

либо создать при каком-нибудь из московских научных учреждений базу, где бы я мог при условии тесного контакта с кабинетом Института истории искусств вести собирательную работу обоих учреждений при помощи указанных более совершенных технических методов;

либо, оставив единственную базу в Институте истории искусств, предоставить ей специальные средства для ведения технической работы в Москве при сохранении исследовательской работы в Ленинграде.

Я полагаю, что первое решение — перенос кабинета в Москву — было бы наиболее целесообразным. Основания к тому следующие:

1. Была бы достигнута значительная экономия денежных средств: при втором из предлагаемых вариантов возникла бы необходимость содержать две более или менее параллельных лаборатории; при третьем варианте бюджет Института истории искусств был бы отягчен расходом на постоянные и длительные командировки в Москву, перевозку приборов и материалов и т. п.

2. Перенос кабинета в Москву дал бы возможность шире пользоваться услугами Московского Радиоцентра.

3. Только в Москве работа кабинета могла бы быть увязана с задачей озвучения музеев. За краткое время моего пребывания в Москве со мной консультировались по этому вопросу представители Государственного Исторического музея и Литературного музея. Между тем аналогичное предложение, сделанное мною около года тому назад Пушкинскому Дому при Академии наук и возобновленное минувшей осенью, осталось втуне.

4. В Москве сосредоточены лучшие силы пролетарской и попутнической поэзии. Если в кабинете до сих пор не зафиксирована читка Демьяна Бедного, Казина, Светлова, Багрицкого, Безымянского, Пастернака и др., если в очень недостаточной степени записана читка Маяковского, то причиной этому служит именно то, что кабинет изучения художественной речи находится в Ленинграде.

5. Наконец, в Москве сосредоточены также и лучшие театры, представляющие различные типы советского театрального искусства и даже различные эпохи русского театра. Плодотворное изучение русской сценической речи возможно только в Москве.

Полагая, что единственным вполне целесообразным способом разрешения создавшегося кризиса, который мешает кабинету стать полезным орудием социалистического строительства, был бы перенос кабинета в Москву,— представляю на рассмотрение Главнауки все три варианта.

Ленинград 22 апреля 1930 г.

Б е р н ш т е й н

дейст. член Гос. института истории искусств,

заведующий кабинетом изучения художественной речи

Адрес: Ленинград, 2, Разъезжая, д. 2, кв. 7

ЦГАЛИ СССР, ф. 941, оп. 1, д. 138, л. 139—181 об.— Подлинник.

Примечания

¹ Текст зачеркнут.

² Зачеркнут текст, который удалось восстановить: «Были составлены новые штаты и приехавший в Ленинград пом. нач. Главнауки, насколько я знаю, уже подписал их, ознакомившись на местах с работой лаборатории комитета современного изучения искусств».

³ Суетин Н. М. (1897—1964), художник, ученик К. С. Малевича по Витебску.

Ермолаева В. (1893—1938), художница, в 1919—1922 гг. сменила отстраненного от руководства художественной школой в Витебске М. Э. Шагала. Погибла в сталинских застенках.

Эндер М. В. (1897—1942), художница, ученица К. С. Малевича по Витебску.

⁴ На письме резолюция И. Хвойника: «И. А. Будьте добры ответить Малевичу по адресу, указанному в его заявлении, что по полученному от ГИИИ донесению экспериментальная лаборатория изоискусства не предположена к расформированию. Т. о. вопрос следует считать исчерпанным. 23.VII.29. И. Хвойник». Авторам публикации не удалось установить, кому принадлежат инициалы И. А.

⁵ Шмит Ф. И. (1877—1942), директор ГИИИ, искусствовед, профессор ЛГУ, автор трудов по проблемам археологии и искусствознания.

⁶ Имеется резолюция И. Хвойника: «Тов. Беспалову. Я полагаю, что выезды Малевича на эпизодические работы в Киевский художественный институт являются также научно-исследовательской работой в области современного искусства, которую Малевич ведет в ГИИИ и которому не следовало бы рассматривать эти поездки как простую отлучку и уменьшать и без того незначительный оклад Малевича (165 руб.). Следует поэтому дать ГИИИ указание в изложенном смысле. 22.XI.29 г.»

⁷ Имеются в виду фоновалики, запись на которые осуществлялась с помощью фонографа.

МАТЕРИАЛЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА ПО ДЕЛУ ПРОВОКАТОРА МАЛИНОВСКОГО

Малиновский. После того, как я пришел в суд, на одно из моих искренних выражений я встретил смех Трибунала, так что у меня, может быть, нет той искренности теперь, как бы мне хотелось, но я буду бороться с этим не для того, чтобы оправдаться перед вами, но для того, чтобы вы взглянули в психологическую сторону всего того, что было и случилось и как этот клубок завязывался и почему на самом деле другого выхода, как выход в этот зал, у меня не было и не могло быть. Поэтому я вынужден посвятить вас во все мои переживания, которые вытекали из того, что я служил провокатором.

Я остался сиротой без отца и без матери с малых лет. Мои старшие и младшие родственники хотели сделать из меня приказчика, но меня тянуло в то время к тяжелой работе. Я поехал в Варшаву и проработал там три года. Затем мне пришла в голову мысль поехать в кругосветное путешествие. 17 лет вместе с неким Ко [куляром] я отправился в Германию, имея в кармане только три р. До Плоцка мы доехали паромом, потом пошли пешком и идя по одной из деревень около города Плоцка, мы встретили отдельно стоящий домик, вошли туда. Мы там нашли на столе хлеб, масло, 13 р. денег, все это мы забрали и отправились в дальнейшее путешествие, но, не доходя до города Липно, нас догнали на лошадях и арестовали, обвинили в краже и присудили к 6 неделям тюрьмы. Из этого места заключения я вскоре попал в самые подонки общества. Меня обвиняют в том, что три раза судился за кражу и имел 2¹/₂ года заключения. Это не совсем так. Я судился и получил только 1¹/₂ года, но ведь вопрос не в формальной стороне дела, что я судился 3 раза, я крал не только 3 раза. Я исключительно вращался среди молодежи такой же, как и я, которая занималась воровством. И потому, когда меня обвиняют в том, что я судился 3 раза, то это чисто формальная сторона, по существу я в то время вел самую преступную жизнь, какую может вести человек, попавший в такую среду. И если я судился не 3, а два раза, то не потому, что я был слишком малым преступником, а потому, что я мало попадался. Сначала я попал в тюрьму в Плоцке. Там была фабрика перламутровых пуговиц, туда я поступил в качестве токаря и проработал там все время моего заключения и после окончания заключения поступил к этому самому владельцу на работу, но проработал очень мало и был взят на военную службу. Если в последнее время моя жизнь была другая, то только потому, что меня приютил у себя этот хозяин. Если бы я не попал к нему на фабрику, то, может быть, моя жизнь была бы другой. На военной службе, в Измайловском полку, я был определен для исполнения обязанностей конюха. На этой должности я пробыл до последнего года военной службы. Последние несколько месяцев нужно было служить вновь в строю. Я перешел в казармы, это было на Измайловском проспекте в Петрограде. В один из дней шли мимо нас окруженные конвоем какие-то рабочие. Сказали, что ведут забастовщиков. Я стал говорить, что это не преступники, а хорошие люди, и потом возмущал солдат. Я был привлечен по докладу фельдфебеля перед ротным командиром, который говорил, что я пойду под суд. В то время такое преступление считалось очень большим. Но ротный командир, не знаю почему, из сочувствия ли ко мне, предложил мне поехать на Дальний Восток добровольцем, так как было требование добровольцев. Я согласился, был произведен в ефрейторы и поехал на Дальний Восток. Правда, не доехал туда.

Вернулся в 1906 году и поступил на завод, проработал там до ноября 1906 года. Тогда мне предложили бросить работу на заводе и остаться секретарем союза рабочих по металлам. Это были мои первые шаги на общественной работе. И нужно сказать, что в эти три года, когда я работал в союзе, я работал так, как могу только я один, самым честным образом, с полным увлечением, присущим моему характеру. Так было до 1909 года. Но я чувствовал, что у меня мало

знаний, чтобы стоять на таком ответственном посту и, когда меня арестовали по делу в связи со съездом, я думал, приехав в Москву, поступить в университет, Шанявского, куда я поступил позднее, и не думал участвовать в политике. В университете, Шанявского и на курсах я свел много знакомств. Познакомился с Плетневым и начал знакомиться с московскими рабочими. Я в то время работал на фабрике Штоль за Бутырской заставой. В апреле 10-го года приезжает ко мне Макар и предлагает мне вступить в члены ЦК. Макар предлагает организовать типографию, предлагает Шевченко-большевику и мне с ним вместе организовать типографию Центрального комитета в Ярославле. Была ли организована типография, я не знаю, но, что она должна была быть организована в Ярославле, я знаю. Я покупал шрифт.

Вскоре после этого я был арестован при Московском охранном отделении, и тут я узнал, что арестованы Савва Шевченко и Макар и др. В первый раз меня вызвал ротмистр Иванов и допрашивал; я все отрицал. Он мне говорил, что знает подробности, зачем приехал Макар и т. д. Я все отрицал. Потом он вынимает и показывает мне фотографическую карточку, которая была снята случайно, когда мы в Петровском парке простоквашу ели. Уже это во мне возбудило известный страх и опасность, что дело принимает серьезный оборот. Затем после этого говорят о типографии. Я удивляюсь, почему во всем деле нет ни слова об этом ни со стороны обвинителя, ни со стороны свидетелей; нет ни слова о том, что тогда задело Центральный Комитет дело организации типографии и арест этот был одним из самых крупных арестов за последние 5 лет. Во всем судебном следствии не слышно об этом. Сразу, ни с того, ни с сего, Малиновский предлагает свои услуги служить в охранном отделении. При организации Центрального Комитета известной семерки мне делают предложение служить в охранном отделении. Я отказываюсь. И если есть возможность у кого-нибудь, чтобы подняться выше и понять тот факт, что бывают такие моменты, когда самый страшный преступник, которым я себя признаю, когда он хочет на несколько часов своей жизни быть человеком, то я прошу верить, что такую попытку я делаю сейчас и повторяю, что на первое предложение я не мог согласиться и не потому, что я почувствовал отвращение к этому предложению, — я этого не переживал, — а просто я не хотел, потому что я не видел возможности справиться с той двойственной ролью, которую я должен был нести.

На 2—3 день меня вызвали снова, стали говорить о семейном положении, о заработной плате. И, когда во время этого допроса стали мне говорить о Ярославской типографии, что там все арестованы и чтобы потому я соглашался идти служить или иначе меня ждет 12 лет каторги, то тут у меня зародилась мысль согласиться. Во всяком случае я еще не согласился, но мысль согласиться уже у меня была. Был ли то страх 12 лет каторги или то, что я боялся, что все наше дело было делом рук провокации. У меня создалось такое впечатление, что все равно, что бы мы ни делали, все будет известно, что кругом партия окружена этой провокацией, что не разберешь, где честный работник и где провокатор. Вот те мотивы, которые меня побудили вступить в охранку. Внутренне я уже согласился вступить в охранку, но сказать еще не сказал, а внутренне уже решил и переживал это решение. Решающим вопросом в этом отношении было еще то, что в качестве обвинения мне еще предъявили и то, что я судился за кражу. Тут уже для меня вопрос был решен совершенно, тут уже я не колебался ни в чем, ни вопроса об угрызении совести у меня не было, у меня был только страх перед тем, что меня разоблачат, что я судился за кражу. Я не мог подняться так высоко и я верю, что окружающие меня люди не могли бы подняться так высоко, чтобы примириться с тем, что человек, который судился за кражу, теперь мог бы работать в партии. И вот я согласился совершенно спокойно служить в охране из-за страха, что меня разоблачат, что я сидел в тюрьме. После этого начал я ходить в охранку; здесь идет разговор о том, много ли я донес или мало. Если я донес тогда мало, то потому, что нечего было доносить. Если вы видите, что там показана цифра 10 или 15, если вы видите, что некоторые показания я подтверждаю, а другие отвергаю, то это не потому, что я хочу сказать, что я малый преступник, а потому, что или это неправда, или так было на самом деле. Если я не сообщал много, то не потому, что я скрывал, а потому, что я сам тогда знал очень мало и не вполне деятельно работал; не потому, что меня совесть мучила. Я главным образом боялся разоблачений, потому что я судился за кражу. Я даже спрашивал тогда Заварзина, за что мне деньги платят, он мне говорил: что все очень хорошо, мы от вас ничего и не хотим. Я помню мой разговор с Ивановым, который говорил, что он не хотел вовсе, чтобы я служил доносчиком, он мне говорил: мы вас просто купим, чтобы вы сами нам не вредили. Я мог бы больше сказать о периоде моей московской службы, но вряд ли об этом стоит говорить. Просто напросто никакого значения это по существу не имело, и только в 1910—11 году я начал известное участие принимать в политической работе.

До тех пор если бывал, то исключительно в профессиональных организациях и в политической работе как таковой не участвовал. И когда Валентина Николаевна Лобова пришла и сразу предложила поездку в качестве московского делегата на Пражскую конференцию, я не знал ни одного из членов Московского комитета и не знал — существовали ли они — и не знал — каково положение организации. Я совсем не бывал на собраниях, так что предложение В[алентины] Н[иколаевны] показалось мне очень странным и характерно то, что ее мотивировка моей поездки, если ни целиком, то отчасти совпадала с теми мотивами, о которых Заварзин говорил. С того времени начинается преступление за преступлением. Здесь я стал понимать и чувствовать всей душой, что я делал и не понимал, зачем меня держат, потому что никаких показаний не было. Мне все-таки платили, хотя я внутренне чувствовал, что не за что. Я говорю, что в момент поездки я не знал ничего, это не было сделано сознательно, как бы здесь ни говорилось, что вопрос о моей кандидатуре был решен, это неправда. Я повторяю, что я услышал о моих выборах, возможности их, на январской конференции. Там ко мне подошел Ленин и стал со мной говорить о возможности моей кандидатуры. И здесь я совершаю сознательное преступление, за которое отвечаю целиком, которое мне покою не давало. Я Ленину стал говорить, что не стоит выставлять мою кандидатуру в Думу, потому что принесу вред себе и партии. Ленин не спрашивал подробности — в чем дело. Я ограничивался небольшими заявлениями. В этом мое первое сознательное преступление, я мог в то время представить в таком виде, что Ленин, Зиновьев, который присутствовал в то время тоже, могли понять, что нельзя меня послать в Думу, потому что может быть вред для партии, и если я говорил Ленину и остальным, то говорил, чтобы обмануть самого себя, что я не совершаю большого преступления. Стоило мне немножко показать, что нельзя и Ленин не согласился бы на мою кандидатуру, но я так представил, что Ленин счел возможным меня послать, но я искажал, сам верил и хотел обмануть самого себя.

Когда я вернулся обратно с конференции, то товарищи в моем докладе не нуждались. Я бы его сделал, но в нем не нуждались. Я был на конференции, как член ЦК, но вернулся оттуда гораздо раньше. Доклада не сделал, потому что не требовали. Не могу сказать, чтобы я в моей работе был искренним от начала до конца перед охранным отделением. Но это ничуть не умаляло моего преступления и не потому, чтобы я был слишком честным или что-нибудь еще, потому что был монархистом и черносотенцем, но скрывал и делал что мог, чтобы не сказать того или другого. И в этот период московской деятельности я то же делал, как делал в Петербурге. Если делал, то делал только потому, что мне люди были жалки как личности, или просто мне доставляло удовольствие мстить до известной степени за то, что я сам переживал. Мстить тому же Иванову, Мартынову, чтобы их можно было надуть, или дать неверные сведения. Этот вопрос личных переживаний, а не чего-нибудь другого. Между прочим, здесь говорилось, что я ярый большевик или меньшевик, но я в своем первом заявлении говорил, что потому был большевиком, что имел сродство с ними, может быть, вам будет тяжело, что я употребляю это слово, но оно есть, таким я был. Не был с-р, потому что не знал, не был меньшевиком, потому что не разделял их позиции, их путаницы, если сочувствовал большевикам, то потому, что чувствовал прямоту их позиции, их линии и как-то сказал в каком-то разговоре, что от них пахнет рабочим потом. Я слишком отдавался работе в это время, здесь мало людей, которые меня видели, видели бы, как мне приходилось работать, я не мог уделять времени маленьким или большим делам, для меня не было различия, меня захватывали и маленькие, и большие дела. Черносотенцем я не мог быть, потому что отец был в ссылке, ненавидел их как поляк. Это первое начало моей ненависти старого режима. Пойти в политике за с-р. я все равно не мог, не мог я им сочувствовать. Я немного отвлекаюсь, перейду к Думе. Когда начались выборы, я здесь категорически отрицаю целый ряд преступлений. Об аресте Кривова не знал, и вообще, эта история слишком раздута. Кривов был ничтожный человек, рабочий — пьяница до последней степени, это был человек негодный, который пил запоем, неделю работал, а две недели лежал больной, и если работал у Фермана, то только потому, что был незаконнорожденным его сыном, и вся эта история с обыском могла быть только потому, что меня не спросили об аресте Кривова, я и не знал. Затем еще события извращены в обвинительном акте, отпуск я получил от самого Фермана, а не от конторщика, которого не было и в живых. Затем Нерлин не прав, я никакого предложения не делал, а только при выборах в Думу скрыл, что я был судим за кражу. Я отрицаю не для того, чтобы уменьшить свою вину, у меня будут сотни других не менее важных преступлений, зачем в дело, которое решается не в старом порядке, а здесь, вводить ложь, когда без лжи и так достаточно преступлений, и так достаточно обвинений, и так достаточно страданий, зачем сюда, в это дело приписывать ненужную ложь. Вот почему возражаю против этого, Я не подкупал конторщика, чтобы он мне дал отпуск, у меня было сотни других поводов, чтобы

отказаться, я мог легко отказаться и сорвать выборы. Достаточно было не прилагать стараний с отпуском, достаточно было не работать, не угрожать Ферману и Кривову и я был бы рассчитан. Нет, моя совесть была усыплена в это время. У меня было другое: я хотел попасть в Думу, и хотелось не ради денег, о которых здесь говорят, мне хотелось быть членом Думы, доказать родным, что я выбран. Я обманывал себя, я верил и не верил, обманывал себя, думал: дойду до высокого поста, а потом откажусь; глупости приходили в голову, что, может быть, покончу самоубийством. И если все-таки я попал в Думу, то потому, что этого хотел и если бы не хотел, если бы не прикладывал стараний, то я не попал бы туда, если попал, то потому, что из кожи лез вон и если были какие препятствия, то не такие, в которых обвиняют; препятствия были другие, с которыми приходилось бороться и другими средствами, другими приемами, а не теми, в которых обвиняют и может быть целый ряд других вещей, которые разрушали меня морально, но не было того, что мне приписывают.

И вот, когда попал в Думу, со мной случился перелом: добился Думы, член Думы, председатель фракции, но что же дальше, какая цель? Нет, ничего. И тут начинается уже другое, то чего не было раньше. И, может быть, одна из причин этого, почему перелом во мне начался, были те условия, в которых мне приходилось работать в охранке в то время, так и приходилось главным образом работать с Белецким и Виссарионовым. Более преступных личностей, чем Виссарионов и Иванов, я никогда не видал и не могу себе представить. Это такие охранники до мозга костей, так умело могли высасывать из человека все то, чего не хочешь сказать. Иванов несколько другой тип, чем Виссарионов. Он верил в то дело, которое делал. Я видел один раз на собрании в Москве Иванова, когда он был в гражданском платье. Во всем его разговоре видна была преданность тому делу, которому он служил. Это был человек, который своим присутствием, собой создавал уважение к себе и тому учреждению, в котором работал. И тот перелом, который во мне начался, он начался благодаря тем способам, тем приемам, той ловкости, если так можно выразиться, с которой они могли высасывать из человека все, что им нужно, это был период, когда они делали из меня орудие. Я не могу сказать, что это без моего согласия, я бы ведь мог протестовать. Эти способы, приемы были до того тяжелы, что они начали действовать разрушающим образом на мою психологию и на мое состояние. Одновременно с этим была Дума, которая являлась школой в моем политическом воспитании, у меня была ответственность, как у члена Думы. И доносы, которые я должен был делать, они носили несколько другой характер. Не удивительно, что целый ряд событий, мое ответственное положение, все те мелочи, которые приходилось переживать, создали во мне тот перелом, который был в это время во мне. Я тогда с радостью смеялся, издевался над Мартыновым и Ивановым, когда им врал. Здесь я вру иначе, вру, потому я никогда не могу говорить, не могу сделать многого того, что делал раньше, не могу помириться с тем, чтобы то или другое сделать. Это не потому, чтобы я сделался лучше, чище как человек, чтобы я изменился как-нибудь особенно. Если бы у них были другие приемы, способы, возможно, что моя совесть совсем не могла бы проснуться, но в этом не моя заслуга, а заслуга их неумелости, что они помогли моей совести проснуться. Согласитесь с тем, что в это время начинается во мне проявляться то, что я сделался ненормальным. У меня с особенной силой проявлялся страх, что могут открыть, что я судился за кражу. Я помню разговор с Кувшин[ской], когда она мне сказала как-то раз, когда мы вернулись с собрания, которое было в связи с женским движением, «учитесь, Малиновский, у вас знаний мало, у вас будущее впереди». На это мне ей хотелось сказать: «а знаешь ли ты, что я судился за кражу?» Эти мысли о том, кем я могу быть в будущем, и наряду с этим страх, что могут обнаружить, что я судился за кражу. Этот страх, что я могу быть открытым делали из меня такого человека, что я дрожу перед каждым. И сидящий здесь обвинитель, который имел со мной на личной почве столкновения, он тогда не знал, как я дрожал перед ним. Сегодня не дрожу, я не боюсь вас, а тогда дрожал и боялся, что я могу быть открытым, сегодня я спокоен. Этот страх превратил меня в человека, который постоянно дрожал, я не был человек, я не знаю, чем можно назвать. Порвались нервы, я доходил до того, что на заседании фракции стоило кому-нибудь из депутатов, говоривших речь, повторить что было сказано, чтобы я уходил из помещения и плакал, как маленький ребенок; ругался самыми бранными словами во фракции, потому что нельзя было иначе; порвалось все и не было спасения, видел, что не переживу никоим образом. С Белецким был такой случай. Белецкому я говорил об уходе, Виссарионову, не помню, говорил или нет. И вот Белецкому я заявил, что уйду, что не могу больше, что я могу кончить самоубийством, когда Белецкий мне отказывал. И на это Белецкий перекрестился, он испугался, он был религиозным человеком, очевидно боясь, что его душа из-за меня не попадает на небо. Я отравлял жизнь не только жены, я делал еще большее преступление перед своими детьми, что было не меньшим преступлением, чем то, в котором я обви-

няюсь — в провокации. Я развращал собственного ребенка и совершал преступление перед ним не меньшее, чем совершал, служа в охранке. Это преступление перед моим собственным ребенком я привожу как одно из крупных моих преступлений. В это время Н[адежда] К[онстантиновна] пишет в письме: «Роман заработался». Нет, не заработался, я не мог ничем жить, мне хотелось уйти и в результате не буду говорить, как это было, это не важно, но важно, что получил согласие Белецкого на уход. Было это перед тем, как мы вышли на 15 заседаний, приблизительно, наверное, за месяц. Одна из причин была та, что мне не верили, когда он мне посмел сказать, что я ему вру. Это произвело на меня впечатление. Я еще старался успокоить свою совесть и, когда мне говорят, что мне не верят, когда меня ловят, когда показывали, что мне как человеку нет никакой веры, потому что я соврал, я уже начинал думать, что кругом меня всюду провокация, у меня уже ничего не оставалось, все отняли у меня, я уже ничего не мог дать. Это была одна из причин моего ухода, потому что веры мне не было. Переходя к показаниям Белецкого, я удивляюсь, что и у Белецкого, и у Иванова, и у свидетелей партийных, которые были в этом деле, когда во время Керенского пропала бумага, которая теперь не имеет значения, упоминалось, что в то время была типография в Ярославле, в момент ареста меня и Макара была организация Центрального Комитета и что в то время не было процесса создано, только потому, что я согласился служить в охранке. Тогда не было создано процесса по Ярославской типографии только потому, что тогда все за исключением Макара были выпущены на свободу. Когда упоминают об этом факте, то неужели только потому, чтобы придать большую круглоту моим преступлениям. Почему не судили за типографию, почему тогда не создали процесса, почему выпустили меня и Шевченко. Я думаю, что здесь одно: допрос, который производили во время правительства Керенского, когда Керенский ставил вопрос не на чисто моральную сторону, а как преступление по должности, и понятно, что в рамках этого этот вопрос разрешался. И Белецкий и Виссарионов верили, что если докажут, что Малиновский провоцировал, то они будут оправданы. Кончая этот период, я хотел бы обратить внимание на обвинительный акт, где говорилось о том, что я явился в Смольный. Я не представлял себе, когда я явился в Смольный, чтобы была процедура такая, какая была теперь. Потом о чем говорить? Преступник и больше ничего. Неужели надо здесь, чтобы доказывать, что я провокатор, неужели надо доказывать, что я не 10 раз, 15 кого-то выдал. Да разве 10 недостаточно, когда из этих 10 раз 5 были сделаны тогда, когда я сознавал свое преступление; разве оттого, что я выдал еще лишних два-три человека, я сделался большим преступником, чем был. Ничуть, я тот же самый, тем более, что вещи, которые мне приписывают, носят более моральный характер, чем это было на самом деле. Я не буду говорить, как я оказался в Думе. Выйти из Думы без причины было нельзя, нужно было иметь какую-нибудь причину. Такая причина для меня нашлась, это то, что мы были исключены на 15 заседаний, и когда в момент обсуждения протеста по этому поводу, я видел, что между мной и членами фракции есть разногласия. Выяснилось, что фракция признавала только парламентский способ борьбы, а я хотел большего. Это было мною сделано, чтобы создать конфликт, чтобы легализовать уход, потому что вся русская, читающая газеты публика нашла, что я нервно заболел. Джунковскому я категорически заявил, что мой уход из Думы был не по приказанию кого-нибудь, а потому, что создались условия, при которых я никоим образом не мог исполнять своих функций по целому ряду причин морального характера и по целому ряду других. Что касается предъявляемого мне обвинения в смысле выдачи кого-нибудь из друзей, то я повторяю, что я сам себя обвиняю в двух, так сказать, преступлениях: я выдал лучшего друга — Андрея Свердлова, это вышло таким образом, — я не знаю, знают судьи или нет, — я был в Думе, прибежал Бадаев и сказал, что только что приходил швейцар и сообщил, что приходил охранник и расспрашивал, находится ли в их квартире такой-то человек. Когда Бадаев сказал, что не бывал, то сразу понял, что как описывалась наружность, что спрашивали Свердлова. И говорит: у меня Свердлов, что делать? Мы решили, чтобы выручить Свердлова, что в девять часов вечера, пойдем на набережную реки Невы и зажжем папиросу. Это будет доказательством, что никого нет на улице. Он должен два раза потушить огонь, это было доказательством, что он понял. Мы через лесной склад и забор вышли на реку Неву. Кругом было пусто и темно. Мы зажгли папиросу. Свердлов отвечает. Слышим, открывається окошко и в это время с баржи, находящейся на Неве, вылезает человек. Я сразу сказал: пристрелить нужно. Слышим: Свердлов прыгает на забор, а человек вышел на мостовую, нагнулся, взял 10 дров на руки, повернулся и ушел обратно. Свердлов выскочил и мы его провели и он ушел. Я пошел в театр и, вернувшись обратно, застал Свердлова у себя. Он вырвался из одного плена и чуть не попал в другой; и здесь, когда я был вызван по телефону, я сказал, что Свердлов у меня, и с меня потребовали сказать, куда Свердлов идет. Свердлов ушел и в ту же ночь был арестован. В эту ночь был другой случай, когда Белецкий сообщил, что Коба

будет арестован; Коба в этот вечер приходил ко мне и отправляется на вечеринку в Калашниковскую биржу и его там арестуют. Я знал, что его будут арестовывать и не предупредил, а там, в Калашниковской бирже, были два хорошие места, я знал все это и не предупредил. Это два моих преступления; я, как человек, знал их и с ними примирился. О многих арестах я фактически не знал, это подтверждается Департаментом полиции, подтверждают показания охранного отделения. Я говорил на собрании, а арестовывали через три недели, через месяц, два; и утверждать, что эти люди были арестованы через меня, нельзя. Зачем говорить, есть такие вещи, которые незачем впутывать в это дело. Мне предъявляется обвинение в том, что я дал декларацию во время исключения на 15 заседаний и что будто бы Белецкий делал пометку. Я повторяю: я ее не давал, я был членом комиссии по выработке декларации, я ее имел, но не давал, и если она у них была, то была дана не мной, а кем-то другим. Затем самым страшным преступлением моим является, что я докладывал в охранное отделение. Просто смешно было, я несмотря на то, что совершал преступление, способен был смеяться, потому что прилетал небылицы. Доклады, которые делались в охранное отделение, я их просматривал, исправлял, говорил, что не верно. Были случаи, когда говорил неправду, скрывал, были случаи, когда я по тем или иным мотивам давал ложные сведения. И если бы говорил сейчас не перед судьями, а с человеком, как с человеком, то многое сказал бы, что было сделано; что касается того, что сообщал о заседаниях ЦК, то неужели к моим преступлениям нужно приплетать эти мелочи? Зачем? Я думаю, что в той плоскости, в которой разбирается здесь дело, не стоит вpletать эти мелочи. Я думаю, что тот факт, что я служил в охранном отделении, сам по себе говорит, что я совершил огромное преступление, и хотя у вас вызвало насмешку, когда я сказал, что я о Ленине не говорил, но я могу опять доставить вам удовольствие смеяться, смеяться, но я не говорил, что Ленин был слугой австрийской полиции. Я не был настолько подл, чтобы его оскорблять, до того я не мог оподлеться. Я совершал сотни других дел, но о Ленине не мог говорить. Был такой человек, который пользовался таким исключением, может, только он один. Когда я вышел из Думы и приехал в Австрию, там в Следственной комиссии, пусть это будет не в моем оправдании [так в тексте. — *Сост.*], а правду скажу, если бы допрос исходил из моего обвинения, из недоверия ко мне, я, может быть, и сознался бы, но мне верили и я не мог. Был такой момент у меня, в это время на совещании партийных работников, в январе, когда я напился пьяным, купил бутылку Бенедиктина и напился пьяным, я не мог решиться в трезвом виде сознаться, решил сознаться пьяным. Когда я приехал в Поронин, на допросе следственной комиссии не сознался, не сознался главным образом потому, что люди мне верили сильно. Я уже не служу, не буду никогда служить, уйду и из партийных работников, кончу с охранкой, получил 6 тысяч и уйду, больше никогда не буду служить, зачем говорить, когда люди мне не верят, может быть не откроется; меня охранка убеждала, что ни одна бумажка не останется, ни в Департаменте, ни в охране, я не хотел брать расписок. Говорил не с Белецким, не с Ивановым, а с господином Поповым, которого я не знал тогда; он меня уверял, что все расписки будут уничтожены и следа не останется, и поэтому о том, что я могу быть раскрытым, я думать не мог. Когда ушел из охраны, когда сдал все дела, то они меня также уверяли, что все кончено. Как мне было сознаваться в то время, если что и оставалось, то мои внутренние переживания; я знал, что не могут быть открыты какие-нибудь сведения, может быть, поэтому и не сознавался. Это было мотивом, почему не сознавался. В конце концов, когда следствие закончилось, я попал на военную службу, был мобилизован, 4 1/2 месяца был на фронте, затем был взят в плен, попал в плен. Там впервые несколько месяцев был спокоен. Здесь я, по заключению обвинительного акта, совершил последнее тяжкое преступление. На это преступление разрешите обратить внимание. В плену я прикоснулся к людям, которые не только ничего не понимали в политике, но даже не знали самых обыкновенных истин. Я беседовал с ними, невольно заинтересовался; как-то разговорились мы на тему о деятельности Крестьянского банка, потом я прочел 4 лекции. Стал чувствовать, что оказываю влияние. Но знал уже, что если вернусь, то в партии работать не могу, потому что не смогу быть рядовым работником, в силу присущих мне качеств я бы опять выдвинулся на высоту. Я верил, что никогда не обнаружится, что я был провокатором, но два с половиной года тюрьмы за кражу так и остались и поэтому все равно не будет спокойной жизни, поэтому нельзя думать о том, что смогу вернуться к партийной работе, потому что слишком я много испытал, слишком много пережил за это время моей работы в партии в связи с моей службой в охране. Здесь, в плену, я стал учить, учился сам, здесь не было того страха, что обнаружится, что судился за кражу, тут не было той партийной борьбы, которая была на воле, тех партийных мелочей, а была спокойная просветительная деятельность. Приписывать мне эти два года моей работы как тяжкое преступление нельзя; эти годы были для меня самыми светлыми годами моей жизни. В этом мы расходимся

с вами и будем расходиться до того дня, пока вас и меня не засыпят песком. Как бы вы меня не убеждали, что я был преступник в плену, я не пойму этого и, наверное, вам не понять моей вины. В 1914—1916 году я работал, как может работать самый честный человек. И за то, что я сделал, ничто не в силах меня вознаградить за мой этот труд. Моих учеников, которые образовались за это время, было четыре. Одни из них швейцар, когда приехал в Петроград, зашел ко мне. Я слышал, как он говорил, что защищал советскую власть, и как он ответил брату, который ему сказал: ну и опухнешь с голоду, сдохнешь. Какая внутренняя радость была у меня, когда я увидел этого человека и слышал, как он говорил. В 16 году я уехал на полевые крестьянские работы в плену. Может быть, это не интересно, но выслушайте меня. Это, может быть, мелочи. Когда во время работ я лежал на траве и присматривался к сотням тысяч козьяков, которые живут так же, как и я, я стал думать о себе, как о человеке, что я сделал, что сделали другие люди, стал думать о том, какова моя оценка жизни, совпадает ли она с другими оценками, официально признанными, или нет. И тогда я думал не только о преступлении провокации, но и о целом ряде других. Я многое раньше делал того, что я теперь считаю как преступление с точки зрения человека, я мог это признать, работая два года, и, может быть, вам будет оскорбительно слушать, для меня социализм стал религией. Я никогда раньше не способен был принести себя в жертву, а здесь пришел к этой мысли совершенно спокойно и если сейчас немного волнуясь, то потому, что вкладываю страдания своей души, а не потому, чтобы меня волновал ваш приговор. Больше вам скажу, я кончаю, не думайте, что я к людям, которые не могут меня понять и которые с глубоким чувством отвращения относятся ко мне, что я их считаю неправыми. Я скажу следующее; когда я виделся в Париже с Бурцевым¹, беседовал с ним о разных вещах, то он мне предложил повидаться с тем человеком, который выдавал так же, как я, других. Я не мог, однако же, с ним видаться. Он так же, как и я, по тем или иным мотивам не сознавался и сделал больше, чем я. Я вам говорю, что чувство отвращения к этому человеку не дало мне возможности видаться с этим человеком. Вы меня поймете, что я питал чувство отвращения, так же и каждый из вас питает такое же чувство по отношению ко мне, потому что вы люди, как и я. 19 декабря 1916 года меня вызвали с полевых работ по требованию царского правительства, чтобы обменять как больного и перевести в Россию. Впоследствии узнал с дел, что было сделано подробное распоряжение, как арестовать. Находящийся в плену бельгийский посланник офицер², бывший там солдатом, научился русскому языку и посещал мои лекции, их было много. Курс политической экономии я прошел целиком, историю среднюю, русскую историю. Нас работало много и большие заслуги, чем мне, принадлежали Кристальсу, Штамеру, Синицыну³. И когда он бежал, то он посланнику русскому сообщил о том, что я делаю. Правительство приняло все меры, вошло в соглашение с Датским Красным Крестом, чтобы как вредный элемент меня вырвать. 19 декабря 1916 года меня вызвали с работ⁴, при осмотре присутствовал находящийся в плену доктор Поспелов, живущий в селе Медведь. Тогда я старался уехать в Россию, на пересмотре старался, чтобы был признан больным, в это время был человеком, который мог поехать, не боялся за себя, что могу поколебаться. Это сделали два года жизни в плену, два года одинокой жизни на крестьянских полевых работах, сделали то, чего не могли сделать долгие годы. Я здесь не могу назвать одной вещи, отчего мне удалось спастись за это время. Если разрешите, я в виде записки передам потом председателю Трибунала. Когда началась революция, то, верьте мне, мне не было совершенно страшно раскрытия моего, верьте мне, я не боялся моего раскрытия не боялся раскрытия меня Бурцевым или кем-нибудь другим. И когда раскрылось, то само собой было решено, что я поеду в Россию, и я ни одной минуты не сомневался, ехать мне или нет. Я сознал глубоко свою преступность, сознавал, что если я не откроюсь, если не скажу, все равно жить нечем; и приговор, который вы вынесете, приму совершенно спокойно, потому что я до глубины души сознаю законную его правоту и все то, что я говорил, не для того, чтобы вызвать чувство сожаления в вас к себе, как у судей, но я хочу, чтобы вы меня поняли как люди. Но я знаю, что вы еще кроме того, что вы люди, вы судьи. Я отлично понимаю, что для меня не было другого выхода, как открыться в ЦК и заявить о себе. ЦК мне отказывает; помню дословное письмо, в котором говорится, что «ваше дело перестало быть делом партии»⁵. Тогда я пишу министру юстиции Переверзеву, что, «услышав, что провокаторов будут судить, что я хочу явиться, что я не скрываюсь и не буду скрываться, поэтому прошу об отложении дела, или освобождении каким-нибудь путем, чтобы я мог явиться». Когда начали делать отправку, то отправляли по национальности, по партиям, латышей с латышами, поляков с поляками, украинцев с украинцами, выделяли и сибиряков. Меня как уроженца Польши хотели послать в Польшу. Я пишу 10 прошений, что я натурализовался давно, женат я на русской, дети мои русские, что я связан с Россией, и требую, чтобы меня послали в Россию. В крайнем случае, если бы я не захотел ехать в Польшу, я бы мог остаться в плену.

Мне не было плохо в смысле материальных условий, жить было можно. При обмене пленных, предусматривалось, чтобы сперва больных послать, потом здоровых. Отправка была процентуальная. Назначено было, когда началась отправка, отправлять сначала рядовых, потом офицеров, потом вербуют таким образом, что отправляют сначала взятых в плен в 14 году, потом высылают взятых после 14 года. Наша партия в количестве 850 человек отправляется. Едем через Вильну, там делают опрос, нет ли кого-нибудь, кто как поляк едет в Россию и желает остаться в Польше, если таковой имеется, то он будет отправлен в Польшу. Я не думал вовсе, чтобы заявлять об этом. Затем приезжаем в Двинск, Псков. Стали подозревать, что я черносотенец, что я присутствую при организации белогвардейцев, я скрываю адреса. Приезжаем в Петроград, здесь впервые узнаю, какова действительность есть. Здесь подтверждается, что с провокаторами не иначе, как расстрел. Для меня создалось такое положение, что повернуться некуда, скрываться, что я Малиновский, что я служил в охранке, я не хочу, потому что не могу: сил больше нет. Да и в это время я преследовал другую цель и другие задачи. Приехав в Петроград, отправляюсь в Совет; это было в воскресенье; мне сказали, что Совет закрыт и пришлось вернуться обратно, взяв 4—5 товарищей, показал им достопримечательности Петрограда, переночевал на вокзале. На другой день был смотр, выдача одежды; половина четвертого, вырвался, побежал в Совет, мне сказали, что Совет закрыт, иду ночевать в лазарет № 144, потому что выдали больничную одежду, там карантин, отправляюсь ночевать к Шныреву, там ночую; на другой день иду в Совет, предъявляю письмо ЦК. Меня не берут, дают какой-то пропуск в 93 комнату, там часа полтора хожу, наконец встречаю секретаря Петроградского комитета⁶, ему моя фамилия знакома, он меня повел в комнату ЦК, где меня и арестовали. Вот все, что я хотел сказать. Все это я говорил не с целью оправдания, потому что, повторяю, я не представляю себе, как бы я мог жить среди вас теперь. Верьте моей искренности, я еще представляю себе, чтобы я мог жить, если бы попал опять в такую среду, в какой был, когда был в плену, где меня не знал ни один человек, представляю себе, что я мог бы жить, если бы по мановению руки был бы переслан в Канаду, в Африку, там я бы мог, наверное, жить, но как я мог жить после всего того, что со мной было здесь, я не представляю и не могу этого понять. Вы, выслушав мои слова, судите меня, как я должен быть судим; вы сами видите, что нет иного выхода и его не может быть, и мне и вам приговор ясен; и верьте мне, я его спокойно приму, потому что другого не заслужил. Все!

Председатель. Ваше слово, гражданин обвинитель.

Крыленко. Обвинительный материал так, как представлен в обвинительном акте, нашел себе достаточное подтверждение в тех объяснениях, которые были даны подсудимым. Но, поскольку перед нами не прошел целый ряд свидетелей, показания которых имеются в обвинительном акте, поскольку нет никаких оснований придавать им абсолютную точность, абсолютную достоверность, постольку при предъявлении фактической стороны обвиняемый стремился с самого начала не только построить свои показания на показаниях тех свидетелей,— одни из которых умерли и их нельзя позвать сюда и нельзя заставить здесь повторить то, что они говорили во время допроса на предварительном следствии,— постольку обвиняемый стремился обосновать свои объяснения не только на основании документальных данных, фактах, которые не могут быть опровергнуты и не нашли подтверждения в фактах, которые могут быть выведены путем противопоставления умозаключений, сопоставлений показаний свидетелей, чтобы товарищи судьи могли выяснить эту сторону, совместно с доказательством уликовой стороны и оценки не только с точки зрения исторической, моральной, психологической тех объяснений, которые были даны. Я принужден остановиться на уликовой стороне в показаниях, которые в достаточной степени искренно были продемонстрированы подсудимым, на целом ряде фактов, которые позволяют оценить все то, что говорил подсудимый. Прежде всего с точки зрения фактической стороны, если будем руководиться конспектом, который представлен в обвинительном акте, то что касается первоначальных объяснений относительно периода выступлений на заводе Лангензипен и того искреннего участия в политической работе, приходится остановиться на фактах и не вам, товарищи судья, и не мне перед вами говорить, что в ваших глазах социалиста и революционера то или другое преступление против капиталистического порядка является результатом этого порядка, не нам говорить, что уголовная судимость в наших глазах является фактом, который кладет пятно, от которого нельзя уйти. Мы знаем и много примеров, когда в наших рядах находились лица, у которых в прошлом были такие факты. И с нашей точки зрения, когда мы подходим к таким фактам, мы никогда не делаем вывода, что это кладет пятно и что необходимо изгнать этого человека из нашей среды. Мы не так смотрим, и человек, который хорошо знает общие предпосылки нашего дела, который глубоко проник в сущность и значение наших принципов и который по крайней мере представляет

из себя человека ловкого в достаточной степени, что [бы] использовать целый ряд средств в определенном смысле, у этого человека не могло быть сомнения в том, что ссылка на прошлую судимость не является тем, что выводит этого человека из рядов революционеров. С другой стороны, позвольте указать на чисто формальные документы, которые имеются в деле, это справка, имеющаяся в двух экземплярах. Это справка о судимости. Обвиняемый говорит, что он судился два раза. Я говорю об этом не потому, чтобы я хотел поставить в вину судимость, но с точки зрения восстановления фактического положения вещей, восстановления фактической истины, и в связи с этим оценки всей совокупности объяснений, которые были даны подсудимым. Я повторяю, обратите внимание на этот документ, точную справку о судимости, которая имеется в деле. Другой документ сведения о судимости, данные на бланке Московского охранного отделения, в них указан срок годов судимости и указан определенный срок наказания, которое последовало за обвинением. Нет никаких оснований не доверять официальной справке и не оценивать ее как факт, который не подлежит сомнению. Этот документ нашел себе подтверждение в сообщении Министерства юстиции, к Малиновскому непосредственного отношения не имеющем. Это не Департамент полиции, не Белецкий, который был заинтересован, это справка с указанием года, числа, даты. Если так, то спрашивается, зачем бы обвиняемому отрицать то, что имеется как факт, как официальная справка, то, что есть как конкретный факт, то, чему мы не можем не доверять. Но дело в том, что ему нужно было построить определенную картину в качестве предпосылки, из которой можно сделать определенный вывод. Почему не создать определенной картины, почему не создать всего того, что все-таки может служить тем, на чем потом можно базироваться, создать дальнейшие выводы, чтобы создать окончательное впечатление. Переходим ко второму периоду деятельности подсудимого, когда он поступил на завод Лангензипена. Здесь, товарищи, сопоставив ряд мелочей, штрихов, фактов, мы придем к другому заключению, не к тому, которое выведем, слушая подсудимого. Секретарь партийного комитета, секретарь районного союза и почти в течение трех лет — с 903 по 906⁷ — секретарь одной из крупнейших профессиональных организаций рабочего класса, в период самой тяжелой, отчаянной реакции, период Третьей Думы, когда в партийных рядах шел один большой основной спор, который заключался в том, что: следует или нет — ликвидировать нелегальные партийные организации, отказаться от приемов политической борьбы, которые тогда были, следует ли углубиться в легальную возможность и создать то, что товарищ Ленин называл столыпинской рабочей партией. И вот этот человек, секретарь правления крупнейшей организации рабочего класса. Этот человек утверждает, что вплоть до дальнейшего его ареста в Москве он не имел достаточного соприкосновения с политикой как таковой, с политической деятельностью как таковой и не бывал в фракционных течениях как политический деятель. Исходя из практики революционного движения тех дней, трудно логически допустить, чтобы такая аполитичность, политическая индифферентность, на которую ссылается подсудимый, могла иметь место в то время. Я больше склонен заключить, что Полетаев⁸ в течение этих двух лет в Петрограде не только не мог не знать, а прекрасно и отчетливо знал политические вопросы того момента по крайней мере, поскольку шел вопрос об основном моменте, о сохранении политической позиции и прежних целей социалистов, революционеров. Это первый вывод, который напрашивается и который проливает определенный свет на значение и ценность показаний подсудимого. Затем, дальше обращаясь к дальнейшим объяснениям подсудимого, в момент, когда к нему приходит партийный работник Макар и предлагает вступить в члены ЦК. Вы знаете, товарищи, характер работы ЦК. Вы знаете, что требовалось в это время от такого человека, чтобы за него можно было ручаться головой, как за самого себя, и поэтому а priori можно сказать, что такое предложение Макара находится в непримиримом противоречии с заявлениями подсудимого, что он не прикасался к политической деятельности в это время как таковой. Наконец, мы имеем фактические документы, на которых мы можем базироваться. Это дело Департамента полиции за № 202, сводка деятельности сотрудника Портного, который был представлен Виссарионову. Так, говорится, что «дал обширные сведения о деятельности Русской коллегии ЦК». Чтобы дать обширные сведения, нужно знать внутреннюю жизнь ЦК. Спрашивается, может быть, Виссарионов врал в своих сведениях? Может быть, Мартынов врал? Виссарионов был послан для выяснения вопроса об оценке деятельности ЦК в 13 году. От Виссарионова потребовали совокупность сведений в охранное отделение и дать ответ относительно ценности деятельности Малиновского. Спрашивается: из каких мотивов, из каких побуждений человек, производящий ревизию такого учреждения, приехавший со специальной целью расследования, из каких мотивов будет вступать в противоречие с действительностью? Это совершенно не вытекает из соображений элементарной логики. В 1910 году были

даны сведения о ликвидации Коллегии ЦК. Это доказывает, что Малиновский как человек прекрасно знал о положении вещей и мог давать в этот момент определенные сведения. Затем он нам говорит о том, что его поразило предложение ехать за границу на Пражскую конференцию и что там впервые от тов. Ленина он узнал о том, что ставится его кандидатура в Думу. У нас есть показания свидетеля Козлова, Чиркина, Плетнева, которые утверждают, что раньше, до этого времени, Малиновскому было сказано о том, что Ленин просил его беречь, потому что он намечен как кандидат в Думу. Следовательно, еще до этого момента был поставлен вопрос об этом. Я спрашиваю: какие основания логические, психологические имели место у Чиркина, Козлова, Плетнева, чтобы говорить не то, что было в действительности? Их допрашивали в период правительства Керенского, тогда ничего нельзя было знать о современной ситуации. Спрашивается: зачем эти люди будут говорить неправду? Я полагаю, что ваша логика вам подскажет определенный ответ на это. Я привожу мелкие факты, чтобы дать общие основания для общей оценки всей совокупности объяснений подсудимого. Я перейду к другим фактам. Обратимся к показаниям Плетнева, Чиркина. Чиркин говорит о том, что Малиновский входил во все крупные профессиональные организации. Плетнев говорил, что Малиновский был чрезвычайно видным, активным деятелем, что он входил в сношение с меньшевистскими организациями, бывал на собраниях, когда решался вопрос о меньшевистских организациях, в Туле, когда решался вопрос о большевистских организациях. Если возьмем эти факты, запроотолированные показания свидетелей и сопоставим со словами подсудимого, то спрашивается, чему мы больше можем придать цены? Подсудимый заявлял, что не пошел к меньшевикам, а был большевиком, потому что «слышал пот рабочей рубахи». Так ли это было, или это было потому, что при оценке тех или иных возможностей; того или иного направления дальнейшей деятельности совершенно ясно было в этот момент, в 12 году, особенно после 4 апреля, в момент восстания революционного движения*, какой ответ ставила жизнь на вопрос о том, где, в какой области открывается больше возможности для дальнейшей его деятельности. Я не буду утверждать категорически, что исключительно только корыстные мотивы как таковые руководили подсудимым. Я буду утверждать, что корыстные мотивы руководили им, это я буду доказывать фактически ссылками, что они играли большую роль; затем достаточно посмотреть на показания Савинова, чтобы утверждать, что здесь безусловно были мотивы чисто авантюристические. Эти два мотива, которые его толкали на преступление,— в том числе и идти на провокацию. И та обстановка, о которой говорит подсудимый, которая, по его словам, заставила его идти на провокацию, это возбуждает сомнения, основанные на фактической стороне. Мы имеем показания Заварзина, Белецкого, имеется также утверждение Иванова, они указывают на определенную инициативу, которая исходила от самого Малиновского. В это время предполагалось со стороны Малиновского в прошлом преступление по должности, но преступление по должности не являлось тем, что вовлекает в охранку, это преступление с точки зрения старых законов не являлось преступлением. Заварзин и Иванов давали показания в таком духе, что здесь была самостоятельная инициатива со стороны Малиновского, чтобы попасть в Думу. Никто из них не знал, что Малиновский попадет в Думу, следовательно, мнение, что в то время нуждались в его объяснениях, отпадает. Нет данных, чтобы так говорить. Если посмотрим на показания Белецкого и сравним его роль, которую он сыграл в раскрытии провокаторской деятельности, в целом ряде показаний, то мы увидим, что Белецкий представлял человека, который принимал определенную позицию. Мы видим линию поведения, которую осуществляло царское правительство, и нам нет основания отбрасывать или уменьшать ценность показаний Белецкого, когда он говорил, что Малиновский провокатор, что в Узмайловском полку докладывал об антиправительственном движении. Зачем бы понадобилось Белецкому говорить неправду? Он был допрошен как обвиняемый по другому делу, если предполагать, что он это рассказывал, чтобы свалить на Малиновского, но он к этому делу никакого отношения не имел. Перейдем к дальнейшим обстоятельствам, к фактам, которые Малиновский отрицает. Он говорит, что он уезжал, чтобы скрыть свою прошлую судимость. Это, может быть, убедило Мартынова и Иванова, но не меня; для меня ясно совсем другое. Малиновский говорил, что он стремился всегда и ставил своей целью попасть в Думу. У нас есть показания Савинова, показание Фермана, которое есть в деле, показание рабочего Богатырева, которое имеется в деле. У нас есть документы, которые приложены к делу. Если мы все это сопоставим, то получим совершенно другую картину, чем та, которую пытается нарисовать подсудимый. Ферман заявляет, что «я рассчитал Малиновского, он сказал, что не согласен служить, потому и ушел, сказав, что уезжает». Когда допрашивали Фермана, то какой смысл был ему отказываться от действительности, и какой смысл говорить неправду? Малиновский при-

шел и сказал «я уезжаю», и после этого уехал, и Ферман не знает, взял ли он паспорт. Как мог Ферман, человек посторонний, говорить неправду? Если с этими показаниями сопоставим показания Богатырева, рабочего фабрики, человека постороннего, который говорит, что Малиновский говорил: Вы меня погубите, я уйду. У нас имеется заявление Кривова, которого вызвали в охранку. У нас имеется письмо Малиновского, в котором пишет Московской охранке: следует ли препятствовать в агитации Кривову против Малиновского, предлагает произвести арест Кривова, чтобы задержать его. Малиновский был заинтересован, чтобы спровоцировать Кривова, Малиновский заинтересован в том, что Кривов агитирует против него. Это удостоверяет и Ферман. Имеется документ о болезни Кривова, затем у нас есть слова Кривова, который говорит, что был дурачком, когда поднимал всю эту махинацию против Малиновского. В данном случае логика требует признания того, что Малиновский хотел пройти в Думу и делать доносы в охранное отделение. Это маленькие факты; зачем прибавлять, говорит Малиновский, эти мелкие факты к огромной сумме моих преступлений. Эти маленькие факты дают возможность оценить объективно все то, что говорил подсудимый. Это дает возможность товарищам судьям оценить все то, что излагал Малиновский, человек, который не останавливался перед покупками, подлогами. Затем мы имеем деятельность Малиновского в Думе. Здесь позвольте остановиться на показаниях Иванова, который говорил о том, что, будучи в Думе, Малиновский оказывал любезности за старые услуги, сообщал сведения о рабочих Московскому охранному отделению. Если посмотрим на списки доносов между 1912—13 годом, то мы здесь получим подтверждение того, что по старой памяти оказывал содействие за старые услуги, когда он еще был сотрудником ЦК с одной стороны, с другой — был в среде преданных старому режиму, когда, как говорит Иванов, начальник отделения давал от 25 до 50 рублей. Подсудимый говорит, что не брал наградных. Не спрашивая Виссарионова, посмотрим повнимательнее на расписки, сравним отчет Белецкого с суммами в расписках. Мы видим, что в феврале за четыре дня было получено 250—350 рублей. Эти суммы никоим образом не укладываются в сумму жалованья. Возьмем расписки на 500—700 рублей и наряду с этим расписка на 50 рублей, имея также заявление, что на заграничную поездку было прибавлено сто р. жалованья. Из всех этих дат вытекает подтверждение слов Белецкого, который говорит, что за ценные сведения выдавались наградные. Показания Белецкого подтверждаются документальными данными — расписками. Если это так, то мы имеем возможность оценить объяснения, которые давал подсудимый. Эти незначительные черточки необходимы, чтобы подойти к окончательным выводам. Имеем также заявление, что прибавки 200 р. не было. Показания Белецкого, Виссарионова и расписки опровергают слова подсудимого об устройстве типографии в Финляндии. Ее не было, мы имеем документ писанный Виссарионовым, который писал, что необходимо установить типографию, что на заседании ЦК 8 января постановлено было командировать Малиновского, но мы имеем данные, опровергающие это, имеем заявление Хаустова, который говорит, что хотели устроить поездку в Финляндию, но не устроили. Эти фактические документы, подтвержденные показаниями свидетелей, дают возможность оценить все то, что говорил подсудимый относительно наградных. Подсудимый затем говорит, что он никогда не отзывался дурно о Ленине и не говорил, что он слуга австрийской полиции. Здесь спрашивается, зачем бы Малиновскому врать, что толкает его на ложь. Если поставить вопрос так, может быть, он прав, может быть, не было никаких мотивов; если так поставим вопрос, то увидим и ответим, что найдем наличность таких побудительных мотивов. Если это нужно было Белецкому, то почему Малиновский не мог этого сказать, если так ставить вопрос, почему он не мог этого утверждать. Мы имеем почти в категорической форме показания Белецкого, Мартынова, которые спрашивают, не является ли Ленин слугой австрийской полиции, почему бы Малиновскому не ответить: да; что его обязывало к тому, чтобы не говорить этого? Здесь мы видим приспособляемость, хамелеонство, угодничество, которые характерны для деятельности подсудимого в это время. Касаясь деятельности Малиновского в Думе, то вы все, товарищи, знаете, что такое была в это время Дума, фракция, что такое сообщение об агентах русского ЦК. Вы все, товарищи, знаете, какие меры принимала полиция для уничтожения, сколько было положено сил на создание партийной газеты, сколько было положено сил на то, чтобы сделать то, что было сделано. Здесь фактическая сторона слишком хорошо доказана, чтобы потребовались еще доказательства. Я не буду говорить также об аресте товарища Свердлова. Вам это лучше известно, чем кому бы то ни было. Я перейду к последнему штриху объективной картины, к моменту выхода из Думы. Вы слышали показания Чук [...] **, Поп [ова], показания Васильева, Белецкого, наконец нужно указать на один мелкий факт, чрезвычайно характерный, что Белецкий обещал отпустить из Думы за месяц до ухода. Выход Малиновского из Думы имел место 8 мая, следовательно

но, Белецкий разрешил уйти 8 апреля. Белецкий ушел в отставку в январе 14 года, следовательно, никаких разрешений не мог давать, потому что не был директором Деп [артамент] полиции. Здесь сопоставим одну маленькую характерную черточку; подсудимый говорит, что он взял 6 тысяч р., это подтверждает картину, которую рисовал Джунковский. Вы помните показание Родзянко, который сказал, что провокатор выдал содержание декларации, когда Геловани сказал, что нужно устроить расследование. Это было как раз к моменту 8 мая, когда Малиновский призывал бросить работу и выйти на улицу. Если сопоставим это с тем, что говорил Джунковский, свидетель Попов, то получим определенную картину, что было предписание дано уйти Джунковским и нужно было найти предлог. И вся та картина, которую пытался нарисовать подсудимый о моральных переживаниях, об исканиях выхода, тупике, о том, что он поэтому должен был уйти и кончить работу, все это красиво, хорошо, но не соответствует формальным документам, фактическому материалу, уликовой стороне. Я прошу товарищей судей обратить особенное внимание на то, какое впечатление произвел в то время уход Малиновского из Думы, мы знаем, что сделал для революции этот уход, он знал, что он спасен для правительства, как деятель социалист-демократ. Он совершил ужасный удар, когда бросил Думу, выйдя без всякого объяснения, он нанес удар, от которого мы не сразу могли очухаться. Вы помните, товарищи, тот шум, который поднялся по поводу этого ухода со стороны врагов рабочего движения. Мы, которые судим не во имя моральных или других качеств, не их подвергаем оценке; мы судим с точки зрения вреда революции, опасности революции, с точки зрения ограждения революционных завоеваний, как говорит статья № 8 пункта № 1 о суде; с этой точки зрения оцениваем факты и объективно мы не можем дать двух ответов на этот вопрос и один ответ есть. Перехожу к оценке последнего обстоятельства. Мы работали в Думе, где каждое слово было написано кровью, и в том, что создано кровью, грязные руки Виссарионова зачеркивают 15 строк. Малиновский отстаивает некоторые пункты и потом принимает их условия. Вы помните, товарищи, как началось думское заседание, начинают читать декларацию, председатель предупреждает не читать декларацию: «я вас лишу слова». Малиновский начинает читать, не обращает внимания, продолжает читать, чтобы вызвать перерыв в соответствующий момент и слушает, что ему тоже будет сказано, что его лишают слова. Но без предупреждения, он продолжает читать пропустив 15 строк, и 11 строк заведомо по указанию охранного отделения. Наконец Родзянко говорит: я вас лишаю слова, Малиновский говорит: лишайте. Родзянко не догадался лишить его слова. Это была насмешка, издевательство над всей работой, которую совершала с.-д. фракция. Этого одного преступления перед революцией достаточно, чтобы подсудимый находился на скамье подсудимых. Я кончаю, но нам не приходится оценивать совокупность всех этих обстоятельств, которые ясны товарищам судьям. Если 10-й пункт возбуждает сомнение, то я укажу на некоторые моменты, которые играли руководящее значение во время процесса Деконского, 14 провокаторов; вопрос идет о том, что объективная польза данной работы не может искупить объективного вреда, который наступает в тот момент, когда увлеченные этим человеком люди вдруг получают удар в самое сердце, тот человек, который их вел, давал светоч, вдруг оказывается провокатором и для нас это преступление дискредитирует революцию в широких народных массах, подрывает ее влияние. Вот почему этот пункт стоял в обвинительном акте. Когда подходим к общей оценке, то я полагаю, что к тем объяснениям, которые давал подсудимый, следует относиться с достаточной осторожностью. В тяжелый момент борьбы с врагами, что бы ни говорил подсудимый о том, что он знает или не знает приговор, как к нему надо относиться, я полагаю, что Верховный Трибунал решит вопрос о судебной мере, которая должна быть принята во имя ограждения интересов революции, борьбы против контрреволюционных сил. Я полагаю, что никто из вас не будет колебаться в вынесении того приговора, который в данном случае должен быть вынесен человеку, который нанес самые тяжелые удары революции, поставив ее под насмешки, издеательства врагов революции и потом пришел сюда, чтобы продемонстрировать здесь раскаяние. Я думаю, что отсюда он выйдет только с одним приговором, каковым будет расстрел!

Защитник. Я, присланный сюда, нахожусь в исключительно тяжелом состоянии. Я чувствую ненужность, излишество формальной защиты там, где, может быть, творится политическое таинство, где мне необыкновенно трудно уловить остроту, трудно понять моральный пафос, с которым гражданин обвинитель закончил свою речь. Но моя задача становится еще труднее после того, как не только обвинитель, но и мой подзащитный говорит: приговор ясен и для вас, и для меня — расстрел. После всего этого спрашивается, что мог бы представить я? Дать критику отдельных уликовых положений, которую выставил обвинитель? Этого я физически не могу, потому что не овладел в момент сегодняшнего процесса, также и потому, что это бесцельно. Вопрос не в количестве действий, не в том, что 15 раз или сотни раз он выдал, в этом нельзя отказать в правоте

моему подзащитному, когда он говорит, что самый факт, что служил в охранке, этого одного факта достаточно для его осуждения. Все детали будут излишни. Если я как защитник буду говорить о мотивах, то, несомненно, мы найдем мотивы, которые прольют свет оправдания на этот единственный факт. Не мне и здесь пытаться найти скрытую силу этих мотивов, которые бы оправдывали деятельность не одного Малиновского, а целого ряда людей, которые парализовали революционное движение в России. Это особое народное явление, которое может подлежать не анализу суда, не в процессе, когда решается судьба одного человека, это задача объективного историка, психолога, который в будущем расскажет нам, чем обуславливалось это явление. Что же я могу сказать как защитник, присланный сюда? Я могу установить отдельные обрывки фактов. Мне казалось, что мой слух меня не обманывает, подсудимый был искренен, когда говорил, что не добровольное желание, не его личная инициатива, а проклятые условия толкнули его на провокацию, и провокатор Малиновский был все же человек, его живая натура увлекала его к словам и действиям. Он социал-демократ и выступал в Думе, он помнит о тех обязанностях, которые возложены на него, он как носитель известных идей подвигал массу и, может быть, многое простится ему за то, что он многих пробудил. И если в отношении Малиновского мы спросим, что же, его добрая воля заставила его быть провокатором или проклятые условия жизни толкнули его в шупальцы жандармов с инквизиторской психологией, которые творили из человека провокатора, то всякий скажет: конечно, последнее; конечно политический сыск, инквизиторская методология творили из человека, сплошь и рядом искреннего, преданного идеям, то, что им было нужно: изуродованного, извращенного, и такой человек, попавший в эти шупальца жандармов, бывал бессилен. И прав гражданин обвинитель, когда говорит, что известные общественные условия порождают общественные криминальные явления. И вот, когда мы спрашиваем Малиновского, что обусловило этот первый шаг его, этот первый надлом, трещину в его совести, когда он стал провокатором, то он нам говорит, что та общая система, которая была принята у этих тонких спекулянтов по части опустошения человеческой души. С другой стороны, как говорит он, он не мог отрешиться от мысли, что его политические друзья узнают, что он вор, и, может быть, безразлично отвернутся от него. И когда гражданин обвинитель говорит о том, что социал-демократ, социалист, проникший в принципы идеи социализма, должен прекрасно понимать, что прошлая судимость не является препятствием для политической работы, то я скажу, что это не исключает в данном случае того, что конкретно субъективно, может быть, Малиновский считал, что это вырывает пропасть между ним и товарищами по политической работе. И, может быть, этот страх и вовлек его в эту пропасть. Наряду с этим у него видим желание работать, жажду политической борьбы, желание осмыслить свою жизнь и это все время сопровождается страхом, что каждую минуту могут его вышвырнуть из своей среды. И разве вы можете сказать, что он абсолютно не прав, если ближе всмотреться в это дело, если быть справедливым в оценке, если не быть только человеком, для которого документ, известная схема дороже живого человека. И, может быть, на несчастье подсудимого, он не встретил того человека, за которым бы он мог пойти, который бы не был жандармом, опустошающим душу, который бы ему мог разъяснить, что уголовная судимость это не есть пропасть. Почем мы знаем, какие мысли бродили в голове Малиновского, мы не можем проникнуть в его мозг, как это хотел сделать обвинитель. Только ли корыстное тщеславие толкнуло его на преступление или в данном случае мы имеем психологическую загадку. Я должен сказать, что только в одной части, которую я успел проверить, гражданин обвинитель не вполне прав, когда подходит к первому моменту и черпает доказательства недоверия гражданину Малиновскому относительно его судимости. Здесь я покорнейше просил бы проверить, на листе дела том второй есть справка, которая гласит следующее: что судился по этой справке три раза, в 904, 908, 909 гг. И справка о судимости 909 года, между прочим, говорит о четвертой краже, но о четвертой краже говорить нельзя, потому что по делу нет справки о третьей краже, третья кража пропущена. Как же человек после второй кражи сразу мог судиться за четвертую. И может быть приговор на 2½ года был ошибкой и, может быть, здесь прав Малиновский, может быть, здесь подтверждается версия о судимости, которую выдвигал Малиновский. Но это детали, может быть, трижды, четырежды он судился и еще большее количество раз, что же, пропасть от этого стала разве меньше, чтобы не терзать душу, не мучать ее? Третья причина того, что недобровольно, а мучительно он был вынужден идти на провокацию, это то, что до него существовало это массовое явление, ему казалось, что вокруг него провокаторы, на этом спекулировало охранное отделение, оно говорило: не ты первый, не ты последний. И в данном случае скажу, что Малиновский человек с тем надломом воли, которые часто проявляются в уголовных делах, человек со злосчастной судьбой, и такие

люди будут достоянием психолога, историка. Малиновский в своих объяснениях, подтвержденных показаниями Иванова, указывает обстановку, которая была в это время. Это подтверждается показаниями свидетеля Бухарина, который говорит, — это на странице 132 тома первого, — он пишет: считаю нужным показать, что в то время в Москве в 1910 году была эпидемия, которая превращала партийного работника в перманентного следователя, кончалось дело тем, что каждый, заподозревая любого человека, мог спокойно в математической формуле обвинять того или иного революционного деятеля. И вот Малиновский попал в эти сети, из которых не мог вырваться, и этим воспользовались, на этом спекулировали жандармы охраны, действуя с известным методом; к этому присоединилось то, что он судился за кражу, все это вместе обусловило тот надрыв, который в нем совершился, и он стал провокатором. Я немножко детально остановился на этом моменте, но мне хотелось выяснить добровольно или принудительно Малиновский стал провокатором, поскольку мне это удалось выяснить путем краткого судебного следствия, после краткого обзора всего производства дела. Вы здесь слышали, что свидетели мельком, свидетели случайные говорили, что тяжело было смотреть на Малиновского, он рвался, мучался этой двойственностью, это подтверждает и он сам, было что-то больное, что-то мучительное во всей его жизни. У него постоянная борьба: с одной стороны, социалист, с другой стороны, предатель социализма — провокатор, и что же, — этот человек вырывается из-под тисков провокации; тогда в первый год войны он не уклоняется от гражданского долга. он остается жив, и оттуда, когда отправляли пленных, он приезжает в Россию; спрашивается: зачем он приехал, когда он знал, — не мог не знать, — что провокаторы меньшего ранга понесли заслуженное наказание; на их деятельность ответом был расстрел. Он мог не приезжать туда, где ему грозила смерть, но он искал этой смерти, может быть, этот приговор мы и услышим, но, когда обвинитель требует этого приговора, когда подсудимый сам себе вынес его, я не допускаю, чтобы он был, как кажется подсудимому в его болезненном воображении. Я хочу думать, что не будет этого приговора, я имею право на это, имею право сказать как человек и сказать почему: может быть, во имя того, чтобы не дать успокоиться душе виноватой, душе страшна смерть, но каждый комок земли заставляет нас быть равнодушным к смерти, когда живая человеческая душа терзается, конвульсирует, тогда она острее начинает сознавать всю глубину своей вины, земля нас успокоит, а агония, которая в душе провокатора и социалиста, она ужасна, это не может нас успокоить и каждый уходящий из этого процесса не может этого не понять, как мне кажется. Граждане судьи, теперь идет борьба там, на фронте, орудия на фронте творят дело социализма, там смерть понятна; здесь, в тиши спокойствия при такой обстановке так не вяжутся, не мирятся со смертью те лозунги, которые провозглашает социализм, и я не только как защитник, но как и человек прошу с вашей стороны гуманизма по отношению к моему подзащитному.

Председатель. Желаете воспользоваться последним словом?

Малиновский. Мне вопрос можно задать?

Председатель. Вы имеете последнее слово.

Малиновский. Я хотел бы, чтобы вы удостоверили по справке, когда я последний раз судился.

Крыленко. Я не возражаю.

Председатель [читает].

Малиновский. Я удовлетворен. По справке, находящейся здесь, я призван на военную службу в ноябре 1901 года, считаю сроком службы 1902 год. Затем, неужели мой обвинитель не может отрешиться от той простой мысли, что есть все-таки вещи, которые не могут быть оспариваемы? Я вам говорю, что наказание на 2¹/₂ года, этого не было, я судился и в совокупности всего был приговорен к 1¹/₂ годам. Есть вещи, которые можно установить, для этого нужно навести справку. Я все-таки суду заявляю, что не был осужден на 2¹/₂ годам, был осужден по всей совокупности на 1¹/₂ года. Что касается того, что Ленин говорил, что меня нужно беречь, потому что я намечен как кандидат в Думу, то я должен сказать, что до январской конференции ни непосредственно от Ленина, ни от кого бы то ни было я не слышал этого. Но до январской конференции с Зиновьевым, Каменевым виделся, но с Лениным не виделся. Относительно денег, — я говорю не для того, чтобы оправдаться, но для того, чтобы установить истину, — ни 500, ни 700 руб. я не получал, может быть, Белецкий взял себе их, но я не получал. Никогда и никаких наградных я не получал, на поездку за границу получил, но сколько, не помню. Относительно моего выхода из Думы я должен был бежать, потому что мне выхода не было. Родзянко и Геловани стали говорить между собой, я должен был бежать. Но тогда, чтобы быть последовательным, гражданин обвинитель, скажите, куда я бежал? Я бежал к Ленину в ЦК, хотел этим изменить положение. Это фактическая сторона.

Я испугался и выхода мне не было, потому что должны были меня разоблачить, но помните, этих причин, чтобы разоблачить, их не было; в нашем заседании участвовали и вы. Вы могли участвовать в качестве свидетеля по вопросу о револьвере; это было в Следственной комиссии, вы были там, в заседании Следственной комиссии, вы приехали в момент заседания по поводу моего следствия. Я из Думы побежал в Следственную комиссию, но меня там не только не обвинили, но даже и не поставили вопроса о моем обвинении. Это все, что здесь говорю, я говорю не для того, чтобы умалить мое преступление, потому что это не имеет абсолютно никакого значения; если это говорю, то только для того, чтобы к вам в присутствии других обратиться и сказать, что вы в своих выступлениях против меня руководились не ценными документами, а это была ошибка, которая страшнее для меня всяких приговоров. Что касается защитника, я его благодарю за все, он по советам смог проследить за вашими выступлениями, и если я согласился на защитника, то только потому, что Чрезвычайная Комиссия сама предложила. Но зачем защитник? Я прекрасно понимаю, что вы как люди можете меня понять, но вы еще судьи кроме того, и я прекрасно понимаю, что прошение неприемлемо для меня; может быть, лет через сто оно и будет возможно, но не теперь. И вы меня должны теперь судить как судьи, и я знаю, что другого приговора, кроме расстрела, мне не может быть.

Председатель. Трибунал удаляется на совещание.

Приговор

Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Революционный Трибунал при ВЦИК Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов, заслушав и рассмотрев в заседании своем 5-го ноября сего года дело Романа Вацеславова Малиновского, уроженца Плоцкой губернии, Липновского уезда, Гмину Чарны, деревни Глодово, 40 лет, по обвинению его в провокаторстве, признал:

предъявленные к нему, Малиновскому, в Заключении Обвинительной Коллегии Революционного Трибунала при ВЦИК обвинения доказанными, постановил его, Малиновского, расстрелять.

Приговор привести в исполнение в 24 часа.

Председатель Трибунала — О. Карклин

Члены: А. Галкин, М. Томский, И. Жуков, В. Черный, П. Бруно, К. Петерсон

Примечания

¹ Малиновский посетил В. Л. Бурцева по поручению ЦК РСДРП во время своего пребывания в Париже в январе 1914 г., чтобы получить сведения о члене парижской группы большевиков Я. А. Житомирском, подозревавшемся с 1910 г. в провокаторстве. Согласно показаниям Бурцева (1917 г.), он указал Малиновскому на двух чиновников Департамента полиции, которые могли бы представить доказательства, но тот сообщил, что не сумел с ними связаться. Позднее Бурцев говорил историку Б. И. Николаевскому, что назвал Малиновскому чиновника Московской охранки Сыркина, и в результате Сыркин был уволен и сослан в Сибирь. Последнее маловероятно, так как осведомительная деятельность Малиновского прекратилась после отставки Белецкого.

² Речь идет о Ван дер Эльсте — сыне генерального секретаря бельгийского министерства иностранных дел.

³ Члены Альтен-грабовской группы РСДРП.

⁴ Германское правительство отказалось от переданного ему предложения царского правительства обменять Малиновского на кого-либо из немецких пленных, сославшись на непригодность Малиновского к продолжению воинской службы по состоянию здоровья.

⁵ Малиновский обратился 16(30) июня 1917 г. к Я. С. Ганецкому — члену находившегося в Стокгольме Заграничного представительства ЦК РСДРП(б); ответил ему 15 августа член представительства В. В. Воровский, указавший, что Малиновский подлежит теперь не партийному, а общегосударственному суду.

⁶ Секретарем Петроградского комитета РКП(б) был в это время С. М. Гессен.

⁷ Малиновский никогда не был секретарем каких-либо партийных комитетов.

⁸ По-видимому, описка. Следует читать: Малиновский.

* Так в тексте.

** Неразборчиво.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ «СОЮЗА 17 ОКТЯБРЯ» В 1905—1907 ГОДАХ

Документы и материалы

№ 35. [Протокол заседания ЦК «Союза 17 октября» с комиссией по реорганизации Петербургского отдела «Союза» 6 апреля [1906 г.] ЦК+Москов.+ком. реор.

[Присутствовали:] 1. Красовский, председ., 2. Никитин, 3. Крючков, 4. А. И. Гучков, 5. Стахович, 6. Чистяков, 7. Столыпин, 8. Брафман, 9. Гирс, 10. Введенский, 11. Андреев, чл. Гос. думы¹, 12. Фрейман, 13. Витте, 14. Мусин-Пушкин, 15. Оболенский, 16. Перцов, 17. Лихачев, 18. Милютин, (Рафалович), 19. Тарасов, 20. Пиленко, 21. Лерхе, 22. Волконский.

Красовск[ий] вступ[ительное] слово. **Гучков**. Гл. задача заняться воспитанием избирателей Москвы. После выборов созвать совместное [заседание] обоих ЦК и членов Думы. Большинство в М[оскве] стоит за перемену назван[ия] «Союза 17 октября», но не теперь. **Стахович**. Окончательное решение всех таких вопросов ** не м[ожет] состояться раньше летнего перерыва Думы. **Красовский, Милютин, Пиленко, Введенский, Красовский, Никитин, Столыпин, Перцов, Красовский, Никитин**². **Чистяков**. Мы «русская» партия, и больше ничего. Это надо подчеркнуть. **Пушкин, Милютин, Красовский, Введенский, Милютин, Красовский**^{2а}.

Решения. 1). Между 20 и 27 апреля [созвать] съезд ЦК и членов Думы, на несколько дней. В эти же дни [провести] и Пб. общее собрание; в первой половине двадцатых чисел. 2). ЦК д[олжен] быть одним в Пб. <В Москве может б[ыть] отделение>. 3). Городские советы в Пб. и М. Делегаты того и другого входят в ЦК. Или в М[оскве] [создать] учр[еждение], объединяющее город и губернии. 4). Время всероссийского съезда определить на М.—Пб. съезде ЦК.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 128.

№ 36. [Протокол заседания ЦК и представителей участковых комитетов «Союза 17 октября» в Петербурге] 7 апр[еля] 06 [г]. ЦК+уч. ком.

[Присутствовали:] 1. Красовский председ., 2. Фрейман, 3. Оболенский, 4. Милютин, 5. Соколов, 6. Дементьев, 7. Волков, 8. Виташевский, 9. Гирс, 10. Пиленко, 11. Оношкевич Лит., 12. Введенский, 13. Д. Семенов Вас. Остр., 14. бар. Витте — Каз., 15. Фурман — Выб., 16. Метцгер³ — Пет., 17. Исаков — Адм., 18. Р. Семенов — В. О., 19. Чистяков — ЦК, 20. Брафман — ЦК, 21. Столыпин — ЦК.

Доложены «Начала»⁴. Первые 3 пункта приняты. Далее общие принципиальные р[а]суждения. **Пиленко** о принципах. **Введенский** об особых мнениях. **По пунктам**: п. 4 принять; вычеркнуть «независимо от ЦК»⁵; п. 5. В первой фразе выкинуть слова «или району». Последняя фраза д[олжна] б[ыть] выкинут[а]⁶. Принято; п. 6. Прения. Изменена редакция Ю. М[илютина]⁷. **Исаков** против не избирателей вообще и особенно дам. **Введенский** — возражает. **Фрейман** — *ib.* **Столыпин** — *ib.*, **Чистяков** — *ib.* **Милютин** — *ib.* **Исаков** повторяет. **Брафман**⁸. Предложение **Исакова** отвергнуто. **Комиссией** дамы отвергнуты, против Гирс. Статья 6 принята в ново[ой] ред[акции] Ю. М[илютина]; п. 7 принят; п. 8. Прения. **Исаков** * против прямого выбора, предложил. **Красовский** — *ib.* **Введенский** *ib.*, **Чистяков** — *ib.*, **Брафман** — *ib.*, **Столыпин** — *ib.*, **Пиленко, Милютин** [н] — * редакц. комиссии. **Пиленко** предложил *. **Фрейман**^{8а}. **Р. Семенов** предлагает без определения. **Д. Семенов, Брафман** — поддержки[вают]. Отвергнуто всеми против **Милютина, Пиленко** и **Оношкевича**. Решено, что председатели выбираются самим комитетом⁹.

Принята редакция п. 8. Должности председателя, товарища и т. д. П. 9¹⁰. Первое особое мнение, принимаемое **Пиленко, Гирсом** и **Витте** становится таким образом * редакции самой

комиссии. **Введенский** поддерживает свои мысли. **Исаков**. Говорит, что 1 и 2, но по должности и по выбору * 3 и 4 как в проекте. **Чистяков**. Уч. ком. в целом составе, а по *. **Р. Семенов** его поддерживает. **Красовский** поддерживает Исакова. Пиленко, Милютин, Гирс, Витте, Введенский — тоже. Собранием принято. **Исаков** предлагает еще, чтоб 3 и 4 были не члены комитета. Отвергнуто. **Исаков** возражает против того, чтобы они были по праву чл. ком. Отвергнуто.

П. 10¹¹. **Волков**. Надо сперва решить, как [будет производиться] баллотировка в Гор. совет, по голосам или по участкам. Во втором случае это не нужно, в первом — несправедливо. **Исаков** возражает, требует представительства пропорционально к населению. **Введенский**, **Милютин** ему возражают. **Чистяков** — тоже. Не надо ограничивать числом 6**. Предложение Исакова отвергнуто. Он остался при особом мнении. Предложение **Чистякова** ¹². Предложение **Волкова** увеличить только по представлению участковых комитетов и только для соединенных районов. Не принято, он сам отозв[ал].

След. заседание в четверг вечером 8 часов.

Положения, принятые в соединенном заседании С.-Петербургского Центрального и участковых комитетов 7-го апреля 1906 года по докладу комиссии для предварительной разработки реорганизации Петербургского отдела «Союза 17-го октября»

1. Менять название Союза ни в каком случае теперь не следует; все разговоры об этом надо решительно потушить.

2. Намеченное на 11 апреля общее собрание Петербургского отдела Союза должно быть перенесено на время после окончания выборов.

3. Желательно, чтобы было не два, а один Центральный комитет.

4. Необходимо организовать в С.-Петербурге Петербургский городской совет.

5. Первая ступень городской организации в Петербурге должна быть приурочена к избираемому участку. В случае необходимости два или три избирательных участка могут быть соединяемы в один район постановлением Городского совета.

6. Основоу местной организации служит общее собрание всех приславшихся к данному участковому отделу или проживающих в участке членов Союза (без различия пола).

7. Участковые комитеты избираются участковыми общими собраниями в составе не менее четырех членов. Состав комитетов может быть пополняем и усиливаем лицами, избираемыми по мере надобности не только участковыми собраниями, но и самими комитетами. При этом, однако, число членов, избранных комитетом, не должно превышать половины числа членов, избранных общим собранием.

8. Все должности, как-то: председателя, его товарища, казначея и секретаря распределяются между членами комитета самим комитетом.

9. Участковые отделы посылают четырех представителей каждый в Городской совет. Из них двое избираются участковым общим собранием отдельною баллотировкою, причем становятся по праву членами участкового комитета, если не состояли уже таковыми, а двое других выбираются участковым комитетом из своей среды.

10. Участки (или районы), имеющие по сравнению с другими значительно большее число членов, могут быть представлены в Городском совете не четырьмя делегатами, а большим числом, согласно особым для каждого случая постановлениям Городского совета. Дополнительные представители избираются участковыми общими собраниями и входят по праву в состав участковых комитетов ¹³.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 129—131 об.

№ 37. Соед. засед. СПб. Центр. и участков. комитетов 13/26 апреля 1906 г.

Предс. бар. Корф. Присутствовали члены ЦК: бар. Корф, Милютин, Столыпин, бар. Мейендорф, бар. Каульбарс, Перцов, Брафман, Красовский, Лихачев. Члены участк. ком.: Гирс (чл. комис.), бар. Витте (чл. комис.), Введенский (чл. комис.), Фурман, Р. Семенов, Д. Семенов, А. Остроградский, В. Остроградский ¹⁴, Оношкович-Яцына, Дементьев, Исаков, Грибоедов, Бенуа, Рейнбот, Винклер ¹⁵.

На очереди вопрос об общем собрании. Против общ. собрания высказываются Корф, Милю-

гин, Исаков, Перцов (аргументы за и против), за собрание высказываются Введенский, Грибоедов, Столыпин. Баллотировкой большинством 13 против 11 решено устроить общ. собрание к 20 апреля.

Затем собрание приступило к рассмотрению пп. 11—25 проекта реорганизации. Проект утвержден с изменениями (п. 12-й исключен, п. 25-й остается открытым). Поручено комиссии при редактировании внести сделанные поправки (решено в § 17 правило о обязательности собраний по предложению 20 членов исключить, в § 23 исключить участие центр. ком. в ревизии Гор. совета, в § 13 прибавить об установлении quorum самим советом) и др. Красовский делает предложение о включении в устав¹⁶ норм взносов от комитетов в Гор. совет и в Центр. комитет и заявляет **особое мнение** против включения пожелания о взносе в размере половины заработка, предлагая взамен этого: в соответствии с заработком¹⁷. Введенский докладывает просьбу участков. ком. о привлечении в центр. комитет впредь до реорганизации по два делегата уч. комитетов.

Заседание закрывается в 12 час.¹⁸

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 145—145 об.

№ 38. [Газетный отчет о заседании Московского ЦК 17 апреля 1906 г.]

Москва. 17 апреля. Состоялось заседание комитета Союза 17-го октября, в котором решено выработать новую программу партии и издавать большую политическую газету¹⁹ с обширным отделом для защиты интересов торговли и промышленности.

«Слово». 1906. 18 апреля.

№ 39

17-го апреля 1906 г. С.-Петербургский Центральный комитет Союза 17 октября имел суждение по вопросу о созыве в ближайшем будущем общего собрания членов Союза в Петербурге, а также соединенного заседания обоих центральных комитетов совместно с некоторыми членами Государственной думы и Государственного совета и рассматривал в связи с этим два заявления, поступившие от Литейного и Васильевского участковых комитетов.

При этом Комитет обратил внимание на то, что он стоит перед противоречивыми решениями двух соединенных собраний С.-Петербургских участковых и Центрального комитетов. Именно 7 апреля, выслушав доклад комиссии по реорганизации С.-Петербургского отдела Союза о том, что ей сообщено было мнение Московского Центрального комитета и некоторых провинциальных членов Государственной думы, что созыв общего собрания по г. С.-Петербургу является нежелательным раньше, чем состоится совместное совещание обоих Центральных комитетов с членами законодательных палат от «Союза 17-го октября»²⁰ и что комиссия единогласно поддерживает это мнение, соединенное собрание С.-Петербургских Центрального и участковых комитетов со своей стороны также единогласно присоединилось к нему и, рассчитывая, что совместное заседание обоих центральных комитетов может состояться в начале двадцатых чисел апреля, наметило 25 число днем С.-Петербургского общего собрания. Между тем после того выяснилось, что московские члены Центрального комитета и большая часть членов Государственной думы могут собраться в Петербурге только к 25-му апреля и просят назначить совместное совещание не ранее этого дня. По докладу же этого обстоятельства состоявшемуся 13 апреля соединенному собранию Петербургских Центральному и участковым комитетам последнее большинством 15 голосов против 11²¹ постановило созвать Петербургское общее собрание на 19 или 20 апреля.

Таким образом, оказывается, с одной стороны, что, исполняя желание Московского Центрального комитета и провинциальных членов Думы, одобренное в принципе соединенным собранием 7-го апреля, С.-Петербургский Центральный комитет стал бы вразрез с постановлением ближайшего по времени соединенного собрания 13-го апреля, а с другой стороны, приняв к исполнению решение последнего, он явно нарушил бы как прежнее единогласное постановление такого же собрания, так и согласие с Московским отделением центрального органа Союза. Ввиду этого Комитет, тщательно взвесив все обстоятельства дела как с формальной стороны, так и по существу, пришел к следующим заключениям:

1. Не представляется достаточных оснований для обязательного предпочтения решения соединенного собрания, хотя и позднейшего, но принятого незначительным большинством голосов другому решению того же собрания, более раннему, но единогласному, тем более, что последнее совпадает с такими же решениями двух других коллегий, принятыми независимо от него (комиссии по реорганизации и Московского Центрального комитета).

2. С.-Петербургский Центральный комитет не почитает себя вправе действовать вопреки сообщенному ему мнению Московского Центрального комитета особенно в такую решительную для будущности Союза пору без чрезвычайно веских причин. Подобною причиною нельзя признать стремление угодить желанию наличных представителей петербургских городских участков, вызывшемуся притом в случайном, быть может, голосовании.

3. Созыв столичного общего собрания в настоящее время, после поражения на выборах, пред самым открытием Государственной думы, когда начинает только намечаться самоопределение и группировка будущих политических сил, должен иметь большое, быть может, решительное влияние на судьбу всего нашего Союза. Ход и исход самого собрания, даже внешняя сторона его будут служить для посторонних показателями того, какое значение придавать Союзу и, следовательно, в известной мере определять его будущее положение среди других политических сил. Постановления же его и, быть может, даже высказываемые на нем взгляды, не являясь еще окончательным выражением мнения всего Союза, могут, однако, в большей или меньшей степени оказаться стеснительными для деятельности в законодательных собраниях представителей Союза. Ввиду этого созыв общего собрания петербургских членов Союза требует при настоящих обстоятельствах весьма осторожного отношения и тщательной подготовки его успеха. Без этого он может принести больше вреда, чем пользы общему делу.

4. Представляется немыслимым в переживаемый Россией момент созывать многочисленное общее собрание всех петербургских членов Союза для рассмотрения одних только формальных вопросов об изменении устава и реорганизации Петербургского отдела, не касаясь жгучих вопросов политического дня и партийной тактики. Невозможно также предоставить многолюдному собранию неопределимого состава самому возбуждать и решать важные политические вопросы случайным образом, не давая ему руководящей нити в виде приготовленных докладов, заранее обдуманных ответов на возможные вопросы, предварительно намеченных резолюций и т. п. Взять же столь ответственное руководство на одного себя самостоятельно и без соглашения с московскими и провинциальными деятелями Союза, притом всего за три, четыре дня до совместного с ними совещания Петербургский Центральный комитет считает совершенно неподобающим и опасным нарушением партийной солидарности и дисциплины. Изложенному здесь соображению Комитет придает огромную важность.

5. С другой стороны, Комитет не может не признать в высшей степени желательным и своевременным установление более близкого общения между членами Союза, проживающими в Петербурге, путем устройства собраний, которые будут служить могучим средством для укрепления, уяснения и развития основных убеждений Союза и вытекающего из них отношения к политическим вопросам минуты и которые вместе с тем дадут выражение как преобладающим в массе членов Союза политическим настроениям, так и сознательной оценке несовершенств существующей организации Петербургского отдела его и предполагаемых в нем изменений. Цель эта могла бы всего лучше быть достигнута, однако, не слишком многолюдным и торжественным общим собранием всех членов Союза в столице, а частичными собраниями отдельных участков или групп.

6. В связи с этим и придавая самое большое значение скорейшему рассмотрению и затем введению в действие выработанного особо комиссией и принятого соединенным собранием Центрального и участковых комитетов нового устава С.-Петербургской городской организации Союза, Комитет полагает неотложно необходимым передачу проекта устава на обсуждение участковых собраний ранее несения его на окончательное утверждение С.-Петербургского общего собрания или Всероссийского съезда Союза.

Вследствие всего вышесказанного С.-Петербургский Центральный комитет, 17-го сего апреля постановил единогласно:

1. Не созывать общего собрания членов Союза по Петербургу до соединенного совещания обоих центральных комитетов совместно с членами Государственной думы и Совета, принадлежащими к Союзу.

2. Просить участковые комитеты озаботиться созывом общих собраний по участкам для

обсуждения составленного комиссией по реорганизации Петербургского отдела Союза проекта устава. На этих собраниях не только не должно избегать, но даже желательно касаться общих политических вопросов и дальнейшей деятельности Союза. При этом просить участковые комитеты сообщить ему заблаговременно о созываемых собраниях для того, чтобы он имел возможность со своей стороны оказывать содействие их успеху.

3. Настоящее мотивированное постановление свое разослать циркулярно председателям и членам петербургских участковых комитетов, а также членам Московского Центрального комитета.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 146—149.

№ 40. [Газетный отчет о заседании Московского ЦК 20 апреля 1906 г.]

Из Москвы. Вчера в собрании членов Центрального комитета «Союза 17-го октября» был заслушан доклад члена Петербургского центрального комитета А. А. Гирса²² на тему: «Государственная дума и вопрос об окраинах». А. А. Гирс указывает на то, что поднявшаяся буря по вопросу об автономии окраин, хотя временно и улеглась, но может снова подняться в Государственной думе, и «Союзу 17-го октября», может быть, придется играть роль миротворца. Поэтому необходима подготовка и разработка вполне определенной программы действий для защиты окраинной политики, изложенной в воззвании союза. До успешного разрешения окраинного вопроса, по мнению докладчика, необходимо прежде всего разрешение вопроса о бессословной мелкой земской единице, которая для земских — инородческих союзов может служить прототипом самоуправления. Пока у них самих не будет хорошо и прочно организована бессословная мелкая земская единица, до тех пор нельзя рассчитывать на водворение спокойствия и порядка на окраинах и закрепления их за нами.

Ввиду выдающегося значения реформ местного самоуправления (земского и городского) для умиротворения окраин и закрепления их за нами, а с другой стороны возможного возникновения на собраниях народных представителей обостренных прений по вопросу о национальностях и исповеданиях, необходимо приложить все усилия к тому, чтобы Государственная дума одобрила в принципе основы окраинной политики, намеченной в воззвании «Союза 17-го октября». И приступить к законодательной деятельности по отношению к окраинам лишь после того, как ею будет разработан законопроект о переустройстве земских и городских учреждений коренной России, России вообще и учреждений бессословной мелкой земской единицы, в частности. По глубокому убеждению докладчика, на законопроекте о бессословной земской единице члены Государственной думы — и поляки, и латыши, и грузины, и русские несомненно сойдутся.

Представитель немецкой колонии в Москве по поводу доклада А. А. Гирса сказал прочувствованную речь, возбудившую одобрение всего собрания.

В государстве, говорил оратор, не должно быть господствующей национальности. Все национальности должны быть равны. В каждой национальности естественно стремление сохранить свою культуру, свой язык — это их естественное право. Если будет доказано, что при осуществлении этого права национальность не будет исполнять свою миссию по отношению к государству, тогда, конечно, необходимо принять меры к тому, чтобы заставить их ее выполнить. Русские окраины пока не подали повода к этому. Предоставляя окраинам вести преподавание на родном языке, мы в то же время можем требовать основательного изучения в школах русского языка, знание которого должно быть обязательным при поступлении на государственную службу. Можно также предоставить окраинам вести делопроизводство на местном языке, но при условии, чтоб каждый русский, являющийся в суд, мог объясниться и получить справку на русском языке. Крайне важно, чтобы Государственная дума решила, что те формы широкого самоуправления, которые будет иметь центр, будут также даны и окраинам. Тогда нечего бояться в Думе никаких обостренных прений по окраинному вопросу.

Доклад А. А. Гирса решено передать в программную комиссию и затем внести его на обсуждение общего съезда, предстоящего в Петербурге 25-го апреля.

«Слово». 1906. 21 апреля.

**№ 41. [Протокол соединенного заседания ЦК с октябристами, членами
Государственной думы] 25 апр[еля] 06 [г.] СЦК+чл. Г. Д.**

[Присутствовали:] 1. Корф — чл. [Государственного] с[овета], 2. Столыпин, 3. Брафман, 4. Андро²³ — чл. Д[умы], 5. Гейден — чл. Д., 6. Маслов, 7. Фирсов²⁴ — чл. Д., 8. В. Рябушинский, 9. Подолинский, 10. Поленов²⁵, 11. Стахович — чл. Д., 12. Голицын²⁶ — чл. С., 13. П. Перцов, 14. Енакиев, 15. Милютин, (Рафалович), 16. Никитин, 17. Красовский — чл. С., 18. Гудович, 19. Каульбарс, 20. Шипов — чл. С., 21. Хомяков — чл. С., 22. Глебов²⁷ — чл. С., 23. Лерхе.

Корф²⁸. П. Перцов: * докладчик Моск. программы**.

Читается (Раф[алович]) проект устава Пб. отдела. Вопрос о программе в целом.

Гейден. В Д[уме] ввиду малочисленности наших, нам продолжать свое существование как отд[ельной] партии нельзя. Надо соединиться с правыми из К. Д., для чего надо переменить свое имя. Корф, Милютин, Шипов, Гейден, Красовский, Никитин, Хомяков^{28а}. Шипов. От Союза как Союза партий надо отказаться. Мы должны быть партией и детализировать для этого свою программу. П. Перцов, Гейден, Корф, Красовский, Милютин, Поленов^{28б}.

Желательно: 1). Чтоб члены Гос. д., примыкающие к Союзу, составили свое собрание, или Думский клуб [комитет?], для обсуждения любых возможных вопросов думской политики и выбрали бы из своей среды небольшую комиссию из нескольких лиц, которая бы ведала ближайшим образом текущей политической деятельностью думской фракции Союза. 2). Чтоб члены Гос. сов., примыкающие к Союзу, составили собою такую же советскую фракцию и выбрали бы из своей среды такую же постоянную комиссию для* политики. 3). Чтоб выбранные тем и другим собранием комитеты соединились в одну политическую комиссию, которая была бы главным политическим руководительным органом Союза. 4). Чтоб означенная политическая комиссия могла увеличивать свой состав по своему выбору несколькими (немногими) лицами, не состоящими членами Думы и Совета, для согласования политической деятельности в палатах с политической жизнью страны.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 152—153б об.

**[Резолюции совещания ЦК с октябристами, членами Думы и Госсовета и представителями
местных отделов Союза, происходившего в Петербурге 25—29 апреля 1906 г.]**

Соединенное собрание Петербургского и Московского центральных комитетов «Союза 17-го октября» совместно с членами Государственной думы и Государственного совета, принадлежащими к Союзу, и с председателями местных отделов Союза в заседании 26-го апреля 1906 года под председательством бар. П. Л. Корфа обсуждало следующие резолюции:

1. Принимая во внимание, что опубликованные 25 апреля основные законы препятствуют созданию необходимого взаимодействия исполнительной власти и народного представительства, ограничивают права последнего и мешают правильной его деятельности, а также создают существенные препятствия для дальнейшего мирного усовершенствования начал конституционной монархии, совещание признает желательным, чтобы было возбуждено пред Его Императорским Величеством ходатайство о повелении приступить к пересмотру вновь составленных разделов основных законов²⁹.

Принято всеми голосами кроме одного.

2. Ввиду того, что вступление на путь спокойного развития русской политической жизни возможно только при доверии представителей населения к министерству, совещание признает нужным высказать пожелание о скорейшем привлечении в состав министерства лиц, пользующихся доверием большинства Государственной думы.

При баллотировке голоса разделились поровну.

Постановление 29-го апреля [1906 г.]³⁰

Совещание по тщательном обсуждении внесенных на рассмотрение его представителями местных отделов предложений, касавшихся направления и свойства предстоящей Союзу деятельности, пришло прежде всего к заключению, что исход выборов и состоявшийся ныне союз

Государственной думы, с одной стороны, с другой — общее настроение, при котором народные представители приступают к работе — обязывают «Союз 17 октября» занять по отношению как к правительству, так и к возникающим главнейшим вопросам государственной жизни совершенно определенное положение группы единомышленников, поставившей на своем знамени бесповоротный разрыв с прошлым и мирное поступательное движение на пути конституционного развития Русского государства.

В основу предстоящей отныне «Союзу 17 октября» деятельности, ради выяснения его политического облика совещание признало необходимым положить стремление к мирному и справедливому разрешению столкновений в области политических, классовых, экономических, национальных и религиозных интересов. В частности, совещание считает необходимою более подробную разработку политической программы Союза, причем должен быть подчеркнут присущий ей демократический и национальный характер.

В связи с обсуждением вышеизложенных принципиальных задач Союза совещание наметило нижеследующие мероприятия, могущие, по его мнению, обеспечить успешное выполнение этих задач, имеющих значение государственное не менее, чем партийное, и тем обновить деятельность Союза как общественной силы, призванной воспитывать народные массы в духе мирного прогресса, единственно прочного залога преуспевания России, перенесшей тяжелые испытания и еще не вышедшей из поры смут и материальных, и духовных.

1. Циркулярное извещение местных отделов о продолжении деятельности Союза с указанием, что в настоящее время соглашение, в которое он вступил с другими партиями исключительно для совместного проведения кандидатов на выборах, за окончанием последних само собой прекратилось.

2. Созыв делегатского съезда. Срок такого созыва имеет быть установленным центральными комитетами по соглашению с парламентскою фракциею Союза.

3. Просить центральные комитеты пересмотреть и разработать программу и организацию Союза в связи с теми предложениями, которые были внесены на обсуждение совещания представителями местных отделов³¹. Выработанные таким образом программу и организацию внести на обсуждение делегатского съезда, предварительно разослав их на заключение местных отделов.

4. Ввиду особой важности земельного вопроса как подлежащего обсуждению законодательных собраний в первую очередь просить СПб. Центральный комитет немедленно приступить к разработке его, образовав для этого в Петербурге особую комиссию; местные же отделы просить ускорить доставлением в Центральный комитет сведений по означенному вопросу, о чем уже имеется постановление Московского съезда делегатов Союза.

5. Указать всем местным организациям Союза на необходимость принимать деятельное участие в местных учреждениях общественного самоуправления и иных.

При обсуждении всех вопросов, касающихся организации и деятельности центральных и местных учреждений Союза, как и способов выполнения ими просветительных задач, совещание пришло к заключению, что партия может с уверенностью рассчитывать на успех и стать таким органом общественного мнения и воздействия, с которым вынуждены будут считаться и правительство, и другие политические партии, лишь при том условии, если в распоряжении Союза будут органы печати, как центральный, так и местные (областные).

Осуществление Союзом своей деятельности во всей совокупности намечаемых мер находится в тесной зависимости от его материальных средств; совещание считает поэтому необходимым указать на обязательность и периодичность денежных взносов со стороны членов Союза, как наиболее целесообразный способ равномерного поступления и пополнения этих средств. Основания и размеры таких взносов определяются самими местными отделами.

Вместе с тем совещание просило ЦК разработать вопрос об участии местных отделов в расходах центральных учреждений и сообщить им свои соображения по этому предмету.

В заключение совещание постановило просить местные отделы: 1) собрать и доставить в ЦК возможно полную коллекцию всей предвыборной литературы, как-то: воззваний, объявлений, плакатов и т. п., выпущенных разными партиями. 2) доставлять в центральные комитеты все свои издания, как периодические, так и появляющиеся отдельно.

Разослать наискорейшим образом по местам уведомление о предметах совещания и выводах, к которым оно пришло:

1. Необходимость точного самоопределения партии, в смысле органа, объединяющего политических единомышленников на почве государственности, как форме, не препятствующей, но содейст-

вующей мирному и справедливому разрешению конфликтов классовой, национальной и религиозной жизни России.

2. Необходимость более точного отмежевания, посредством программы, изложенной систематично, подробно, в форме постатейной, проект каковой разослать на места, как материал для обсуждения съездом. В частности, необходимо сильнее выставить на вид демократический характер программы и точнее определить национальный вопрос, особенно еврейский.

3. Необходимо также популярное изложение программы, а равно перевод ее на некоторые из местных языков.

4. Необходимость принимать в состав Союза лишь организации, сполна принимающие программу Союза.

5. Необходимость единства Центрального комитета и желательность его к С.-Петербургу³².

6. Желательность, чтобы более мелкие организации, например, уездные, образовывали посредством делегаций объединяющие их деятельность органы губернские и даже объединяющие несколько губерний в видах взаимной помощи.

7. Необходимость, чтобы Центральный комитет, не стесняя автономий местных организаций, наблюдал за соответствием их деятельности программе и целям Союза, давал бы им общие директивы и исключал из Союза те организации и провинциальные органы печати, которые, несмотря на предупреждения, уклоняются вправо или влево от Союза, причем он должен опубликовать об этом исключении.

8. Необходимо, чтобы местные органы постоянно осведомляли Центральный комитет о всех переменах в своем составе, об их объединении в более крупные организации, о всех важнейших событиях в своей деятельности, чтобы они посылали ему все свои издания и доставляли ему по его запросам для сообщения членам законодательных собраний справки и сведения о местных особенностях.

9. Необходимо, чтобы Центральный комитет, когда понадобится по его тактическим соображениям, указывал местным органам печати Союза, на какие вопросы надо обратить внимание и как их освещать, а также чтобы он сообщал местным органам союзной печати стенограммы выдающихся речей в Государственной думе и Совете, не дожидаясь их опубликования.

10. Необходимость своего столичного органа печати (по крайней мере еженедельника) и желательность своих местных органов печати.

11. Необходимость оживления устной пропаганды идей Союза посредством собраний, клубов и т. п. Для сего следует различным организациям помогать друг другу посылкою ораторов.

12. Необходимость, чтобы Центральный комитет и местные органы немедленно реагировали с точки зрения Союза на все важнейшие события политической и национальной жизни страны.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 154—160 об.

№ 42. [Газетный отчет о заседании Московского ЦК 6 мая 1906 г.]

Московские известия. Сегодня [6 мая] общее собрание Центрального комитета союза 17-го октября и председателей участковых отделов постановили послать следующую телеграмму графу П. А. Гейдену: «Приветствуем доблестное служение Ваше, граф, Михаила Александровича Стаховича, князя Волконского и всех ваших единомышленников в Государственной думе. Мы гордимся, что из всего состава Думы именно вы, представители „Союза 17-го октября“, безбоязненно возвысили голос против убийств, от кого бы они ни исходили. Мы верим, что отстаиваемые вами начала истинной свободы и справедливости восторжествуют в конце концов на благо нашего отечества».

«Слово». 1906. 7 мая³³.

№ 43. СПб. Центр. комитет. Заседание 19-го мая [1906 г.]

Начато в 9 час. веч [ера]. Председ. бар. Корф. Присутствовали: бар. Корф, Лерхе, ф. Фрейман, Брафман, бар. Каульбарс, Столыпин, Хомяков, гр. Гудович, Родзянко, кн. Волконский, гр. Гейден, Красовский, Трубников, Н. Перцов.

Ю. Н. Милютин докладывает письма Н. И. Шидловского, гр. А. А. Мусина-Пушкина и проф. А. И. Введенского. **Секретарь** Н. Л. Рафалович докладывает постановления бывшего в конце апреля совещания. **Г. Г. Лерхе** докладывает о средствах Союза. Относительно оставшихся из ассигнованных Волго-Камским банком 2500 р. решено обратиться к банку с разрешения банка на издательскую деятельность. **Ю. Н. Милютин** докладывает текущие вопросы: 1) о помещении, 2) о канцелярии, 3) об исполнении прочитанных постановлений, 4) о суммах, оставшихся от блока конституц.-монарх. партий, 5) о предложении А. Я. Брафмана прочесть сообщение по еврейскому вопросу и А. А. Гирса прочесть сообщение по внешней политике. **Ю. Н. Милютин** предлагает избрать две комиссии — распорядительную по хозяйственным и текущим делам и политическую по делам, связанным с парламентской фракцией. **Гр. Гейден** сообщает о положении партии в Гос. думе и предполагаемом в воскресенье 21-го мая совещании умеренных элементов Думы. **М. В. Красовский** предлагает предоставить решение политических вопросов, связанных с программой, Всероссийскому делегатскому съезду.

Постановлено: 1). Созвать Всеросс. делегатск. съезд на субботу 17 июня в С.-Петербурге. Исполнение сего постановления возлагается на председателя СПб. Центр. комитета. 2). Устроить сообщение А. Я. Брафмана на закрытом заседании с допущением членов обеих палат в четверг 25-го мая, в 8 1/2 час. вечера, в случае же вечернего заседания Гос. думы отнести на субботу 27-го мая. 3). Сообщение А. А. Гирса устроить в ближайшем будущем. 4). Созвать заседание Центр. ком., когда выяснится результат совещания гр. Гейдена в Гос. думе. 5). Избрать в Распорядительную комиссию: Ю. Н. Милютин, Г. Г. Лерхе, Р. В. Фреймана, Ю. В. Трубникова, бар. Каульбарса. 6). Избрать в Политич. комиссию: гр. П. А. Гейдена, М. А. Стаховича, кн. Н. С. Волконского, Н. А. Хомякова, Ю. Н. Милютин, М. В. Родзянку и Н. Н. Перцова³⁴.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 191—192.

№ 44. Журнал первого заседания Распорядительной комиссии Петербургского Центрального комитета «Союза 17 октября». 22 мая 1906 г.

Присутствовали: бар. В. А. Каульбарс, Г. Г. Лерхе, Ю. Н. Милютин и Р. В. Фрейман.

1). Рассмотрен вопрос о распределении между участковыми комитетами 403 р. 58 к., поступивших от бывшего Соединенного комитета конституционных партий в возврат перерасхода, произведенного местными комитетами Союза по выборной кампании. Определено, что перерасход этот составляет, как заявлено комитетами: по Московской части — 526 р. 71 к.; по Александро-Невской части — 82 р. 86 к.; по Литейной части — 92 р. 49 к. и по Васильевской части — 33 р. 53 к., а всего — 735 р. 59 к. Ввиду [того], что сумма эта превышает почти вдвое поступившие от «блока» средства, постановлено разверстать последние между участками пропорционально и выдать: Московскому комитету — 286 р.; Александро-Невскому — 46 р.; Литейному — 51 р. 58 к. и Васильевскому — 20 р. (всего 403 р. 58 к.).

2). Относительно квартиры решено оставить ее за Союзом еще на один месяц и поручить Ю. Н. Милютину переговорить об этом с М. А. Сувориным³⁵ и постараться добиться от него некоторой скидки, кредит же отвести на это в размере 225 рублей. После окончания срока квартиры предполагается воспользоваться любезным предложением А. А. Столыпина об отводе одной комнаты в его пустующей квартире; при этом постановлено выразить А. А. Столыпину искреннюю благодарность за это предложение.

3). Относительно предполагаемого на 17 июня делегатского съезда постановлено поручить Центр. ком. разослать повестки в м[естные] отделы немедленно.

4). Постановлено обложить всех членов Центр. ком. ежемесячным сбором на нужды Комитета не менее 3 руб. в месяц и об этом известить их циркуляром.

5). Разослать всем держателям квитанционных книжек циркуляр о возвращении их.

6). Заседания Распорядительной комиссии собирать еженедельно по вторникам, а в случае нужды и чаще.

7). В председатели Распорядительной комиссии выбрать Ю. В. Трубникова, а секретарские обязанности просить принять на себя бар. В. А. Каульбарса³⁶.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 197—197 об.

**№ 45. Журнал 2-го заседания Распорядительной комиссии СПб.
Центрального комитета «Союза 17 октября». 30 мая 1906 г.**

Присутствовали: председатель — Ю. В. Трубников, Ю. Н. Милютин, Р. В. Фрейман, бар. В. А. Каульбарс.

1). Ю. Н. Милютин сообщил, что М. А. Суворин соглашается оставить квартиру за «Союзом 17 октября» еще на 1 мес. с 1-го июня с платою в 200 рублей и с правом в случае необходимости не очищать квартиры до 10-го июня без особой доплаты за последние 10 дней.

2). Комиссии доложено, что в [сем] членам Центрального комитета, согласно постановлению ее на заседании 22-го мая, послано уведомление о необходимости производить в кассу «Союза» ежемесячные взносы в размере не менее 3-х рублей.

3). Посланы также пригласительные повестки на предположенный 17 июня всероссийский делегатский съезд во все города, где имеются органы Союза, кроме 9-ти городов, а именно: Вильны, Риги, Варшавы, Юрьева, Минска, Саратова, Смоленска и Удельной³⁷. Городам Юго-и С.-Западного края и прибалтийским повесток не послано ввиду неисполнения ими некоторых постановлений московского делегатского съезда³⁸, остальным городам — вследствие тою не выясненных перемен в организации и личном составе отделов Союза в тех городах.

4). По вопросу о том, следует ли посылать пригласительные повестки Варшаве, Риге и пр. из обмена мнениями выяснилось, что Распорядительная комиссия считает окончательное решение этого дела превышающим ее компетенцию, почему решено просить членов «Политической комиссии» собраться в субботу 3 июня на совместное заседание с «комиссией Распорядительной» для решения как вышеуказанного вопроса, так и вообще для разграничения компетенций между комиссиями политической и распорядительной, а также и для суждения о программе занятий предстоящего делегатского съезда и представления на его утверждение проекта исправленной политической программы Союза.

5). В заключение постановлено просить казначея Центрального комитета Г. Г. Лерхе озаботиться истребованием выданных членам Союза квитацонных книжек.

Бар. В. Каульбарс.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 206—206 об.

№ 46. 3 июня 1906 [г.] Распоряд. + Полит. комиссии ЦК.

[Присутствуют:] Трубников [председатель], Гейден, Лерхе, Фрейман, Милютин, (Бенигсен³⁹), Перцов.

Решено съезд отложить ввиду отсутствия Шипова и Гучкова и продолжения сессии⁴⁰. Те отделы или члены Союза, ктр. действовали вопреки постановлениям моск. съезда, признаются выбывшими из Союза.

Гр. Гейден читает аграрную программу секции. Завтра она имеет быть утверждена ее общим собранием. После того надо создать нашу полит. комиссию, ктр. может постановить о рассылке ее во все местные отделы Союза.

Также читает политич. программу ПДР⁴¹ с поправками.

След. засед. также в пятницу вечером.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 164.

№ 47. 9 июня 06 [г.] Распор. + Полит. комиссии ЦК

[Присутствуют:] Трубников председатель, Милютин, Фрейман.

Решено. Поручить Милютину написать письмо в газеты, что у «Союза 17 окт.» нет отдела в Александровске. Ввиду неприбытия троих членов отложить заседание на вторник, 13 число. Корфу посылать повестки на соединенные заседания.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 165.

Заседание открылось в час дня в помещении Клуба общественных деятелей. Председательствует: 1) барон П. Л. Корф. Присутствуют члены Комитета: 2) гр. В. В. Гудович, 3) М. В. Краковский, 4) Г. Г. Лерхе, 5) Ю. Н. Милютин, 6) Н. Н. Перцов, 7) М. В. Родзянко, 8) М. А. Стахович (уходит до конца), 9) А. А. Столыпин, 10) Ю. В. Трубников.

Читается повестка на сегодняшнее заседание (см. приложение)⁴² с перечнем вопросов, подлежащих обсуждению. Пункт 1 повестки (вопрос о съезде) вызывает оживленный обмен мнений. Ю. В. Трубников предлагает созвать съезд как можно скорее, не позднее второй половины июля. Г. Г. Лерхе полагает, что до созыва съезда надо предварительно разработать программу. М. А. Стахович предлагает созвать съезд на время перед открытием занятий Государственной думы по окончании ее вакансии, т. е. примерно во второй половине сентября.

Возникают продолжительные прения, в которых принимают участие все присутствующие. С одной стороны, указывается, что провинция настоятельно требует съезда поскорее, что апрельское совещание председателей отделов поручило Центральному комитету озаботиться его созывом, что Центр. ком. в заседании 19 мая назначил съезд на 17 июня, о чем и были оповещены все отделы, что последовавшая затем отсрочка съезда вызвала выражения неудовольствия от многих и формальные протесты от некоторых отделов⁴³, что отчуждение провинциальных организаций от Центрального комитета растет, что неудовольствие им в большой мере справедливо, так как Центральный комитет действительно показал себя в последнее время малороботоспособным, что необходимо оживить деятельность Союза прикосновением его центральных органов с провинциальными представителями, получить от них и вместе с тем дать им новый импульс, а также обновить личный состав или полномочия Комитета; указывается также, что вторая половина сентября — время земских собраний, когда многим деятелям будет невозможно приехать и что откладывать съезд до окончания думского вакансии уже потому неудобно и опасно, что за его время по всей стране пойдет деятельная агитация левых, против которой окажутся бессильными разрозненные между собой и от своего центра местные отделы Союза, если последний не получит толчка к новой жизни от съезда, который один может пробудить его к дальнейшей деятельности.

С другой стороны, высказывается, что июль — пора уборки, которая задержит хозяев в деревне, что в это время все стремятся вон из города, а не в город, что уже по одному этому съезд в июле безнадежен в смысле многолюдства, что и в смысле плодотворности работы из него ничего не может выйти, так как ничего для него не подготовлено; уже на московском съезде были жалобы на недостаток подготовленных докладов, а теперь не сделано ровно ничего, даже выработка дополненной политической программы, возложенная на Центральный комитет апрельским совещанием, еще не начата, между тем разрабатывать политическую программу в многочисленном собрании немыслимо. Обращается внимание (М. А. Стахович) на то, что важна особенно тактическая задача съезда, который должен ясно обозначить отношение Союза к правительству и думским партиям и что, с этой точки зрения, созыв съезда ранее ожидаемой смены министерства лишит его главного значения и не устранил необходимости еще нового съезда в ближайшем будущем. Наконец, указывается (гр. В. В. Гудовичем), что для оживления деятельности Союза и его провинциальных организаций надо прежде всего разослать им на обсуждение новую политическую программу и другие материалы, чем и дать толчок их работе, а съезд достаточно созвать и осенью.

Во время этих прений возникает попутно вопрос: можно ли разослать в отделы программу Партии мирного обновления⁴⁴ без какого бы то ни было объяснения или замечаний со стороны Центрального комитета? Некоторые члены Комитета полагают, что можно; иные думают, что надо вместе с тем разослать и программу партии центра в Государственном совете; другие находят, напротив, что Центральному комитету необходимо высказать свое мнение о программе ПМО и отношение этой партии к Союзу и только дополненную таким образом программу следует разослать в отделы; наконец, некоторые полагают, что Комитету необходимо разработать сполна собственную программу и включить в нее отношение свое к вновь возникающим вопросам, напр., об отмене смертной казни.

М. В. Родзянко призывает членов Комитета принатужиться и сделать потребную работу на этой же неделе, воспользовавшись сравнительно свободными днями в конце ее. Предложение это, горячо поддержанное бар. П. Л. Корфом, встречает общее сочувствие.

Комитет решает, согласно предложений М. В. Родзянко:

1). Окончательно назначить днем съезда четверг 20 июля, о чем и разослать немедленно извещения во все отделы.

2). Заняться безотлагательно разработкою отношения Центрального комитета к программе ПМО и необходимых дополнений к основной программе Союза.

3). Назначить для сего заседание Комитета в четверг 29 июня и во все следующие дни, до окончания этой работы.

4). Избрать подкомиссию в составе трех лиц, гр. Гудовича, Ю. Н. Милютин и А. А. Столыпина для приготовления доклада по вопросу об имеющей быть рассмотренной программе.

А. А. Столыпин полагает, что в настоящую минуту еще более важно разослать новое воззвание, чем программу. Комитет поручает ему же приготовить проект такого воззвания, что он и обещает.

Переходя затем к другим вопросам о съезде, Комитет постановил: 1). Вопрос о выборе помещения для съезда отложить до более близкого к съезду срока. 2). Для покрытия расходов по съезду назначить взнос с его участников, по **пяти рублей** с каждого лица. 3). Просить А. Я. Брафмана взять на себя руководство материальными приготовлениями к съезду и сопряженными с ним хлопотами.

Обсуждение вопросов, значащихся в **пп. 2, 3 и 4** повестки (о программе ПМО, о названии Союза и об уставе), решено отложить до следующих заседаний.

По п. 5 повестки **Ю. Н. Милютин** читает доклад о нарушении партийной дисциплины некоторыми отделами Союза (см. приложение). В заключении своем доклад предлагал Центральному комитету либо своей властью объявить об исключении пяти отделов из состава Союза, либо взять на себя только предварительное исключение их из списка приглашаемых на съезд, а окончательное решение предоставить съезду.

После нескольких замечаний гг. **Н. Н. Перцова, Г. Г. Лерхе, М. В. Красовского, бар. П. Л. Корфа** и графа **В. В. Гудовича** Комитет не соглашается ни с тем, ни с другим предложением и постановляет предоставить все дело суждению съезда, пригласив к участию в нем и представителей провинившихся отделов с тем, однако, чтобы в постановлении решения они не участвовали, самый же доклад по этому вопросу разослать предварительно во все отделы.

По п. 6 повестки Комитет постановляет только ввиду предстоящего созыва съезда возобновить еще на месяц наем квартиры на Литейном, если это возможно сделать на льготных условиях.

По п. 7 Комитет постановляет, не замечая окончательно должности казначея и прося Г. Г. Лерхе оставить за собой высшее наблюдение по этой части и подписывание чеков, поручить временное исполнение казначейских обязанностей делопроизводителю Комитета графу Н. С. Ланскому.

Вместе с тем Комитет постановляет во внимание к увеличившейся за последнее время работе гр. Н. С. Ланского увеличить ему содержание до 75 руб. в месяц, начиная с 1-го июня⁴⁵.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 171—172 об.

№ 49. Журнал заседания Центрального комитета Союза 17 октября в четверг 29 июня 1906 г. в С.-Петербурге

Несмотря на недавнее решение довольно многолюдного собрания Комитета 25-го числа и на дважды разосланные повестки (см. приложение) члены Комитета собрались лишь в незначительном числе и очень поздно.

В начале десятого часа присутствуют: 1). Кн. Н. С. Волконский; 2). гр. В. В. Гудович; 3). Ю. Н. Милютин и 4). Д. Н. Шипов.

Присутствующие решают: ввиду незначительного числа собравшихся признать заседание несостоявшимся, а рассылку приготовленных к отправлению во все отделы пригласительных на съезд повесток отложить.

После половины десятого приходят еще: 1). М. В. Красовский; 6). М. В. Родзянко, а значительно позже 7). М. А. Стахович.

Около 10 часов заседание открывается под председательством графа **В. В. Гудовича**. **Ю. Н. Милютин** докладывает, что бар. П. Л. Корф поручил ему извиниться перед членами

Комитета и передать, что, к его огорчению, он сегодня никак не может быть на заседании, но завтра будет непременно.

Гр. В. В. Гудович напоминает, что в воскресенье решено было Центр. комитетом созвать съезд на 20 июля и выбрана подкомиссия для приготовления к настоящему заседанию материала по вопросу о программе ПМО и Союза. К сожалению, семейные обстоятельства не позволили ему принять участие в работах этой подкомиссии. Впрочем, лично он остается при высказанном им еще раньше мнении, что теперь съезд созывать несвоевременно и надо отложить его до осени.

Ю. Н. Милютин. Представляет составленное им в качестве члена подкомиссии по подготовке программного обсуждения постатейное изложение первоначальной программы Союза (см. приложение)⁴⁶. Он добавляет к сказанному председателем, что в заседании 25 июня постановлено было не только созвать съезд 20 июля, но хотя подготовить безотлагательно отзыв Центр. комитета по вопросу о политической программе Союза и отношений его к ПМО. Для этого решено было, казалось, единогласным образом, собраться для этой работы сегодня и продолжать ее в следующие дни безостановочно. Результат этой работы предполагалось разослать во все отделы перед съездом, дабы съезжающиеся представители могли познакомиться с нею заранее. Канцелярией заготовлены приглашения на съезд во все отделы, которые завтра утром должны быть сданы на почту; в этих повестках упоминается, что программа ПМО и другие материалы будут разосланы на будущей неделе. Но теперь ввиду неудачи сегодняшнего заседания, не позволяющей более рассчитывать на усиленную работу в течение нескольких дней, он не может более надеяться, чтоб рассылка в отделы мотивированного заключения Центрального комитета оказалась исполнимою своевременно.

Д. Н. Шипов полагает, что созыв съезда вообще бесцелен и не нужен. Политические задачи настоящей минуты настолько отличны от бывших при образовании Союза и перед выборами, что нельзя довольствоваться создавшейся тогда группировкою людей вокруг тогдашней программы. Если созвать съезд теперь, то окажется, что соберется случайный агломерат людей с весьма различными взглядами. Необходимо сперва выработать новую политическую программу и затем созвать людей, готовых примкнуть к ней. Всего лучше сгруппироваться вокруг какой-нибудь новой партии, в которую вошли бы все более умеренные члены Думы, в том числе и часть кадетов. Быть может, таким центром может послужить партия М. О. Во всяком случае надо непременно новое название. Объявлять о прекращении существования «Союза 17 октября», конечно, преждевременно, но не надо, естественно,⁴⁷ будить его в настоящую минуту; когда же установится ядро новой партии, тогда настанет время обратиться к нашим организациям и воспользоваться их силами⁴⁸.

Кн. Н. С. Волконский обращает внимание на то, что принадлежавшие к Союзу крестьяне — члены Думы понемногу отпадают от него. Выборы от Тамбовской губернии, пославшей в Думу наших сторонников, кассированы. Крестьяне все более убеждаются, как важно и выгодно идти заодно с сильной партией. Иметь дело с «Союзом 17 октября» они стесняются, в его помещение ходить боятся, его представителей сторонятся. ПМО возникла в большой мере, чтобы дать возможность сгруппироваться вокруг нового имени, которого не будут стесняться. Программа партии рассмотрена вполне подробно только в аграрном вопросе. Вообще же надо иметь в виду, что наша главная разница с к.-д. не в программе, а в отношении к парламентской тактике. Мы должны отстаивать интересы государства, не смешивая его с министерством.

М. В. Родзянко настаивает на необходимости съезда в июле или скорейшем практически возможном времени. Крайне можно оживить деятельность Союза до ваканта Гос. думы. Провинциальные отделы справедливо упрекают Центральный комитет в недостатке энергии; созыв съезда заставит его поработать, а затем даст возможность обновить его личный состав.

Ю. Н. Милютин готов присоединиться к мнению об отсрочке съезда с тем, чтоб мотивированное постановление об этом было тут же подписано присутствующими, а затем разослано на подпись прочим членам Центрального комитета⁴⁹.

М. В. Красовский также находит, что вопрос настолько важен, что баллотировка его должна быть скреплена подписями.

Д. Н. Шипов указывает еще, что во всяком случае на какое время ни был назначен съезд, раньше, чем рассылать повестки, надо приготовить весь материал для его обсуждения.

М. В. Красовский читает составленный им проект постановления (см. приложение).

Все присутствующие, кроме одного, а именно Д. Н. Шипов, кн. Н. С. Волконский, М. А. Стахович, гр. В. В. Гудович, М. В. Красовский и Ю. Н. Милютин принимают постановление. Один М. В. Родзянко с ним не согласен.

Комитет решает по переписке постановления разослать его на подпись всем членам Центрального комитета, находящимся в С.-Петербурге, а затем в зависимости от числа подписавшихся просить председателя Комитета созвать заседание его на будущей неделе.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 185—186.

**Постановление Центрального комитета «Союза 17 октября»
от 29-го июня 1906 г., в С.-Петербурге**

Принимая во внимание:

- 1) что основные воззрения «Союза 17 октября», выраженные в его первоначальном воззвании, требуют развития, а также дополнения в зависимости от совершившихся событий;
- 2) что ввиду предвидимой в близком будущем перемены министерства следует ожидать новой группировки партий в Госуд. думе;
- 3) что в прямой зависимости от такой группировки находятся вопросы дальнейшей деятельности Союза;
- 4) что при таких условиях немедленный созыв делегатов от отделов представляется неудобным и нежелательным.

Центральный комитет постановил:

- а) отложить созыв делегатского съезда до выяснения предстоящей новой группировки партий в Гос. думе, но не позже, как до половины сентября сего года и
- б) настоящее постановление считать состоявшимся, если к нему присоединится более половины наличных в Петербурге членов Центрального комитета⁵⁰.

ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 177.

(Продолжение следует)

Примечания

¹ Андреев Н. Н. (р. 1871) — надворный советник, вологодский губернский предводитель дворянства, председатель Вологодского отдела «Союза 17 октября», депутат I Думы от Вологодской губернии.

^{2-а} Выступления не записаны.

³ Метцгер А. — во время избирательной кампании в I Думу член-распорядитель Соединенного комитета партий «блока» по Петербургской части г. Петербурга от «Союза 17 октября».

⁴ Имеется в виду документ, озаглавленный «Начала, принятые комиссией по реорганизации С.-Петербургского отдела „Союза 17 октября“» (ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 4, д. 1287, л. 136—137).

⁵ Пункт 4 в «Началах...» был сформулирован следующим образом: «Необходимо организовать в С.-Петербурге Петербургский городской совет независимо от Центрального комитета».

⁶ В оригинале пункт 5 выглядел так: «Низшая ступень городской организации в Петербурге должна быть приурочена к избирательному участку или району. В случае необходимости два или три соседних избирательных участка могут быть соединяемы в один район постановлениями городского совета. Но ни в каком случае избирательный участок не должен быть дробим ни на более мелкие самостоятельные единицы, ни между разными районами».

⁷ Пункт 6 в «Началах...» предлагался в следующей редакции: «Основаю местной организации служит общее собрание всех проживающих в данном участке (или районе) или имеющих в нем избирательный ценз членов Союза (без различия пола)».

^{8-а} Выступления не записаны.

⁹ Пункт 8 „Начал“ был изложен следующим образом: «Председатель участкового комитета избирается участковым общим собранием, а остальные должности, как-то: товарища председателя и секретаря — распределяются между членами комитета самим комитетом».

¹⁰ Пункт 9 в оригинале был сформулирован таким образом: «Участковые комитеты посылают четырех представителей в Городской совет. Этими представителями состоят по праву: 1) председатель комитета, 2) его секретарь, 3) и 4) два члена комитета, получившие на общем собрании ** наибольшее число голосов **».

¹¹ 10-й пункт „Начал...“ был сформулирован так: «Участки (или районы), имеющие по сравнению с другими значительно большее число членов, могут быть представлены в Городском совете не четырьмя делегатами, а пятью или шестью, согласно особым [для] каждого случая постановления Городского совета. Дополнительные представители избираются участковыми общими собраниями и входят по праву в состав участковых комитетов».

¹² Предложение не записано.

¹³ Данный документ был подготовлен комиссией по реорганизации Петербургского отдела «Союза 17 октября» в заседаниях 3 и 6 апреля 1906 г. и доработан в заседаниях 8, 11, 12 и 13 апреля. При этом общее число пунктов в нем было доведено до 25. Протоколы заседаний комиссии см.: л. 126—126 об., 127, 133, 139, 142а—143; пункты 11—25 — л. 163—163 об.

¹⁴ Остроградский В. А. (р. 1865) — коллежский советник, старший делопроизводитель отделения законов Государственной канцелярии, гласный Петербургский городской думы, землевладелец Полтавской губ., член Литейного участкового комитета «Союза 17 октября».

¹⁵ Фон Винклер П. П.— барон, сын генерал-лейтенанта, надворный советник, чиновник МВД; во время избирательной кампании в I Думу член-распорядитель Соединенного комитета партий «блока» от Партии правового порядка, затем — член «Союза 17 октября».

¹⁶ Имеются в виду «Начала...» (см. примечание 4).

¹⁷ Аналогичные вопросы рассматривались в этот период и московскими октябристами. По сообщению газеты «Слово», на состоявшемся 13 мая 1906 г. общем собрании «Союза» в Москве было решено перейти от добровольной уплаты взносов к обязательной, при этом сумма взноса должна была начисляться исходя из величины квартирной платы.— Слово. 1906. 14 мая.

¹⁸ Воспроизведена беловая запись протокола этого заседания ЦК. Черновик Ю. Н. Милютинна см. л. 143—144.

¹⁹ Имеется в виду газета «Голос Москвы», начавшая выходить в декабре 1906 г. К ее проектированию октябристы приступили еще в начале этого года.

²⁰ Мнение Московского ЦК на этот счет было сообщено М. А. Стаховичем на заседании комиссии 3 апреля 1906 г.

²¹ Так в тексте.

²² А. А. Гирс не являлся членом ЦК.

²³ Андро Д. Ф. (р. 1870) — отставной подесаул, ровенский (Волинской губ.) уездный предводитель дворянства, депутат I Думы от Волинской губ., землевладелец; председатель Ровенского отдела «Союза 17 октября».

²⁴ Фирсов Г. А. (р. 1850) — дсс, в 1903—1906 гг. предводитель дворянства Харьковской губ., депутат I Думы, октябрист.

²⁵ Поленов А. Д.— дсс, член Совета главноуправляющего земледелием и землеустройством (позднее тс, товарищ главноуправляющего), член Литейного участкового комитета «Союза 17 октября».

²⁶ Голицын П. П.— князь, дсс, егермейстер, новгородский губернский предводитель дворянства, крупный землевладелец, член Госсовета, председатель Новгородского отдела «Союза 17 октября».

²⁷ Глебов В. П. (1848—1926) — дсс, служащий московской конторы Государственного банка, председатель правления Челекено-Дагестанского нефтяного общества, земле- и домовладелец, член Госсовета, член Пречистенского отдела «Союза 17 октября» в Москве; отец П. В. Глебова.

^{28—4.6} Выступления не записаны.

²⁹ Эта часть резолюции была опубликована газетой «Слово» в номере от 27 апреля 1906 г.

³⁰ Копию этого постановления см.: ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 46а, л. 3—5.

³¹ Сноска от руки: «См. прилагаемую при сем „Выписку“.» В деле ее нет.

³² Так в тексте.

³³ В несколько иной редакции текст этой телеграммы был опубликован той же газетой в номере от 9 мая.

³⁴ В черновой записи этого протокола, выполненной Ю. Н. Милутиным (л. 190—190 об.), отмечены следующие высказывания членов ЦК: «Корф заявляет, что хочет отказаться от председательства. Доложены письма Введенского, Пушкина и Шидловского об отказе участвовать в ЦК. Лерхе. О 3 тыс. в пользу Нов. Пути. Уплатить по их счету 400 с чем-то рублей. Об остальном решено обратиться на издательство вообще, с разрешения банка же... Корф. Надо поскорее разослать постановление апрельского совещания. Гейден. Члены Думы в Союз 17.Х. не идут. Надо придумать другую вывеску. В воскресенье вечером мы в Думе собираемся для выработки программы, позволите потом вам ее сообщить... Красовский. Партия без парламентской партии (так в тексте. Следует читать „фракции“.— Сост.) — ноль».

³⁵ Суворин М. А. (р. 1860) — старший сын издателя «Нового времени» А. С. Суворина, писатель и журналист, редактор «Нового времени», владелец квартиры в доме № 30 по Литейному проспекту, которую в это время арендовал Петербургский ЦК «Союза 17 октября» для своих заседаний.

³⁶ Далее — подписи участников заседания.

³⁷ В списке указаны 8 городов.

³⁸ Речь идет об отделах «Союза 17 октября» в Вильно, Риге, Минске и Юрьеве, а также примкнувшем к «Союзу» «Русском обществе в Варшаве на началах манифеста 17 октября», представители которых на I-м съезде предложили ходатайствовать перед правительством об установлении для русского населения западных окраин особого представительства в Думе. Несмотря на то, что, по предложению ЦК, большинство делегатов съезда отвергло это предложение, считая его противоречащим «основным принципам» «Союза», 9 марта 1906 г. руководители этих организаций подали императору адрес с просьбой об установлении отдельного представительства. Руководством октябристов этот поступок был расценен как «идущий прямо вразрез с общим политическим направлением „Союза 17 октября“». В этой связи Ю. Н. Милутиным был подготовлен специальный «Доклад... об отпадении некоторых отделов на западных окраинах» (см.: ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 1, л. 12—14; рукописный черновик: ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 77—81), который был рассмотрен ЦК в заседании 25 июня 1906 г. (см. документ № 48).

³⁹ Беннигсен Э. П. (р. 1875) — граф, в 1897—1903 гг. Старорусский (Новгородской губ.) уездный предводитель дворянства, председатель Старорусского отдела «Союза 17 октября», крупный землевладелец.

⁴⁰ Имеется в виду сессия Государственной думы.

⁴¹ Партия демократических реформ (ПДР) — либерально-буржуазная партия, образованная в начале 1906 г. (программа опубликована 18 января). Занимая промежуточное положение между кадетами и октябристами, в марте 1906 г. объединилась с Умеренно-прогрессивной партией и получила наименование «Союз народного благоденствия». Выступила за мирное обновление страны на конституционно-монархической основе, за сохранение единства России (право на автономию признавалось только за Польшей и Финляндией); одним из путей аграрного вопроса выдвигала отчуждение за выкуп части частновладельческих земель. Будучи крайне малочисленной, в конце 1907 г. волилась в Партию мирного обновления.

⁴² Судя по повестке, разосланной участникам этого заседания (там же, л. 167), предметом его обсуждения должны были явиться следующие вопросы: «1) Окончательное назначение дня и места собраний делегатского съезда; изыскание средств для покрытия расходов по съезду; выбор лиц, могущих взять на себя хлопоты, связанные со съездом, и т. п. 2). Рассмотрение программы Партии мирного обновления в Государственной думе и определение отношения Союза к этой партии и ее программе. Может ли эта программа быть представлена съезду взамен переработанной программы Союза? Если да, то представлять ли ее с одобрением Центрального комитета? или, напротив, с замечаниями на нее? 3). Нужно ли внести на съезд предложение о перемене названия Союза? 4). Рассмотрение нового проекта устава Союза в связи с вопросом о представлении его съезду. 5). Вопрос об исключении из Союза некоторых его отделов. 6). Вопрос о продолжении деятельности Центрального комитета и потребных для того средствах. 7). Избрание нового казначея взамен отказавшегося Г. Г. Лерхе. 8). Текущие дела».

⁴³ Действительно, решение ЦК об отсрочке съезда вызвало протесты многих местных организаций «Союза». Так, в телеграмме, направленной в ЦК в середине июня 1906 г., псковские октябристы указывали, что «отсутствие двух хотя бы видных членов Союза (Д. Н. Шипова и А. И. Гучкова. — *Сост.*) не должно служить предлогом, достаточным для пагубного бездействия политической партии». — ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 13, л. 412.

⁴⁴ Партия мирного обновления (ПМО) — либерально-буржуазная партия, образованная в середине 1906 г. (программа опубликована 18 июня) левыми октябристами (гр. П. А. Гейден, М. А. Стахович, Д. Н. Шипов и др.) и правыми кадетами (Н. Н. Львов, кн. Е. Н. Трубецкой и др.) на основе перводумской фракции «мирного обновления». В программном отношении была близка «Союзу 17 октября», отличаясь от октябристов отрицательным отношением к правительственному террору. В ходе избирательной кампании во II Думу вела переговоры о совместных предвыборных действиях одновременно с кадетами и октябристами. Весьма малочисленная (по данным газеты «Слово», в июне 1906 г. в партию входило 62 чел.), в 1907 г. объединилась с Партией демократических реформ, а в 1912 г. волилась в партию «прогрессистов».

⁴⁵ На рукописном (Ю. Н. Милютин) экземпляре протокола этого заседания (ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 13, л. 169—170 об.) наверху помета: «Читан и утвержен в заседании Центр. ком. в июне 1906 г. Ю. Мил[ютин]».

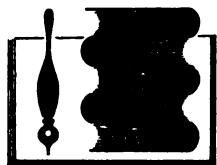
⁴⁶ Приложение в деле отсутствует.

⁴⁷ Так в тексте. Вероятно, правильно: «искусственно».

⁴⁸ В черновой записи протокола этого заседания, выполненной Ю. Н. Милютиным (ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 13, л. 175б—176), эта его часть изложена следующим образом: «**Шипов.** Созыв съезда вообще бесцелен и не нужен. Надо сперва выработать новую программу, а теперь соберутся люди разных взглядов. **Родзянко** возражает, объясняет, почему возникла необходимость съезда. **Шипов.** Надо признать Союз если не умершим, то заснувшим. **Гудович.** Если дать ЦК переработать [и] разослать программу, то к 20.VII поспеют. **Родзянко** настаивает, что нужно оживление Союза до вакансии Думы. **Шипов** повторяет, не надо членов бывшего Союза, а надо новых собрать под новую программу».

⁴⁹ В черновике этого протокола после выступления Н. С. Волконского читаем: «**Шипов.** Во всяк. случае надо непременно новое название. **Мил[ютин].** Значит, надо признать Союз несуществующим. Тогда лучше о том объявить. **Шипов.** Объявлять преждевременно. Лучше * сгруппироваться вокруг новой партии **М. О. Гудович.** Объявлять не надо, чтоб сохранить возможность общения с местными организациями, когда настанет пора. От себя я бы отложил приглашения. **Родзянко.** Провинц. орг[анизации] упрекают ЦК в недостаточной энергии. Созыв съезда д[олжен] заставить его поработать и обновить личный состав. **Гудович.** У нас нет ц[ентрального] органа. Кто из нас работать способен? **Родзянко.** Вот и надо выбрать новый ЦК и для того [нужен] съезд. **Милютин** предлагает мнение Шипова изложить, подписать нам и разослать на подпись др. членам ЦК. **Шипов * С[оюз]** на бумаге числится, но не будить его. Когда же установится новая партия, тогда воспользоваться нашими организациями. **Милютин** согласен, но чтоб это мнение было написано членами ЦК».

⁵⁰ Далее — подписи участников этого заседания.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. Е. КОРНИЛОВ. УРАЛЬСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945 гг.). Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990. 203 с. Тир. 1000; **В. П. МОТРЕВИЧ. КОЛХОЗЫ УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.** Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990. 196 с. Тир. 600.

Обе рецензируемые монографии основываются на документальных источниках, в том числе и новых архивных материалах, отражают попытки по-новому, в свете современных подходов осмыслить некоторые аспекты процессов и явлений рассматриваемого периода. Замечу в этой связи, что изданный в 1987 г. третий том «Истории советского крестьянства» («Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны»), замышлявшейся как обобщающее, фундаментальное издание, в сущности, как справедливо указывали рецензенты Т. Б. Балакаев и Х. И. Бисенов, не вышел за рамки «сложившихся в историографии подходов». Роль колхозного строя в период войны в нем «оценивалась однозначно» — «колхозы с честью выдержали испытание войной». «В обстановке начавшегося переосмысления многих вопросов истории Великой Отечественной войны, в том числе истории колхозного строя того периода, — делался вывод, — разработку рассматриваемой темы необходимо продолжить»¹.

Авторы рецензируемых книг, как мне представляется, делают существенную заявку на пути решения этой задачи. Обе работы продолжают и дополняют одна другую. Так, Г. Е. Корнилов рисует более широкую и многоплановую картину уральской деревни в годы войны, анализируя ее социально-демографическое, экономическое, политическое и культурное развитие. В. П. Мотревич детально исследует проблемы колхозного производства и трудовой деятельности крестьянства, оставляя в стороне сферу общественно-политической жизни, культуры, материально-бытовое положение крестьян-колхозников (и тем са-

мым не в полной мере оправдывает название работы, более масштабное, обещающее, — «Колхозы Урала»). Авторы едины при определении территориальных рамок уральского региона, в состав которого включают 5 областей (Курганскую, Оренбургскую, Пермскую, Свердловскую и Челябинскую) и 2 республики — Башкирскую и Удмуртскую. Роднит авторов и многообразие используемых источников, наибольшее значение среди которых имеют документы центральных и местных архивов. Отметим среди них не публиковавшиеся еще материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г., бюджетные обследования колхозов, ставшие доступными только в самое последнее время, годовые отчеты колхозов и МТС, статистические данные о сельскохозяйственном производстве и заготовках ЦСУ СССР, наркоматов и ведомств.

Авторы предприняли попытки критически переосмыслить некоторые концептуальные постулаты советской историографии. Так, по мнению Г. Е. Корнилова, историки вплоть до середины 80-х гг. при анализе развития сельского хозяйства и колхозов в годы войны исходили из положения о «громдных преимуществах колхозно-совхозного строя, сложившегося в стране в 30-е годы», из того, что колхозный строй «был проэкзаменован на прочность», что на его основе в годы войны были успешно решены проблемы обеспечения страны продовольствием и сырьем. В результате такого подхода, справедливо отмечает автор, «противоречия и трудности жизни народа в военные годы сглаживались» (с. 6). Применительно к уральской деревне, как и к стране в целом, считает автор, «слабо изучены

взаимоотношения колхозов и государства в условиях жесткого администрирования, связи колхозов и колхозников с рынком, роль личного хозяйства сельских жителей, влияние морально-политических и репрессивно-правовых мер на производственную деятельность в годы войны» (с. 9). Как одну из наиболее актуальных исследовательских задач он выдвигает изучение роли и функционирования сталинской командно-административной системы в деревне в условиях войны. Не менее важно, на его взгляд, проведение многопланового анализа социально-демографического, экономического, политического и культурного процессов относительно сельского хозяйства, колхозов и совхозов, труженников села.

В. П. Мотревич также выступает против идеализации, односторонней оценки созданного в годы коллективизации колхозного строя. Он подчеркивает, что Сталин «прошел мимо» ленинских идей о кооперации. Административно-командная система, получившая наибольшее распространение в аграрном секторе, использовалась в целях внеэкономического и экономического давления на крестьянство, перекачивания материальных и людских ресурсов из деревни в город. Колхозы «фактически были превращены в государственные предприятия с принудительным низкооплачиваемым трудом» (с. 4—5). Характеризуя историографию Урала последних лет, В. П. Мотревич отмечает такие ее серьезные недостатки, как односторонний отбор фактов, догматизм в оценке изучаемых событий, несоответствие выводов действительному положению дел в уральской деревне. В частности, он решительно возражает против выводов о том, что на селе «была в основном решена кадровая проблема», «успешно решена продовольственная проблема» (с. 7). Он, как и Корнилов, относит к числу слабо исследованных проблему соотношения моральных, материальных и правовых стимулов к труду у крестьян, вопросы взаимодействия колхозов и государства в условиях командно-административной системы, соотношения колхозной и личной собственности, а применительно к Уралу — вопросы заготовок продукции, выполнения колхозниками планов обязательных поставок (с. 8).

Добавлю, что в данном случае речь идет о деревне, сельском хозяйстве и крестьянстве сугубо тылового региона, значительно удаленного не только от фронта, но и от фронтовой полосы, принявшего под свое крыло значительную часть эвакуируемого населения колхозов и

совхозов, промышленных предприятий и сыгравшего важнейшую роль в производстве в годы войны военной продукции СССР (до 40%) и продуктов сельского хозяйства (от 5 до 10% по видам продукции). В нашей историографии было немало споров по вопросу о том, росла ли производительность труда в колхозах и совхозах тыловых районов, могло ли в них в массовом масштабе осуществляться расширенное воспроизводство. Этот вопрос, как и ряд других, до сих пор остается открытым².

Удалось ли авторам реализовать свои намерения? В этой связи остановимся на отдельных, наиболее существенных вопросах темы.

Один из них — взаимоотношения колхозов с государством, функционирование и оценка роли административно-командной системы в сельском хозяйстве в годы войны. Проблема эта выдвинулась сейчас на одно из первых мест в советской историографии. Достаточно сказать, что лейтмотивом выступлений участников советской секции XXII сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблемы аграрной истории (октябрь 1989 г.) стал «вопрос о складывании и функционировании командно-административной системы, границах этого процесса, его особенностях и последствиях»³. В качестве самостоятельной эта проблема рассматривалась и на заседании «круглого стола» журнала «История СССР» по проблемам коллективизации⁴.

Оба автора, отмечая известные «заслуги» этой системы в деле перевода сельского хозяйства на военный лад, мобилизации всех ресурсов страны на нужды фронта, в целом оценивают ее крайне негативно. «Административный централизм управления сельским хозяйством, который необходим в чрезвычайных условиях, — пишет Г. Е. Корнилов, — в годы Великой Отечественной войны был чрезмерен, он не знал границ» (с. 201). По мнению В. П. Мотревича, административные методы управления колхозами в годы войны «достигли своего предела». Колхозы были лишены «остатков самостоятельности и поставлены в полную зависимость от районного руководства». Дело доходило до жесткого регламентирования внутреннего распорядка труда и отдыха колхозников: предписывалось, когда они должны вставать, выходить на работу в поле, кормить лошадей и т. д. (с. 168—169, 76). Здесь правомерно применение авторами термина «милитаризация труда» (с. 168—169). Партийные, советские и хозяйственные органы полностью распоряжались в колхозах, наме-

чая совершенно невыполнимые планы сдачи продукции и «обеспечивая» максимальное изъятие последней по ценам значительно ниже ее себестоимости. Планы устанавливались в виде продрозверстки, причем реальные возможности хозяйств игнорировались — их не могли выполнить даже передовые хозяйства, победители соцсоревнования. Выполнения этих планов добивались «любой ценой», главным образом путем применения репрессивных мер. По этому поводу в книгах приводятся конкретные данные.

Так, В. П. Мотревич сообщает, что в Челябинской области были сняты как не обеспечившие выполнения плана заготовок 443 председателя колхозов. Многие из них были приговорены к различным срокам заключения, некоторые — расстреляны (с. 54). Г. Е. Корнилов обращает внимание на то, что практика репрессий на Урале широко применялась и по отношению к колхозникам, не выполнявшим установленный минимум выработки трудодней, значительно увеличенный постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. Колхозников лишали приусадебных участков, привлекали к судебной ответственности, приговаривали к исправительным трудовым работам в колхозах на срок до 6 месяцев. Свою «лепту» в осуществление репрессивных мер внесли и политотделы МТС и совхозов, созданные в ноябре 1942 г., а также уполномоченные по хлебозаготовкам (с. 60—61, 67; см. также монографию В. П. Мотревича, с. 67, 81—83).

Показывая, что административно-командная система использовала не только репрессивные, внеэкономические методы, но и экономические, материальные и моральные меры воздействия на сельских тружеников, авторы подчеркивают, что первые господствовали, нередко абсолютно преобладали. Высвечивается, пожалуй, впервые в нашей историографии, такая деталь: политические руководители, администраторы-хозяйственники, управленцы и в годы войны имели немалые привилегии по сравнению с рядовыми труженниками. «Разительно отличался,— пишет Г. Е. Корнилов,— уровень жизни колхозников и бюрократического аппарата деревни. В чрезвычайных условиях жизни периода войны, когда резко ухудшилось материальное положение крестьянства, привилегии работников партийных, комсомольских и советских органов деревни возросли». Их относительно высокая заработная плата постоянно дополнялась премиями, выдачей особых пайков, прикреплением к

закрытым распределителям, специальным больницам и т. д. (с. 179—180).

На административно-командную систему, считают авторы, ложится немалая доля ответственности за полный разлад, кризисное состояние сельскохозяйственного производства Урала в 1942—1943 гг. Показатели сельскохозяйственного производства, пишет Г. Е. Корнилов, были ниже, чем в 1932 г. Сложилась катастрофическая ситуация с продовольствием. Увеличилась смертность населения деревни, в первую очередь среди детей и стариков. Спад производства достиг своего предела, что грозило катастрофой. По сравнению с 1941 г. урожайность зерновых в колхозах Урала в 1942—1943 гг. снизилась в 2 раза — до 3,4 ц., а в совхозах — до 2,5 ц. (с. 74, 86, 94).

В. П. Мотревич под этим углом зрения анализирует такую принятую центром меру, как расширение посевных площадей в 1942 г., оценка которой на протяжении многих лет является предметом дискуссий среди историков. Вывод автора сводится к тому, что предусмотренное в военно-хозяйственном плане на четвертый квартал 1941 г. и 1942 г. расширение посевных площадей в районах Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии вытекало из сложившейся обстановки. Однако применительно к Южному Уралу (в отличие от индустриальных областей региона) оно себя не оправдало. Путем мобилизации всех сил удалось добиться увеличения посевных площадей, однако убрать засеянное в связи с недостатком материальных и трудовых ресурсов оказалось невозможно. Прирост посевов зерновых на Южном Урале в 1942 г. составил 123,7 тыс. га, а под снег ушло 570,8 тыс. га, т. е. и значительная часть старых посевов. Такую ситуацию могли и должны были предвидеть местные руководители, однако в очередной раз они предпочли выступить в роли послушных исполнителей директив вышестоящих органов (с. 102—104).

В то же время под влиянием сложившейся в сельском хозяйстве региона критической ситуации (промышленность Урала продолжала успешно развиваться, предъявляя дополнительный спрос на сельскохозяйственную продукцию) руководители обкомов вынуждены были действовать, и довольно решительно. В конце 1943 г. они обратились в ЦК ВКП(б) с рядом предложений по выходу из кризиса. Речь шла о создании вокруг индустриальных центров региона собственной продовольственной базы, значительного расширения коллективного и индивидуального огородничества

рабочих и служащих, дальнейшем развитии и укреплении подсобных хозяйств предприятий. В марте, апреле, мае и августе 1944 г., весной 1945 г. ГКО, правительство СССР, ЦК ВКП(б) принимают ряд постановлений по развитию сельского хозяйства, усилению продовольственной базы промышленных центров ряда областей и автономных республик Урала. Им было разрешено изменить структуру посевов, снизить обложение налогами части земель, в индустриально развитых областях региона запрещалась мобилизация рабочей силы из колхозов в промышленность, с колхозов была списана задолженность по обязательным поставкам, хозяйствам пригородной зоны разрешалось снижать нормы обязательных поставок зерна и т. п. (см.: Корнилов Г. Е., с. 86—88, 94, 117; Мотревич В. П., с. 113—114).

Г. Е. Корнилов характеризует эти мероприятия как «поворот в аграрной политике, который в кратчайшие сроки смог дать ощутимый результат. Кризисная ситуация в сельскохозяйственном производстве региона была преодолена» (с. 87—88). При этом он справедливо подчеркивает, что постановления 1944—1945 гг., хотя и не установили равноправных отношений между городом и деревней, все же несколько облегчили положение колхозов и крестьянства путем ослабления налогового пресса, снижения размеров поставок, оказания производителям материальной и организационной помощи. Эти меры «энергично осуществлялись местными партийными и советскими органами» и поэтому оказались результативными (с. 94).

Заметим, что в данном случае известная корректировка аграрной политики партии и государства была непосредственно связана с приближением окончания войны, с завершением освобождения от захватчиков значительной части оккупированных территорий. Примерно в это же время был принят ряд постановлений о возобновлении производственной деятельности колхозов и совхозов на освобожденных территориях, о эвакуации населения, техники и скота из тыловых районов в места, освобожденные от оккупантов.

Авторы рецензируемых книг откровенно говорят о тяжелейшем положении колхозов и сельского хозяйства Урала в годы войны. «К концу войны,— заключает Г. Е. Корнилов,— колхозы и совхозы региона подошли до крайней степени ослабленными и обессилыми — с разрушенными производительными силами, запущенной землей, отброшенным на

десятки лет назад животноводством». В этой связи, пишет он, утверждение Сталина о том, что колхозы и совхозы с честью выдержали испытание и вышли из войны окрепшими,— «пропагандистская уловка и очередной обман» (с. 117). Приводимые В. П. Мотревичем данные показывают, что за годы войны валовой сбор зерновых в колхозах Урала сократился в 2—3 раза, а общий объем сельскохозяйственной продукции — почти в 2 раза (с. 118, 132, 139). Колхозы Урала не только не могли вести расширенное воспроизводство, но даже и простое. «В колхозах снижалась производительность труда, уменьшалось количество и ухудшалось качество производимой продукции». Только отдельные хозяйства могли расширить производство, укрепить экономику (с. 33). Эти выводы не могут быть опровергнуты; не вызывает сомнений и то, что все эти явления были присущи и другим тыловым районам.

Представляется, что заслуга авторов рецензируемых монографий в том, что им удалось на материалах Урала показать цену, которую заплатили крестьяне, все труженики сельского хозяйства за Победу в Великой Отечественной войне. Позволю себе процитировать лишь фразу из упоминавшейся уже рецензии на третий том «Истории советского крестьянства»: «Фактически в работе обходится и такой важный вопрос, как цена Победы»⁵. Тема высокого подвига крестьянства во имя Родины, его беззаветного труда для достижения Победы убедительно раскрыта в рецензируемых книгах. Она проходит через все их содержание. Впрочем, это традиционная для советской историографии тема. Новое, что вносят в нее авторы,— более глубокое, на базе привлечения не использованных ранее документов освещение материального положения крестьян в годы войны, условий их труда и быта, основных источников существования, а нередко и выживания.

Один из выводов авторов гласит: «Резкое повышение трудовой активности крестьянства в годы войны шло не благодаря широкому использованию внеэкономических принудительных методов, а в силу величайшего патриотизма, желания разгромить врага, веры в идеалы социализма». Аргументируя этот вывод, Г. Е. Корнилов приводит данные о том, что установленный минимум трудовой производительности колхозников перевыполняло в два раза и более (с. 95, 101). И это несмотря на то, что оплата трудодня в колхозах была крайне низкой, а решающее значение в жизни колхозника приобрело личное

подсобное хозяйство, которое из подсобного стало для колхозника основным, являясь главным источником поступления в семью продуктов и денег (см.: Корнилов Г. Е., с. 80, 164—165; Мотревич В. П., с. 91). Причем местные власти, как правило, «закрывали глаза» на увеличение размеров подсобных хозяйств, хотя и заставляли порой крестьян под видом «контрактации» безвозмездно передавать часть своего скота колхозам (см.: Мотревич В. П., с. 127). Только в конце войны вновь началась борьба с «разбазариванием» общественных земель колхозов (Корнилов Г. Е., с. 164).

Благодаря прежде всего самоотверженному труду советского крестьянства, считают авторы, удалось снабдить страну необходимым минимумом продовольствия и сырья. «Именно колхозы спасли наш народ от всеобщего голода, однако достигнуто это было за счет колоссальных усилий и огромных жертв». С этим выводом нельзя не согласиться. Крестьянство и на самом деле «не постояло за ценой» для победы над врагом. Правда, возникает вопрос, а не слишком ли дорогой ценой расплатилось оно, весь советский народ за нашу Победу? Все содержание рассматриваемых работ дает утвердительный ответ на этот вопрос.

В заключение стоит заметить, что критика некоторых положений советской историографии по принципу «от противного» сама по себе мало что дает. Критика должна соотноситься с условиями рассматриваемого периода, исхо-

дить из принципов историзма. Так, например, применительно к периоду войны содержание понятий «решение продовольственной проблемы», «решить в основном проблему кадров» было иным, нежели, скажем, в первые послевоенные годы или в настоящее время. В годы войны при решении первой проблемы имелось в виду, скажем, «в целом бесперебойное» или «без серьезных перебоев» снабжение армии и тыла продовольствием, обеспечение городского населения необходимым минимумом продуктов по карточкам и т. п. И, видимо, из этого и надо исходить. На мой взгляд, новых подходов, серьезного, нестандартного анализа требует проблема союза (или взаимоотношений) рабочего класса и крестьянства в период войны. Авторы рецензируемых книг при ее рассмотрении не вышли за рамки традиционных подходов, приведения конкретного материала о взаимопомощи, так сказать, с одной и с другой стороны... Думается, на этом ставить точку нельзя, как и на данной теме в целом. Новый этап ее историографии только начинается. И это не только обнадеживает, но и ко многому обязывает.

И. Е. Зеленин

Примечания

- ¹ История СССР. 1989. № 3. С. 154—156.
- ² См. там же. 1985. № 3. С. 95.
- ³ Там же. 1990, № 4. С. 215.
- ⁴ Там же. 1989. № 3. С. 56—60.
- ⁵ Там же. С. 156.

Д. Б. ПАВЛОВ. ЭСЕРЫ-МАКСИМАЛИСТЫ В ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. М.: Изд-во Всесоюзного заочного политехнического ин-та, 1989. 239 с. Тир. 5000.

Рецензируемая работа — первое детальное исследование Союза социалистов-революционеров-максималистов в революции 1905—1907 гг. Ранее эта тема обычно рассматривалась в ряду других¹, исключение составляет великолепно выполненный В. М. Черновым очерк².

Среди политических организаций партийного типа Союз максималистов занимал особое положение. В момент своего конституирования и позднее он не предпринимал видимых усилий по организации масс. Несмотря на это, его роль в общественной жизни была весьма

приметной. Изучение деятельности этого союза обогащает наше представление об идейной и политической борьбе, о функционировании системы политических партий в России.

Автор задался целью выявить причины образования, теоретические, программные, тактические построения, численность, социальную ориентированность и состав Союза максималистов (с. 10). Для решения этих задач он мобилизовал широкий круг разнообразных источников, основательно исследовал фонды центральных и местных архивохранилищ,

изучил периодическую печать, брошюрную, прокламационную, мемуарную литературу, материалы официального делопроизводства государственного аппарата, что позволило рассмотреть Союз извне и изнутри.

Истоки эсеровского максимализма автор усматривает, по традиции, в движениях «аграрных террористов» и «оппозиции». Он скрупулезно проанализировал различные, зачастую противоположные точки зрения советских историков на роль и место аграрного террора в крестьянском движении, на отношение партии эсеров к этому методу борьбы, на зарождение и функционирование организаций аграрных террористов. Содержащиеся в книге наблюдения интересны и вносят немало ценного в разработку этих сложных сюжетов. Вместе с тем отдельные суждения требуют дальнейшей разработки. Так, по мнению автора, правы А. Ф. Жуков, В. Н. Гинев, отчасти К. В. Гусев, считающие аграрный террор естественной и разумной формой крестьянского движения, от поддержки которого эсеры в 1905—1907 гг. отказались. Соответственно, он считает убедительной точку зрения А. З. Кузьмина, А. А. Шишковой на аграрно-террористические формы борьбы как проявление слабости крестьянского движения и как следствие эсеровской агитации (с. 28—32).

Здесь есть одно «но». Критикуемые авторы не сказали ничего нового по данному вопросу. Напротив, они повторили общие места советской марксистской историографии 20-х — середины 50-х гг. Более того, они были ортодоксами большевистской традиции. В ноябре 1905 г., в разгар погромных форм крестьянского движения, «Новая жизнь» начала яростную кампанию обличения эсеров в пропаганде и организации аграрно-террористических крестьянских выступлений в Саратовской и других губерниях. Съезды РСДРП рекомендовали пропаганду только организованных средств борьбы крестьян, IV съезд РСДРП прямо запретил пропаганду аграрного террора, а V съезд — пропаганду партизанских методов борьбы³.

Решение проблемы, видимо, следует искать на уровне сравнительного соотношения рекомендаций конкретных форм борьбы и всей социалистической концепции как одной, так и другой партии. Отдельная тема — вопрос о смене ориентиров в оценке аграрного террора и отношения к нему партии

эсеров, бытовавшей среди большинства советских историков в конце 50-х гг.

Подробно изложена в книге история «московских оппозиций», становление которой было вызвано как объективными, так и субъективными факторами. Первоначально «оппозиция» выражала недовольство организационными принципами партии эсеров, а затем и тактическими. Перелом в настроении наступил после поражения Декабрьского восстания, в котором члены «оппозиции» приняли самое активное участие. В январе 1906 г. «оппозиция» отошла от московского комитета и весной того же года произошел раскол. На майской конференции 1906 г. «оппозиция», объявив о приверженности программе партии эсеров, одновременно санкционировала проповедь максимализма, выступила за безбрежный демократизм, который, по словам автора, «правильнее было бы назвать организационной рыхлостью» (с. 76). Апогей «оппозиции» пришелся на май—август 1906 г., когда ее деятельность характеризовалась размахом и многообразием форм. Обсуждалась идея создания параллельного партии оппозиционного союза. Нарастание максималистских настроений и повальные аресты вынудили внести коррективы: в конце 1906 г. «оппозиция» объявила о самороспуске.

Интересны выявленные автором сведения о численности и социальном составе «оппозиции», который существенно отличался от социального состава Союза максималистов исключительно высокой долей учащихих и служащих (83,7%) и низкой долей рабочих (15,2%) (с. 72). Возможно, здесь проявилась специфика источника.

Основу максималистской концепции составили общенароднические принципы (с. 93—98); отличительной чертой были абсолютизация социально-экономических особенностей России, отрицание чего-либо прогрессивного в российском капитализме. Как итог — заключение о ненужности, даже вредности программы-минимум, Центральным пунктом учения и предметом большой гордости была теория «Трудовой республики», которая, по мнению максималистов, должна была прийти на смену самодержавию. Первоначально они отождествляли «Трудовую республику» с социализмом, но вскоре пришли к выводу, что это лишь зародышевая форма социалистического строя.

Автор показал, что в оценке общественно-политического строя России и перспектив ее

развития максималисты шли в русле старонароднических теорий, разделяли «полуанархические» идеи о немедленном социалистическом перевороте, смешивали задачи демократизма и социализма, что явилось «анархическим извращением пролетарского социализма». В осуществлении революции они отводили значительное место элементу стихийности (с. 13, 115, 121—122). В условиях буржуазно-демократической революции, как явствует из монографии, на первый план выходили не «левацкие загибы» максималистской теории, а ее реальное революционно-демократическое содержание.

Основательно документированный и логичный анализ концепции максимализма в книге несколько потерян вследствие сужения угла обзора. Автор последователен в мысли, что истоки максимализма лежат исключительно внутри партии эсеров, которая выступает источником зла: пороки ее теории («эклетицизм»), тактики («непоследовательность», «колебания») выставлены основной, даже единственной причиной вычленения теории, организации и практики Союза максималистов. Такое решение снимает проблему генетических корней максимализма, восходящих к бунтарским, бакунистским идеям начального этапа крестьянского социализма в России.

Рецензируемая работа читается с интересом; особенно выделяется глава о деятельности Союза максималистов в революции. Обилие фактов, многочисленные портретные зарисовки (явление по нынешним временам для научной литературы редкое), детальное знание методов деятельности и революционеров, и политического сыска — во всем этом видится заинтересованный исследователь.

Союз социалистов-революционеров-максималистов конституировался на I конференции (10—24 октября 1906 г.). Утвержденный супер-демократический устав зафиксировал состояние союза как рыхлого, аморфного, в целом нежизнеспособного образования. Местные организации, не связанные с центром, действовали разрозненно, часто не имея связи и между собой. Практика показала, что лишь в случае отступления от устава и перехода к централистским методам управления руководящие органы союза становились дееспособными (с. 149—150).

Максималисты были непримиримыми противниками парламентских и всех других форм легальной деятельности, их тактический план обнаруживал явный перекокс в сторону нелегальных, главным образом

террористических, средств борьбы (с. 153—154). Практика оказалась еще более однобокой, поскольку не реализовалось намерение вести широкую агитацию. Террор и экспроприации явились главным и почти исключительным видом деятельности. Максималисты совершили свыше 50 террористических актов, преимущественно против представителей репрессивных органов самодержавия и членов черносотенных организаций. Около 40 покушений пришлось на 1907 г. (с. 154). Террористическая практика дополнялась безудержной проповедью этого метода борьбы. Фетишизация террора и игнорирование легальных форм борьбы разрушали связи максималистов с массами (с. 160—161). Еще более губительными для союза были чрезвычайно широко практикуемые экспроприации, которым нередко придавалось значение особой формы борьбы трудящихся за полное экономическое освобождение. В 1907 г. волна «эксов» буквально захлестнула максималистские группы. По мере спада революционного движения максимализм из идейного течения все более превращался в мелкое экспроприаторское (с. 162). С 1907 г. деятельность союза стала приобретать явное сходство с тактикой анархистов, а постоянные между ними контакты зачастую приводили к полному слиянию анархистских и максималистских групп (с. 206).

К сожалению, автор ограничился констатацией факта отрыва максимализма от массового движения, оставив открытыми вопросы о причинах отказа союза и от аграрно-террористической практики, и о созерцательном отношении к крестьянским выступлениям вообще и аграрно-террористическим в частности. В первой главе появление максималистской тенденции обуславливается отвлечением внимания руководства партии эсеров от массового движения; максимализм в своих истоках однозначно трактуется как попытка слияния с массами, восприятия и пропаганды подлинно народных, правомочных и целесообразных средств борьбы. Третья глава столь же однозначно свидетельствует, что Союз максималистов, ведущими фигурами которого были те, кто в 1904—1905 гг. звали и шли в массы, полностью отказался от намерений периода «утробного развития», в то время как партия эсеров упрочила и даже подняла на новый, более высокий уровень связи с массами.

В книге впервые приводятся полные цифры и география максималистских

организаций. В 1905 г. «условно максималистские» группы, как их называет автор, были в 19 городах, в основном со слабо развитой промышленностью (с. 165). В 1906 г. действовало уже 52 группы, в 1907 г. — 69 (с. 194). Затем начался спад. В 1908 г. насчитывалось 42 организации, в 1909 г. — 20, в 1910 г. — 10. В 1912 г. деятельность максималистских групп окончательно замирает (с. 207). Средняя численность группы не превышала 25—30 человек, а общее число активно действовавших в 1907 г. максималистов автор определяет в 2—2,5 тыс. членов (с. 196). В основном максималисты были молодыми людьми (средний возраст — около 25 лет), в их рядах почти не было представителей предшествующих генераций революционеров.

Репрезентативные данные свидетельствуют, что 67,9% максималистов происходили из рабочих, крестьян и мещан, а 12,7% из дворян. По социальной принадлежности рабочих было 40,6%, учащихся — 32,3% «низших служащих» (по терминологии автора) — 21%. Это стало основанием вывода, что максимализм как демократическое по своей социальной сущности явление было течением, объединившим главным образом представителей средних и низших слоев города (с. 197).

В советской литературе выражены разные взгляды на «социальную базу» максимализма. Согласно одной версии, максимализм «питался» «анархической дезорганизацией городских рабочих», в соответствии с другой — максимализм отражал интересы полупролетариев города, сохранивших связь с личным хозяйством в городе или деревне, с третьей — максимализм поддерживался мелкобуржуазной интеллигенцией. Автор не соглашается ни с одной из вышеприведенных оценок, считая их недостаточно обоснованными. Единственный способ доказательно подойти к вопросу о социальной

основе эсеровского социализма, по его мнению, — выяснить социальный состав организации максималистов (с. 10). Полностью соглашаясь с неоспоримым значением изучения социального состава политических объединений, должен заметить, что исследования последнего времени подтвердили давно высказанное предположение об отсутствии жесткой связи между социальным составом и социальной ориентированностью крупнейших («типовых») партий⁴. Автор характеризует максимализм и как ультралевое крыло народничества (с. 213), и как левое течение в рамках мелкобуржуазности (с. 126), и как направление с мелкобуржуазной классовой основой (с. 217). По-видимому, дальнейшие исследования позволят более определенно очертить те социальные слои, интересы которых более всего отражал Союз максималистов.

В целом рецензируемая монография, значительно расширяя наши представления о Союзе максималистов, открывает новые перспективы в изучении системы политических партий в России.

М. И. Леонов

Примечания

¹ Горев Б. И. Максималисты // Общественное движение в России в начале XX в. СПб., 1914: Т. 3. Кн. 5; Мещеряков Вл. Партия социалистов-революционеров. М., 1922. С. 1—2; Жуков А. Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979.

² Чернов В. К характеристике максимализма // Социалист-революционер [Париж]. 1910. № 1.

³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1 М., 1983. С. 129, 196, 254.

⁴ Политические партии России в период революции 1905—1907 гг.: Количественный анализ. М., 1987.

А. П. ПРУСС. ИСТОРИОГРАФИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ. Алма-Ата: Наука, 1990. 128 с. Тир. 500

Изучение крестьянского движения в России в пореформенный период позволяет глубже раскрыть содержание реформы 1861 г. и социально-политическую жизнь российской

деревни второй половины XIX — начала XX в. Советские историки широко исследуют борьбу крестьянства в России. Не обходят своим вниманием эту проблему и зарубежные

ученые. Однако историографически она мало изучена. Историческая наука располагала некоторыми историографическими обзорами, посвященными реформе 1861 г.¹, работами Д. А. Пойды² и В. А. Виноградова³, небольшими историографическими разделами в конкретных исследованиях, которые в силу вспомогательного характера не получили должного историографического обобщения. В итоговых статьях⁴, касающихся развития исторической науки на определенных ее этапах, указанной проблеме уделялось незначительное внимание.

В рецензируемой работе рассматривается история изучения крестьянского движения в великорусских губерниях пореформенной России. Правда, историографические работы, вышедшие после 1985 г., в частности монография Б. Г. Литвака⁵, не попали в поле зрения автора. Но это — общая беда исследователей, книги которых проходят путь от написания до издания в несколько лет.

В монографии А. П. Прусса рассматривается методика современных советских исследований, способы подсчета крестьянских выступлений, анализируется процесс изучения причин и форм крестьянской борьбы, ее периодизация и социальный состав участников, вторая социальная война, роль крестьянства в революционно-демократическом освободительном движении, идеология пореформенного крестьянства.

От процесса накопления исторических фактов исследователи перешли к их осмыслению, и здесь особую значимость приобретает выбор правильной методики исследования, от которого в конечном итоге зависят научные результаты. Основной вопрос методики — выбор единицы измерения — широко обсуждался в исторической литературе, но до сих пор не получил однозначного решения. Автор подробно анализирует практически все точки зрения на эту проблему, показывает, как шел процесс разработки основных методических принципов, и останавливает свой выбор основной единицы измерения на «селении». Он также считает, что «в настоящее время эта единица учета принята большинством ведущих историков-аграрников страны» (с. 26). В это утверждение хотелось бы поверить (к единой методике учета крестьянских выступлений, принятой всеми историками, мы стремимся), однако, к сожалению, это не совсем так.

Известный историк-аграрник А. М. Анфимов полагает: «К настоящему времени

подавляющее большинство исследователей пришло к убеждению, что статистическому учету подлежат не территориальные единицы ...а конкретные факты крестьянских выступлений»⁶; в другой своей работе на эту же тему он пишет: «Что касается учета движения по селениям или имениям, то для эпохи крепостного права этот метод оправдывал себя тем, что другого массового измерителя просто нельзя было найти. Иное дело — эпоха капитализма, когда движение приобрело новое содержание, новые направления и другие формы...»⁷. Мы присоединяемся к этому мнению. Действительно, в эпоху капитализма увеличивается подвижность населения, растет отходничество, выступления крестьян иногда происходят за сотни верст от своего села, поэтому «селение» как единица измерения не совсем подходит. На наш взгляд, для эпохи капитализма (1861—1917 гг.) более подходит в качестве единицы измерения сам факт, конкретный случай крестьянского выступления (хотя, конечно, их причины были различны).

Обобщая все сделанное историками в плане статистического изучения крестьянского движения, автор говорит о принципах статистического изучения крестьянской борьбы: необходимость сочетания качественного и количественного анализа, сплошное изучение всех опубликованных и архивных источников, сопоставление сведений центральных и местных архивов, выявление и подсчет всех фактов проявления крестьянского движения, последовательный анализ всех видов крестьянского протеста, соблюдение единой методики статистического подсчета. Следовало, однако, сказать и о важности изыскательской работы с участием сотрудников местных архивов по выявлению многочисленных источников и созданию «Хроник крестьянского движения».

В выборе правильной методики исследования особую значимость приобретает вопрос об установлении числа участников крестьянского протеста для правомерности их регистрации в качестве отдельного самостоятельного выступления. Единого мнения в литературе по этому вопросу нет. К сожалению, эта проблема в работе не рассматривается.

Заслуживая внимания предпринятая автором попытка количественной характеристики безденских событий в литературе 1917—1985 гг. А. П. Прусс справедливо упрекает некоторых исследователей за некритическое отношение к источникам, что

привело к «статистической неразберихе» в подсчете жертв, и ставит задачи, решение которых необходимо для объективной оценки размеров бездненской трагедии (с. 37—39).

Много места отведено в книге литературе, характеризующей причины и формы борьбы. Вопросы эти являются важным и необходимым звеном всех специальных изданий о пореформенной борьбе российского крестьянства. Опубликованные в последнее время труды отличаются от работ 50—60-х гг. качественно иным анализом причин крестьянской борьбы. Современные исследователи не просто перечисляют множество причин крестьянского протеста, но и обстоятельно изучают их. Здесь выделяются работы А. М. Анфилова, Д. И. Будаева, В. А. Виноградова, В. И. Козаченко, Ю. И. Смыкова, Н. С. Хамитбаевой. Говоря о работе Н. С. Хамитбаевой, автор справедливо критикует исследователя за абсолютизацию взаимосвязи хозяйственной конъюнктуры и динамики роста или спада крестьянского движения. Ухудшение экономического положения крестьян не всегда влекло за собой обострение борьбы. Необходимо рассматривать совокупность факторов. В противовес исследователям начального периода историографии проблемы, уделившим главное внимание социальным проблемам, современные авторы увлеклись экономическими причинами и отодвинули на второй план причины политические (с. 50). Представляется, что А. П. Прусс правильно подметил сложившуюся ситуацию. В будущих исследованиях важно сосредоточиться на роли социального фактора в возникновении и развитии классовой борьбы, не «забывая» экономическую подоплеку.

В книге подробно характеризуются формы крестьянского движения, что и позволяет проследить основное содержание крестьянского протеста. При выяснении понятия ведущих форм крестьянского движения подчеркивается необходимость четкого разделения таких определений, как «волнение», «выступление», «восстание». В современной литературе содержатся разные мнения по этому вопросу. Однако все больше наших исследователей усматривают в понятии «волнение» расплывчатость, ненадежность для статистического анализа крестьянского движения. Быть может, стоит использовать понятие «выступление».

В книге идет речь и о работах, отразивших проблемы периодизации пореформенного крестьянского движения. Наиболее

предпочтительна, по мнению автора, периодизация, предложенная А. М. Анфиловым, развитая и дополненная Н. М. Дружининым и В. А. Федоровым. Она прочно вошла в современную советскую историческую литературу (с. 78). Далее автор называет труды, рассматривающие социальный состав участников столкновений. Ученые единодушны в необходимости деления трех основных социальных групп крестьян, участвующих в пореформенном движении. В рецензируемой книге обращается внимание на изучение второй социальной войны, поддерживается мнение историков о признании права проблемы на существование. Возникла необходимость в разработке вопроса как на региональном, так и на общероссийском уровнях.

Особое место в исследовании крестьянского движения занимает проблема народничества и идеологии пореформенного крестьянства. В современной советской историографии сохранился двоякий подход к оценке влияния народнической деятельности на крестьянство: с позиций его непризнания или признания. Автор отмечает, что «первая позиция слабеет, тогда как вторая все более завоевывает признание среди историков» (с. 94). В самом деле, крестьянское движение явилось социальной базой революционного народничества, сыгравшего видную роль в развитии освободительного движения в России. В дальнейшем, с углублением исследования идеологии пореформенного крестьянства, будет, несомненно, уделяться все больше внимания и изучению пропагандистской работы народников среди крестьянства.

Мало разработана в советской историографии проблема общественного сознания широких крестьянских масс в его идеологических и социально-психологических формах. Здесь, как справедливо отмечается в книге, наибольших успехов добились В. А. Виноградов и Ю. И. Смыков. Представляется, что автор верно намечает важнейшие задачи дальнейших исследований. Это и изучение правосознания пореформенного крестьянства, и осмысление таких понятий, как идеология крестьянства, социальная психология, стихийность и сознательность в крестьянском движении и другие.

В целом рассматриваемая монография подводит итог по многим проблемам крестьянского движения в пореформенное время и намечает пути дальнейшего изучения темы.

В. И. Чупров

Примечания

¹ Литвак Б. Г. Советская историография реформы 19 февраля 1861 г. // История СССР. 1960. № 6. С. 99—120; Зайончковский П. А. Советская историография реформы 1861 года // Вопросы истории. 1961. № 2. С. 85—104.

² Пойда Д. А. Советская историография о некоторых вопросах методики изучения крестьянского движения периода капитализма // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1972. С. 3—19.

³ Виноградов В. А. Вопросы историографии пореформенного движения крестьянства (60—80-е годы XIX века) // XXV съезд КПСС и задачи исторической науки. Ч. 1. Калинин, 1978. С. 15—22; его же. Крестьянское движение на Верхней Волге; историография и источники. Калинин, 1983. С. 87.

⁴ Александров В. А., Анфимов А. М., Буганов В. И. и др. Некоторые проблемы истории крестьянства СССР дооктябрьского периода // История СССР. 1979. № 3. С. 49—70; Ковальченко И. Д., Сахаров А. М. Итоги и задачи изучения аграрной истории России в современной совет-

ской историографии // Сельское хозяйство и крестьянство СССР в современной советской историографии: (Материалы XVI симпозиума по изучению проблем аграрной истории). Кишинев; 1977. С. 73—86; Хромов С. С., Буганов В. И., Шерстобитов В. П. Некоторые итоги и актуальные проблемы изучения отечественной истории в свете решений XXVI съезда КПСС // Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982. С. 46—73.

⁵ Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России в 1775—1904 гг. История и методика изучения источников. М., 1986. С. 253.

⁶ Анфимов А. М. О методике учета крестьянских выступлений и количества участников в них // Социально-экономическое развитие России: Сб. статей к 100-летию академика Н. М. Дружинина. М., 1986. С. 134.

⁷ Анфимов А. М. К вопросу о методике учета крестьянских выступлений и количестве участников в них // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI — начало XX в.): Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Вып. 1. Таллинн, 1986. С. 250.

ВАСИЛИЙ НИКИТИЧ ТАТИЩЕВ. ЗАПИСКИ. ПИСЬМА. 1717—1750 гг. М.: Наука, 1990. 439 с. Тир. 3500

Один из самых талантливых и энергичных деятелей России первой половины XVIII в., В. Н. Татищев давно привлекал внимание многих ученых, историков, географов, экономистов. Посвященная ему литература довольно обширна и общеизвестна. Тем не менее далеко не все направления его деятельности изучены во всей их полноте. Больше исследовались научные заслуги и взгляды Татищева, меньше — его практическая работа. В этой связи важная задача — выявление и публикация документов, как исходящих от самого Татищева, так и других материалов, рисующих разные периоды его научной работы и служебной карьеры.

Как известно, некоторые записки и письма В. Н. Татищева уже издавались. Однако эти публикации носили, как правило, выборочный характер, они не охватывают всей совокупности его деятельности. Поэтому выход в свет в серии «Научное наследие» нового сборника документов Татищева (отв. редактор, автор вступительной статьи и примечаний

А. И. Юхт) закономерен и своевременен. Рецензируемый сборник — первая попытка осуществить систематическую научную подборку татищевских материалов за длительный период жизни автора. Книга включает 276 документов, в число которых вошли как письма В. Н. Татищева к представителям высшей администрации России, деятелям Академии наук и ученым, так и записки, инструкции, наказания и другие материалы, отложившиеся в процессе его административной работы.

Целью сборника было, как определяется во вводной статье, показать разработку и практическое осуществление В. Н. Татищевым его программы экономического развития России, его влияние на законодательство и экономическую политику правительства во второй четверти XVIII в., а также его вклад в развитие науки и просвещения, его социально-экономические воззрения.

Во вводной статье раскрывается состав сборника, дается характеристика включенных в него документов. В частности, особое внима-

ние уделено материалам, связанным с административной деятельностью Татищева; выявляются причинные связи, определившие возникновение тех или иных его конкретных проектов и записок. Статья содержит обзор документов, рисующих взаимоотношения Татищева с Академией наук. Приводятся сведения об архивных фондах, изученных составителями, о распределении по этим фондам документов. Даны также краткие сведения археографического характера.

Привлекает внимание оценка более ранних публикаций татищевских материалов, включенных в сборник. Отмечается, что они изобилуют неточностями и ошибками, но, к сожалению, приводится только один конкретный пример из публикации П. П. Пекарского. А ведь другие подобные примеры позволили бы читателю получить более полное представление о старых публикациях и с этой точки зрения усилили бы аргументацию составителей относительно необходимости включения некоторых уже известных материалов в данный сборник, подчеркнули бы значение проделанной составителями работы, связанной со сверкой документов с оригиналами. Следовало бы также остановиться на причинах обоснованности передатировки отдельных документов.

Касаясь собственно содержания сборника, следует прежде всего отметить, что принцип комплексного подхода к подбору документов оказался весьма плодотворным. Он позволил составителям одновременно раскрыть разные стороны деятельности В. Н. Татищева, не отрывая его практических мероприятий от его взглядов. В результате административная деятельность Татищева получила в сборнике яркое и четкое отражение. Это особенно важно потому, что практическая работа Татищева была тесно связана с образом его мыслей и одновременно способствовала самому процессу формирования его мировоззрения в целом. Таким образом, подбор разнохарактерных документов дал возможность гораздо шире представить круг его интересов, характер взаимоотношений с людьми и сами перипетии жизни этого выдающегося человека. Они отразили экономическую программу Татищева и меры по ее реализации, значение его творческого наследия, широту его интересов и занятий, а также его роль и место в экономической политике абсолютизма и культурном развитии России, т. е. цели, поставленные составителями, благодаря комплексному подбору документов оказались достигнутыми.

Проекты, записки, донесения и другие служебные документы вместе с письмами В. Н. Татищева к деятелям высшей государственной власти, включенные в сборник, свидетельствуют, что он был приверженцем экономического курса Петра I и убежденным последователем политики меркантилизма. Подъем промышленности и производительности труда, успехи внешней и внутренней торговли, сопутствующая этим процессам покровительственная политика правительства были для него, судя по документам, важнейшими рычагами развития русской экономики и преодоления ее отставания.

Из этой группы документов хорошо видно, что к любому поручению, будь то руководство заводами, монетным делом или управление отдельным регионом страны, В. Н. Татищев никогда не относился формально, а всегда творчески, выдвигая предложения, которые должны были существенно изменить положение дел в лучшую сторону. При этом он стремился учесть и использовать не только свой собственный опыт или русский опыт в целом, но и достижения других стран, с которыми тщательно знакомился как непосредственно, во время своих поездок за границу, так и по современной доступной ему литературе по разным вопросам.

Письма В. Н. Татищева Петру I, императрицам Екатерине I, Анне Иоанновне, Елизавете Петровне и большому числу влиятельнейших в Русском государстве лиц говорят и о его весьма активных позициях, твердости и настойчивости в осуществлении своих планов и намерений. Свойственное ему высокое чувство патриотизма и постоянное стремление всячески способствовать благосостоянию России проявлялись не только при решении крупных вопросов, но и в мелких делах. Проводя, например, закупки некоторых товаров за границей, он старался не перерасходовать даже малой толики казенных денег, что отличало далеко не всех русских эмиссаров.

Проекты В. Н. Татищева, как следует из документов, часто опережали возможности правительства и не всегда могли быть осуществлены, но в целом неизменно отражали практические нужды и потребности страны.

Не менее интересна и важна для характеристики личности, мировоззрения и деятельности В. Н. Татищева и другая группа его писем, а именно к президентам и членам Академии наук. Хотя значительное их число уже издавалось, они вошли в состав сборника весьма органично, как логически необходимая часть.

Значимость их состоит в том, что они характеризуют совершенно другое направление деятельности В. Н. Татищева, в частности, круг его научных интересов и его содействие развитию как гуманитарных, так и естественных наук в России, хотя он сам членом Академии наук не был. В них конкретно раскрывается работа Татищева по выявлению русских и восточных рукописей и других исторических документов, по сбору этнографических данных о народах Поволжья, по составлению карт разных регионов страны, по изучению флоры и фауны тех мест, где он бывал, по поискам минералов и окаменелостей для пополнения коллекций Академии наук и т. д. Содержатся в этих письмах и сообщения по самым различным поводам, которые, по мнению Татищева, могли представлять интерес для науки. Без этих живых и ярких источников образ В. Н. Татищева оказался бы представленным читателю более скупо, односторонне.

Письма и другие документы сборника дают известное представление и об отношении как административных, так и научных кругов к взглядам и практической деятельности Татищева. Например, из письма М. И. Воронцову от 12 мая 1748 г. (№ 248) выясняется, что многие занятия В. Н. Татищева историей и географией «за непотребство почитают». Ясно вырисовывается, что окружение императрицы Анны в лице Э. Бирона и А. И. Остермана всячески тормозило его полезные начинания в разных областях. Некоторые из его проектов и предложений, даже получившие признание и утвержденные Сенатом, откладывались и забывались.

Отчетливо очерчиваются по материалам сборника и фигуры отдельных корреспондентов В. Н. Татищева. С одной стороны, среди них легко можно выделить лиц, проявлявших подлинное понимание его идей и практических попыток их осуществления, интерес к его научным трудам; людей, питавших к нему большое уважение и составлявших круг его друзей и единомышленников. С другой стороны, определяются лица противоположных воззрений — либо равнодушные формалисты, либо те, чье поведение определялось в основном их личными пристрастиями и обладанием властью. Расстановка сил и настроения в академических кругах проявляются в отношении к изданию трудов В. Н. Татищева и его научным поискам. Отражая в целом прогрессивность или отсталость взглядов ряда представителей верхушки российского общества первой половины XVIII в., документы сборника содержат

фактический материал, выходящий за пределы чисто татищевской темы и в известной степени освещают общее состояние политической, общественной и научной мысли того времени.

Характеризуя материалы сборника, необходимо подчеркнуть, что было бы вообще неправильно ограничиваться только оценкой, которую получает в них сам В. Н. Татищев и его окружение. В. Н. Татищев жил, работал и действовал в эпоху становления и развития абсолютизма в России, в один из самых важных и сложных периодов ее истории. И это не могло не отложить своего отпечатка на документацию того времени. Поэтому она имеет гораздо более широкое значение, которое никак не замыкается в чисто биографические рамки.

Во-первых, при составлении своих записок, донесений и отчетов, о чем бы ни шла речь — о заводах или торговле и рыбных промыслах, о подготовке кадров или совершенствовании монетного дела, о положении калмыков и юртовских татар, а также и множестве других вопросов, — В. Н. Татищев всегда старался досконально изучить и проанализировать конкретный материал, дающий полное представление об уже сложившихся обстоятельствах. Его описания и оценки особенностей обстановки отличались высокой степенью достоверности и обилием фактов. В силу этого исходящие от него документы являются ценным источником по истории развития отдельных регионов России, их экономики, населения и специфических особенностях. Это особенно важно для второй четверти XVIII в., до сего времени изученной еще очень мало.

Во-вторых, по татищевским материалам в ряде случаев хорошо прослеживаются политика правительства и ее отличия в отношении разных российских провинций как в области управления, так и в социальной сфере. По ним можно судить о некоторых проблемах, относящихся к национальной политике правительства.

В-третьих, документы содержат интереснейшие сведения о состоянии и развитии отдельных важных отраслей хозяйства России. Богатые данные приводятся о заводах Урала и Сибири, монетных дворах, восточной торговле, разработке полезных богатств Астраханского края и т. д. К этому можно добавить, что изучение татищевских материалов в сравнении с записками и предложениями его современников, а также с законодательными актами того времени позволит выявить не только основные направления экономической

мысли в этот исторический период, но и их влияние на некоторые аспекты внутренней политики абсолютизма.

В-четвертых, в письмах В. Н. Татищева из Польши, Германии и Швеции содержатся данные по экономике и этих стран. Так, в письмах 1717 г. можно встретить оценку условий для товарных закупок, качества европейских товаров. Письма и записки 1725—1726 гг. позволяют судить о шведской железяноделательной и железянодобывающей промышленности, о торговой и финансовой политике. Большое значение для России имело его описание портовых сооружений и Арбурского канала, поскольку собственным опытом в таком строительстве она не обладала.

Можно было остановиться еще и на некоторых более узких вопросах, материалы по которым обнаруживаются во многих пространственных записках и донесениях В. Н. Татищева, но и сказанного уже достаточно, чтобы высоко оценить содержание и научную ценность рассматриваемого сборника. Бесспорным достоинством его является также то, что большая часть изданных документов публикуется впервые. При этом они приводятся в полном объеме и со всеми присущими им особенностями, в том числе и языковыми, что может представить интерес для специалистов по истории русского языка, интересующихся свойствами и особенностями и деловой переписки, и разговорной речи.

Вызывает, однако, сожаление, что отдельные интересные и богатые фактическим материалом документы, в частности, по Астрахани, хорошо известные составителям и упоминающиеся в комментариях к текстам, в состав сборника не вошли. Хотя некоторые из них и публиковались ранее, исключение их в известной мере нарушает замысел и полноту сборника. В данном случае отступление от принятого в «Научном наследстве» правила, далеко не всегда оправданного, — печатать только не публиковавшиеся ранее документы, — было бы вполне уместным. Осталась вне поля зрения составителей и деятельность В. Н. Татищева в Оренбургской экспедиции. Если его мероприятия относительно Башкирского восстания 1735—1736 гг., по мнению составителей (о чем упоминается во вступительной статье), представляют особую тему (с. 30), то строительство Оренбурга и связанный с этим круг вопросов непосредственно относятся к проблематике сборника. Отсутствие документов по этому поводу воспринимается как неоправданный пробел.

Поскольку в книгу вошли материалы 1717 г., когда В. Н. Татищев уже достиг тридцатилетнего возраста, следовало как-то аргументировать выбор этой начальной даты. Фразы, промелькнувшей во вступительной статье (с. 7) о том, что письма 1717 г. оказались наиболее ранними из обнаруженных составителями документов, явно недостаточно. В такой ситуации было необходимо дать во вступительной статье более подробные сведения о раннем периоде жизни В. Н. Татищева, так как этот период не мог не оказать влияния на формирование его личности, его взгляды и деятельность. Слишком краткий перечень дат, касающихся службы Татищева в 1704—1716 гг. и приведенный мимоходом (с. 7), этой задачи не решает. Другим вариантом могло бы быть включение в сборник, хотя бы в приложениях, некоторых семейных документов и отрывков из сочинений Татищева, содержащих биографические данные.

Касаясь справочного аппарата к сборнику, следует сказать, что тщательно и на высоком научном уровне составленные комментарии к текстам, географический и именной указатели значительно облегчают пользование его материалами. Работе с ним помогло бы и разделение материалов на несколько разделов, снабженных заголовками. Это можно было легко сделать, не нарушая принятого составителями принципа хронологической последовательности, исходя дополнительно хотя бы из служебных назначений В. Н. Татищева. В этом случае исследователям, интересующимся какими-то определенными регионами страны либо деятельностью отдельных учреждений, теми или иными отраслями промышленности, торговлей и т. д., было бы быстрее и легче найти нужный для их целей материал. То обстоятельство, что в одних и тех же документах освещаются разные вопросы, значения не имеет, поскольку такое их свойство сохраняется при любой структуре сборника. Если же данные по одной и той же или сходной тематике встречаются в документах, отнесенных к разным разделам сборника, то эта трудность обычно преодолевается просто — с помощью соответствующих отсылок, помещенных в комментарии. Кстати, такие отсылки были бы полезны и при принятой структуре сборника.

Очень неудобен для исследователей принцип перенесения поисковых данных документов в примечания к ним. Помещение легенды непосредственно за документом представляется гораздо более предпочтительным, так как в

этом случае ученый сразу получает представление о том, где находится подлинник публикуемого документа и как его найти. В противном случае ему приходится бесконечное число раз отрываться от текста и листать страницы комментария, чтобы найти нужные сведения. По-видимому, в данном случае на составителей оказала влияние традиция редакции «Научного наследства» включать

легенду в комментарий, от которой давно уже следовало бы отказаться.

В целом сборник — результат кропотливой и тщательной работы составителей. Предлагается, что он привлечет внимание не только специалистов; материалы сборника могут найти применение и в учебном процессе в высших учебных заведениях.

Н. Б. Голикова

Н. И. ПАВЛЕНКО. ПЕТР ВЕЛИКИЙ. М.: Мысль, 1990. 592 с. Тир. 130 000

Новый труд Н. И. Павленко привлекает внимание уже своей необычайно масштабной задачей: рассказать о преобразователе России Петре Великом — о его деяниях и личности, талантах и неутомимой энергии, успехах и неудачах на фоне событий того времени. Значительная психологическая трудность для историка, берущегося за исследование жизни и деятельности Петра I, заключается в том, что существует множество специальных трудов, посвященных этому предмету; кроме известных многотомных работ Н. Г. Устрялова и М. М. Богословского следует учитывать и традицию зарубежной историографии: о Петре I писали И. Грей, Р. Порталь, А. Валлонтон, Ф. Вентури, Л. Олива¹ и др. Все они — признанные мастера историко-биографического жанра, создатели ряда книг о русских политических деятелях XV—XVIII вв.

Не меньшая по значимости проблема — обрисовка «фона», т. е. эпохи конца XVII — начала XVIII в., но по причине диаметрально противоположной. Несмотря на капитальные труды С. М. Соловьева, П. Н. Милюкова и несколько работ советских авторов, общая концепция развития русского общества в этот период разработана недостаточно глубоко. Причина тому — и значительный массив источников, еще не введенных в оборот, и сохранение многих стереотипов, отражающих историографические представления вековой давности.

В рецензируемой книге мы не найдем традиционных вводного, историографического и заключающего разделов. Автор начинает с описания колокольного звона кремлевских церквей по случаю рождения Петра, а заканчивает знаменитым словом на кончину его, произнесенным Феофаном Прокоповичем

10 марта 1725 г. К историографическим спорам применительно к тому или иному моменту жизни и деятельности Петра I автор обращается весьма скупое, касаясь лишь узловых, либо тех, которые отражают новые подходы в рассмотрении вопроса.

Эти отступления, не разрывая единой ткани повествования, создают необходимый баланс исследования в восприятии его и специалистом, и просто любителем отечественной истории. Подход автора к историографическому наследству сродни тому, который осуществлен в известной работе Н. М. Дружинина «Русская деревня на переломе». И в том, и в другом случаях существенно прежде всего широчайшая эрудиция исследователей, которая и обуславливает высоко профессиональное обращение со всем корпусом имеющихся в их распоряжении материалов.

Что касается источниковой базы, то во главу угла положен принцип оптимальной целесообразности: там, где это наиболее соответствует задаче, которую поставил перед собой автор, он «не стесняется» обращаться к традиционным источникам (это — материалы, собранные М. М. Богословским для биографа Петра, «Письма и бумаги императора Петра Великого», «Журнал, или поденная записка...» и др.); они занимают значительное место среди цитируемых источников и вкупе с фактами, введенными в оборот еще Н. Г. Устряловым и С. М. Соловьевым, и составляют, наверное, основу повествования. Автор вводит в свой труд и сведения, почерпнутые из архивов. Легкость, с которой исследователь оперирует ими, наглядно показывает его высокий профессионализм и в этом случае. Автор не старается блеснуть «исключительной» новизной источников.

Использование разножанровых и разноплановых источников (записки И. А. Желябужского и Юста Юля, сочинения И. Г. Корба и К. де Бруина, Полное собрание законов Российской империи и нумизматический материал, печатные издания Петровской эпохи и сочинения историков XVIII в. Я. Штелина, М. М. Шербатова и т. д.) позволяет автору высветить новые грани и неожиданные повороты деятельности Петра I, по-новому взглянуть на важные проблемы истории России конца XVII — начала XVIII в.

Одной из таких проблем нам представляется становление Петра как политика-новатора, рискнувшего «внести свежую струю в затхлую атмосферу кремлевского дворца» (с. 25). Автор решает этот «знаменитый» вопрос не с помощью блестящей формулы в духе С. М. Соловьева о народе, собравшемся в дорогу и ожившем вождя, и совсем уж не в духе гораздо более абстрактных формулировок, имевших место в советской историографии 40—70-х гг. Рассматривая проблему конкретно, уделяя внимание ранее не выделявшимся «второстепенным» обстоятельствам, историк, в частности, совершенно верно указывает, что Петра не готовили к занятию престола; это «в значительной мере сокращало учебно-воспитательные меры, которыми руководствовался двор при воспитании наследника». В семье Натальи Кирилловны, в Коломенском и Преображенском существовали иные порядки — «не дворец, а улица воспитывали юного царя», что и предопределило ту «демократичность», свободу от устоявшихся стереотипов, в которой происходило формирование мировоззрения Петра. Автор проводит этот тезис ненавязчиво, специально оговаривая гипотетичность своих построений, и эта щепетильность исследователя еще более оттеняет его ответственность в связи с высказываемыми заключениями.

Важный шаг в рассмотрении петровского правления — попытка автора трезво взглянуть на «восхождение» верховной власти — от правительства конца XVII в., «скудного талантами» (с. 36), к тому кругу людей (Ф. М. Апраксин, А. Д. Меншиков, Г. И. Головкин, Ф. Лефорт, Ф. А. Головин и др.), которые и составили «генератор идей» перестройки государственной жизни России в первой четверти XVIII в. То, что мы до сих пор не в состоянии проследить динамику складывания, а во многих случаях и функционирования этой интеллектуально-административной элиты Петровского времени, пожалуй, одно из самых существенных «белых пятен»

в освещении проблемы предпосылок и проведения реформ первой четверти XVIII в. Это вполне естественно: за понятиями «предпосылки» и «проведение реформ» в значительной степени стоят люди, а насущная задача — охарактеризовать каждого из ближайших сподвижников Петра. Непринадлежность большинства из них к высшей аристократии, как можно заключить из рассуждений автора (с. 87), — лишь «особый колорит» времени Петра. Н. И. Павленко, как известно, явился пионером в детальном исследовании деятельности «птенцов гнезда Петрова». По сравнению с его предыдущими работами² рецензируемый труд благодаря многоаспектности авторского подхода более глубоко осветил плеяду петровских сподвижников, равно как и крайне сложные коллизии, противоречия, антагонизмы, существовавшие внутри этой «системы» и приведшие к утрате Петром значительного числа ближайших друзей. «... Надобно разъяснить, — замечает автор, — что одиночество, т. е. по сути дела банальная ситуация, в которой нередко оказывались великие люди в конце своего жизненного пути, может быть рассматриваемо только в плане личных судеб. Что касается общественной стороны этого вопроса, то о социальной изолированности Петра не может быть речи...» (с. 512). И такое авторское заключение также кажется нам плодотворным для понимания и концептуального осмысления событий первой половины XVIII в.

Да, с социальной точки зрения Петр не был и не мог быть одинок: крайняя сложность положения России в первые два десятилетия XVIII столетия сплотила под флагом «общественного блага» и «государственного интереса» представителей различных групп и слоев общества, хотя не обошлось без внутренней борьбы, как явной, так и скрытой. Тем более сложными были отношения между его приближенными. Окружение абсолютного монарха формировалось им самим и по его собственной прихоти. В этой связи особый интерес представляет вопрос о мировоззрении, «менталитете» ближайшего царского окружения. Это мировоззрение могло явно проявляться лишь при отсутствии определяющей воли абсолютного монарха. Докладные записки о состоянии России и государственных нуждах, поданные в 1726 г. Екатерине I П. И. Ягужинским, А. Д. Меншиковым, А. И. Остерманом, А. В. Макаровым и

А. Волковым⁴, дают возможность говорить по крайней мере об определенных расхождениях упомянутых лиц и Петра в ряде вопросов проведения внутренней политики, и наличие таких расхождений в более раннее время, еще при жизни Петра, представляется нам вполне возможным. Словом, проблема «Петр и его ближайшее окружение» после знакомства с рецензируемой книгой предстает гораздо более многогранной и перспективной для дальнейшей разработки.

Но как бы то ни было, и Петр I, и окружавшая его группа деятелей-реформаторов действовали под влиянием объективных обстоятельств. Автор более основательно, чем другие советские исследователи, подходит к анализу предпосылок реформ XVIII в. В этом отношении привлекает внимание ряд его положений. Вполне обоснованной представляется его позиция в вопросе о причинах отсталости России к рубежу XVII—XVIII вв. Он видит их в неблагоприятных почвенно-климатических условиях России, сковывавших не только производительную, но и духовную жизнь народа. Важен и учет громадных территориальных пространств. Даже «однообразие ландшафта вело к однообразию занятий населения, что не создавало предпосылок для обмена и надолго сохраняло натуральный характер хозяйства» (с. 40). И хотя автор с добросовестностью истинного ученого делает оговорку, что это «давно замечено», дело несколько сложнее. Действительно, об этих факторах, касаясь развития России, писали еще зарубежные ученые XVII—XVIII вв., но парадокс в том, что еще недавно подобные построения могли поставить автора рецензируемой книги в довольно сложное положение. Автор решительно преодолевает стереотипы, долгое время господствовавшие в нашей историографии, согласно которым многофакторность подхода якобы противоречит марксистской методологии истории. Напротив, такая многофакторность с учетом строгой иерархии факторов, их значимости и является подлинно диалектическим подходом, позволяющим в данном случае не только новаторски оценить предпосылки реформ конца XVII — начала XVIII в., но и осмыслить концепцию развития России до конца XVIII в. вообще. Ведь вывод о том, что «в итоге сильное государство складывалось при отсутствии адекватных ему экономических ресурсов» (с. 40—41), можно было бы экстраполировать на более длительный период истории России.

Конечно, рассматривая причины и предпосылки реформ, обозначенные в работе, полезно было бы обозначить и круг вопросов, для которых нашлось бы альтернативное решение. Например, насколько правомерна мысль (там, где речь идет о развитии России в XVII в.) о разрушительном влиянии ордынского ига? В конце концов, самое развитие «сильного государства» было результатом синтеза истории самых различных этносов, интеграции ряда региональных культур с присущим им уровнем экономического, социального, политического развития, спецификой видения мира и т. п. И речь идет отнюдь не о попытке пересмотреть господствующий в литературе тезис о результатах нашествия и ига. Мы лишь напоминаем: в рамках истории народов нашей страны — это не «внешний фактор», столь часто выполнявший роль козла отпущения при объяснении отставания России от передовых держав Европы. Мы полностью отдаем себе отчет в том, что положение об этом «внешнем факторе», утвердившееся в известную эпоху на страницах учебников, создало практически непреодолимый стереотип мышления и в научном, и в массовом сознании. Но расширение исторического кругозора в конечном счете сломит и этот стереотип.

Другой интересный момент — проблема необходимости выхода к морю для установления экономических и культурных контактов с передовыми странами Западной Европы (с. 40). Да, то, что властные структуры, ориентирующие государство на культурную изоляцию, обрекают его на застой и отставание, — факт неопровержимый и подтверждающийся рядом примеров из истории стран Востока. Но это заключение отнюдь не идентично признанию какой-то фатальности завоевания выхода к Балтийскому морю для ликвидации культурного отставания. Современная историческая наука знает не только термин «талассократия», отражающий значение выхода к морю для формирования державы-лидера, но и включает ряд неоднозначных суждений на этот счет. Поэтому ссылка Петра на «законные причины», склонившие его к войне со Швецией, не может трактоваться, лишь как простое признание их законности. Ведь уже XVI век дал истории России, характерные примеры преломления «законных причин» через призму «имперского» сознания во внешней политике Ивана IV,

Было бы, видимо, неверным сбрасывать со счетов эту сторону дела и в XVII—XVIII вв.

Наконец, можно было бы полностью согласиться с автором в оценке тех начинаний в жизни страны в XVII столетии, которые получили развитие в дальнейшем (с. 46). Да, ускорение в данном случае было необходимо. И все же требуется в равной степени и осознание того, что наши представления о «масштабах» предпосылок реформ далеко еще не полны в силу неисследованности гигантского массива материалов приказного делопроизводства и местного управления XVII в.

Останавливаясь на общем видении автором эпохи преобразований, их логики, отметим, что структура книги стройная и глубоко продумана. Четко фиксируя начало преобразований серединой 90-х гг. XVII в., историк развертывает перед читателем своеобразную «цепную реакцию» преобразований. В самом деле, проявление традиционного направления русской внешней политики — Азовские походы конца XVII в. — уже осуществлялись нетрадиционными методами, как, впрочем, и празднование их успешного завершения. Эти победы логически повлекли за собой строительство воронежского флота и первые шаги по созданию новой, регулярной армии, что, в свою очередь, повело правительство к решению финансовых проблем, проведению городской реформы, к осознанию необходимости определенных изменений в области культуры и т. д. (с. 93 и сл.).

Вместе с тем заметим, что оценка в книге некоторых реформ открывает перспективу разработки их конкретной истории. Если, скажем, действенность военной реформы 1699—1705 гг. неоспорима — она была зримо проиллюстрирована крупнейшими победами русской армии в 1708—1709 гг., — то вопрос о городской реформе более сложен. По мнению автора, она «завершила процесс изъятия посада из-под власти воевод, лишив их и судебной власти» (с. 105). Этот вывод абсолютно верен при ограничении базы данных законодательным материалом. Включение же в оборот массы документов делопроизводства центральных и местных учреждений обнаруживает разрыв между установленными нормами и реальностью. Более сбалансированной могла быть и оценка изменения роли Боярской думы. Авторитет М. М. Богословского утвердил в науке «стабильный» тезис об «утрате» этой Думой «свойств сугубо

аристократического учреждения» (с. 107). Но проведенное недавно исследование боярских списков 1682—1713 гг. привело к аргументированному выводу о том, что феодальная аристократия и в первой четверти XVIII в. «ничего не потеряла и сохраняла свое влияние»⁴. К числу частных, но ярких нововведений Петра I в культурной области относятся бритье бород, ношение одежды по «венгерскому и немецкому образцу» (с. 113). Осуществлялось ли это на практике благодаря указам 1700—1701 гг.? Выход за рамки законодательного материала показывает, что эти нововведения потребовали более значительного промежутка времени⁵.

Эти замечания касаются не столь рецензируемой книги, сколько общего подхода к источникам XVIII в. в нашей историографии. Отождествление указа или другого законодательного акта с реальностью — одна из крупных проблем разработки вопросов истории данного периода; установление четкой корреляции между ними — непременное условие сохранения реальной исторической перспективы.

В работе виден новаторский подход к проблеме «истоков русской бюрократии», чему посвящена отдельная глава книги; автор, в частности, стремится четко определить понятие «бюрократия», характерные ее признаки (с. 434). По его мнению, бюрократия в России — явление XVIII в., и в этой связи автор не принимает тезис Н. Ф. Демидовой о «служилой бюрократии» XVII в. (там же)⁶.

Система функционирования новой, абсолютистской монархии, на наш взгляд, — проблема значительная. Н. И. Павленко дает четкое представление о системе государственных учреждений XVIII в., правильно подчеркивая, что последняя «явилась одним из важных элементов европеизации России» (с. 474). Заметим кстати, что, если другие аспекты европеизации получили в отечественной и зарубежной историографии весьма полное освещение, то в данном случае автор является одним из первопроходцев. В книге освещена хаотичность произведенных в этой области преобразований, осознаются «сбои» деятельности новосозданных учреждений. Еще П. Н. Милюковым были отмечены несбалансированность отношений высших учреждений государства в первой четверти XVIII в., да и в последующее время⁷.

Прошлое нашей (и не только нашей) историографии изобилует хлесткими параллелями между прошлым и настоящим, «прокидыванием политики в прошлое» и т. п. Великий урок истории заключается в том, что этот путь — соблазнительно легкий — в конечном счете приводил подлинную отечественную науку к жесточайшим репрессиям в отношении ее лучших представителей, к подмене научных истин псевдогениальными высказываниями Сталина о русской истории. Чтобы понять весь ход истории России, смешно искать причину прошлых неудач в том, что «русских всегда били за отсталость», как когда-то утверждал Сталин, или, в очередной раз пытаясь ответить на вопрос, почему человек и общество, человек и государство в России соотносились между собой «не так», вновь возвращаться к Жозефу де Местру и Чаадаеву, славянофилам и западникам, псевдомарксистам 30—50-х гг.

Н. И. Павленко, предлагая свою концепцию петровского абсолютизма и его идеологии «общего блага», дает для понимания «проклятых» вопросов истории России гораздо больше, когда без всяких аллюзий показывает нам человека и государство первой четверти XVIII в. Человек Петровской эпохи — одновременно и творец величественной государственной системы, «регулярного государства», и вещь, стоившая от 12 рублей (30-летний работник в расцвете сил) до 10 (!) копеек (ребенок 1,5—2 лет или 70-летний старик) ⁸.

Осмысливая жесточайшую действительность XVIII в., можно достаточно убедительно решить «загадку»: «почему царь столь длительное время терпел отсутствие указа о правах и обязанностях высшего учреждения государства» (с. 449). Причина тому проста — Сенат фактически никогда в XVIII в. не являлся высшим государственным учреждением. Боярская дума, вопреки устоявшейся схеме, уступила место не Сенату, а органам типа «Консилии министров» или негласных советов при особе императора, что хорошо прослеживается по реляциям иностранных резидентов в России в 20-е гг. XVIII в.; в действительности была заложена основа известной «надсенатской цепочки»: Верховный тайный совет — Кабинет министров — Конференция при Высочайшем дворе — Императорский совет Екатерины II ⁹. Иного и не могло быть в России XVIII в. Понравившееся Петру I

сравнение Лейбницем взаимодействия коллегий с часовым механизмом (с. 442—443) могло реально осуществиться лишь в том случае, если этот механизм запускался бы мощным «маховиком» общественно-политической активности широких слоев населения страны.

Материал книги дает многое для того, чтобы судить об «удачности» или «неудачности» той или иной реформы Петра (с. 453). Критерий здесь, видимо, может быть только один — созданы были на практике конкретные государственные структуры, либо это осталось на бумаге. Конкретные факты свидетельствуют о значительном расхождении идеала и действительности ¹⁰. В свете новых фактов не такими уж бесплодными оказываются те самые «годы безвременья, когда трон занимали серые личности, лишенные инициативы и способности к государственной деятельности» (с. 474). Как можно прогнозировать на основании уже появившихся трудов, так и ведущей рядом советских исследователей работы по введению в научный оборот новых архивных материалов, общая оценка указанного периода в ближайшее будущее претерпит существенные изменения.

Итак, мы имеем дело с книгой, воссоздающей и многогранный образ Петра I, и общую картину эпохи, в которой ему пришлось действовать. Наиболее удачными, на наш взгляд, являются разделы, посвященные выработке доктрины абсолютизма («Общее благо»), делу Алексея Петровича («Трагедия в семье и у трона»), а также главы о внешней политике России в первой четверти XVIII в., в том числе редко анализировавшийся эпизод — «Измена Мазепы». В отличие от ранее опубликованных статей и работ Н. И. Павленко, в данной книге они приобрели законченность и внутреннюю гармоническую связь.

Некоторые «мелочи» в книге на самом деле могут оказаться отправным пунктом для достаточно широких обобщений. В самом деле, нужно ли писать о том, что «главное значение ассамблей состояло в том, что их введение положило конец затворнической жизни столичных женщин»? (с. 547). Но ведь поставленная в историческую ретроспективу, эта «мелочь» объясняет многое, чего не было в русской культуре «до Петра»: культ Прекрасной Дамы, очерченной рыцарской морали, куртуазности и любовных стихов — от трубадуров средневековья до Ронсара и дю Белле.

Глубина содержания в «Петре Великом», обусловленная длительной и кропотливой работой автора над сюжетами русской истории XVIII в., в сочетании с увлекательным повествованием, великолепным иллюстративным материалом — этим отличается книга, в которой профессионализм историка-специалиста сознательно поставлен на службу не только познанию отечественной истории, но и формированию у широких масс читателей подлинно исторического сознания.

Д. Н. Шанский

Примечания

¹ Grey Y. Peter the Great, Emperor of all Russia. Philadelphia, 1960. 505 p.; Rogtall R. Pierre le Grand. Paris, 1961. 311 p.; Vallontou H. Pierre le Grand. Paris, 1958. 550 p.; Venturi F. Pietro il Grande. Torino, 1966. 147 p.; Oliva L. Russia in the era of Peter the Great. New Jersey, 1969. 184 p.

² См.: Павленко Н. И. Птенцы гнезда петрова. М., 1988; его же. Александр Данилович Меншиков. М., 1983.

³ См.: ЧОИДР, 1860. Октябрь—декабрь. М., 1861. Кн. IV. Отд. V. С. 269—271; 200-летие Кабинета Его императорского величества. 1704—1904: Историческое исследование. СПб., 1911. Приложение 10.

⁴ Айрапетян И. Ю. Феодалная аристократия в период становления абсолютизма в России/Автореф. канд. дис. М., 1988. С. 21.

⁵ См.: Вологурская Р. М., Ефимова Л. В. Одежда // Очерки русской культуры XVIII в. Ч. I. М., 1985. С. 345—346.

⁶ См., напр.: Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII в. // Абсолютизм в России XVII—XVIII вв.: Сб. М., 1964.

⁷ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. СПб., 1903. С. 203.

⁸ Шанский Д. Н. Характеристике высших государственных учреждений России XVIII в. (20-е — 60-е гг.) // Государственные учреждения России XVI—XVIII вв. М., 1991.

⁹ Петрухинцев Н. Н. Внутриполитические процессы начала царствования Анны Иоанновны и правительственная политика по отношению к армии и флоту (1730—1735 гг.)/ Автореф. канд. дис. М., 1990. С. 5—6, 11.

¹⁰ Шанский Д. Н. Указ. соч.

ИСТОРИЯ СССР ЗА РУБЕЖОМ

© 1991 г.

Д. Ж. ЛИНД

ПОЧИТАНИЕ СКАНДИНАВСКИХ СВЯТЫХ НА РУСИ И ДАТСКО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ XII ВЕКА

I

В 1884 г. А. С. Архангельский опубликовал текст из рукописи XV в., который называется «Молитва св. Троице», или «Молитва Кирилла Туровского о покаянии». В середине этого довольно пространного сочинения помещается литания всем святым¹, которая вызвала большой научный интерес, поскольку в ней поименован ряд святых, обычно не связываемых с православием.

А. С. Архангельский противопоставил «чисто русский, разговорный» язык текста упоминанию святых, «совершенно неизвестных русской и вообще православной агнографии», и заключил, что Молитва имеет смешанное — русское и нерусское — происхождение. Он также отверг атрибуцию текста, содержащуюся в некоторых рукописях Молитвы, «Кириллу Философу, учителю Словеном и Болгаром» и Иоанну Златоусту, поскольку оба они упомянуты в тексте. Использование общего места «несть бо грешника въ всей 7-ми тысящах лет нн в живых ни в мртвых яко же азъ окаанныи» заставило А. С. Архангельского датировать Молитву XV в.

Эта публикация побудила И. А. Шляпкина издать в том же году имевшийся у него пергаменный фрагмент Молитвы². Шляпкин отверг датировку текста Архангельским, поскольку принадлежавший ему пергамен относился к XIII—XIV вв. Более того, он высказал сомнение в том, что св. Вячеслав, Войтех, Магнус, Канут, Албан, Олав и Ботульв могли быть упомянуты наряду со св. Борисом и Глебом, Кириллом и Мефодием в XV в. Шляпкин отметил, что в его фрагменте имена св. Магнуса, Канута и Албана опущены, и пришел к выводу, что и его текст, и тексты, лежащие в основе публикации Архангельского, восходят к более древнему оригиналу, а датировать Молитву следует значительно более ранним временем, чем это сделал Архангельский. Основываясь на датах смерти святых Войтеха-Адальберта (997 г.), Олава Норвежского (1000 г., поскольку он отождествил его с Олавом Трюггвасоном), Бориса и Глеба (1015 г.), Магнуса (1047 г., отождествленного им с сыном Олава Харальдссона, королем Дании и Норвегии), Албана (1072 г. — sic!) и Канута (1086 г.), Шляпкин счел возможным датировать Молитву XI—XII веками, «когда еще не было резкого религиозного разлада между Востоком и Западом», и отметил такие русизмы, как «Олена, ожа» и др., и обращение «помяни Господи сего благовернаго князя нашего им [я] р [е]к, и братию его и всю область их и отца и мать», что, по его мнению, доказывало русское происхождение Молитвы, хотя он не исключал возможности позднейших интерполяций.

В 1910 г. под общим заголовком «Русские молитвы с упоминанием западных святых» А. И. Соболевский переиздал фрагмент И. А. Шляпкина вместе с так называемой «Молитвой на дьявола», текст которой, по его мнению, был переведен с латинского языка. А. И. Соболевский установил, что «Молитва св. Троице» содержит ряд лингвистических особенностей, присущих также и другим молитвам из той же рукописи, включая «Молитву на дьявола». Сопоставив их с перечнями святых (Магнус, Канут, Олав, Албан, Ботульв, Кандела, Виктория и Вит) и пап (Лин, Анаклет, Климент, Сильвестр и Лев) и упоминанием св. Кирилла и Мефодия, Вячеслава и Войтеха, «из которых Войтех принадлежит исключительно западной церкви», А. И. Соболевский пришел к выводу,

Линд Джон, датский историк (Копенгаген). Перевод А. Е. Мельниковой.

что «Молитва св. Троице» также должна являться переводом с латинского, сделанным в Чехии, «искони подчиненной римскому престолу», в то время, когда церковнославянский язык еще был в употреблении. «... Судя по тому, что упомянутые в „Молитве св. Троице“ святые Канут и Албан скончались во второй половине XI в. (первый в 1086 г., второй в 1072 г.), эти молитвы относятся ко времени деятельности св. Прокопа Чешского и процветания Сазавского монастыря с его церковнославянским богослужением»³.

Это мнение было позднее поддержано Ф. Дворником, которому мы обязаны наиболее подробными исследованиями этого и схожих с ним текстов. За свою долгую научную деятельность он возвращался к данному вопросу несколько раз, впервые, как кажется, в лекции, прочитанной в Королевском Историческом обществе в 1946 г., и более подробно — в монографии 1949 г. и статье 1954 г.⁴ Ф. Дворник не сомневается, что Молитва имеет западное происхождение, возникла в XI в. и попала на Русь из «государства Пшемислов». Это убеждение также основывается на перечне святых, который Ф. Дворник передает так: св. Магнус, Канут, Олав, Албан, Ботульв, Мартин, Виктор, Вит, папы Лин, Анаклет, Климент и Лев, святые братья Кирилл и Мефодий, св. Венцеслав и Войтех (Адальберт); к ним добавлены два Венедикта. Подробное определение святых содержится в статье 1954 г.⁵

Исходно датировав Молитву концом XI в. по времени смерти Канута и Албана — «1086 и 1072»⁶ гг. соответственно», Ф. Дворник предполагает, что идентификация святых может помочь еще уточнить датировку Молитвы. Так, св. Магнус должен быть аббатом Фуэсса, который умер в середине VII в. и которому посвящены два жития, написанные в X и XI вв. Св. Канут и Олав — канонизированные короли Дании и Норвегии, культ которых, как утверждает Ф. Дворник, должен был быстро распространиться в Германии: «роли, которую играл Гамбург (в христианизации Дании.— *Дж. Л.*), достаточно, чтобы объяснить популярность этих святых». Предполагаемая популярность в Германии культов этих двух скандинавских святых привела Ф. Дворника далее к идентификации св. Албана с патрональным святым Майнца, погибшим мученической смертью в 406 г., житие которого было написано в 1062 г. Св. Ботульв отождествлен Ф. Дворником с англосаксонским святым VII в., культ которого возродился в X в. в связи с переносом его мощей, осуществленным королем Эдгаром. Св. Мартин не может быть никем иным, как епископом Тура, все еще популярным в это время в Центральной Европе. Св. Виктор должен, вероятно, быть мучеником из Солодура (Солотурна) в Швейцарии, особенно почитаемым в Сен-Галлене. «Учитывая связи Чехии с саксонскими городами Майнцом и Регенсбургом», Ф. Дворник может теперь представить себе, «как проникло в эту страну почитание таких святых. Именно здесь, значит, исследуемая молитва была если и не написана, то во всяком случае переведена с латинского на старославянский, поскольку такое сочетание германских католических и славянских святых могло возникнуть только в Чехии XI в. Не существует разумных оснований, чтобы изобретать прямой путь проникновения на Русь из Скандинавии». Молитва «является любопытным примером христианского взаимодействия в то время, когда, как предполагается, Восточная и Западная церкви уже разошлись». Ф. Дворник заключает, что «это еще один случай, требующий радикального пересмотра общепризнанных представлений о восточной схизме».

Такие позднейшие исследователи, как А. П. Власто и Г. Подскальский, согласились с Ф. Дворником⁷. Однако его взгляды вызывают ряд серьезных сомнений, начиная с необоснованности⁸ теории о раннем распространении культов св. Канута и Олава в Германии, а отсюда их проникновения в Чехию. Культ св. Канута, короля, убитого 10 июля 1086 г., возник в то время, когда датский король и церковь пытались ослабить зависимость датской церкви от германского примаса, архиепископа Гамбурга—Бремена. Эта политика возымела успех в 1103 г., когда папа Пасхалий II дал паллиум лундскому епископу Ассеру как главе новообразованной скандинавской церковной провинции. Несколькими годами раньше тот же папа санкционировал перенесение мощей св. Канута. В Оденсе были привезены англосаксонские бенедиктинцы для пропаганды культа, что продолжило длительную борьбу между церковным влиянием из Гамбурга—Бремена и англосаксонским влиянием из Англии, начавшуюся еще при Кнуде Великом. Это придало культу св. Канута отчетливую антигамбургско-бременскую окраску, что вряд ли могло способствовать раннему проникновению культа в Германию⁹. Культ св. Олава действительно распространился в Германии, но только после возникновения германской Ганзы и только в городах, стоящих на реках бассейнов Балтийского и Северного морей¹⁰, т. е. много позднее того времени, когда в Сазавском монастыре мог возникнуть церковнославянский текст молитвы.

Прежде чем перейти к дальнейшему рассмотрению вопроса, необходимо обратиться к основной текстологической проблеме: по наблюдению И. А. Шляпкина, в его тексте пропущены имена св. Магнуса, Канута и Албана. Хотя список И. А. Шляпкина древнейший, это наблюдение осталось незамеченным А. И. Соболевским и Ф. Дворником, что поставило обоих в двусмысленное положение. Датировка молитвы А. И. Соболевским основывается на датах смерти св. Канута (1086 г.) и Албана (1072 г.), но ни тот, ни другой не названы в опубликованном тексте. Ф. Дворник, полагая, что издания И. А. Шляпкина и А. И. Соболевского сделаны по двум разным рукописям, более древним, нежели две рукописи, использованные А. С. Архангельским, сам не предполагая того, поставил себя в уязвимое положение с текстологической точки зрения, поскольку ни одно из трех имен, которыми он обосновывает скандинаво-чешские связи, не упоминается в двух древнейших, по его мнению, рукописях.

Вопрос текстологии крайне важен, поскольку последовательность перечисления святых: «магнуше, конуте, венедикте, албане, олове, бутулве» в поздних рукописях А. С. Архангельского подсказывает решение, совершенно отличное от решения Ф. Дворника. Ключевой фигурой здесь является св. Бенедикт. Попал ли он в текст вместе с позднейшей интерполяцией имен Магнуса, Канута и Албана, на что указывает их отсутствие в рукописи И. А. Шляпкина, или автор молитвы действительно включил его имя между именами Канута и Албана? Чтобы разрешить этот вопрос, необходим более тщательный текстологический и палеографический анализ, особенно в свете того, что недавнее «Описание рукописей», опубликованное в 1976 г. Библиотекой Академии наук, где сейчас находится фрагмент И. А. Шляпкина, дает противоречащие сведения как раз по этому вопросу.

Пергаменный фрагмент молитвы, бывший в распоряжении И. А. Шляпкина, ныне находится в собрании Археографической комиссии (Археогр. ком. 162). В «Описании» этот фрагмент, состоящий из двух листов и датированный второй половиной XIII в., носит название «Молитва Кирилла Туровского о покаянии». Содержание охарактеризовано как часть молитвы, которая перечисляет апостолов и святых: среди других «Кирилл и Мефодий, Борис и Глеб, Войтех, Вячеслав (Чешский), Георгий Митиленский, Магнус, Канут, Албан, а также папы римские Климент, Сильвестр, Лев»¹¹. Таким образом, «Описание» перечисляет тех самых святых, которые, по изданию И. А. Шляпкиным того же самого текста, были пропущены!

Прежде чем обратиться к самой рукописи, следует заметить, что сопоставление изданий А. С. Архангельского и И. А. Шляпкина обнаруживает, что дело не только в пропуске в последнем имен трех святых. На их место поставлены другие три имени, так что вместо «вячеславе, магнуше, конуте, венедикте, албане, олове, бутулве» у А. С. Архангельского в шляпкинской рукописи читается «вячеславе, мануиле, савеле, вендикте, измаиле, алове».

На первый взгляд, конечно, следует отдать предпочтение древнейшей рукописи, хотя три отличных от текстов А. С. Архангельского имени в списке мучеников или даже святых выглядят несколько странно. Тем не менее издание И. А. Шляпкина, в отличие от «Описания», передает текст верно. Вероятно, издатели «Описания» положились на вторичную литературу и по ней описали рукопись.

Но ознакомление с самим рукописным текстом показывает, что дело обстоит много сложнее. Как уже упомянуто, фрагмент И. А. Шляпкина состоит из двух листов. На каждой странице расположена 21 строка; цитированный текст находится в строках 20—21 листа 2. Текст таков:

л. 2	19	... ники
	20	то. мино. христофоре. вите. вячеславе. ма
	21	нуиле. савеле. вендикте. измаиле.
л. 2. об.	1	алове. бутулве. созоне. романе. анфиме.

Первое, что бросается в глаза при осмотре рукописи, это то, что слова на строке 21 «нуиле. савеле» и «измаиле» написаны другим почерком¹² по выскобленному тексту, а буквы «ве» и первый штрих «н» в слове «вендикте» были прочерчены заново. Другими словами, первоначальный текст строки 21 мог исходно читаться «гнуше. кануте. албане». И действительно, «л» слова «албане» с широким основанием штриха, характерным для основного почерка, можно распознать в последней части буквы «м» в слове «измаиле», на месте которого можно было бы ожидать «албане». Менее заметно, но все же возможно разглядеть и перекладину «н» в слове «албане».

Итак, по всей вероятности, имена святых Магнуса, Канута и Албана читались в первоначальном варианте молитвы, и исконная последовательность имен была такова: Магнус, Канут, Бенедикт, Албан, Олав, Ботульв и т. д. Поэтому уместно теперь вернуться к идентификации святых, на чем основывал свою чешскую теорию Ф. Дворник.

Основной упрек, который можно сделать Ф. Дворнику, заключается в том, что он выбирал интересующие его имена из различных частей литании и рассматривал их вне контекста.

Литания в фрагменте И. А. Шляпкина начинается на листе 1, строка 18 обращением к Богородице вместе с небесными силами, которые перечислены в соответствии с общими иерархическими правилами. Затем на л. 1 об., строка 12 начинаются обращения о предстательстве за имярек к каждой из категорий небесной иерархии, опять начиная с 1) Богоматери, далее: 2) ангелы и архангелы, 3) Иоанн Креститель, 4) апостолы Петр, Павел и др., 5) папы (эта категория отсутствует в общем обращении) Анкит, Климент и др. Эта группа также включает имена нескольких мучеников, возможно из-за ошибки писца в предшествовавшем списке (8 [или 9] имен)¹³, 6) учителя и святители Николай Великий, Василий и др. (13¹⁴ [или 17]), 7) мученики: протомученик Стефан, Георгий и др. (30 [или 20]: сорок мучеников включены, как один), 8) преподобные отцы Иахим, Захарий... Кирилл, Мефодий, Бенедикт (21 [20]), 9) пророки Илья, Исайя и др. (20), 10) святые жены Анна и др. (47, текст И. А. Шляпкина прерывается на третьей, «Мари[я]»).

Отобрав и идентифицировав интересующих его святых, Ф. Дворник стремился создать впечатление о центральноевропейском наборе святых, который связал бы группу отдаленных скандинавских и группу западнославянских святых, таких, как Кирилл, Мефодий, Вячеслав и Войтех. Но, идентифицируя святых в своей подборке, он не обратил внимания на те категории, к которым они относятся в литании. Поэтому необходима проверка его идентификаций.

За перечнем западных святых (св. Магнуса, Канута, Олава, Албана, Ботульва, Мартина, Виктора и Вита) Ф. Дворник помещает группу пап и группу славянских святых; в статье 1954 г. он также отмечает, что имя Бенедикта упомянуто дважды. Однако среди названных Ф. Дворником святых Магнус, Канут, Олав, Албан, Ботульв и один из Бенедиктов входят в категорию мучеников; Мартин — в число учителей и святителей, а Виктор на самом деле вообще не включен в молитву. Из славянских святителей Кирилл и Мефодий помещены среди преподобных отцов, Войтех — среди мучеников-священников и епископов, которые упоминаются в числе пап, возможно, по ошибке¹⁵. Второй Бенедикт назван в числе преподобных отцов. Далее, все имена из перечня мучеников перегруппированы Ф. Дворником, хотя в молитве составляют последовательный ряд: «Христофор, Вит, Вячеслав, Магнус, Канут, Бенедикт, Албан, Олав, Ботульв, Созон...» Этот факт следует отметить особо, поскольку он существен для дальнейшей идентификации святых.

Не говоря уже об отсутствии св. Виктора из Солотурна, удивляет, что три имени из списка мучеников Ф. Дворник идентифицирует со святыми, которые никоим образом не были мучениками: Магнуса со св. Магнусом, аббатом Фуэсса; Бенедикта либо со св. Бенедиктом Анианским, либо со св. Бенедиктом епископом¹⁶; Ботульва со св. Ботульвом, аббатом Иканхое. Также удивляет отождествление Албана со св. Албаном Майнцским (ум. в 406 г.), а не с его англосаксонским тезкой (кудът известен с VI в.), особенно учитывая, что он назван в тексте молитвы рядом с другим англосаксонским святым, Ботульвом, с которым вместе принял мученичество, а также вообще скандинавский контекст, в котором находится это имя.

Рассмотрение последовательности расположения имен в списке мучеников приводит к совершенно иному выводу, чем вывод Ф. Дворника. «Магнус», помещенный непосредственно перед св. Канутом королем (ум. в 1086 г.) или, возможно, Канутом Лааардом (ум. в 1131 г.) и перед св. Олавом, конечно же, Харальдссоном, умершим в 1030 г. (а не Трюггвасоном, умершим в 1000 г.), наиболее знаменитым среди скандинавских святых королей, т. е. в ряду, который в целом указывает на скандинавский источник, вряд ли может быть кем-либо иным, нежели св. Магнусом Эрлендссоном, оркнейским ярлом, погибшим мученической смертью в 1115 г. и канонизированным в 1135 г.¹⁷

Идентификация следующих трех имен в списке мучеников — Канута, Бенедикта и Албана — не менее очевидна. 10 июля 1086 г. датский король Канут, спасавшийся бегством из-за восстания в Ютландии, был убит в Оденсе, «в церкви, посвященной святому мученику Албану, которого он сам незадолго до того привез из Англии в Данию», сообщает *Tabula Othoniensis* (ок. 1095 г.)¹⁸; «с распростертыми в форме креста руками он был пронзен в бок наконечником копья», — добавляет *Passio sancti Canuti regis et martyris* (1095—1100 гг.)¹⁹.

Вместе с ним, в соответствии с *Tabula*, были убиты его брат, «названный во имя и благословенное мученичество Бенедикта»²⁰, и 17 его людей. Без сомнения, *Tabula* считает обоих, и Канута, и Бенедикта, мучениками. На протяжении всего следующего столетия мы имеем свидетельства о существовании культа св. Бенедикта, хотя и уступающего по значению культу его брата²¹. Однако в середине XIII в. *Passio sancti Canuti* постоянно называет Бенедикта блаженным и святым²².

Таким образом, источники засвидетельствовали осуществление культов св. Бенедикта и его брата, св. Канута, с самого их зарождения и до конца XIII в. В то время, как культ св. Канута короля процветал, лишь ненадолго отступив на второй план в конце XII — начале XIII в. перед культом его племянника и основателя новой ветви династии св. Канута Лаварда (ум. в 1131 г., канонизирован в 1170 г.), мы имеем очень мало сведений о дальнейшей судьбе культа св. Бенедикта. Не сохранилось, если они и существовали, ни одного литературного памятника, сопоставимого с произведениями, посвященными св. Кануту. Соответственно, культ св. Бенедикта был забыт, что в новое время привело к некоторому замешательству: кому — св. Бенедикту или св. Албану — должна принадлежать вторая из двух гробниц, находящихся в крипте церкви св. Канута в Оденсе²³. Эта неясность подчеркивает тесную связь между культурами трех святых — Канута, Бенедикта и Албана — в средневековом Оденсе. Последовательность «Канут, Бенедикт, Албан» в *Молитве* поэтому, несомненно, отражает культы этих трех святых мучеников.

Из 30 имен в этом списке только одно, как кажется, невозможно отождествить с кем-либо из известных мучеников: Ботульва, последнего в ряду скандинавских и англосаксонских святых — Магиуса, Канута, Бенедикта, Албана, Олава и Ботульва²⁴. Вероятнее всего, он был введен в список в связи со св. Олавом, причем автор нетвердо знал, кто этот святой. Культ св. Ботульва не был широко распространен за пределами Англии, но он одно время был действительно популярен в Скандинавии, где Ботульву посвящено несколько ранних церквей. Эта популярность, вероятно, возникла в начальный период строительства скандинавских церквей, когда англосаксонское влияние было особенно сильно²⁵. Более того, культ св. Ботульва был связан с культом св. Олава: изображение св. Олава имеется на алтарном покрове св. Ботульва в церкви в Ардале, в Норвегии²⁶.

Вряд ли можно сомневаться, что вся последовательность святых — Магиус, Канут, Бенедикт, Албан, Олав, Ботульв — в списке мучеников имеет скандинавское происхождение²⁷. Но возможно ли, чтобы этот список проник на Русь через Чехию? Такое предположение выглядит маловероятным; более того, если отождествление «Магиуса» со св. Магиусом Оркнейским справедливо, то это предположение и совершенно невозможно. Ни один из названных святых не почитался в Чехии сколько-нибудь широко, использование же церковнославянского языка в Сазавском монастыре не продолжалось столь долго, чтобы считать монастырь вероятным передатчиком этого перечня: Сазавский монастырь был латинизирован в 1096—1097 гг.²⁸ Даже если пренебречь датой смерти Магиуса (1115 г.), то и культ св. Канута (ум. в 1086 г., местная канонизация состоялась в 1095 г.) едва ли мог распространиться столь далеко, прежде чем состоялась его официальная канонизация папской курией (1101 г.).

Если же рассматривать литанию во всей ее целостности, без учета относительно небольшого числа святых, упомянутых выше, то вообще нет никаких оснований говорить о западном происхождении *Молитвы*. Заключительная часть литании, упоминающая святых женщин, хорошо согласуется с ранними русскими литаниями, насколько можно идентифицировать приведенные в ней имена. Большинство упомянутых святых — это раннехристианские девственницы и мученицы, общие для всей христианской церкви, но мы находим в ней и типично русских «святых мироносиц» для св. Марии и Марфы из Вифании; в то же время, что существенно для теории чешского происхождения *Молитвы*, в ней не названа св. Людмила.

Таким образом, мы должны заключить, что *Молитва*, по всей вероятности, является оригинальным русским произведением, созданным в то время, когда русский клирик все еще находил возможным включить в молитву ряд типично западных святых, как старых, так и новых.

IV

Установив, какие из аналогичных ранних скандинавских святых не были включены в молитву, можно предположительно сделать вывод о том, когда группа скандинавских святых была принесена на Русь.

Во-первых среди пропущенных — Канут Эриксон Лавард, племянник св. Канута, короля, и отец короля Вальдемара I Великого (1131—1182 гг.). Канут Лавард принял мученическую смерть

7 января 1131 г., и его местная канонизация произошла в 1170 г., в связи с коронацией сына, Вальдемара I,— важным событием в истории Дании XII в. Св. Канут Лавард вскоре затмил своего дядю как святой патрон поддерживаемых королевской властью гильдий св. Канута. Эти гильдии были тесно связаны с датской, а возможно, и шведской балтийской торговлей, центром которой являлся Готланд²⁹. Его культ, бесспорно известный в Новгороде XII в., должен был быть распространен и помимо Новгорода благодаря широким династическим связям, которые существовали между датским королевским домом и русскими князьями. Сам Канут Лавард был женат на русской княжне Ингеборг, дочери новгородского, а позднее киевского князя Мстислава-Харальда Владимировича (ум. в 1132 г.) и его жены — шведки Кристины. Сын Ингеборг и Канута, родившийся после смерти отца, Вальдемар, был не только назван в честь своего прадеда, но и, в соответствии с «Сагой о Кнютлингах» (это сообщение выглядит достоверным), был вывезен на Русь через семь дней после убийства его отца и провел там раннее детство³⁰. В свою очередь Вальдемар также женился на русской княжне Софии, дочери Володаря Глебовича из Минска, с которым, как мы знаем, они поддерживали связи еще в 1170-е гг.³¹

Во-вторых, не включен в молитву шведский король Эрик Эдвардсон, третий из канонизированных скандинавских королей. Он погиб мученической смертью в 1160 г., а его культ установился между 1167 г., когда трон занял его сын Канут, и 1198 г., когда его имя было включено под 18 мая в «Валлентунский календарь»³².

Наконец, учитывая, что в Дании рано (не позднее 1174 г.³³) распространился и стал популярным культ Фомы Бекета, мы могли бы ожидать и его включения в список «скандинавских» культов, проникших на Русь, если бы это проникновение имело место в конце XII в.

Поэтому наиболее вероятной датой передачи на Русь перечня скандинавских святых представляется время около середины XII в.

V

Как могли проникнуть на Русь эти культы? Учитывая важное место, которое занимают в молитве святые, происходящие из королевских родов, наиболее вероятную среду создавали, как кажется, династические связи.

Убийство зятя Мстислава Владимировича, герцога Канута Эриксона Лаварда, в 1131 г. его двоюродным братом Магнусом, сыном правящего короля Дании Нильса, положило начало гражданской войне, которая продолжалась до 1134 г., когда сводный брат Канута, Эрик Эриксон Эмун, долгое время оборонявшийся, выиграл решающую битву в Сконе. Эта битва стоила жизни Магнусу и пятерым епископам, а король Нильс бежал в бывшую крепость герцога Канута Шлезвиг, где и был убит горожанами. Вступив на трон, Эрик Эмун вскоре начал приготовления к канонизации своего сводного брата, в том числе было заказано и написано Робертом из Эли житие Канута, ныне утерянное. Однако подготовка к канонизации была прервана убийством самого Эрика в 1137 г. и смертью архиепископа Ассера, единственного из епископов, поддерживавшего Эрика.

Несмотря на кратковременность, правление Эрика Эмуна (1134—1137 гг.) является наиболее вероятным временем, когда мог осуществиться перенос скандинавских культов на Русь. Убийство герцога Канута как раз во время рождения его сына должно было произвести сильное впечатление в Киеве при дворе Мстислава, тестя Канута.

В 1135 г. произошла не только подготовка к введению культа Канута, в тот же год состоялась канонизация ярла Магнуса Оркнейского (13 декабря). Магнус был убит в 1115 г. его двоюродным братом Хаконом, который единолично правил на Оркнейских о-вах вплоть до своей смерти в 1122 г. Позднее, в 1120-е гг., норвежский король Сигурд Иерусалимец помог племяннику Магнуса Кале-Рогнвальду Кольссону стать ярлом, и именно в поддержку его правления была осуществлена канонизация Магнуса.

Как правило, культы получали наибольшее распространение вскоре после их учреждения, или требовалось какое-либо «культовое» событие, чтобы дать толчок к их распространению. Однако есть и другие причины, почему короткое правление Эрика Эмуна стало наиболее вероятным временем для того, чтобы почитание св. Магнуса достигло Дании и оттуда Руси. Сигурд Иерусалимец, поддерживавший оркнейского ярла Рогнвальда, умер в 1130 г., и его вдова Малмфрид вышла замуж за Эрика Эмуна. Однако она являлась сестрой жены герцога Канута Ингеборг и соответственно другой дочерью Мстислава Владимировича и Кристины³⁴.

Во время правления Эрика Эмуна (1134—1137 гг.) династические браки связывали не только Данию и Русь, но и всех включенных в Молитву скандинавских святых из королевских династий.

Хотя проникновение скандинавских культов вероятнее всего происходило по династическим линиям, нельзя полностью исключить и торговые связи. Св. Олав, в частности, был патрональным святым торгового двора в Новгороде, а св. Канут — патрональным святым гильдий св. Канута, участвовавших в балтийской торговле из ряда датских и шведских городов с центром на Готланде. Более того, это время совпадает с единственным упоминанием в русских источниках прямых торговых связей между Данией и Русью (Новгородом). Первая Новгородская летопись под 1130 г. сообщает, что, хотя купеческие суда с Готланда затонули, корабли из Дании добрались благополучно. Под 1134 г., далее, сообщается, что новгородцы были арестованы в Дании³⁵. Эти пассажи, конечно, не следует интерпретировать как свидетельство того, что торговля Дании и Новгорода особенно оживилась в этот период: видимо, они были включены в летопись просто потому, что в обоих случаях произошло нечто необычное. Регулярная торговля, вероятно, продолжалась на протяжении всего столетия, пока немецкая Ганза постепенно не вытеснила ее в XIII в.

Заманчиво, однако, увидеть в событиях, описанных под 1134 г., прямой результат династических связей: восстание ориентированного на Русь Эрика Эмуна против правящего короля вызвало либо репрессивные меры против Новгорода, поддерживавшего Эрика, либо попытку удержать Новгород от помощи Эрику. В это время зять Эрика, Всеволод Мстиславич, как раз правил в Новгороде.

Следующий и последний в этот период династический русско-скандинавский брак — это брак между сыном герцога Канута и Ингеборг Мстиславны, королем Вальдемаром I Великим и Софией. Она была сводной сестрой Канута Магнуссона, одного из соперников Вальдемара в тройственной борьбе за трон, которая продолжалась с 1146 по 1157 гг. Их обручение состоялось в 1153 г. как часть общего мира, который был неожиданно нарушен, когда третий претендент, Свен Эриксон, сын Эрика Эмуна, попытался убить двух других на встрече в 1157 г., но сумел избавиться только от Канута. Свадьба состоялась немедленно, и объединенными силами Вальдемар победил Свена, который вскоре был убит³⁶.

Родителями Канута Магнуссона были Магнус Нильсон, убийца герцога Канута, и польская принцесса Рикса, дочь Болеслава III. После смерти Магнуса Рикса вышла замуж за русского князя Володаря Глебовича и родила дочь Софью. Этот брак был, очевидно, расторгнут до конца 1140-х гг., когда она, должно быть, вступила в третий брак со шведским королем Сверкиром I (ум. в 1155 г.).

Можно предположить, что из-за раннего развода ее матери русские корни Софии были неглубоки. Но из рассказов об одном из чудес, приведенном в «Чудесах св. Фомы Бекета» из собрания Вильяма Кентерберийского, мы знаем, что в 1170-х гг. в «Вендии» был арестован посланец с дарами от ее отца, который был освобожден после молитвы св. Фоме. Это сообщение, которое дошло до нас совершенно случайно, указывает, что регулярные контакты могли существовать на протяжении всего этого времени, начиная с 1130-х гг., и они также могли послужить проводником культов скандинавских святых³⁷.

VI

Ранее было упомянуто, что в «Описании рукописей» 1976 г. Молитва приписывается св. Кириллу, епископу Туровскому (до 1169— до 1182 гг.), известному автору нескольких дошедших до нас религиозных литературных сочинений, послуживших основой для его последующей канонизации. Принадлежность ему некоторых из этих сочинений достоверна, значительно большее число памятников приписывается ему недостаточно аргументированно как средневековыми писцами, так и современными учеными. В данном случае причина отнесения Молитвы к его творчеству, как кажется, та самая упомянутая запись в некоторых рукописях: «Кирилл философ, учитель Словеном и Болгаром», под которым понимается св. Кирилл-Константин. Но поскольку в настоящем виде Молитва относится, очевидно, к более позднему времени и сам Кирилл-Константин упомянут в ней, было признано, что первоначальное авторство Кирилла Туровского было позднее по ошибке перенесено писцом на Кирилла-Константина³⁸.

С хронологической и географической точек зрения Кирилла Туровского, действительно, следует считать одним из наиболее вероятных кандидатов на авторство этой Молитвы. Но дока-

зательство атрибуции зависит от текстологическо-литературного анализа Молитвы, выходящего за пределы данной статьи. Однако следует учитывать и ту возможность, что сама Молитва может быть намного старше, чем ее отдельные элементы, такие, как имена святых в литании, которые могли заменяться другими именами или включаться позднее. Фрагмент И. А. Шляпкина дает пример как раз такой замены. Список имен, таким образом, отнюдь не исключает авторство Кирилла-Константина или же Иоанна Златоуста. Однако для моего исследования авторство Молитвы не существенно: Молитва с имеющимся в ней каталогом святых важна для демонстрации того, что некий русский клирик, вероятно, работавший в середине XII в., нашел уместным включить ряд западных святых в литанию. Делая это, он должен был основываться на различных источниках: западославянские святые вряд ли могли проникнуть в Молитву через Скандинавию, тогда как список пап мог сопровождать любую из групп, хотя столь же вероятно, что он был доступен автору независимо от других источников³⁹.

Содержание Молитвы показывает, что Ф. Дворник был прав, утверждая, что формальный раскол церквей в 1054 г. значительно медленнее разрушал контакты между Западом и Востоком, чем это было принято считать, и даже медленнее, чем полагал сам Ф. Дворник. Возможно, что влияние раскола разнилось в различных регионах в зависимости от расстояния и частоты контактов с его двумя центральными пунктами — Константинополем и Римом. На Руси влияние греческого духовенства в различных диоцезах должно было быть существенным фактором. В то же время в Скандинавии воинственные настроения, возникшие перед вторым крестовым походом, существенно сказались на духовном отношении к восточным, православным соседям⁴⁰.

В середине XII в. эта воинственность обратилась на Прибалтику, разрушив в конце концов скандинавско-славянский симбиоз, развившийся в кипящем котле эпохи викингов и по крайней мере на протяжении двух столетий делавший естественным как для славян, так и для скандинавов искать прибежища и поддержки друг у друга и вступать в династические браки, о которых мы имеем лишь весьма фрагментарное представление. Брак между Вальдемаром I Великим и Софией был, однако, последним в этот период русско-скандинавским династическим браком, о котором мы знаем, да и неясно, правильно ли называть его «русским», поскольку в первую очередь это был результат изменений во внутренних датских брачных связях.

К концу XII в. скандинавы все чаще стали рассматривать русских как языческих соседей по Балтийскому побережью, против которых было естественно организовывать крестовые походы. Изменилось отношение к скандинавам в это время и на Руси, где этнические обозначения скандинавских соседей обрели религиозный и уничтожительный оттенок в именовании «немцы»⁴¹. Первый засвидетельствованный случай, как кажется, имеется в Первой Новгородской летописи под 1188 г., когда новгородцы были либо брошены в тюрьму, либо их товары были конфискованы в Швеции⁴². Новгородцы восприняли своих западных соседей уже не с точки зрения их этнической принадлежности, а как представителей латинской церкви. К этому времени, очевидно, раскол увел русских в греческий лагерь, а скандинавов — в латинский, хотя совсем еще недавно русский клирик мог молиться западным святым.

Вывод о происхождении данной конкретной Молитвы не в Чехии не опровергает, разумеется, мнения Ф. Дворника (а до него А. И. Соболевского) о богемском литературном влиянии в конце XI в. на русские религиозные сочинения. Однако, учитывая тот факт, что подобный текст мог быть сочинен и на Руси XII в., весь вопрос о западных влияниях на Руси через Чехию должен быть подвергнут более тщательному анализу, чем это было сделано А. И. Соболевским и Ф. Дворником.

Примечания

¹ Архангельский А. С. Любопытный памятник русской письменности XV века // Памятники древней письменности. Вып. Л. СПб., 1884. С. 1—19. Текст издан по рукописи Библиотеки Московской духовной академии № 332 с вариантами по рукописи № 319 из той же библиотеки. Литания помещается на с. 12—14 этого издания.

² Шляпкин И. А. Любопытный памятник русской письменности XV века. Сообщение... А. Архангельского // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Декабрь. Ч. 236. С. 267—269.

³ Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии // Сборник Отд. русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1910. Т. 38. № 3.

⁴ Dvornik F. The Kiev State and Its Relations with Western Europe // Transactions of the Royal Historical Society. L., 1947. Ser. 4. Vol. XXIX. P. 38—39; idem. The Making of Central and Eastern Europe. L., 1949. P. 242—245; См. также статью Ф. Дворника в кн. «1054—1954. L'Eglise et les Eglises: Neuf siècles de douloureuse séparation entre l'Orient et l'Occident». (Chevetogne, 1954). P. 326—327. Позднее Ф. Дворник кратко повторил свое мнение: Dvornik F.

The Slavs. Their Early History and Civilization // Survey of Slavic Civilization. II. Boston, 1956 (1959²). P. 240—241; i d e m. Byzantine Missions among the Slavs, SS. Constantine-Cyril and Methodius. New Brunswick, 1970. P. 223—225.

⁵ Ссылаясь на три издания текста (D v o r n i k F. The Making...P. 243. Note 21), Ф. Дворник ошибочно полагает, что издание А. И. Соболевского сделано по третьей рукописи, отличной от опубликованной И. А. Шляпкиным. Его дальнейшие утверждения, что «ни одна, кроме опубликованной А. С. Архангельским, рукопись не упоминает имена пап, в то время как две другие рукописи опускают имена Лина и Анаклета и заменяют их общим обращением „святыи ликъ папежю“, а после перечисления пап третья рукопись добавляет латинское обращение „Аве папа“, транслитерированное славянскими буквами», — вносят путаницу и просто неверны. Если мы рассмотрим имеющиеся два (а не три) различающихся текста параллельно:

Архангельского

Шляпкина

молите бога за мя грешнаго святыи ильнь
папежю анклитъ и климентъ, селивестръ, аве
папа stefane...

молите бога за мя грешнаго святыи ликъ
папежю: климянте, силивестре, лве папа,
stefane...

то увидим: 1) что ни одна из рукописей не упоминает Лина, так как «ильнь» у Архангельского явно ошибка писца; 2) в рукописи И. А. Шляпкина имена нескольких пап на самом деле упомянуты; 3) только одна рукопись содержит выражение «аве папа», которое, вероятно, проще объяснить опять же ошибкой переписчика из «лве» — как и стоит в другой рукописи. Удивительно, что Ф. Дворник перечисляет Льва среди пап в своем списке, утверждая в то же время наличие выражения «аве» во всех рукописях.

⁶ Я не нахожу удовлетворительного объяснения появлению этой даты ни у И. А. Шляпкина, ни у А. И. Соболевского как дат смерти св. Албана, ни у Ф. Дворника — св. Олава. Эта дата определенно неверна ни в одном из вариантов идентификации святых, поскольку Олав Харальдссон умер в 1030 г. О св. Албане см. ниже.

⁷ V l a s t o A. P. The Entry of the Slavs into Christendom. Cambridge, 1970. P. 110; P o d s k a l s k y G. Christentum und Theologische Literatur in der Kiever Rus' (988—1237). München, 1982. S. 262.

⁸ При первом обращении к тексту Ф. Дворник сам «изобрел» «прямой путь проникновения на Русь из Скандинавии», так как утверждал, что «распространение культов датского короля Канута и норвежского Олава неудивительно, учитывая их многообразные связи со Скандинавией». Он даже привел отсылки (см.: D v o r n i k F. The Kiev State...P. 38).

⁹ Все четыре текста, возникшие в связи с учреждением культа между 1095 и 1120 гг., как кажется, написаны англо-саксонскими клириками. См.: C h r i s t e n s e n A. E. Danmarks historie. B. 1. Copenhagen, 1977. S. 255—258.

¹⁰ Среди нескольких докладов на симпозиуме в Висбю 1979 г. следует выделить работу: F r i e d l a n d K. Sankt Olav als Schutzpatron nordeuropäischer Kaufleute // St. Olav. Seine Zeit und sein Kult (Acta Visbyensia VI). Uddevalla, 1981. S. 17—26.

¹¹ Бубнов Н. Ю., Лихачева О. П., Покровская В. Ф. Пергаменные рукописи БАН СССР: Описание русских и славянских рукописей XI—XVI вв. Л., 1976. С. 41.

¹² То, что новый текст вписан другим почерком, видно при сопоставлении букв «н» (в новом почерке напоминает латинское «N» с косой, а не горизонтальной перекладной), «л», «а» и «е». Буква «м» также отличается от «к» основного почерка округлостью линии между мачтами, но это может объясняться использованием ранее написанного «л» в слове «албане».

¹³ Количество имен приводится по шляпкинскому фрагменту, в квадратных скобках указано число по изданию Архангельского, если оно отлично.

¹⁴ Возможно, из-за пропуска в шляпкинской рукописи или в источнике.

¹⁵ Эта категория читается: «молите бога за мя грешнаго святыи ликъ папежю: климянте, силивестре, лве папа, stefane, георгие, зиновие, власие, воитеше. вси святыи священомученици». Писец мог пропустить или строку, или текст между одним и другим «георгием», переписывая первоначально самостоятельную категорию мучеников-священнослужителей и епископов, к которым относятся Зиновий, Власий и Войтех, тогда как Георгий может относиться к обеим категориям.

¹⁶ Об упоминании двух Бенедиктов Ф. Дворник пишет лишь в статье 1954 г. (с. 326). Первый Бенедикт, упомянутый между Канутом и Албаном, по мнению Ф. Дворника, может быть отождествлен либо с Бенедиктом Аннанским (ум. в 821 г.), либо Бенедиктом — епископом (ум. в 689 г.) англосаксонского происхождения, основателем монастырей в Вearмуте и Ярроу. Второго Бенедикта, упомянутого после Кирилла и Мефодия, Ф. Дворник отождествляет с Бенедиктом Нурсийским.

¹⁷ L á r u s s o n M. M. // Kulturhistoriskt Lexikon för nordisk medeltid. Malmö, 1966. B. XI. Col. 221—222; Butler's Lives of the Saints / H. Thurston, O. Attwater. L., 1956. Vol. II. P. 103—104 (April, 16).

¹⁸ «in basilica sancti Albani martyris per eum paulo ante de Anglia in Daciam transuecti» (Knud den Helliges martyrhistorie. Festschrift udg. af Kjøbenhavn's Universitet / M. Gertz. Copenhagen, 1907. S. 2). Полагают, что текст Tabula был выгравирован на доске, помещенной в гробнице во время переноса мощей в 1095 г. Доска, найденная в 1582 г. и скопированная вскоре после, была затем утеряна.

¹⁹ «nam crucis in modum manibus expansis ad altare Sancti Albani martiris transfixus est in latere cuspidis mucrone» (Ibid. S. 4).

²⁰ «Occissi sunt etiam ibidem cum eo frater eius nomine et gratii martyrii Benedictus. ac XVII sui comilitones» (Ibid. S. 4).

²¹ Так, король Вальдемар I Великий в иммунитетной грамоте от 6 февраля 1180 г. аббатуству св. Канута выражает радость, что святые реликвии собора включают мощи его прадедов, т. е. также и св. Бенедикта («Quod uenerande Sanctorum reliquie in ea (соборе) continentur quos sicuti nostros exstitisse propinquos, ita pios apud deum paternos esse gaudemus») // *Diplomatarium Danicum*. Copenhagen, 1976. V. I. D. 2. S. 133. (№ 89).

²² «At ipse, vulnere Christi non immemor, que pro nobis passus est, beato Benedicto, fratre suo carneli et certaminum collega...» (cap. VII, 3); «Tandem beatum Benedictum, preciosi martiris et regis fratrem germanum conlegamque certaminis Kanuti pariter et fratris ipsius, sancti Benedicti ducis, meritis et persibus miraculorum signa multiplicat» (cap. VIII, 2) // *Vitae Sanctorum Danorum* / M. Gertz. Copenhagen, 1908—1912. P. 552—554.

²³ См.: Lind J. The Martyria of Odense and the Twelfth Century Russian Prayer. To the Question of Bohemian Influence on Russian Religious Literature // *Slavonic and East European Review*, 1990. Vol. 68. № 1. P. 1—21.

²⁴ Полный список с упоминанием святых в звательном падеже таков: «Стефане (26.XII), Георгие (23.IV), Федоре (9.II), Дмитрее (8.X), и святые 40 (10.III), Пантелеймоне (27.VII), Фроле и Лавре (18.VIII), Прокопье (8.VII), Меркурье (25.XI), Андрею (19.VIII), Еоустратье (13.XII), Никито (15.IX), Мино (11.XI), Христофоре (25.VII), Вите (15.VI), Вячеславе (29.IX), Магнуше (16.IV), Кануте (10.VII), Вендикте (10.VII?), Албана (22.VI), Алове (29.VII), Бутулье (17.VI), Созоне (7.IX), Романа (18.XI), Анфиме (27.IV), Максиме (11.V), Борисе и Глебе (24.VII), Панкратье (12.V)».

²⁵ См. св. Ботульв: *Lexikon des Mittelalters*. München, 1983. Bd. 2. S. 493 ff.

²⁶ *Blindheim M. St. Olaf — ein skandinavischer Oberheiliger* // *St. Olav. Seine Zeit und sein Kult*. S. 55—56.

²⁷ Отсутствие англосаксонских святых королей (Освальда, Эдмунда, Этельреда, Эдварда) в Молитве, похоже, подтверждает, что св. Албан и Ботульв включены в нее благодаря их почитанию в Скандинавии, а не заимствованы прямо из Англии.

²⁸ *Dvořník F. Byzantine Missions...* P. 225—229.

²⁹ См. важную статью: Weibull L. St. Knut i österled // *Scandia*. 1946. B. 17 (repr.: *idem: Nordisk historia*. Lund, 1948. B. II. S. 417—432). См. также: Lind J. *Varaeger, nemcer og povgoroder år 1188. Hvor var Chorzhek og Novotorzhec?* // *Historisk tidskrift for Finland*. 1981. P. 145—177. О шведских гильдиях св. Канута см.: Wallin C. *Knutsgillena i det medeltida Sverige*. Lund, 1975; *Gilde og Korporation in den nord-europaischen Städten des späten Mittelalters* / K. Friedland. *Quellen und Darstellungen zur hansischer Geschichte*. NF. Bd. XXIX. Köln, 1984. S. 29—40. (T. Nyberg), S. 41—50 (K. Hørby).

³⁰ *Sögur Danakonunga* / C. af Petersens, E. Olson. Copenhagen, 1919—1925. S. 216. В «Славянской хронике» Гельмольда представлена другая версия (Helmold von Bosau. *Chronica Slavorum*. Darmstadt, 1973. P. 172). В соответствии с ней, в ночь перед убийством Ингеборг видела злобещий сон, но не смогла удержать мужа от поездки: типичный литературный топос. Саксон (Saxonis *Gesta Danorum*. Copenhagen, 1931. T. I. P. 354) пишет, что Ингеборг узнает о заговоре и также тшетно предупреждает мужа, но здесь она посылает свое предупреждение письмом. Итак, если, по Гельмольду, супруги проводят вместе ночь перед убийством, то, по Саксону, они находятся в разных местах. Курт Вейбуль показал, что Саксон опирался на текст Гельмольда и на утраченный источник, использованный также в «Care о Кнютлингах» (Weibull C. *Kritiska undersökningar i Danmarks historia från Sven Estridsens död till Knut VI*. Lund, 1915. S. 179—236). Существование этого утраченного источника устанавливается на основе того, что обширный текст, общий для Саксона и «Кнютлинги», не обнаруживается следов влияния Гельмольда. Приведенный эпизод подтверждает теорию Вейбулля: Саксон, очевидно, знал о предупреждении из Гельмольда; но из источника, общего с «Кнютлингой», он также знал, что Ингеборг и Канут не были вместе в ночь перед убийством Канута. Ему пришлось умолчать, однако, о расстройнии, разделявшем Ингеборг и ее супруга, чтобы отправка письма выглядела достоверной. «Кнютлинга» далее делает весьма показательное различие: когда Ингеборг и Канут вступают в брак, ее отец Мстислав называется князем Хольмгарда (Новгорода), но когда Ингеборг в 1130—1131 гг. приезжает к нему, речь больше идет не о Новгороде, а о Гардарике (Руси) в соответствии с предванием Мстислава в это время на Киевском столе. Это различие вряд ли могло быть сделано компилятором XIII в. и предполагает достоверность информации для этого эпизода «Кнютлинги».

³¹ Вслед за Н. Баумгартемом (Baumgarten N. de. *Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes // Orientalia Christiana*. Rome, 1927. T. IX. I. P. 23—36, основано на его предшествующем исследовании: Баумгартен Н. София Владимировна, королева Датская и затем ландграфиня Тюрингенская // *Летопись историко-родословного общества в Москве*. М., 1910. Т. VI. Ч. I. С. 24—30) отец Софии часто изображается полулегендарным новгородским князем Владимиром Всеволодовичем, который ребенком прокняжил в Новгороде несколько дней в 1136 г. после изгнания его отца 15 июля и до приглашения Святослав Ольговича 19 июля. Скандинавские источники, а только они знают об этом браке, единодушно называют ее отца Valada, Valadhr, Valadar или подобным же образом, тогда как те источники называют Владимира Святославича и Владимира Мономаха Valdimarr или Valdamarr, т. е. так же, как и Вальдемара

Великого. Поэтому несомненно, что отцом Софии был некий Володарь. Н. Баумгартен приходит к своему выводу, считая, что имена Володарь и Володимер взаимозаменяемы, и предполагая, что отец Софии умер до следующего замужества Риксы. Однако теперь известно, что он был жив еще в 1170-е гг. См.: обстоятельное исследование: Gallén J. *Vem var Valdemar den stores drottning Sofie?* // *Historisk tidskrift för Finland*. 1976. S. 273—288.

³² Schmid T. *Liber Ecclesiae Vallentunensis*. Stockholm, 1945. S. 87.

³³ Lind J. *Til spørgsmålet om kongehuset og udbredelsen af Thomas Becket-kulten i Danmark* // *ICO. Iconographisk post*. 1982. Uppsala, 1982. S. 38—39.

³⁴ О ситуации в Дании см.: Christensen A. E. *Op. cit.* S. 275, 287; О Магнусе Оркнейском см.: Helle K. *Norge blir en stat 1130—1319*. Kristiansand, 1964. S. 91; о династических связях см.: Gallén J. *Op. cit.*

³⁵ Новгородская первая летопись. М., 1950. С. 22 и сл. А. А. Зализняк предложил иную интерпретацию, которая уязвима: Зализняк А. А. // *Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977—1983 гг.* М., 1986. С. 168 и сл.

³⁶ Christensen A. E. *Op. cit.* S. 293.

³⁷ Gallén J. *Op. cit.*; Lind J. *Til spørgsmålet*.

³⁸ Таково мнение О. П. Лихачевой, одного из издателей «Описания», которой я признателен за помощь.

³⁹ Включение списка пап, видимо, не слишком удивительно. Культы упомянутых пап прочно утвердились уже до VIII Вселенского собора. Автор «Повести временных лет», например, не только перечисляет пап, участвовавших в первых семи соборах, но называет их ранее патриархов восточной церкви (Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1². Стб. 115).

⁴⁰ Nyberg T. *Deutsche, dänische und schwedische Christianisierungsversuche östlich der Ostsee im Geiste des 2. und 3. Kreuzzuges* // *Die Rolle der Ritterorden in der Christianisierung und Kolonisierung des Ostseegebietes* / Z. H. Nowak. (*Ordines militares: Colloquia Torunensia Historica*, 1). Toruń, 1983. S. 93—114.

⁴¹ О происхождении термина «немцы» см.: Lind J. *The Concept of „Nemtsy“ as National-Confessional Delimitation. From the Ninth to the Twelfth Century* (в печати).

⁴² Lind J. *Varaeger*. S. 145—165; Янин В. Л., Зализняк А. А. *Указ. соч.*

Д. МЕЙСИ. ПРАВИТЕЛЬСТВО И КРЕСТЬЯНСТВО В РОССИИ 1861—1906: ПРЕДПОСЫЛКИ СТОЛЫПИНСКИХ РЕФОРМ *

Монография — итог почти пятнадцатилетнего исследования Дэвидом Мейси¹ правительственной политики в крестьянском вопросе. Работа охватывает значительный отрезок времени — с даты проведения крестьянской реформы 1861 г. по ноябрь 1906 г., когда правительство перешло к новой аграрной политике.

В нашей историографии эта проблема разрабатывалась в трудах А. М. Анфимова, Н. М. Дружинина, С. М. Дубровского, П. А. Зайончковского, Б. Г. Литвака, М. С. Симоновой, Ю. Б. Соловьева, В. Г. Чернухи и др. Однако целостное изучение правительственной политики по отношению к крестьянству между двумя реформами проведено впервые как в зарубежной, так и в советской историографии. Поэтому можно без преувеличения сказать, что исследование Д. Мейси заслуживает серьезного критического внимания специалистов.

По его мнению, все исследования столыпинских аграрных реформ отражают все те же политические споры, которые велись при их осуществлении. Он выделяет два подхода к оценке столыпинских реформ. Одни исследователи обычно рассматривают реформы как политический ответ на аграрные беспорядки и широкомасштабные требования земли, выдвигавшиеся крестьянами в ходе первой русской революции. Другие же на первый план выдвигают необходимость рационализации и модернизации крестьянского сельского хозяйства.

При этом Мейси отмечает, что первая, «политическая», интерпретация характерна для критиков реформ слева и справа, так же, как и для советских историков. Либералы же, западные и российские, чаще придерживались взглядов об экономической и исторической обусловленности реформ. Однако в последние десятилетия ученые все более склоняются к политической интерпретации. Эту тенденцию отразил и Н. Рязановский, автор самого популярного американского учебника по истории России².

Признавая реальные достоинства этих подходов, Мейси пытается «расширить и углубить пони-

мание реформ путем рассмотрения их в единстве политических, экономических и социологических аспектов» (с. XII). Решить эту задачу автор хочет, исследуя эволюцию идей и мнений самих чиновников, а также идеологических и культурных влияний, формировавших их взгляды. Он рассматривает чиновничество не как простых исполнителей, а как специфическую среду, где проявляются и решаются политические и социальные конфликты.

Таким образом, Мейси предлагает свой, оригинальный подход к решению вопроса о происхождении столыпинских аграрных реформ. Главная цель работы — показать, что реформы готовились постепенно, в течение полувека, предшествовавшего революции 1905 г. Более того, автор доказывает, что реформы были по существу готовы к введению перед революционным взрывом 1905 г. и до прихода самого Столыпина в правительство.

Структура работы подчинена поставленной задаче. В первой части, охватывающей период 1861—1900 гг., рассматриваются отмена крепостного права и ее последствия для политики правительства в крестьянском вопросе. Второй и третьей частям, озаглавленным «Революция в сознании» и «Революция в политике», отведен основной объем книги. Во второй части детально исследуются проходившие в правительстве в начале XX в. дебаты по крестьянской проблеме, в том числе деятельность Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, образованного при Министерстве финансов (1902—1904). В третьей части деятельность правительства в период нарастания революционных событий в 1905 — первой половине 1906 г. рассматривается как закономерное продолжение той «революции в сознании» бюрократии, которая особенно быстро происходила в начале века. Заключительная четвертая часть посвящена сравнительно малоисследованному междумовскому периоду в июле — ноябре 1906 г. и принятию столыпинских аграрных реформ.

В своих построениях автор опирается на широкий круг архивных источников. Он использует материалы, хранящиеся в Русском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк) — четырнадцать личных фондов (в том числе И. С. Васильчикова, С. Ю. Витте, А. Д. Голицына, Д. Н. Любимова, П. П. Мигулина, К. К. Троицкого, Ф. В. фон Шлиппе и др.); Архив Гуверовского института (Стенфорд, Калифорния) — фонды В. И. Гурко и Д. Н. Любимова. В работе привлекаются и источники, находящиеся в советских архивах — в ЦГИА СССР (фонды Комитета по землеустроительным делам, Совета министров, Земского отдела МВД, личный фонд А. В. Кривошеина); ЦГАОР (фонды Царскосельского Александровского дворца и В. К. Плеве).

Источниковую базу исследования составляют преимущественно мемуары ведущих чиновников, стенографические отчеты заседаний различных организаций, материалы периодической печати. Такой отбор источников позволил автору подробно охарактеризовать деятельность П. А. Валуева, С. Ю. Витте, И. Л. Горемыкина, В. И. Гурко, М. С. Каханова, В. Н. Коковцева, А. В. Кривошеина, А. П. Никольского, В. К. Плеве, А. А. Риттиха и руководимых ими правительственных комиссий.

Чрезвычайно широка историография, западная и советская, представленная в работе. В общей сложности третью часть книги занимает вспомогательный аппарат, в том числе 85 страниц примечаний и библиографических ссылок. Это в значительной степени компенсирует отсутствие в работе специального историографического и источниковедческого раздела. В конце книги приведен список трудов Русского института (ныне института Гарримана) Колумбийского университета.

Автор неоднократно подчеркивает, что любую дискуссию по современной истории России необходимо начинать с реформы 1861 г. Он выделяет два основных периода официальной политики в крестьянском вопросе между 1861 и 1917 гг. Первый период (1861—1906 гг.) Мейси характеризует как переход от политики невмешательства и т. н. «официального либерализма» к большей вовлеченности в дела крестьянства — т. н. «официальному популизму». Этот переход ознаменовал собой первый шаг в «революции в сознании», которая и привела, как считает Мейси, к отказу правительства от опоры на общину и принятию столыпинских аграрных реформ. Последующий, второй период (1906—1917 гг.) характеризуется автором как период «официального псевдомарксизма»³.

Вопрос о судьбе крестьянской общины был одним из важнейших при разработке аграрных реформ. Мейси отмечает, что интерес правительства к общине повысился после появления книги барона фон Гакстаузена «Исследование внутренней России» (1847 г.), ставшей впоследствии эпицентром едва ли не всех дискуссий по аграрному вопросу. В «Исследовании», появившемся в период революционных потрясений на Западе, утверждалось, что политическая стабильность России сохраняется благодаря существованию общины, предшествовавшей возникновению пролетариата. С другой же стороны, община с ее периодическими переделами земли тормозит сельскохозяйственный прогресс.

Разделяя эти взгляды, творцы реформы 1861 г. предполагали сохранить общину лишь как временную организацию для сбора налогов и выкупных платежей и как одно из орудий управления. И хотя на практике такое положение сохранялось десятилетия, правительство все более начинало рассматривать экономический прогресс как необходимую предпосылку сохранения социальной и политической устойчивости. Поэтому традиционная политика бюрократической опеки крестьянства постепенно приобретала черты прямого вмешательства в его дела, по мнению Мейси, напоминавшего чуть или не государственный социализм.

Мейси показывает, что отмена крепостного права значительно усилила интерес к аграрным проблемам России. Ведущую роль в правительстве стало играть новое поколение чиновников, большинство из которых сформировались как политические деятели на губернском уровне в период «великой реформы». Сравнительно компетентно разбиравшиеся в сути происходивших экономических и политических процессов, они стали предпринимать попытки стимулирования индивидуальной и общественной инициативы, преодолевая узкий фискализм своих предшественников.

Одним из реальных факторов эволюции взглядов российской бюрократии Мейси считает идеологическое влияние западноевропейских концепций государственного управления. Солидаризируясь с мнением М. Раева, он отмечает, что в России в течение XIX в. развивалось т. н. «регламентированное государство», где управление осуществлялось посредством и обычаев, и законов, в конечном счете ограничивая царскую власть.

Мейси неизменно подчеркивает надклассовый, общенациональный характер политики царского правительства. Считая проведение столыпинских аграрных реформ самым важным политическим шагом, предпринятым царским правительством между 1861 и 1917 гг., в целом он разделяет взгляд на реформы, принятый и в советской историографии, как на часть обширной программы преобразований, направленных на превращение крестьянства в оплот государственной власти.

Вместе с тем автор выступает против издержек классового анализа, утверждая, что такой анализ фактически игнорирует возможность независимых действий правительства. Крайней формой такого подхода он считает утверждение, что столыпинские реформы были задуманы для защиты классовых интересов помещиков путем раскалывания крестьянства на две группы с целью создать слой зажиточных крестьян-собственников в качестве буфера между помещиками и большинством пролетаризовавшихся крестьян. Идя дальше в отрицании классового характера политики царского правительства, Мейси утверждает, что и социал-дарвинистская ставка Столыпина «на силу и разум» в значительной степени была пропагандистским заявлением.

Думается, что автор, сосредоточив свое внимание на деятельности правительства по подготовке законодательства по крестьянскому вопросу и оставив в тени сам ход исторических событий, преувеличивает надклассовость политики самодержавия на рубеже двух веков. Отмечая, что изменения в мировоззрении чиновничества были главным фактором, без которого невозможно было бы проведение реформ, он в то же время оставляет в тени реальные изменения в экономике, внутри- и внешнеполитической ситуации, ускорявшие «революцию в сознании» бюрократии. Представляется, что «надклассовая» позиция царизма вовсе не являлась следствием одного лишь альтруизма и бескорыстной заботы о подданных, как это неизменно подчеркивалось в царских манифестах. Сам факт, что правительство вплоть до первой российской революции не допускало серьезной мысли об отмене помещичьего землевладения и что, как утверждает Мейси, аграрные реформы в своей основе были готовы еще когда Столыпин был саратовским губернатором, а введены в действие лишь спустя почти два года с начала революционных событий, скорее, свидетельствует об обратном. Поведение же царя и правительства в ходе разработки и принятия столыпинских аграрных реформ в определенной степени напоминает подход самодержавия к реформе 1861 г.

Представляется спорным утверждение автора, что революция 1905 г. только затормозила принятие аграрных реформ. Самодержавие, несмотря на все свои благие намерения, на деле было оплотом консерватизма, постоянно запаздывая и идя вслед за событиями, как было и на этот раз.

В Заключении автор пытается ответить на вопрос, могли ли оказаться успешными столыпинские реформы как попытка модернизации экономики по капиталистическому типу, с одновременным неприятием общественных и социальных последствий капитализма. По его мнению, нет причин считать подобный исход исторически невозможным. Нельзя рассматривать историю только в поляризованном круге исторических альтернатив — капиталистический или социалистический, экстенсивный или интенсивный, прусский или американский пути развития сельского хозяйства. Исследователь видит определенное сходство в подходах в экономике у царского правительства и

у его советских преемников, которые равно верили в способность государства влиять на ее объективные законы, чем сегодня занимаются все правительства, независимо от их идеологической ориентации.

Подводя итог, следует сказать, что исследование Дэвида Мейси выполнено на высоком научном уровне. Авторская концепция предпосылок столыпинских аграрных реформ, содержащая ряд остродискуссионных положений, несомненно будет способствовать дальнейшему изучению аграрной истории дореволюционной России.

И. Н. Слепнев

Примечания

* M a c e y D. Government and Peasant in Russia, 1861—1906: the Prehistory of the Stolypin Reforms. DeKalb (Illinois): Northern Illinois University Press, 1987. XVIII. 380 p.

¹ Дэвид Мейси — адъюнкт-профессор истории и директор Русского и Советского отдела исследований в Миддлберийском колледже, штат Вермонт. Родился в 1942 г. В 1976 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Российская бюрократия и „крестьянский вопрос“. Предыстория столыпинских реформ. 1861—1907» в Колумбийском университете.

² R i a s a p o v s k y N. A. History of Russia, 4th ed. N. Y., 1984.

³ Исследование этого периода автор предполагает продолжить в следующей книге.

ДРЕВНЕРУССКИЕ КИЕВСКАЯ И ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ ЛЕТОПИСИ. ОСТРОЖСКИЙ (ХЛЕБНИКОВСКИЙ) И ЧЕТВЕРТИНСКИЙ (ПОГОДИНСКИЙ) СПИСКИ. С предисловием Омеляна Прицака (Тексты. Т. VIII). Гарвард, 1990. 89 + 761 с. *

Тысячелетие принятия христианства на Руси было широко отмечено научной общественностью различных стран. Среди акций, связанных с этим юбилеем, — основание серии изданий источников по истории Украины — «Гарвардской библиотеки древней украинской письменности». Эта многотомная библиотека издается Украинским научным институтом Гарвардского университета (США) по разработанному в связи с юбилеем «Гарвардскому проекту празднования тысячелетия христианства Руси — Украины». Как пишут редакторы этой серии, они включают в библиотеку оригинальные памятники письменности, начиная с середины XI в. и до конца XVIII в. на церковнославянском, древнерусском, среднеукраинском, польском и латинском языках.

VIII том серии содержит факсимильное (черно-белое) уменьшенное издание позднейших украинских списков древнерусского летописного свода, широко известного как Ипатьевская летопись. Это прежде всего Хлебниковский список, скопированный в XVI в. с южнорусского свода (созданного, по предположению издателей, около 1307 г.); в настоящее время хранится в Государственной Публичной библиотеке в С.-Петербурге (с. 3—393 издания). Далее, это дефектный Погодинский список, скорее всего 1621 г., списанный с Хлебниковского и хранящийся в той же библиотеке (с. 397—723 издания). Наконец, восполняющие некоторые утраты Погодинского списка отдельные страницы Краковского списка, переписанного латиницей в конце XVIII в. с Погодинского, находившегося тогда в более исправном состоянии (хранится в Библиотеке Чарторийских Национального музея в Кракове), в издании — с. 728—761.

В существующих изданиях Ипатьевской летописи Хлебниковский и Погодинский списки использованы только для разночтений (Хлебниковский — в ПСРЛ, т. 2, изд. 1, 1843 и ПСРЛ, т. 2, изд. 3, 1923, издание не окончено; оба списка — в издании Ипатьевской летописи 1871 г. и в ПСРЛ, т. 2, изд. 2, 1908). Таким образом, рецензируемое издание впервые дает полностью украинские тексты XVI—XVII вв. древнерусской летописной традиции, связанной с Киевом и Галицко-Волынской землей, причем в факсимильном воспроизведении.

Это не так важно для изучения названных списков как источников сведений по истории

си IX—XIII вв., поскольку их чтения уже давно введены в научный оборот, как для истории ранней письменности и культуры, украинской историографии, древнерусского языка украинского извода времени создания этих рукописей, да и просто для сохранности летописных текстов.

Кроме факсимильного воспроизведения книга включает исследовательские статьи (на английском и украинском языках).

Одна из них, посвященная истории южнорусского летописания XI — начала XIV в. и судьбе манускриптов Ипатьевского свода, принадлежит издателю тома и главному редактору всей серии И. Прицаку. Палеографическое описание списков заимствовано из предисловия А. А. Шахматова к изданию 1908 г. 2-го тома ПСРЛ.

Введение в научный оборот факсимильного воспроизведения Хлебниковского, Погодинского Краковского списков позволяет лучше представить историю самих манускриптов, а заодно и видеть недостатки издания 1908 г., считавшегося до последнего времени образцовым. Так, в издании 1908 г. сказано, что под 1112 г. фраза «бе бо ей отец духовный, и бояре и вси людье радуехуся» в Хлебниковском и Погодинском списках опущена (стлб. 274, вар. 38), между тем обращение к указанным рукописям убеждает, что данный текст там присутствует. Под 1037 г. к чтению «рославъ, сынъ Володимерь» к последнему слову указан вариант только Погодинского списка: «Володимеровъ» (стлб. 140, вар. 41), между тем и в Хлебниковском списке имеется аналогичное чтение — «Вълодимеровъ».

Два фактора все-таки снижают научное значение рецензируемого издания: низкое качество печати (в ряде мест) и отсутствие современного палеографического описания рукописей.

Так, невозможно прочесть ряд приписок XVII в. на полях и в тексте Хлебниковского списка. Следует сказать, что редактура текста и система помет на полях Хлебниковского списка имеют большое значение для определения общественно-политических взглядов редактора, позволяют уточнить место Хлебниковской рукописи в семействе летописных редакций, возникших на Украине в середине XVII в.

Палеографическое описание А. А. Шахматова, воспроизведенное в настоящем издании, замечательное для своего времени, в определенной мере уже устарело, поскольку не основано на датировке по водяным знакам. Отсюда происходят ошибки и неточности издателя в концепции происхождения и дальнейшей судьбы Хлебниковского списка. Так, предположено, что Хлебниковская рукопись была списана около 1575 г. для князя Константина Острожского, а после его смерти привезена в 1616 г. Захарией Копыстенским в Киево-Печерскую Лавру. Между тем палеографически Хлебниковский список датируется концом 50-х — началом 60-х гг. XVI в. Текст его, отличное от Ипатьевского списка, характеризуется сближением с Киево-Печерским патериком, следовательно, он создан, вероятнее всего, в Киево-Печерском монастыре, о чем свидетельствует запись на последнем листе («Написася бысть сия книга повелением Божиим до монастырей...»). Вероятно можно говорить о принадлежности Хлебниковской рукописи Киево-Печерскому монастырю в 1621 г. В том году с нее была снята копия (нынешний Погодинский список) для князя Стефана Четвертинского в Животове. Копирование было произведено «повелением и всяким попечением» Стефана Четвертинского, причем в приписке была отмечена «ревность» князя к православной религии и любезный прием им иерусалимского патриарха Феофана, восстановившего автославную иерархию в Речи Посполитой. Труд по копированию летописца был закончен 23 марта 21 г., а через два дня, 26 марта, уже в Киево-Печерской Лавре было начато печатание средства князя Стефана Четвертинского «Бесед Иоанна Златоуста на 14 посланий ап. Павла», законченное в 1623 г. В печатном посвящении князю Четвертинскому Захария Копыстенский проделал историю его рода, описал благонравие князя и, что любопытно, также отметил, что иерусалимский патриарх Феофан имел пребывание в доме князя. Причастность князя Стефана Четвертинского к указанным двум мероприятиям, их непосредственная хронологическая стыковка и одинаковая идейная направленность позволяют утверждать, что копирование Летописца и печатание «Бесед» направлялись и осуществлялись одним церковным центром — Киево-Печерской Лаврой. Представляется поэтому справедливым, что с момента своего изготовления в конце 50-х гг. XVI в. и вплоть до начала 20-х гг. XVII в. Хлебниковский список был собственностью Киево-Печерского монастыря. В дальнейшем в какой-то момент рукописью завладел молдавский логофет толт Мароц. Он был тесно связан с фамилией Могил (он служил при дворе Иеремии Могилы, был женат на его сестре, Елене), поэтому с назначением на архимандритию Киево-Печерской Лавры Петра Могилы Хлебниковская рукопись вернулась на прежнее место своего хранения. В всяком случае в середине 30-х гг. XVII в. (что следует из анализа водяных знаков вставных

листов) Летописец уже точно находился в Киево-Печерском монастыре (или в Киево-Могилянской коллегии), где на его основе была создана новая редакция южнорусского свода, дошедшая до нас в списках Яроцкого и Ермолаевском. Там же находился Хлебниковский список и в 50-х гг. XVII в., когда он был использован при создании Густынской летописи. Пока не представляется возможным проследить бытование рукописи до 50-х гг. XVIII в., когда Летописец стал приобретением коллекционера П. К. Хлебникова.

Можно надеяться, что в Украинском исследовательском институте Гарвардского университета серию изданий летописных текстов продолжат, включив в нее списки Яроцкого и Ермолаевский, Густынскую летопись, Хронику Софоновича, Киевский Синописис — ценнейшие памятники украинской историографии XVII в.

Б. М. Клосс

Примечание

* The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles: the Ostroz'kyj (Xlebnikov) and Cetvertyns'kyj (Pogodin) Codices. With an Introduction by Omeljan Pritsak (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Volume VIII). Harvard University Press. 1990. 89+761 p.

ПАВЕЛ СТРОЕВ. СПИСКИ ИЕРАРХОВ И НАСТОЯТЕЛЕЙ МОНАСТЫРЕЙ РОССИЙСКИЯ ЦЕРКВИ. СПб., 1877.— Репринт. Кёльн; Вена, 1990*

Западногерманское издательство «Бэляу» в томе 35 своей серии «Строительный материал для истории литературы у славян» выпустило репринт известного справочника П. М. Строева «Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви». Эта книга представляет собой хронологический указатель деятельности всех известных на Руси митрополитов, патриархов, епископов по епархиям, начиная от древнейшей митрополии Киевской и всея Руси и кончая епархиями, учрежденными в XIX в. Наряду с иерархами в справочнике указаны также все настоятели, игумены, архимандриты православных монастырей по тем епархиям, где они расположены. Этот справочник уже давно является необходимым пособием для каждого, кто занимается историей России, а не только церкви, с XI до середины XIX в. Когда-то он был и настольной книгой для историков, однако в наше время это библиографическая редкость, только крупные и научные библиотеки располагают этой работой. Новое издание делает справочник Строева значительно более доступным для зарубежных исследователей. Отечественные же издательства, к сожалению, еще не обратили на него внимания.

Справочник об иерархах и настоятелях стал делом жизни выдающегося исследователя-архивиста П. М. Строева (1796—1876). Посвятив себя выявлению и описанию рукописных источников, отложившихся во множестве центральных и местных церковных, монастырских и государственных архивов, он одновременно выписывал из документов все встречающиеся имена церковных деятелей и годы, когда они упоминались. И, завершив свой труд, он продолжал его пополнять и исправлять и, отказавшись от вознаграждения, поставил условием издать его только после своей смерти.

Справочная литература по отечественной истории у нас очень бедна. Есть и продолжения списков Строева за вторую половину XIX и за XX в. Что касается раннего времени, до XVI в., то для уточнения и дополнения таких списков теперь, после археографических работ, нужны уже исследования источниковедческие, позволяющие определить более точно вероятность того или иного упоминания¹.

Работа Строева является образцом для историка, имеющего дело с архивным материалом. Кроме своей непосредственной научной темы, каждому исследователю следовало бы постоянно думать о подготовке справочников по тем материалам, которые он использует, начиная от бумажных знаков и почерков и до структуры учреждений, имен их начальников и состава документов, с которыми приходится иметь дело.

Об истории подготовки справочника говорится в предисловии его издателя М. И. Семевского и более подробно — в специальной статье «Вклад П. И. Строева в просопографические основы русской церковной истории» издателя репринта Ф. Б. Полякова, заботам которого обязаны новые читатели появлению этого классического труда.

Я. Н. Шапов

Примечания

* Pavel S t r o e v. Spiski ierarchov i nastojatelej monastyrej Rossijskija cerkvi. Verzeichnisse der Hierarchen und Vorsteher der Klöster der Russischen Kirche. StPetersburg, 1877.— Nachdruck, herausgegeben und eingeleitet von Fedor B. Poljakov. Böhlau Verlag. Köln; Wien, 1990.

¹ Я н и н В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1—2. М., 1970; Р о р р е А. Die Metropolitent von Kiev und der ganzen Rus' // Podskalsky G. Christentum und Theologische Literatur in der Kiever Rus' (988—1237). München, 1982. S. 282—901; Ш а п о в Я. Н. Государство и церковь Древней Руси. X—XIII вв. М., 1989. С. 207—213 (Епископы Древней Руси) // Там же. С. 191—206; П о п п е А. Митрополиты Киевские и всяя Руси (988—1305 гг.).

По следам наших выступлений

«СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА»: ОТКЛИКИ

Предлагаем вниманию читателей первые отклики, полученные редакцией в ответ на публикацию материалов «круглого стола» «Советский Союз и страны Восточной Европы: эволюция и крушение политических режимов, середина 40-х — конец 80-х годов XX в.» (см. История СССР. 1990. № 1).

БЫТЬ ИСТОРИКОМ НЕПРОСТО

Развитие нашей исторической науки долгие годы шло так, что многие поколения советских ученых практически оказались лишенными возможности использовать открытую, свободную дискуссию как форму научного общения и поиска. Поэтому понятен «всплеск» «круглых столов», развеявших миф об однородности научных позиций советских ученых.

Развернувшиеся на страницах многих научных журналов дискуссии свидетельствуют, сколь непросто быть историком сегодня... Слишком велико давление политических страстей, слишком велик порой соблазн во имя приобретения искомого политического имиджа принести в жертву даже научную достоверность и принцип историзма.

Среди множества опубликованных дискуссионных материалов наше внимание привлек «круглый стол» «Советский Союз и страны Восточной Европы: эволюция и крушение политических режимов». Он интересен как по выбору предложенных для обсуждения проблем, так и по составу (историки, политологи, философы) участников дискуссии. Именно привлечение к обсуждению специалистов разных дисциплин позволило сделать его действительно междисциплинарным. Хотя не все из предложенных редколлегией проблем стали предметом анализа за «круглым столом», ключевые из них, наиболее научно и политически дискутируемые получили, на наш взгляд, во многом новое прочтение.

Нам как специалистам по послевоенной истории стран Восточной Европы весьма импонировало то, что подавляющее большинство участников дискуссии (прежде всего И. М. Клямкин, Л. Н. Нежинский, Д. М. Фельдман, А. Е. Липский, К. Ф. Шаццло, Е. И. Пивовар и др.) стремились, исходя из конкретно-исторического материала, отказавшись от догматического понимания субъективности в истории, поднять «ранг» внутренних факторов, воздействовавших на послевоенное развитие региона. Мы полностью согласны с тезисом И. М. Клямкина о том, что необходимо еще исследовать, в какой степени названные страны были «предрасположены» к авторитарно-тоталитарным режимам своей собственной историей, а в какой — они стали жертвами экспансии со стороны Советского Союза. Прав И. М. Клямкин и в том, что мы пытаемся найти ответ на этот вопрос до того, как исследовали «проблему во всей ее конкретности» (с. 48).

Вместе с тем развернутый обмен мнениями показал, что у специалистов по новейшей истории «узким местом» по-прежнему остаются глубоко между собой связанные методология и информационная база исследований. Мы видим несколько методологических изъянов, наиболее отчетливо проявившихся в рассуждениях А. С. Ципко, Ю. С. Новопашина, И. И. Попа. Нам представляется, что при обсуждении таких вопросов, как «СССР и освобождение Восточной Европы от фашизма» и «Советский Союз и установление единовластия компартий на Востоке Европы», в выступлениях уважаемых коллег просматривается стремление во многом отреагировать на новую политическую конъюнктуру путем смены оценочного знака с «плюса» на «минус». При этом, как и ранее, только «навыворот» используется старый методологический подход — ограниченное толкование субъектности в истории.

Роль субъекта опять отводится только СССР, объектами остаются страны и народы Восточной Европы, с той только разницей, что если раньше роль СССР и компартий стран региона оценивалась исключительно позитивно, то теперь — исключительно негативно.

Логика такого методологического приема неизбежно продиктовала искусственное обособление историческом процессе и гипертрофирование внешнего фактора и его роли в возникновении овых политических режимов в странах Восточной Европы, сбрасывание со счетов целого «пакета» азнообразных внутренних факторов, в немалой степени обусловивших рождение именно этих вторитарно-тоталитарных политических режимов.

Изучение проблемы возникновения коммунистических режимов в регионе позволяет нам, опираясь на документы советских и национальных архивов ряда стран Восточной Европы, утверждать, что сила воздействия внутренних факторов на определение направления послевоенного азвития была значительно выше, чем можно себе представить, исходя лишь из внешнеполитической «картинки» военных и первых послевоенных лет.

Ни в малейшей степени не отрицая всю меру политического влияния СССР и Коминформбюро а процесс послевоенного развития стран Восточной Европы, считаем, что нельзя сводить суть ла только к этому влиянию, сбрасывая со счетов воздействие таких внутренних факторов, ак унаследованная от довоенного периода социальная структура общества, находившегося разных странах на разных стадиях перехода от феодализма к капитализму (за исключением ехословакии), переживавшего еще этап становления основных социальных компонентов буржуазного общества. Это была переходная социальная структура, которая в годы войны испытала эдействие резкого «выброса» в рабочий класс (в большинстве стран региона во многом еще индустриальный) различных по происхождению маргинальных слоев и широкой люмпенизации общества. Как важнейший внутренний определяющий фактор следует рассматривать традиционность авторитарно-тоталитарных политических структур и общественной психологии в большинстве стран региона, исключая Чехословакию. Следует также иметь в виду и отягощенность политических институтов и массового сознания в балканском регионе (особенно в Болгарии) «наследием» османского ига. Требуется своего неперемного учета такой часто уходящий от внимания следователей факт, как достаточно широкое разочарование различных слоев общества в старом, военном общественном устройстве и в правом тоталитаризме, в буржуазной демократии доенного образца, в западных державах как надежных союзниках малых государств и народов.

Нельзя, не изменяя принципу историзма, игнорировать такое весьма существенное обстоятельство (сколь бы оно сегодня ни выглядело непопулярным), что в годы войны и особенно на фоне военных побед СССР стала резко возрастать притягательность идеи социализма как ее коммунистической (Югославия, Албания, Болгария), так и некоммунистической интерпретации (Чехословакия).

Только в сочетании и взаимопереплетении этих разнородных факторов, создававших определенный социополитический климат, и следует видеть внутренние источники того временного кредита верия, которым часть послевоенного обнищавшего общества * Восточной Европы (в разных ранах — разная как по удельному весу, так и по социальному составу) наделила тогда коммунистов, являвшихся, без сомнения, выразителями имевшихся в обществе леворадикальных строений. О формировании доверия к ним свидетельствует такой исторический факт, как ремительный, «взрывообразный» рост численности рабочих и прежде всего коммунистических ртий. Например, в Румынии в 1944 г. из подполья вышла компартия, насчитывавшая около 0 человек, в 1946 г. в ее рядах было 600 тыс. членов. Соответственно в Венгрии — 2500 ктябрь 1944 г.) и 150 тыс. (май 1945 г.), в Польше — 18 тыс. (сентябрь 1944 г.) и 300 тыс. членов прель 1945 г.). Вряд ли присутствием советского «человека с ружьем» и действиями особых рядов НКВД (кстати, проблема, о которой много и эмоционально говорим, остается пока солотно не изученной), а также имевшей место политикой репрессий и страха можно объяснить евращение компартий в массовые. Не грандиозность ли и величественность, приданные программ коммунистов, обеспечивали последним поддержку широких, неискушенных в политике слоев селения?

По-видимому, ближе к истине, чем утверждения некоторых участников дискуссии, находятся ждения З. Найдера, бывшего сотрудника Института литературных исследований в Варшаве, зетника «Солидарности». В конце 80-х гг. он, анализируя послевоенную ситуацию в Польше, сал: «... Способность к самообману у многих людей была огромной. Был создан такой облик зого мира, который вдохновил людей, и не только единицы, но сотни, тысячи, миллионы... сстановление страны, великое переселение из деревни в город, индустриализация — это не были ько лозунги, это было действительное дело». (Ugotowicz W. St. Oleś. Czy Polaków stać optymizm. Rozmowy ze Zdzisławem Najderem. Berlin Zachodni. 1988, s. 45—46).

Знакомство с документальными материалами дает возможность утверждать, что уже в 1944—1945 гг. в ряде стран, например, в Польше, Болгарии, Чехословакии, существовало немалое радикальное «давление снизу», обусловленное формированием такого общественного явления, как революционный энтузиазм и нетерпение. Более того, создавалась своеобразная «вилка» между курсом руководства большей части компартий региона на решение общенациональных задач через социальные компромиссы и политические союзы в рамках антифашистской демократической коалиции и настроениями активной части членской массы компартий в пользу классовых, простых и скорых революционных решений на пути продвижения к социализму по советскому образцу.

Таким образом, мы считаем возможным говорить о чрезвычайно благоприятном для коммунистического движения, выражавшего реальные леворадикальные настроения в обществе, стечении многообразных внутренних и внешних условий, открывших коммунистам путь сначала к участию в коалиционной демократической власти, а затем и к политической монополии.

Что касается воздействия советского фактора, то его вряд ли правомерно сводить только к насилию и навязыванию «социализма». Документы тех лет подтверждают правильность постановки проблемы Ю. И. Игрицким, который считает, что «широкие круги населения (Восточной Европы.— *Авт.*) находились под гипнозом» героической победы СССР в войне, отсутствия в СССР безработицы и экономических кризисов, стремительного экономического развития в период форсированной индустриализации, проектов социального переустройства (с. 35).

Действительно, в массовом сознании значительной части общества, особенно экономически отсталых стран региона, закрепился (временно!) образ СССР как могучей страны, политически, экономически и нравственно одолевшей фашизм, на классовой основе решившей главные социальные проблемы. О цене победы и сути общественного строя в СССР для многих речь тогда не шла. Безусловным историческим фактом является то, что СССР воспринимался в послевоенные годы именно как освободитель от фашизма и оккупации. Он и был таковым. В этой связи мы не можем согласиться с рассуждениями И. И. Попа.

Даже в Польше, где антисоветские настроения были, как известно, более, чем широко распространены, лидерам движения Сопротивления, ориентированного на эмигрантское правительство в Лондоне, не удалось сразу после войны создать в стране атмосферу простой «смены оккупаций». Это констатируют современные польские историки, которых ни в коей мере нельзя даже заподозрить в симпатиях к коммунистам и СССР (См., напр.: Kersten K. *Narodziny systemu władzy*. Warszawa. 1985). Массовое (в некоторых странах) восприятие СССР как нового, послевоенного оккупанта пришло позднее, уже в другую эпоху, и профессиональному историку вряд ли позволительно во имя политических дивидендов производить такие примитивные подмены, нарушая принцип историзма.

Освобождение Восточной Европы Красной Армией от фашизма как правой разновидности тоталитарного режима — было. Оно могло бы стать исходной точкой движения к демократии. Другое дело, что через исторически короткий срок (разный для каждой конкретной страны) развитие стран региона было введено в русло левого тоталитаризма через установление властной монополии компартий. Объективными показателями стремления народов Восточной Европы на рубеже войны и мира уйти от фашизма к демократии могут служить, например, превращение Партии мелких сельских хозяев в ведущую общенациональную силу Венгрии (что открыто констатировали советские представители в СКК) и внушительная победа этой партии на выборах 1945 г.; стремительный рост общественной поддержки таких мелкобуржуазных демократических партий, как БЗНС (во главе с Н. Петковым) в Болгарии, или Польское сторонничество людове (лидер С. Миколайчик) в Польше, предлагавших свою альтернативу послевоенного развития.

Нарушение принципа историзма ведет еще к одному методологическому изъяну. Он бросается в глаза при знакомстве с материалами «круглого стола». На наш взгляд, это стремление некоторых участников дискуссий к построению новых схем, ориентированных на нужды политической конъюнктуры сегодняшнего дня. Такое стремление особенно отчетливо прослеживается в выступлениях А. С. Ципко.

Пытаясь анализировать причины мирного характера антитоталитарных революций 1989 г., А. С. Ципко строит свою аргументацию на весьма важной посылке о сохранившейся от прошлого во всех странах региона социальной и культурной инфраструктуре гражданского общества (с. 15), о том, что в большинстве стран Восточной Европы коммунистам не удалось разрушить социальную инфраструктуру гражданского общества и «под тонким слоем коммунистического асфальта сохраня-

пась почва европейской цивилизации» (с. 16). Конкретно-исторический материал свидетельствует, что говорить о существовании гражданского общества в странах Восточной Европы в межвоенный период значит заниматься откровенным историко-политическим мифотворчеством.

Гражданское общество в феодальной Албании? В королевских Югославии и Румынии? В монархической Болгарии? В санационной Польше и хортистской Венгрии? Что это? Незнание исторической фактуры или преднамеренное ее искажение?

Поступательный процесс формирования гражданского общества имел место лишь в Чехословакии в период между двумя мировыми войнами. В остальных же странах региона постепенное зарождение после первой мировой войны элементов гражданского общества было прервано утверждением авторитарных и военно-авторитарных режимов. Нам представляется в этом плане принципиально важной позиция И. С. Яжборовской (с. 20), по сути дела обосновавшей несостоятельность центральной посылки А. С. Ципко, показавшей антиисторичность его подходов, их методологическую устарелость. Жаль, что аргументы И. С. Яжборовской и ее весьма емкий анализ межвоенного политического развития региона не получили развития в других выступлениях. Заключение же уважаемого А. С. Ципко о том, что в противостоянии «цивилизации нецивилизационным, тупиковым формам развития» гражданское общество выстояло, мы думаем, может быть отнесено только к общемировому процессу, но отнюдь не к Восточной Европе, ситуация в которой была предметом его анализа.

Думается, что недостает А. С. Ципко взвешенности и историзма в подходе и к проблеме «генфонда коммунистического движения» (с. 51). Безусловно, трагизм этого движения сегодня и в том, что в его руководстве возобладали (возможно, закономерно) интеллектуальные посредственности, «троечники», по терминологии А. С. Ципко. Но вряд ли правомерно сводить генфонд коммунистического движения к «феномену» Гришина, Живкова, Якеша или Черненко. В эту схему не вкладываются такие европейски образованные интеллектуалы, связавшие в разные годы свою судьбу коммунистическим движением в странах Восточной Европы, как Б. Шмераль, О. Ланге, Ю. Хохрельд, Л. Фрейка, Д. Лукач, Л. Патрашкану, С. Малешова и др. Наша задача как исследователей истории, почему произошло отторжение большинства из них уже на начальном этапе становления политической монополии компартий. Это позволит избежать упрощения и однозначности оценок даже такого, для многих сейчас одиозного, явления, как коммунистическое движение.

Как же было бы просто объяснить крушение коммунистического движения и его смещение на общественную периферию Восточной Европы только возобладанием «троечников»!

Знакомство с материалами «круглого стола» нас все более убеждает, что построения философов и политологов и их прогнозы находятся в прямой зависимости по меньшей мере от двух моментов: от освоения добротной конкретной основы, которую им могут дать историки, и от умения желая использовать эту основу, не подгоняя ее под априори избранные схемы. Корректное обращение с конкретно-историческим материалом позволило Л. Ф. Шевцовой избежать упрощений в ходе обсуждения проблемы характера революций 1989 г. и их форм (с. 59—60). В своей аргументации она вполне обоснованно «не замыкает» суть явления на традициях гражданского общества, справедливо говорит лишь о «зачатках гражданственности» как способности общества жить в условиях демократии. Такой подход открывает ей возможность более широкого вывода о том, что в современной Восточной Европе речь идет не о непосредственном возврате к довоенному бытию гражданского общества, как вытекает логически из рассуждений А. С. Ципко, а о возможном возникновении нового общества, которое отнюдь не будет партийно-этакетистским, но и не станет налогом западноевропейским демократиям.

Нам думается, что именно знание конкретной истории стран Восточной Европы и следование принципу историзма, позволяет политологу Л. Ф. Шевцовой (с. 54) вплотную подойти к постановке проблемы для советских исследователей проблемы историко-хронологических пределов «жизни» коммунистического движения, общественной роли и обусловленности его возникновения, существования и подъема конкретной социально-исторической средой, определенным этапом развития цивилизации, который в странах Восточной Европы уходит сегодня в прошлое.

Публикация материалов дискуссии свидетельствует, что в современном советском общественном сознании идет серьезное переосмысление фундаментальных проблем истории СССР и послевоенного развития стран Восточной Европы.

Мы не являемся специалистами по внешнеполитическим проблемам, но считаем правомерным указание Л. Н. Нежинского от однолинейного толкования факта присутствия Советского Союза в странах Восточной Европы. Документальные материалы периода 1944—1947 гг. подтверждают, что это

присутствие действительно «носило различный характер и разную степень интенсивности». Только конкретно-историческое исследование проблемы позволит уйти от политизированных ее интерпретаций.

Научность поиска новых концепционных подходов подтверждают выступления многих участников «круглого стола». Нам же хотелось отреагировать лишь на некоторые из тех суждений, что представляются спорными или упрощенными. Из прошлого ничего нельзя выбросить, иначе получится в лучшем случае схема, в худшем — фальсификат. Быть историком сегодня непросто, но нужно.

Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова — ведущие научные сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР (Москва)

НЕОБХОДИМЫ НОВЫЕ ПОДХОДЫ

С большим интересом прочитал материалы «круглого стола» «Советский Союз и страны Восточной Европы: эволюция и крушение политических режимов». Их ценность в том, что в выступлениях участников дискуссии отразились не только результаты научного анализа событий в восточноевропейском регионе, но и рельефно проявились недостатки существующей методологии.

Характерно, что спор разгорелся именно по поводу оценки послевоенной истории восточноевропейских стран. Для одних это — «потерянное время», напрасно затраченные усилия нескольких поколений (например, А. С. Ципко). Нынешний период, рассматриваемый с этих позиций, представляет собой лишь возврат к естественному ходу общественного процесса. С точки зрения других, послевоенный период не зигзаг, так как имеет свой смысл, свое оправдание, ибо страны Восточной Европы решали в это время задачи исторического масштаба, такие, например, как индустриализация и урбанизация (И. М. Клямкин).

Эти противоположные концепции сходятся в своей основе: они базируются на анализе исторических явлений с позиций прогресса, понятого как линейный одномерный процесс. В качестве вершины исторического развития избираются западноевропейские страны, США, иногда Япония, остальные же — отсталые, развивающиеся, догоняющие, нецивилизованные и т. п. Отчетливо логику такой позиции формулирует участник дискуссии Ю. К. Князев. Он предлагает «определить шкалу ценностей, критериев оценки», ведя отсчет от достижений «западных и многих развивающихся стран». Сравнение, конечно, не в нашу пользу. Вся сорокалетняя история — сплошной провал. «Ущерб, понесенный за прошедший период, — говорит Ю. К. Князев, — вряд ли с чем-нибудь можно сопоставить».

Фактически восточноевропейским странам отказано в собственном историческом бытии, они рассматриваются как ущербные, выпавшие из процесса развития цивилизации. Характерно, что конкретность исторического времени при данном подходе интерпретируется в таких понятиях, как провал, попятное движение, зигзаг, борьба цивилизованности с нецивилизованностью, акцент делается на абсурдности и неукорененности тоталитаризма в этих странах. Памятная теория двух миров, двух «противоположных систем», как птица Феникс, возрождается в еще более утрированном методе «сравнения». Он, конечно, необыкновенно доходчив, неотразимо действует на обыденное сознание, но строить на нем историческое и политологическое исследование — это все равно, что подменять политэкономия бухгалтерским учетом.

Еще один методологический порок — отождествление причинности с закономерностью. А. С. Ципко, по сути дела, потому отказывается искать внутренние причины авторитаризма, что для него их признание означает и признание закономерности появления сталинизма в восточноевропейском регионе. И. М. Клямкина он критикует именно за то, что тот пытается «вписать» послевоенный период в логику всемирно-исторического процесса. Но найти и исследовать причины тех или иных исторических явлений не значит доказать закономерность их появления. Сейчас, казалось бы, мы отходим от упрощенных представлений об исторической закономерности, видим в ней более богатый по содержанию феномен, чем, скажем, биологическая или физическая закономерность. Но, как видно, взгляд на нее как на «историческую неизбежность», фатализм присущ нам помимо нашей воли.

Более того, с понятием закономерности связаны и трудноискоренимые психологические установки. Скажем, она воспринимается нами, в том числе и участниками дискуссии, не иначе как свидетельство «исторической оправданности» событий. Рассуждения строятся по схеме: восточноевропейские режимы имеют (не имеют) внутренние причины, значит они закономерны (не законо-

мерны), значит они неизбежны (случайны), значит их появление оправданно (не оправданно). Из области научного анализа мы, сами того не замечая, переходим в плоскость «морально-политическую», такую привычную в минувшие десятилетия. Как тут не дать волю эмоциям и чувствам, как тут не поупражняться в оценках! Но наука здесь не при чем.

На мой взгляд, плодотворным будет исследование послевоенной европейской истории в русле эволюции современного мира. Необходимо преодолевать рецидивы взгляда на эти страны как на особый «социалистический лагерь», обладавший своей, противоположной всему остальному миру качественной спецификой и логикой развития. Как бы в критическом запале ни хлестали мы политику «железного занавеса», нельзя всерьез считать, что благодаря ей удалось «выключить» наши страны из мирового общественного процесса. К счастью, даже самые всемогущие диктаторы сделать это неспособны.

Формационный подход вообще доказал свою ограниченность. С его помощью практически невозможно объяснить историю XX в. или хотя бы второй его половины. Его вульгарная интерпретация, до сих пор присущая советскому обществоведению, в лучшем случае ориентирует на глубокомысленно-отвлеченное изучение «диалектики прогресса и регресса». Необходим не просто «мировой контекст», а комплексный и системный анализ мировой цивилизации и ее развития. Появление авторитарных режимов в Восточной Европе — не изолированный процесс, порожденный внутренними причинами (или потребностями) этих стран, не результат «имперских замыслов» сталинского ареопага. Это — проявление мировых тенденций, характерных для современной цивилизации. По мнению специалистов, история нашего столетия насчитывает 4—5 волн диктатур, прокатившихся по странам с различным уровнем развития, культуры, с различными национальными и политическими традициями. Восточноевропейский авторитаризм — лишь одно из звеньев этого глобального процесса, его уникальность тускнеет как только мы перестаем расцветивать его эмоциональной экзальтированностью и, увы, немного запоздалым гражданским пафосом. Кстати говоря, практически все восточноевропейские страны еще до сталинизма прошли через горнило диктатуры, новый авторитаризм для них стал своеобразным продолжением режимов, существовавших в этих странах прежде, так сказать, новой их формой.

Если не «выключать» Восточную Европу из мировой цивилизации, то можно предположить, что эволюция этих режимов и особенно их крушение связано с так называемым кризисом индустриальной цивилизации. Этот кризис обычно объясняют появлением глобальных проблем, исчерпанностью потенциала индустриального типа развития, но, по всей видимости, дело этим не ограничивается. Волны авторитаризма и тоталитаризма нынешнего столетия, поразительная склонность к ним как «левых», так и «правых» сил — это судороги умирающей индустриальной цивилизации и одновременно «муки родов» новой. Это попытка с помощью мощной государственной машины накинуть удавку на стихийные общественные (и прежде всего экономические) процессы, грубым и варварским способом, но с применением новейших средств, удовлетворить настоятельную потребность в общественном регулировании социальных процессов. Диктатура — попытка найти новый баланс между государством и гражданским обществом, соединить управление и самоуправление, реакция на то, что в современном обществе государство не может уже довольствоваться ролью «ночного сторожа». Там, где отсутствует солидный «задел» в виде демократических механизмов организации как государственной власти, так и гражданского общества, авторитаризм становится практически неизбежным вариантом.

Авторитаризм XX в. — с точки зрения мировой цивилизации — это способ изживания традиционной системы политической власти, основанной на классовом господстве. Последним актом ее существования должна была стать диктатура пролетариата. Неудачи, связанные с ее практическим осуществлением, это не свидетельство ущербности данной формы власти, а симптом исчерпанности самого традиционного типа «классовой» власти. В странах с укорененной демократией вопрос решался сравнительно легко, через ликвидацию классовых перегородок, интеграцию левых партий в политическую систему, ликвидацию избирательного ценза и распространение политических прав и свобод на всех граждан. Тем не менее будущее современной партийно-парламентской системы, учитывая кризисные явления, на которые указывают зарубежные специалисты, критическое отношение к ней населения и особенно молодежи, довольно проблематично.

В заключение скажу, что для исследования авторитаризма в русле мировых процессов, естественно, нужен и новый понятийный аппарат. Без него даже самые серьезные рассуждения неминуемо скатываются к традиционным пропагандистским схемам колониализма, раздела сфер влияния, сверхдержав и сателлитов и т. п., очевидная слабость которых — в игнорировании современных интеграционных процессов и тенденций глобализации.

О. Г. Мясников, кандидат философских наук (г. Макеевка)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СИМПОЗИУМ: «ЛЕВ ТРОЦКИЙ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ»

1990 год отмечен рядом значительных международных научных конференций, посвященных личности и политической деятельности Л. Д. Троцкого. В марте такая конференция прошла в Вуппертале (ФРГ), в апреле — в Лондоне, в августе — в Мексике, в доме, где был убит Троцкий; в сентябре местом проведения встречи историков стал даже город Сан-Паулу (Бразилия). Немаловажным звеном в цепи этих мероприятий явился научный симпозиум «Лев Троцкий пятьдесят лет спустя», проведенный в г. Абердин (Шотландия) 31 июля — 4 августа 1990 г.

Всплеск интереса зарубежных советологов к исторической фигуре Троцкого связан не только с печальным юбилеем — пятидесятилетием со дня его убийства агентом НКВД, но и с впервые появившейся возможностью сопоставить результаты своих исследований с выводами советских ученых, опирающихся в отличие от западных коллег не только на документы из личного архива Троцкого, но и на официальные партийные и государственные материалы. Симпозиум в Абердине стал, несмотря на свою «камерность» (около 40 участников, из них 10 — советские историки и экономисты), местом активного диалога ученых по теме, до сих пор являющейся одним из самых больших «белых пятен» советской истории.

Организатором симпозиума выступил Абердинский университет. Профессора исторического факультета Т. Бразерстоун и П. Дьюкс сделали все возможное для решения организационных вопросов и проведения дискуссий на высоком научном уровне. Нельзя не отметить и того вклада, который внесли в проведение симпозиума добровольные помощники — молодые люди, считающие себя последователями Троцкого. Вряд ли его сторонники (в основном вышедшие из волны молодежного протеста конца 60-х гг.) являются сколько-нибудь значимой политической силой, но они представляют особый социально-психологический коллектив, одно из многочисленных на Западе объединений по интересам. В полном соответствии с политической судьбой самого Троцкого эти кружки постоянно сотрясают серьезные политические баталии, сопровождающиеся расколами и объединениями. Отзвуки таких баталий можно было наблюдать и на симпозиуме в Абердине, но все же не они определяли его характер и ход.

Открывая симпозиум, Г. Д. Алексеева (Институт истории АН СССР) в своем докладе обратила особое внимание на неоднозначность вклада Л. Д. Троцкого в становление советской культуры. С одной стороны, титаническая работа по распространению знаний в самых широких массах, интересные идеи в теоретическом осмыслении духовной жизни народа, с другой — шаблоны классового анализа, выливавшиеся в воинствующий (подчас и в прямом смысле этого слова) атеизм, явная недооценка предшествовавшего социального опыта человечества. Троцкому не были чужды попытки административными методами решить набравшие вопросы преодоления культурной отсталости России, хотя он резко выступал против пролеткультовских экспериментов, называя некоторые из них вымученными фантазиями. В целом деятельность Троцкого в этой сфере была составной частью того гигантского социального опыта, который начался в России с победой Октябрьской революции.

Автор известной биографии Троцкого Пьер Бруйе (Франция) рассказал о последних находках в западных архивах, связанных с политической деятельностью самого Троцкого и его ближайших соратников. Так, Бруйе признал, что найдены бесспорные подтверждения работы антисталинской группы Рютина, «которую многие из нас считали легендой», и даже документы, свидетельствующие

щие о попытках Троцкого установить с нею контакты и оказать материальную помощь. Сложный процесс переоценки устоявшихся стереотипов, идущий в советской историографии, не должен оставлять безучастными западных исследователей. «В Советском Союзе история является полем политической борьбы, и мы должны поставлять для нее амуницию,— подчеркнул Бруйе. Он обратил внимание на тот социологический анализ, который дал Троцкий уже в эмиграции, исследуя становление сталинского самодержавия. «Сталинизм — это перманентная гражданская война против своего народа»,— отмечалось в одной из его работ.

Иной подход в отличие от считавшего себя троцкистом Бруйе продемонстрировал американский историк Р. В. Даниэльс. С позиций чисто академической объективности он подверг анализу концепцию революционного процесса Троцкого. Для Даниэльса речь идет не о соответствии или противостоянии ее реалиям времени (такой вопрос даже не ставится, он излишен в «деполитизированной» историографии), а о ее месте в системе большевистской идеологии. Троцкий создавал свою теорию «перманентной революции» уже в ходе революционных событий 1905 г., причем первоначально только для России, и лишь затем она получила международное звучание. Несмотря на острые споры Ленина и Троцкого в период между двумя российскими революциями по тактическим и внутрипартийным вопросам, партия большевиков в конечном счете приняла теорию перманентности революционного процесса, которая стала основой событий 1917 г. С точки зрения Даниэльса, немалую роль в победе взглядов Троцкого сыграли «традиции русского мессианства», своеобразно преломившиеся в претензии большевиков на представительство коренных интересов трудового народа.

В ходе внутрипартийных дебатов 1923—1927 г. теория «перманентной революции» стала для Троцкого и его соратников идеологическим оружием, при помощи которого они доказывали, что большинство ЦК ВКП(б) в отсутствие международной поддержки оказалось охваченным термидорианскими тенденциями. Ответом партийного руководства было конструирование жупела «троцкизма» и принятие теории «социализма в одной стране», призванной доказать независимость советского режима в России от судеб мировой революции. При этом, подчеркнул Даниэльс, «обе стороны оказались неспособны понять, что очевидная параллель с французским термидором в России заключалась в отрицании политики военного коммунизма и переходе к нэпу в 1921 г.»

В. П. Булдаков (Институт истории СССР) предпринял попытку психологического анализа личности Троцкого, который, по мнению выступавшего относился к «маргинальной среде леворадикальной интеллигенции в России».

Одним из поворотных пунктов в мировоззрении Троцкого, как доказал в своем докладе профессор университета в Глазго А. Ноув, стал переход к новой экономической политике. Главному организатору трудовармий и системы милитаризированных профсоюзов нелегко было возвращаться к товарно-денежному обмену, признанию многоукладности экономики. Однако Троцкий воспринял нэп «всерьез и надолго», о чем свидетельствовало его яркое выступление на XII съезде РКП(б). Ноув выступил против тезиса ряда советских историков о том, что Троцкий оставался противником новой экономической политики, а «Сталин был главным троцкистом».

С другой стороны, Ноув не согласен и с теми, кто считает переход к нэпу несовместимым с традиционной большевистской идеологией (А. С. Ципко, Л. М. Баткин). Ее трансформация представлялась многим из лидеров РКП(б) неизбежным временным злом, что породило во второй половине 20-х гг. острые внутрипартийные дебаты. Под влиянием Е. А. Преображенского Троцкий настаивал на поддержании неэквивалентного обмена между городом и деревней, видя в этом единственную возможность финансового обеспечения социалистической индустриализации и ограничения эксплуататорских притязаний кулачества. Здесь сказалось типичное для «левой оппозиции» недоверие к крестьянскому укладу хозяйствования, стремление административными мерами обеспечить «рывок к социализму». Вместе с тем Ноув подчеркнул и позитивные моменты в политэкономических взглядах «левой оппозиции», прежде всего отрицание хозяйственной автаркии Советской России, поддержку ее активного участия в международном разделении труда. В целом Троцкий, с точки зрения Ноува, являлся одним из наиболее последовательных большевиков, не только отстаивавшим, но и развивавшим ленинские взгляды.

Противоположное мнение высказал профессор М. Рейман (ФРГ). Троцкий никогда не чувствовал себя большевиком, несмотря на принадлежность после 1917 г. к высшим эшелонам партийного руководства. Именно поэтому он добровольно отказался от претензий на «ленинское наследство», в которых его подозревали Сталин, Каменев и Зиновьев. Влияние Троцкого было особо сильным не в структурах партийного аппарата, а в советских органах, где он выступал в качестве

«народного трибуна». Гражданская война укрепила авторитет Троцкого и дала ему в руки реальное орудие власти — армию. Но он не пожелал стать «российским Бонапартом».

Тем не менее узкий круг старых соратников Ленина, ощущая растущую конкуренцию Троцкого, подготовил и нанес превентивный удар. Речь идет о профсоюзной дискуссии накануне X съезда РКП(б), которую Рейман рассматривает как «государственный переворот Ленина и Зиновьева». Троцкому была навязана дискуссия по второстепенному вопросу, приведшая к тому, что он лишился большинства своих сторонников в новом составе Политбюро ЦК РКП(б). Стремясь уклониться от борьбы на X съезде партии, Троцкий, с точки зрения Реймана, упустил последний шанс вступить в борьбу за «ленинское наследство». Последующие попытки блока Ленина и Троцкого в 1922—1923 гг. (по национальному вопросу и по вопросу о монополии внешней торговли) уже ничего не меняли в расстановке сил внутри партийного руководства, в котором первую скрипку начинал играть сталинский секретариат.

Конфликт Сталина и Троцкого на ранних этапах был проанализирован в докладе З. Л. С е р е б р я к о в о й (Институт истории СССР). В годы гражданской войны в Реввоенсовете Южного фронта Сталин оказался рядом со сторонниками Троцкого — Г. Я. Сокольниковым и Л. П. Серебряковым. Впоследствии путем обмана и репрессий Сталин приписал себе все заслуги по организации наступления Южного фронта осенью 1919 г., даже не упомянув в «Кратком курсе истории ВКП(б)» выдающейся роли Троцкого и его политических соратников в годы гражданской войны.

Одной из малоизвестных страниц истории гражданской войны был посвящен доклад Н. С. Т а р к о в о й (ЦГАСА СССР) «Бронепоезд Троцкого». Председателю Реввоенсовета Республики удалось создать мобильный комплекс, включавший в себя как аппарат управления войсками, так и боевой отряд, агитвагон и вспомогательные службы. Благодаря высокой подвижности своего поезда, Троцкий появлялся в самых критических точках гражданской войны, оказывая необходимую помощь командирам Красной Армии. Персонал поезда носил особые знаки отличия, в его типографии выпускалась даже специальная газета, распространявшаяся по пути следования поезда среди местного населения. Первое исследование, посвященное боевому пути бронепоезда Троцкого, появилось в середине 20-х гг., но оно так и осталось лежать в архивах.

В годы гражданской войны теория «перманентной революции» получила агрессивные формы, отметил в своем докладе профессор Т. П и д д и к (США). Речь идет о «перманентной революционной войне», с которой связывало свои планы командование Красной Армии во время похода на Варшаву. Впоследствии Троцкому пришлось приложить немало усилий, чтобы приспособить свою теорию к условиям нового периода развития Советской России, ознаменовавшегося установлением дипломатических и торговых отношений с капиталистическим окружением.

Та или иная интерпретация взглядов Троцкого на мировой революционный процесс стала основой острых дебатов на пленарных заседаниях симпозиума не в последнюю очередь потому, что они и по сей день активно используются в идейном арсенале троцкистов. Можно говорить о достижении консенсуса в отказе от противопоставления «перманентной революции» и доктрины большевиков. А. И. Ч и к о в а н и (Московская высшая партийная школа) подчеркнул близость взглядов Ленина и Троцкого, находившихся в 1905 г. на левом крыле социал-демократии. Обоюдное признание ими необходимости международной поддержки для победы революции в России отнюдь не было проявлением капитулянтства, но выражало понимание взаимозависимости судеб российского и европейского пролетариата.

Вместе с тем уже тогда Ленина и Троцкого разделяли тактические разногласия в вопросе о роли крестьянства в революции и, следовательно, о социальном характере революционного правительства. Как доказал германский ученый У. Г е р м а н, значительную роль в формировании этих разногласий сыграла интерпретация опыта Великой французской революции. Если для Троцкого 1905 г. в России означал «пролетарский 1789 год», то для Ленина он был рабоче-крестьянским «1793 годом». Уже после победы Октября для каждого из них фатальным стало понятие «термидора», который и Ленин, и Троцкий оценивали в общем одинаково, как социальный реванш поверженных классов.

Тем не менее руководство РКП(б) пошло на риск «термидора», признав необходимость новой экономической политики. Участники симпозиума отмечали, что «антинэповские настроения» Троцкого — не что иное, как фальсификация сталинской историографии, а в действительности он сыграл значительную позитивную роль в формировании отдельных элементов нэпа. Так, спор Троцкого и Л. Б. Красина о формах внешней торговли отнюдь не закончился поражением первого, как

утверждали западная и советская историографии. А. Дж. Хей в уд (Великобритания) показал в своем докладе, что Красину и Троцкому удалось прийти к компромиссу, обусловившему серьезные успехи советской внешней торговли в начале 20-х гг. Признавая неизбежность международного разделения труда даже в ситуации раскола мира на две системы, Троцкий активно выступал за привлечение в Россию концессий из развитых стран Запада.

Болезнь Ленина и появление в Политбюро ЦК РКП(б) «тройки» Сталина, Зиновьева и Каменева открыли долгий период острой внутрипартийной борьбы, в которой Троцкий практически неизменно выступал в качестве обороняющейся и проигрывавшей стороны. Формы и методы борьбы «левой оппозиции» во главе с Троцким во второй половине 20-х гг. были показаны в докладе М. Куна (Венгрия). Опираясь на документы из архива Троцкого в Гарварде (США), а также на воспоминания переживших репрессии участников оппозиции, он представил картину возврата оппозиционеров к подпольной работе с засильем сталинского аппарата в партии.

Для координации действий создавались руководящие центры, куда входило по одному человеку от троцкистов и от зиновьевцев, существовала подпольная военная организация и даже «Красный крест большевиков-ленинцев», возглавлявшийся А. А. Иоффе. Уже в 1926 г. через А. И. Смирнова будущие «правые» в Политбюро сделали первые предложения представителям объединенной оппозиции о политическом блоке на антисталинской основе. Однако рыв взаимного недоверия оказались слишком глубоки, и признание того, что главный враг находится не справа или слева, а в самом центре партийного аппарата, пришлось слишком поздно и к Бухарину, и к Троцкому.

Лишь после того, как Сталин объявил открытую борьбу с «правым уклоном» и на VI конгрессе Коминтерна повел линию на дискредитацию Бухарина, последний увидел позитивные элементы в программе троцкистов. В докладе А. Ю. Ватлина (ИМЛ при ЦК КПСС) на основе переписки Троцкого и К. Б. Радека было показано, что и оппозиционеры осенью 1928 г. увидели реальную расстановку сил в Политбюро. Троцкий начал осторожный поиск блока с «правыми», однако было уже слишком поздно — Сталину удалось стимулировать процесс распада «левой оппозиции», лидеры которой находились к тому времени в ссылке. Готовясь к решающему сражению за единоличное лидерство в партии, он обезопасил свой левый фланг, проведя решение о высылке Троцкого за границу.

Это не остановило сопротивления сталинизму в рядах ВКП(б). По сообщению М. Куна, в конце 20-х гг. троцкистское движение было на подъеме, за ним шла молодежь, и только ужесточение репрессивных мер со стороны ГПУ позволило разбить его на отдельные незначительные группки. В сообщении Б. А. Старкова (АОН при ЦК КПСС) были приведены новые факты о деятельности антисталинского сопротивления в 30-е гг., контактах Троцкого с оппозиционерами, оставшимися в Советском Союзе. Группы Рютина, Сырцова-Ломинадзе, само существование которых долгое время рассматривалось как фальсификация карательных органов, активно разрабатывали планы «очищения большевизма» от деформаций, привнесенных в него единоличным господством Сталина над партией и страной.

Эмиграция Троцкого прервала его связи с политическими соратниками в Советском Союзе, однако он никогда не упускал из внимания идущих там политических процессов. Особый всплеск внимания Троцкого к ситуации в СССР вызвала нависшая над страной угроза фашистской интервенции. Анализ основных тенденций международной жизни, как подчеркнул С. А. Кудряшов (ИМЛ при ЦК КПСС), который был проделан Троцким в Мексике, оказался чрезвычайно точным. В то же время, критикуя внешнюю политику Сталина, Троцкий резко выступал против попыток отождествления политических режимов в Советском Союзе и Германии. Искренне желая победы СССР в грядущей мировой войне, Троцкий связывал именно с этим крушение сталинского режима. Здесь он оказался далек от реальности.

С концепцией Кудряшова, расценивающего взгляды Троцкого как «единственную революционную марксистскую платформу» в 1939—1940 гг., спорили другие участники симпозиума. Так, А. С. Кан (Швеция) на примере отношения Троцкого к судьбе малых народов Европы, прежде всего скандинавских стран, показал, что тот переоценивал классовые и не видел общенациональных задач, таких, как освобождение от нацистского господства, способных объединить буржуазию и пролетариат. «Догматический и экстремистский вариант ленинизма, исповедовавшийся Троцким, превратил его в новых условиях, созданных второй мировой войной, в политический анахронизм». В. Пирс (США) отметил, что выдвинутая Троцким концепция «революционного оборончества» являлась простым слепком со взглядов Ленина периода первой мировой войны и недооценивала качественно новую угрозу, которую нес народам Европы германский фашизм.

Важным узловым пунктом дискуссий в ходе симпозиума стал вопрос о восприятии идей Троцкого в СССР после того, как с его имени было снято «табу». Западные ученые троцкистской ориентации (Х. Тиктин, М. Кук, М. Кинг, К. Смит и ряд других) подчеркивали, что для современной политической элиты в Советском Союзе гораздо ближе идеи и личность Бухарина, а Троцкий со своей резкой критикой бюрократии и элитарности вряд ли будет в СССР «желанным гостем».

В подобных рассуждениях есть доля узкопартийного заступничества за Троцкого как одного из идейных вдохновителей современного леворадикального движения на Западе, но есть и зерна истины. Действительно, многие идеи Троцкого явно не вписываются в процессы, идущие сегодня в СССР, и вряд ли найдут достаточно массовую базу для того, чтобы массовое движение вновь обрело политическую силу. Х. Р. Хуттенбах (США) выразил сожаление по поводу того, что «как профессиональные ученые, так и круги интеллигенции демонстрируют недостаток воли и способности к интеграции для того, чтобы отвести Троцкому достойное место в пантеоне социалистических мыслителей прошлого». Заметим, в этой связи, что прошедшее пятидесятилетие со дня убийства Троцкого вызвало волну публикаций в советской прессе, отдающих должное теоретическому и политическому наследию Троцкого. Но все же лейтмотивом этих публикаций было признание того, что это наследие действительно принадлежит прошлому и должно стать объектом научных исследований, а не политических спекуляций.

Международный научный симпозиум в Абердине выявил многообразие подходов к изучению личности Троцкого как теоретика и политического деятеля. В его рамках был проведен «круглый стол» экономистов, где рассматривались политэкономические идеи Троцкого. Американские политологи выступили с рядом интересных докладов, освещающих политико-философские аспекты его теоретического наследия: «Между Гегелем и Хабермасом: политическая теория Льва Троцкого» (Р. В. Дэй), «В защиту терроризма: Троцкий и его критики» (Дж. Л. Клэйн). Симпозиум, как отметил в своем заключительном слове П. Дьюкс, стал одной из ступеней на пути к познанию великого социального эксперимента, полем которого стала послереволюционная Россия. И международная кооперация ученых из разных стран является залогом того, что наше прошлое будет избавлено от «белых пятен» и политизированных оценок. Ведь оно является общим достоянием, частью социального опыта всей цивилизации.

А. Ю. Ватлин

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ «КОМПЛЕКСНЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ»

С 13 по 19 февраля 1991 г. в Подмосковье проходила VI встреча специалистов в этой области. Она была подготовлена и проведена Институтом истории СССР АН СССР. Руководил работой заведующий группой по применению ЭВМ и математических методов в исторических исследованиях Ю. П. Бокарев. Наряду с сотрудниками Института истории СССР в ней приняли участие представители Института всеобщей истории, Института истории и археологии Уральского отделения АН СССР, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, институтов АН СССР и вузов Москвы, Минска, Днепропетровска, Баку, Костромы, Обнинска, Смоленска, Донецка, Арзамаса, Сыктывкара, Йошкар-Олы и других городов. Тезисы докладов представили и сотрудники ряда университетов США.

На пленарном заседании с докладами выступили Л. И. Бородкин, и М. А. Свищев (о моделировании процесса дифференциации крестьянства в 20-х гг.), Т. И. Славко (проблемы создания банка данных по развитию Урала), Ю. П. Бокарев (об иностранных капиталовложениях в России в конце XIX — начале XX в.), О. Г. Буховец (о новых методах анализа крестьянского движения).

Работали секции историографии и методики, социально-экономической, социально-политической истории, историко-культурных исследований, моделирования исторических явлений и процессов, создания баз данных в историческом исследовании, нарративных источников. Работа

секций отразила широкий временной спектр исследований (с XVIII в. до новейшего времени), большое разнообразие тематики. В докладах прозвучали новые оценки некоторых исторических явлений и процессов: объемы иностранных капиталовложений в России (Ю. П. Бокарев), характеристика военных поселений первой половины XIX в. (Т. Н. Кандаурова), конкуренция США и России на европейском рынке в конце XIX — начале XX в. (Т. Ф. Изместьева), развитие украинского крестьянства (Ю. А. Святец) и динамика социальной структуры городов Украины в годы нэпа (В. В. Подгаецкий) и др. На совещании выступила большая группа уральских историков с докладами об осуществлении грандиозного проекта по созданию банка машиночитаемых данных по истории Урала (динамика социальной структуры общества, демографические процессы, развитие рынка, история церкви, семьи, коллективизация и др.)

Многие доклады продемонстрировали оригинальные методы исследования: марковские цепи для моделирования социальной мобильности (Л. И. Бородкин, М. А. Свищев), верификация сущностно-содержательной модели арендных отношений в России с помощью корреляционного и факторного анализа (Т. Л. Моисеенко), новые методы автоматической классификации для изучения структуры централизованного распределения товаров и продовольствия в 30-е гг. (Е. А. Осокина), моделирование политического спектра России в 1917 г. (В. В. Лазарев), методы изучения передачи межпоколенной информации (С. П. Поляков) и др.

Дискуссиями по теоретико-методологическим вопросам была отмечена работа секций моделирования и баз данных в историческом исследовании. В центре внимания были следующие проблемы: роль математических методов при моделировании альтернатив исторического развития, соотношение концептуальной модели и гипотезы, границы применимости имитационного моделирования в историческом познании. Дискутировалось само понимание базы данных, обсуждалась проблема отбора и сжатия информации при ее создании и т. п. Особенно остро вставал вопрос о совместимости баз данных, создаваемых по одной или смежным темам.

Работа совещания отразила потребность исследователей-историков, применяющих математические методы, в координации. Формами координации их деятельности могли бы стать, например, их объединения в рамках единой ассоциации с собственным Всесоюзным информационным изданием.

По итогам работы совещания планируется выпуск сборника тезисов докладов и сообщений.

Е. А. Осокина

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПОЛИТИКА

Этой теме была посвящена состоявшаяся 18—19 апреля 1991 г. в Ивановском государственном университете научно-теоретическая конференция. В ней приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Свердловска, Новосибирска, Петрозаводска, Волгограда, Ярославля, Владимира, Костромы, Витебска.

После краткого приветственного слова ректора ИвГУ В. Н. Латышева с докладом «Интеллигенция и политика» выступил заведующий кафедрой политической истории университета В. С. Меметов. Он подчеркнул особый интерес, проявляемый в обществе сегодня к истории взаимоотношений интеллигенции с властью, с ее политическими структурами на протяжении всего XX в. Одной из наиболее важных, по мнению докладчика, является проблема формирования интеллигенции. В результате ускоренной подготовки в 20—30-е гг. нового поколения интеллигенции, идеологизации всей жизни общества были разрушены учебные традиции и научные школы, нарушена интеллектуальная и нравственная преемственность. Докладчик заметил, что именно в эти годы окончательно сформировались остаточный принцип финансирования учреждений культуры и образования, технократический подход, количественные вместо качественных показатели при определении достижений высшей школы. Проводимая сегодня гуманитаризация высшего образования, как считает В. С. Меметов, должна максимально способствовать возрождению и развитию прогрессивных традиций отечественного образования, формированию таких черт интеллигенции, как гражданское мужество, демократия, подвижность, высокая общая культура.

В докладе В. Р. Веселова (Кострома) «Русская интеллигенция и революция» основное внимание было обращено на место и роль интеллигенции в период подготовки и осуществления революции в России. Автор отметил, что, размежевавшись по классовым интересам, возглавив политические партии и течения, враждующие друг с другом, русская интеллигенция не смогла предотвратить кровавый пожар гражданской войны. Призванная по всей своей начальной сути «сеять разумное, доброе, вечное», призывать к «чувствам добрым», она стала идеологическим аккумулятором энергии классовой борьбы и ненависти.

Большой интерес вызвал доклад А. А. Овсянникова (Москва) «Партийная интеллигенция и вождизм: некоторые исторические реалии послеоктябрьской России». Он раскрыл и показал процесс складывания вождистской идеологии в первые годы советской власти. Докладчик указал причины, по которым партийные лидеры стали основными проводниками и теоретиками вождистской идеологии и культа Ленина. В их числе — озабоченность нового руководства проблемой легитимизации власти, невысокий уровень восприятия обществом сути происходивших перемен, конформизм старой интеллигенции и ее собственные вождистские иллюзии и устремления. Для верхнего эшелона лидеров вождизм в определенной мере являлся силой в борьбе за власть. В культе Ленина руководители различных властных структур молодого советского общества искали оправдание собственным культам и культикам.

Рассмотрению роли интеллигенции в деятельности современных политических партий России посвятил свой доклад С. А. Засорин (Москва). По его мнению, перспектива превращения современных партий из верхушечных структур в массовые организации обусловлена необходимостью выражения ими определенных социальных интересов, при этом интересы интеллигенции не должны играть монопольную роль.

Оживленную дискуссию вызвал доклад Е. Ф. Кривошеенковой (Москва) «Л. Д. Троцкий о военных специалистах в Красной Армии». В нем был дан анализ различных точек зрения на современном советском «троцковедении», показано отношение Троцкого к использованию военной интеллигенции в строительстве Красной Армии, его роль в подготовке красных командиров, намечены основные направления дальнейшей разработки проблемы.

Обсуждение общей проблемы было продолжено на заседаниях секций: «Интеллигенция, революция, советская власть», «Интеллигенция и исторический процесс», «Интеллигенция и современность».

О вопросах формирования кадров партийно-советской печати первых лет советской власти говорил в своем выступлении А. Ф. Солдатов (г. Владимир). В сообщении В. В. Москвина (Москва) «Проблемы интеллигенции на страницах «Искры» было обращено внимание на то, что в период назревания революционного кризиса в России газета «Искра» уделяла значительное место проблемам жизни и деятельности интеллигенции, ее политической дифференциации, отношению к освободительному движению.

В докладе О. А. Хасбулатовой (г. Иваново) «Женская интеллигенция и политика» дана оценка участия женщин — представительниц интеллигенции в общественно-политической и государственной сфере, определены факторы, тормозящие продвижение этой категории женщин в органы государственной власти. На основе анализа процесса формирования политического сознания и поведения этой группы общества выявлены возможные пути включения ее в политику.

Г. Д. Сорокина (г. Иваново) затронула в своем выступлении проблемы жизни и деятельности интеллигенции в советском обществе, уделив главное внимание выяснению истоков стереотипных представлений о сущности интеллигенции, ее роли в обществе. Была поднята и проблема конформизма интеллигенции и причин его появления.

А. В. Кумбарг (Одесса) в сообщении «О роли интеллигенции в большевистской партии в 1917 году» предпринял попытку доказать, что история развития значительной части российской интеллигенции объективно вела ее в лагерь большевиков, что именно интеллигенции принадлежит важная роль в основании большевизма.

Е. М. Раскатова (г. Иваново) посвятила свое сообщение проблеме взаимоотношений КПСС и художественной интеллигенции в 70-е гг.

В сообщении В. В. Дрыночкина (Москва) был дан анализ трудностей и преград на пути развития учреждений народного образования в годы Великой Отечественной войны.

В сообщении Е. Л. Поцелуева (г. Иваново) речь шла о политике советского правительства в области подготовки специалистов среднего звена в 1941—1945 гг. Автор сделал ряд вы-

водов: политика СНК СССР была направлена на сохранение системы среднего специального образования, на создание нормальных, по меркам военного времени, условий для ее функционирования.

Большой интерес вызвало выступление Л и Ч у н ь л у н а (Китайская Народная Республика), стажера МГУ. Коснувшись проблемы участия Н. И. Бухарина в выработке партийно-государственной политики в области формирования интеллигенции, выступавший выделил два периода в эволюции его взглядов на проблему интеллигенции, которые совпадают с периодами «военного коммунизма» и нэпа.

Конференция способствовала новому осмыслению затронутых на ней проблем, вызвала живое обсуждение, плодотворные дискуссии по многим вопросам.

А. А. Данилов, В. С. Меметов, В. В. Москвин

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ИСТОРИЯ СССР» В 1991 ГОДУ

«Круглый стол» Советский Союз и страны Восточной Европы: эволюция и крушение политических режимов (Середина 40-х — конец 80-х гг. XX в.). № 1. С. 3—68.

Дискуссии и обсуждения

Б л и е в М. М. (Владикавказ) — О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России. № 6. С. 67—84.

Т а д е в о с я н Э. В. — Советский федерализм: теория, история, современность. № 6. С. 45—66.

Х о р о ш к е в и ч А. Л. — Опричнина и характер Русского государства в советской историографии 20-х — середины 50-х годов. № 6. С. 85—100.

К 50-летию начала

Великой Отечественной войны

В помощь преподавателям и студентам

История советского общества.

Краткий очерк (1917—1945 гг.):

Гл. 6: К у м а н е в Г. А. — В огне тяжелых испытаний (июнь 1941 — ноябрь 1942 г.). № 2. С. 3—31; От коренного перелома — к победе (ноябрь 1942 — сентябрь 1945 г.). № 3. С. 29—49.

М е л ь т ю х о в М. И. — 22 июня 1941 г.: цифры свидетельствуют. № 3. С. 16—28.

Я к у ш е в с к и й А. С. — Фактор внезапности в нападении Германии на СССР. № 3. С. 3—16.

А л е к с а н д р о в В. А. — Василий Осипович Ключевский (1841—1911). К 150-летию со дня рождения. № 5. С. 57—69.

Ч л е н - к о р р е с п о н д е н т . А Н У з С С С Р

А м и н о в а Р. Х. (Ташкент) — Из истории коллективизации в Узбекистане. № 4. С. 42—53.

А н а н ь и ч Б. В., Г а н е л и н Р. Ш. (Ленинград) — Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс. 1905 и 1917 годы. № 2. С. 96—106.

Б е з н и н М. А. (Вологда) — Крестьянская базарная торговля в Нечерноземье в 50-е — первой половине 60-х годов. № 1. С. 69—85.

В о л к о в И. М. — Засуха, голод 1946—1947 годов. № 4. С. 3—19.

В о л о б у е в О. В. (Москва), И л ь я - ш у к Г. И. (Минск) — Послеоктябрьский меньшевизм. № 2. С. 32—51.

Д у б е н ц о в Б. Б. (Ленинград) — Дискуссии о социально-политических взглядах П. Н. Ткачева в советской историографии 1920-х — начала 1930-х годов. № 3. С. 117—129.

Д ь я к о н о в а И. А. — Заработки шахтеров и нефтяников: влияние на исход трудовых конфликтов. № 5. С. 27—35.

Д я к и н В. С. (Ленинград) — Деньги для сельского хозяйства (Выбор пути экономического развития России. 1892—1914 гг.). № 3. С. 64—82.

З а в а л и ш и н А. Ю. (г. Ефремов) — Об истоках современных проблем народов Сибири и Дальнего Востока. № 3. С. 50—63.

К о б р и н В. Б., Ю р г а н о в А. Л. — Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы). № 4. С. 54—64.

А к а д е м и к К о в а л ь ч е н к о И. Д. — Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность). № 2. С. 52—72.

К о з л о в В. И. — Динамика населения СССР (Общий и этнодемографический обзор). № 5. С. 3—18.

К у ч к и н В. А. — Города Северо-Восточной Руси в XIII—XV веках (Крепость и посад; городское население). № 2. С. 73—84.

- Литвак Б. Г.—Реформы и революции в России. № 2. С. 85—96.
- Медушевский А. Н.—П. Н. Милуков: ученый и политик. № 4. С. 20—41.
- Мионов Б. Н. (Ленинград)—Влияние революции цен в России XVIII века на ее экономическое и социально-политическое развитие. № 1. С. 86—101.
- Нежинский Л. Н.—Внешняя политика Советского государства в 1917—1921 годах: курс на «мировую революцию» или на мирное сосуществование? № 6. С. 3—27.
- Осокина Е. А.—Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР). № 5. С. 18—26.
- Рабкина Н. А.—«Византизм» Константина Леонтьева. № 6. С. 28—44.
- Рудницкая Е. Л.—Петр Ткачев: русский бланкизм. № 3. С. 100—116.
- Соловьев В. М.—Актуальные вопросы изучения народных движений (Полемические заметки о крестьянских войнах в России). № 3. С. 130—145.
- Тюльпаков Б. М.—Топоним *Москва* в свете этнических процессов в западном Волго-Окском междуречье. № 5. С. 36—56.
- Тютюкин С. В.—Л. Д. Троцкий в годы первой российской революции. № 3. С. 83—99.
- Научная публицистика**
- Анфимов А. М.—Тень Столыпина над Россией. № 4. С. 112—121.
- Историография, источниковедение, методы исторического исследования.**
- Артизов А. Н.—Критика М. Н. Покровского и его школы (К истории вопроса). № 1. С. 102—120.
- Барг М. А.**—Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического исследования (Человеческое измерение). № 5. С. 70—86.
- Дашкевич Я. Р. (г. Львов)—Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси. № 4. С. 100—111.
- Заболотская К. А. (Кемерово)—Новые источники по истории современного рабочего движения (На материалах Кузбасса). № 4. С. 65—80.
- Литвак К. Б.—Политическая активность крестьянства в свете судебной статистики 1920-х годов. № 2. С. 129—142.
- Ювчиников Р. В.—Из наблюдений над источниками «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки» А. С. Пушкина. № 3. С. 146—157.
- Павленко Н. И.—Историческая наука в прошлом и настоящем (Некоторые размышления вслух). № 4. С. 81—99.
- Рянский Л. М. (Курск)—Движение крепостного населения в период кризиса феодализма в России (Опыт количественного анализа по данным Курской губернии). № 2. С. 142—150.
- Севастьянова А. А. (Ярославль)—Историография русской провинции второй половины XVIII века (К постановке проблемы). № 1. С. 134—142.
- Степанов В. Л.—Николай Христианович Бунге. № 1. С. 120—133.
- Шемякин Я. Г.—Проблема цивилизации в советской научной литературе 60—80-х годов. № 5. С. 86—103.
- Публикации**
- Из истории советского общества. 20—30-е годы*
- О работе К. С. Малевича и С. И. Бернштейна в Государственном институте истории искусств. Составители Бабаева Л. М., Горяева Т. М. № 6. С. 123—136.
- Американские солдаты в Сибири. Составитель Мальков В. Л. № 1. С. 161—169.
- Бовыкин В. И.—Французский капитал в акционерных предприятиях в России накануне Октября. № 4. С. 159—181.
- Из истории троцкистской оппозиции в СССР. Листовки 1929 года. Составитель Карпачев С. П. № 5. С. 104—120.
- Материалы Революционного трибунала по делу провокатора Малиновского. Составители Каптелов Б. Н., Розенталь И. С., Шелохаев В. В. № 1. С. 169—182; № 2. С. 151—160; № 3. С. 158—170; № 4. С. 122—137; № 5. С. 120—133; № 6. С. 137—151.
- Москва в военная. 1941 год... (Новые источники из секретных архивных фондов). Составитель Григорьев Р. Г. № 6. С. 101—122.
- «Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений...» Л. Берия — И. Сталину. Составитель Бугай Н. Ф. № 1. С. 143—160.
- Центральный комитет «Союза 17 октября» в 1905—1907 годах. Документы и материалы. Составители Шелохаев В. В., Павлов Д. Б. № 2. С. 160—171; № 3. С. 170—181; № 4. С. 137—158; № 5. С. 134—150; № 6. С. 152—167.
- Сообщения**
- Бугай Н. Ф.—40-е годы: «автономию немцев Поволжья ликвидировать...» № 2. С. 172—180.
- Земсков В. Н.—Заклученные, спецпоселенцы, ссыльные, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект). № 5. С. 151—165.
- Лаврентьев А. В.—К истории создания училища в московской Бронной слободе в XVII веке. № 3. С. 191—199.

- Член-корреспондент АН СССР Писарев Ю. А.— Российский посланник в Сербии Н. Г. Гартвиг (1909—1914 гг.). № 3. С. 182—190.
- Польский М. П.— «Базовая человеческая потребность» (О продовольственной проблеме в СССР). № 4. С. 182—197.
- Шорников П. М. (Кишинев) — Спротивление политике запрета русского языка в годы фашистской оккупации Молдавии. (1941—1944 гг.). № 5. С. 166—170.
- Якупов Н. М. (Одесса) — Сталин и Красная Армия (Архивные находки). № 5. С. 170—175.

Критика и библиография

- Авраменко А. М. (Харьков), Китанина Т. М. (Ленинград) — В. Н. Ратушняк. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX — начале XX века (К проблеме развития аграрного капитализма). № 3. С. 203—205.
- Беспятых Ю. Н. (Ленинград) — Английский язык Джерома Горсея и русские реалии. № 2. С. 188—192.
- Волк С. С.— Ю. Н. Емельянов. П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения; Ф. М. Лурье. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. № 5. С. 176—178.
- Голикова Н. Б.— Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717—1750 гг. № 6. С. 178—182.
- Гринёв А. В. (Барнаул) — Н. Н. Болховитинов. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834—1867. № 3. С. 205—208.
- Гросул В. Я.— Россия и болгарское национально-освободительное движение. 1856—1876. Документы и материалы. Т. 1. Ч. 1: Февраль 1856 — декабрь 1860; Ч. 2: Январь 1861 — декабрь 1863. № 1. С. 199—201.
- Гусев К. В.— Г. А. Герасименко. Земское самоуправление в России. № 1. С. 186—190.
- Дьяконова И. А.— А. М. Соловьева. Промышленная революция в России в XIX в. № 2. С. 192—194.
- Дякин В. С. (Ленинград) — И. В. Алексеева. Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914—1917. № 1. С. 190—192.
- Ермолаев И. П., Мустафина Д. А. (Казань) — История Урала с древнейших времен до 1861 г. № 2. С. 196—199.
- Зеленин И. Е.— Г. Е. Корнилов. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.); В. П. Мотревич. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. № 6. С. 168—172.
- Киняпина Н. С.— Г. А. Хидоятов. Моя родная история. № 5. С. 183—185.
- Корелин А. П.— Ю. Б. Соловьев. Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. № 5. С. 179—182.
- Леонов М. И. (Самара) — Д. Б. Павлов.

- Эсеры-максималисты в первой российской революции. № 6. С. 172—175.
- Орешкова С. Ф.— Андрей Лызлов. Скифская история. № 5. С. 185—189.
- Петров Ф. А.— Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. № 2. С. 194—196.
- Роголина Н. Л.— Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917—1922. Документы и материалы. № 3. С. 200—203.
- Свищев М. А.— Еще один взгляд на нэп. № 2. С. 181—187.
- Скрынников Р. Г. (Ленинград) — Ю. Г. Алексеев. Освобождение Руси от ордынского ига. № 3. С. 208—211.
- Федоров В. А.— Т. С. Мамсик. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века. № 1. С. 201—205.
- Чупров В. И. (Сыктывкар) — А. П. Прусс. Историография крестьянского движения в пореформенной России. № 6. С. 175—178.
- Шанский Д. Н.— Н. И. Павленко. Петр Великий. № 6. С. 182—187.
- Шарапов Ю. П.— Дмитрий Шелестов. Время Алексея Рыкова: эскиз политического портрета. № 1. С. 183—186.
- Шигабудинов М. Ш. (Махачкала) — И. М. Пушкарева. Рабочее движение в России в период реакции 1907—1910 гг. № 1. С. 192—195.
- Эймонтова Р. Г.— В. Г. Чернуха. Правительственная политика в отношении печати. 60—70-е годы XIX века. № 1. С. 195—198.

История СССР за рубежом

Психоаналитическое движение в исторической науке

- Помпер Ф. (США) — Троцкий и Мартов. № 5. С. 192—203.
- Шестопад Е. Б.— Р. Такер. Сталин у власти. Революция сверху, 1928—1941. № 5. С. 204—207.
- Аделман Д. Р. (США) — Россия и Германия в мировых войнах. № 3. С. 212—219.
- Быстрова И. В.— Хироаки Куромиа. Сталинская индустриальная революция. Политика и рабочие. 1928—1932 гг. № 5. С. 207—211.
- Глазырина Г. В.— Начальный этап русско-скандинавских отношений. Оценка норвежского ученого. № 1. С. 213—217.
- Девис Р. У. (Великобритания) — Советская экономика в период кризиса. 1930—1933 годы. № 4. С. 198—210.
- Дьяконова И. А.— Становление трех российских революционеров. Голоса из меньшевистского прошлого. № 1. С. 210—213.
- Дьяконова И. А.— Исследования по истории российского империализма (Экономика и политика царской России). № 4. С. 210—213.

- Клосс Б. М.— Древнерусские Киевская и Галицко-Волынская летописи. Острожский (Хлебниковский) и Четвертинский (Погодинский) списки. № 6. С. 201—203.
- Линд Дж. (Дания)— Почитание скандинавских святых на Руси и датско-русские отношения XII века. № 6. С. 188—198.
- Первухина К. М.— История Октябрьской революции в англоязычной литературе конца 70—80-х годов. Основные проблемы. № 3. С. 220—228.
- Сахаров А. А.— Жанет Вайан, Джон Ричардс II. От России к СССР. Повествовательная и документальная история. № 1. С. 206—210.
- Селунская Н. Б.— Приглашение к диалогу (О книге Д. Гайера «Российский империализм. Взаимосвязь внутренней и внешней политики. 1860—1914»). № 3. С. 228—231.
- Слепнев И. Н.— Д. Мейси. Правительство и крестьянство в России, 1861—1906: предпосылки столыпинских реформ. № 6. С. 198—201.
- Уортман Р. (США)— Николай II и образ самодержавия. № 2. С. 119—128.
- Фриз Г. Л. (США)— Церковь, религия и политическая культура на закате старой России. № 2. С. 107—119.
- Щапов Я. Н.— Павел Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. № 6. С. 203—204.

Письма в редакцию

- Безбережьев С. В. (Петрозаводск)— Русские мasons и Борис Савинков. № 2. С. 200—201.
- Малышева И. А. (Хабаровск)— Об одной ошибке. № 1. С. 218.

По следам наших выступлений

- «Советский Союз и Восточная Европа»: отклики (Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.— Москва; Мясников О. Г.— г. Макеевка). № 6. С. 205—210.

Научная жизнь

В Институте истории СССР АН СССР

- Тарле Г. Я.— 90-летие Э. Б. Генкиной. № 5. С. 215—217.
- Беседа с японским историком. № 1. С. 219—221.
- Ватлин А. Ю.— Симпозиум: «Лев Троцкий пятьдесят лет спустя». № 6. С. 211—215.
- Данилов А. А., Меметов В. С. (г. Иваново), Москвин В. В. (Москва)— Интеллигенция и политика. № 6. С. 216—218.
- Кириченко О. А.— Исторический опыт и видение демократии. № 4. С. 214—221.
- Колоницкий Б. И. (Ленинград)— Международный colloquium «Рабочий класс и революционные ситуации в начале XX века». № 5. С. 212—215.
- Медушевский А. Н.— Российский абсолютизм и его крушение. «Чтения» памяти А. Я. Авреха (1915—1988). № 3. С. 235—237.
- Осокина Е. А.— Всесоюзное совещание «Комплексные методы в исторических исследованиях». № 6. С. 215—216.
- Трубинова Т. С.— В Отделении истории АН СССР. № 3. С. 232—234.
- Чирков С. В.— 40-летие научного студенческого кружка. № 2. С. 202—203.
- «Чтения» памяти А. А. Зиминой. № 5. С. 217—219.
- «Чтения» памяти А. Л. Станиславского. № 5. С. 219—220.
- Шишкина Н. А.— Создано Общество архивистов СССР. № 3. С. 234—235.
- Памяти Б. Б. Пиотровского. № 2. С. 204—205.
- Поляков Ю. А.— Памяти И. И. Минца. № 5. С. 221.

СОДЕРЖАНИЕ

- Нежинский Л. Н.**— Внешняя политика Советского государства в 1917—1921 годах: курс на «мировую революцию» или на мирное сосуществование? 3
Рабкина Н. А.— «Византизм» Константина Леонтьева 28

Дискуссии и обсуждения

- Тадевосян Э. В.**— Советский федерализм: теория, история, современность 45
Блиев М. М. (Владикавказ) — О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России 67
Хорошкевич А. Л.— Опричнина и характер Русского государства в советской историографии 20-х — середины 50-х годов 85

Публикации

- Москва военная. 1941 год...** (Новые источники из секретных архивных фондов). Составитель Григорьев Р. Г. 101

Из истории советского общества. 20—30-е годы

- О работе** К. С. Малевича и С. И. Бернштейна в Государственном институте истории искусств. Составители Бабаева Л. М., Горяева Т. М. 123
Материалы Революционного трибунала по делу провокатора Малиновского. Окончание. **Центральный комитет «Союза 17 октября»** в 1905—1907 годах. Документы и материалы. Продолжение 137
152

Критика и библиография

- Зеленин И. Е.**— Г. Е. Корнилов. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.); В. П. Мотревич. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны 168
Леонов М. И. (Самара) — Д. Б. Павлов. Эсеры-максималисты в первой российской революции 172
Чупров В. И. (Сыктывкар) — А. П. Прусс. Историография крестьянского движения в предреформенной России 175
Голикова Н. Б.— Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717—1750 гг. 178
Шаиский Д. Н.— Н. И. Павленко. Петр Великий 182

История СССР за рубежом

- Линд Дж.** (Дания). — Почитание скандинавских святых на Руси и датско-русские отношения XII века 188
Слепнев И. Н.— Д. Мейси. Правительство и крестьянство в России. 1861—1906: предпосылки столыпинских реформ 198
Клосс Б. М.— Древнерусские Киевская и Галицко-Волынская летописи. Острожский (Хлебниковский) и Четвертинский (Погодинский) списки 201
Щапов Я. Н.— Павел Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви 203

По следам наших выступлений

- «**Советский Союз и Восточная Европа**»: отклики (Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.— Москва; Мясников О. Г.—г. Макеево) 205

Научная жизнь

Ватлин А. Ю.— Симпозиум: «Лев Троцкий пятьдесят лет спустя»	211
Осокина Е. А. — Всесоюзное совещание «Комплексные методы в исторических исследованиях»	215
Данилов А. А., Меметов В. С. (г. Иваново), Москвин В. В. (Москва) — Интеллигенция и политика	216
Указатель материалов, опубликованных в журнале в 1991 году	218

CONTENTS

Nezhinsky L. N.— Foreign Policy of the Soviet State in 1917—1921: Steering toward «World Revolution» or Peaceful Coexistence?	3
Rabkina N. A.— Konstantin Leontiev's «Byzantinism»	28

Discussions and Debates

Tadevosyan E. V.— Soviet Federalism: Theory, History, Current Problems	45
Bliev M. M. (Vladikavkaz) — Some Problems of Caucasian Peoples' Joining Russia	67
Khoroshkevich A. L.— Oprichnina and the Nature of the Russian State in Soviet Historiography from the 20's to the 50's	85

Publications

Wartime Moscow, 1941 (new sources from secret archives). Compiled by Grigoryev R. G.	101
<i>From History of Soviet Society in the 20-30's</i>	
On K. S. Malevich and S. I. Bernstein's Work in the State Institute for History of Arts. Compiled by Babaeva L. M., Goryaeva T. M.	123
The Revolutionary Tribunal's Materials on the Case of Provocateur Malinovsky. The End. The Central Committee of the «Union of October, 17» in 1905—1907. Documents and Materials. Cont. from No. 2	137
	152

Book Reviews and Bibliography

Zelenin I. Ye.— G. Ye. Kornilov. The Urals Village During the Great Patriotic War (1941—1945); V. P. Motrevich. The Urals Collective Farms During the Great Patriotic War	168
Leonov M. I. (Samara) — D. B. Pavlov. The SR-Maximalists in the First Russian Revolution.	172
Chuprov V. I. (Syktyvkar) — A. P. Pruss. Historiography of Peasant Movement in Post-Reform Russia	175
Golikova N. B.— Vasilii Nikitich Tatishchev. Notes. Letters. 1717—1750.	178
Shansky D. N.— N. I. Pavlenko. Peter the Great	182

History of the USSR in Foreign Studies

Lind J. Worshipping Scandinavian Saints in Russia and Danish-Russian Relations in the 12th Century	188
Slepnev I. N.— Macey D. Government and Peasant in Russia, 1861—1906: the Pre-History of the Stolypin Reforms	198
Kloss B. M.— The Old Rus' Kievan and Galician-Volynian Chronicles: the Ostroz'kyj (Xlebnikov) and Cetvertyns'kyj (Pogodin) Codices	201
Shchapov Ya. N.— Pavel Stroev. Verzeichnisse der Hierarchen und Vorsteher der Klöster der Russischen Kirche	203

After Our Publications

«The Soviet Union and Eastern Europe»: Responses (Murashko G. P., Noskova A. F.— Moscow; Myasnikov O. G.— Makeevka) 205

Academic Life

Vatlin A. Yu.— The Symposium «Leon Trotsky Fifty Years After» 211

Osokina Ye. A.— The All-Union Conference «Complex Methods of Historical Research» 215

Danilov A. A., Memetov V. S. (Ivanovo), Moskvin V. V. (Moscow) — Intellectuals and Politics 216

Index of Materials Published in 1991 218

РЕДАКЦИЯ:

- Секиринский С. С. — Отдел истории СССР советского периода
Петров Ю. А. — Отдел истории СССР периода капитализма
Швейковская Е. Н. — Отдел истории СССР периода феодализма
Костина Р. В. — Отдел истории народов СССР
Елисеева Н. В. — Отдел историографии, источниковедения, методов исторического исследования
Юрасовский А. В. — Отдел истории СССР за рубежом
Польский М. П. — Отдел критики и библиографии
Полторацкая Л. Н. — Старший литературный сотрудник
Новикова М. А. — Заведующая редакцией
Шляхтина М. В. — Младший редактор

ПОПРАВКИ

В номере 4 за 1991 г. допущены опечатки:

С. 83, 3-я строка сверху следует читать — **И. Н. Болтин**;

С. 94, 3-я строка снизу — **сколь болезненно оно реагирует**

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 06.08.91. Подписано к печати 16.10.91. Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печ. л. 18,2. Усл. кр.-отт. 440,5 тыс. Уч.-изд. л. 26,0. Бум. л. 7,0
Тираж 23 890 экз. Зак. 1804 Цена 2 р. 10 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19, тел. 123-90-61
2-я типография издательства «Наука», 121099, Шубинский пер., 6